Михаил Иванович Смирнов

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Михаил Иванович

СМИРНОВ

Собрание сочинений

В двадцати двух томах

Москва
2020

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Михаил Иванович
СМИРНОВ

Том
двадцатый

Воспоминания

Москва
2020

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

ББК 00.000
УДК 00.000
С 50

Переславская краеведческая инициатива.

Редактор А. Ю. Фоменко.

Смирнов М. И.
С 50 Собрание сочинений: В 22 томах / М. И. Смирнов. — М.: ПКИ, 2020. — Т. 20: Воспоминания. — 324 с.

□

ББК 00.000
УДК 00.000

🄯 Свободно от ограничений.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

От редакции

Том посвящён биографическим статьям Михаила Ивановича Смирнова. Вначале идёт законченный очерк детства и дореволюционной жизни. За ним следует подробный рассказ о жизни Смирнова как историка, создателя Переславского музея и председателя Пезанпроба. Третья часть освещает работу в Загорском музее в 1937—1938 годах. Книгу завершает дневник 1941—42 годов.

(!) Воспоминания 1927, 1928, 1929 года даны по машинописи Панфилова и требуют проверки.

(!) Дневник с 1 декабря 1941 по 10 июля 1942 требует контрольной проверки по рукописи, возможны опечатки.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Хроника моей жизни

📖 Государственный архив Ярославской области. Фонд Р-913. Опись 1. Дело 2. С. 1—172.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Золотое время

Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток

Пушкин

В. И. Смирнову

Жизнь приветливо встретила меня беззаботным и счастливым детством. И самые ранние мои воспоминания радостные. Мне было четыре-пять лет, когда мать подарила мне к именинам нарядную курточку, связанную ею из цветной шерсти.

Что это был за великолепный костюм! У него были кармашки, куда можно было класть разные редкостные вещи — камешки, черепочки, пряники, конфеты, а главное, спереди красовались завязочки с кисточками.

Разумеется, надо было показаться людям в таком роскошном наряде. И вот я живо представляю себе, как иду садом к нашей соседке Татьяне Матвеевне, доброй и ласковой старушке. Быстро пробегаю мимо заветной яблони «кормилицы», мимо ягодных кустов и грядок и юркаю в лазейку садового частокола.

Я во владениях дьячка Петра Ивановича Товарова, выстроившего для матери за своим двором маленький домик.

Вбегаю в него и, понятно, вызываю взрыв похвал моей обнове. Хвалит Татьяна Матвеевна, хвалят и её две пожилые дочери. И даже пять-шесть мальчишек, учившихся у неё грамоте, прекратили свою громогласную долбёжку: «буки-аз ба, веди-аз ва» и также принялись осматривать меня в новом наряде.

Я принёс старушке кусок именинного пирога за её сказки. Обладая прекрасной памятью, она знала множество сказок, былин, песен. Я заслушивался ими, часто ходил к ней и потом, когда моя нарядная куртка уже потеряла свою свежесть и даже совсем истрепалась.

Впоследствии я много раз жалел, что она умерла, когда мне было лет восемь-девять, и она, настоящая фольклорная энциклопедия, не была использована для науки. Передавали мне, что Константин Никитич Тихонравов именно от неё записал «Овсей» и некоторые песни, напечатанные им во «Владимирском сборнике».* Но этого мало. Старушка была неистощима в своих рассказах и повествованиях.

**Тихонравов, К. Н.* Владимирский сборник / К. Н. Тихонравов. — М.: Университетская типография, 1857.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Свой талант она передала в некоторой степени своей дочери Лампее Ивановне. Та тоже обладала хорошей памятью и знала многое.

С ней у меня связано такое воспоминание, относящееся к тому же году, когда моя куртка ещё сияла своей свежестью. Я одет в ней, была уже зима, наша семья в зимовке. Мать моя сидит у стола и шьёт, на лавке у передней стены прядёт моя няня Авдотья Петрова, у двери шорничает работник Кузя «на верёвке пузо», починяя шлею и хомут. Лампея Ивановна прядёт на лавке рядом с матерью. А я вожусь около светца, стоявшего посередине избушки.

Наш светец заслуживает описания. Он имел не только два железных рожка, но при нём было ещё корыто с водой, куда падали с шипеньем уголья сгоревшей лучины. Корыто стояло на станке, между ножек которого была полочка для лучины. Для ребёнка это была большая приманка: можно было без конца играть лучинкой, зажигать её, макать в воду, валандаться в воде. И понятно, я почти не отходил от светца.

Может быть, чтобы отвлечь меня от него, или просто чтобы позабавить — Лампея Ивановна научила меня «проходке» и для этого начала петь «проходные песни». Вся моя проходка состояла в том, что я ходил от печки к светцу лицом и обратно к печке задом. Вначале мне это было интересно. Это было новое для меня. Все хвалили, как неподражаемо я «играю песни», а потом перестали обращать на меня внимание и занялись своими делами.

Лампея всё поёт, а я всё хожу и вдруг заревел. Оказывается, я устал — не мог прекратить «проходку», потому что «проходные песни» пелись без конца.

Отчётливо помню, как надо мной смеялись до слёз, что я не догаладся сесть, почувствовав усталость.

Мне стало стыдно, я сконфузился. Наша зимовка была с низким потолком и маленькими окошечками, стояла под общей крышей двора для скота. Единственная наружная стена на зиму обкладывалась соломой или, по-местному, «устраивалась загата», отчего и днём в избе был полумрак.

Переходили в неё на зиму потому, что держали трёх-четырёх коров, пару лошадей, овец, свиней, и чтобы удобнее давать им пойло, приготовлявшееся в зимовке в лоханях, и разносить их по двору — перекочёвывали сюда из летней просторной кухни, отделённой от зимовки дворовыми воротами.

Хозяйство вела моя мать при помощи няни и работника. Няня ходила за дровами, а работник за лошадьми. Была у нас значительная запашка и сенокосные угодья.

Отец не вмешивался в это и совершенно определённо не любил и даже ненавидел физический труд. Обычно по вечерам он сидел с книжкою в горнице или писал летопись церкви села Большой Бремболы, где он был священником, или составлял очередную проповедь.

На этой почве у него произошёл тяжёлый разлад с тестем Василием Алексеевичем Загорским, сдавшим ему своё место. Дедушка был труженик, содержавший свою семью земледельческим трудом в течение длинного ряда лет. Приход был небогатый, но земля довольно плодородная и из неё-то именно личным и наёмным трудом извлекал он небольшие доходы, давшие ему возможность обучить четверых сыновей во Владимирской духовной семинарии и выдать замуж трёх дочерей, разумеется, с приданым.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

На священнической усадьбе он завёл прекрасный фруктовый и ягодный сад, за которым ухаживал с большой любовью и знанием дела, пасеку, огород.

Свой хозяйственно устроенный дом со двором и разными службами: сараями, амбаром, погребом, овином, живым и мёртвым инвентарём он отдал в приданое за своей младшей дочерью Настасьей Васильевной — зятю, моему отцу Ивану Сергеевичу Смирнову. Старик, отличавшийся большой настойчивостью, думал пустить зятя по своей дороге и приучить к хозяйству. Первое время тот работал с ним, но затем не выдержал и поднял настоящий бунт против тестя, после чего был оставлен в покое.

Вся тяжесть хозяйственных забот легла на мать, пережившую в первые годы супружества много горьких минут, пока дедушка Загорский был жив.

Это обстоятельство создало в нашей семье два лагеря, или, точнее сказать, весь лагерь группировался около матери и состоял из нас, детей (я был старшим ребёнком, родился 15 сентября старого стиля 1868 года), няни и деда с бабушкой, а отец был один.

Он жил в отдельном мире своих интересов, возложив решительно все хозяйственные заботы на мать, никогда не брал в руки лопаты, косы, не умел запрячь лошадь и ничего не понимал в хозяйстве. Его тянула к себе книга. Он покупал в Переславле-Залесском в книжном ларьке, а потом в лавке Ивана Васильевича Быкова множество книг религиозного содержания. Тут были в изобилии «слова и речи» разных духовных ораторов, толкования на библию, описания монастырей, церквей и тому подобное. За чтением их он и проводил свои обширные досуги.

С течением времени стал прибегать от скуки к «чаше утешения» и в дальнейшем вошёл во вкус её настолько, что не мог жить без водки. Обладая слабой нервной системой и имея, видимо, наследственную склонность к алкоголизму (его отец, дьякон села Копнина Сергей Иванович, был алкоголик), он пошёл потом по избитой в духовенстве тропе, многих доводящей до гибели.

Но это было потом. А в золотые времена моего детства горизонт был чист.

Нас, детей, он любил, но как-то у него выходило это не так тепло и участливо. Мы чуждались его и с детства, под влиянием отзывов о его практической «никчёмности», привыкли считать ниже матери, умной и практичной женщины. Побаивались его вспышек гнева и не очень уважали.

Мать отличалась необычайной добротой и сердечностью. Окружала нас, своих детей, такой трогательной любовью и заботливостью, что к ней мы привязаны были всей душой. Всегда ровная, нежная, действовала на нас лаской и разумными мерами воздействия.

Один только раз применила она ко мне меру наказания.

Меня одолела страсть к печному делу, после того как печники сделали починку печи в нашем доме. Набрал я глины, замесил её и давай мастерить. Сначала строил маленькие печки, потом устроил одну большую с высокой трубой и решил испробовать её, как будет она топиться. Набрал палочек, щепочек, достал потихоньку фосфорных спичек (тогда других ещё не было) и зажёг свои дрова. Они потрескивают, весело идёт из трубы дымок, я с увлечением вожусь около новой своей затеи. Вдруг наша соседка подняла тревогу и побежала к моей матери.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Оказывается, я поставил своё сооружение слишком близко к сараю и дровам и мог произвести пожар. А время было жаркое, летнее.

За это был слегка постёган прутиком по тому месту, откуда ноги растут. И мне было не столь больно, сколько совестно.

Печное мастерство после этого было забыто навсегда. Да и без него было столько интересного и увлекательного в каждом времени года, а особенно летом.

Неисчерпаемый источник наслаждений находил я на нашей речке Вертлянке, протекавшей в глубоком овраге. В её бочагах водилась кое-какая рыбёшка. Наблюдал, как ловили её неводом или саком (намёткой). А сам по младости лет с сельскими ребятишками охотился на неё с корзинкой. В узких и мелких местах мы погружали корзинки в воду, пугали рыбу и иногда на своё детское счастье ловили вьюнов.

Стремглав несли в кувшине свой улов домой и пускали их в стеклянную банку. Меняли воду, и вьюны жили подолгу. Считалось, что они предуказывают погоду: когда лежат смирно на дне, погода без изменений, а когда беспокойно извиваются и плавают, надо ждать перемены. Это был наш барометр и аквариум.

Отец любил купаться и мы с ним часто ходили на Оськин бочаг с песчаным твёрдым дном. Одна половина его была мелкая, а другая глубокая, где отец погружался «с ручками», иначе сказать, тут вода покрывала рост взрослого человека. От нашего дома до места купанья было далеко. Проходили часть села, потом оврагом мимо Киселихи — большой въездной выемки в село, переходили дорожный мостик и по другому берегу реки попадали к Оськину бочагу.

Подрастая, бегал сюда с гурьбой своих сверстников, крестьянских ребят, с которыми играл в бабки, лапту, городки. Здесь мы купались до тех пор, пока не посинеешь. Выскакивали из воды, грелись нагишом на песчаных ямках прилегавшей горы, а затем снова барахтались в воде. Пределом купанья был Ильин день. После него не полагалось, ибо «олень ногу обмочил». Что это значило, мы не знали, не знаю этого и теперь, но твёрдо держались этого правила.

Точно так же считали «грехом» мочиться в воде. Вода — это «глаза матери-земли», как говорила мне моя нянька много раз, а ребятам их матери и бабушки.

Раз на Оськином бочаге я едва не утонул. Пришёл купаться один и постепенно с мелкого места пошёл на глубину. Вот уж вода покрыла мне подбородок, губы, а я всё иду, зажавши рот, и вдруг к своему ужасу ухнул с головой. Плавать не умел, но инстинктивно начал отталкиваться руками и к своему великому счастью вскоре выбрался на мель.

Это был хороший урок. С тех пор я стал осторожнее. И понятно, дома об этом ни гу-гу. А увеличил свои занятия в нашем обширном саду и усадьбе.

Тут было основное и самое привлекательное летом место. Чего только не было в нём. В верхней части (а сад был расположен на склоне горы, перегороженной рядом лип) обилие кустов смородины, крыжовника и малины, — в нижней — разные сорта яблоней, вишни и сливы, — по отрезу оврага — черёмухи и рябины. В качестве декоративных растений — бузина (почему-то

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

называвшаяся сумбук), акации, рассаженные то в виде круга, то порядками в линии.

И вот как только поспевали первые ягоды, так всё лето до самой осени мы, дети, лакомились то одними, то другими ягодами и фруктами, истребляя их в невероятных количествах. Добавьте к этому не сходивший со стола мёд, получавшийся со своей пасеки, и, разумеется, покупной сахар — и вы получите верное представление об обилии жизненных соков, выпавших на мою долю в детстве.

К этому нужно добавить обилие сливок, молока, масла, мяса. Всё это было своё, сытное, вкусное. Моя мать была мастерица печь сдобные пирожки, творожные тоболки (ватрушки), преснухи, сочни, блины.

Обед в то время обычно состоял из двух горячих кушаний, каши и какого-либо холодного — окрошки, студня, ботвиньи и так далее.

За стол садились в кухне все вместе и ели из одной чашки. Помню, раз нянька поставила на лавку жирные и горячие, как вар, щи со свининой, чтобы они простыли, пока ели холодное, а я, очевидно, сытый и без обеда, пошёл по заспинам обедавших на лавке и угодил ногой во щи. Ожёг её самым основательным образом. Обед прервали и мать навязала мне тёртого сырого картофеля к обожжённому месту и несколько раз потом меняла компресс.

Приходила осень. Надо было обуваться, босиком ходить уже нельзя. И я помню, как первый раз в жизни я пошёл с матерью «сушить овин». Он находился за оврагом. Снопы были уставлены в садиле — деревянном срубе, а под ним овинная яма — «подлаз», где горели толстые неколотые чураки дров. Близ костра стояло ведро с веником, которым мать брызгала потолок, чтобы он не загорелся от искры. Я, разумеется, помогал ей и в награду получил печёный тут же на теплине картофель. И без того он вкусен, а при такой обстановке вдвое.

Зимой салазки и катанье с горы. Портной сшил мне на дому суконный полушубок, отороченный кошачьим мехом. Грудь была расшита разноцветным узором. Чёрная барашковая шапка и красный кушак дополняли мой наряд. На ногах валенки, сработанные на дому тверскими шерстобитами.

Большая Брембола славится горами, поэтому катанье зимой было раздольное. Тут же около нашего дома можно было сесть в салазки и скользить вниз в овраг по летнему скотскому прогону. Но больше я любил кататься на другой стороне нашего порядка к колодцу, где дорога была наезженная, не такая крутая и более долгая. Тут можно было попасть под лошадь, поднимавшуюся в гору с чаном воды, так как дорога шла частью в выемке и имела закругление. Но как-то всё обходилось благополучно.

Точно так же и на самой Киселихе, где ребятишки, как муравьи, копошились целые дни. Одни стремглав неслись с горы, другие ползли в гору, таща за собой салазки или скамейки, подмороженные льдом на коровьем навозе.

Чрезвычайное оживление царило здесь на масленице. Каталась не только мелюзга, но заставляли кататься молодожёнов на том, на чём они сидят. Таков был старинный обычай.

В последний день «жгли масленицу» на противоположном берегу оврага на так называемой Сокольне. Я ходил глядеть, как ребята жгли солому, обёртывали ею колесо, поджигали его и оно стремглав огненным шаром слетало в овраг.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Забыл упомянуть, что накануне нового года они гурьбами ходили из дома в дом и пели «Овсей». Дальше Татьяны Матвеевны я с ними не ходил.

По насту, предвестнику весны, катался в любом месте родных оврагов. А с первыми снеговыми ручьями, минуйками, начиналась новая забава с водой. Река синела, дорога портилась и наконец наступало половодье, когда через тихую обычно Вертлянку опасно, а иногда невозможно было проехать из-за уноса мостика.

В момент наивысшего разлива говорили: «Прорвался Ратный пруд». Это казалось чем-то большим и грандиозным. А сам Ратный пруд, расположенный в верховье бокового овражка, небольшой водоём, принимавший в себя стаявшие с полей воды, особой роли не играл.

Так год за годом чередовались мои забавы, игры, огорчения и удовольствия. Я рос здоровым мальчиком. Перенёс корь в момент смерти и похорон моего деда Загорского. Хворал ещё чем-то, но всё это здоровый организм поборол без всякого почти лечения. Однако нужно сказать, что моя мать унаследовала от деда, проходившего в семинарии медицину, много полезных сведений по лечению от разных болезней.

Немалую роль играли в то же время культовые приёмы и приписанные им целебные следствия. Ходить я начал поздно, после года. И мать не раз рассказывала мне, что я стал ходить после её богомолья в переславском Никитском монастыре. Поехали туда с дедушкой. На обратном пути, когда вышли из тарантаса, я закричал: «Дедушка, я тебя догоню», — и смело пошёл. Молитва была услышана и Никита столпник, исцеливший, по житию, моего патрона Михаила князя Черниговского, оказал помощь и мне.

Вера в небесную помощь была в нашем доме неколебимой твердыней. Отец глубоко верил в пресловутую догму и не питал к ней никаких сомнений. Мать тоже. Учила нас молитвам и заставляла молиться утром и перед сном, перед обедом и после обеда. Посты соблюдались строго. В чистый понедельник и на страстной ели без масла. Хождение в церковь было обязательным.

Ежегодно летом всей семьёй ездили молиться к Троице. Запрягали в свой обширный тарантас лошадь, брали нас, ребят, с собой и неторопясь ехали по живописному шоссе с остановками в селе Новом и в Двориках.

В Новом ночевали у дяди Ивана Васильевича, старшего брата матери, служившего тут священником, а поутру отправлялись дальше. По дороге отец обычно купался в Дубне. К вечеру приезжали в Сергиев Посад. Останавливались в номерах, а иногда в соседнем селе Глинкове у дьячка,* приходившегося родственником моей матери.

Троице-Сергиева лавра ещё издали поражала своей знаменитой колокольней и цветными красками башен и стен. Но едва ли не более сильное впечатление производили игрушечные лавочки, облепившие монастырскую стену и полукруглой цепью спускавшиеся вниз к древней Пятницкой церкви. Всё хотелось иметь: и коня, и погремушки, сабли, барабаны и другие обольстительные вещи. Обходили множество лавчонок, торговались и уходили оттуда, нагружённые покупками.

В самой лавре тоже было хорошо, но очень долго тянулись службы. И вот во время одного из таких богомолений я убежал из Троицкого собора от родителей к себе в номер. Но так как он был заперт, то я решил

*Алексей Иванович Загорский, дядя матери и брат бабушки автора (смотри с. 28).

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

самостоятельно обследовать тянувшие меня к себе лавки с их сокровищами. Когда хватились меня и, разумеется, перепугались, я уже закончил осмотр и подходил к гостинице. Меня только пожурили и, в сущности, были рады, что я нашёлся.

В лавре иногда заходили к отцу Марку, какому-то родственнику матери. Это был дородный старик, упитанный и грубый. К своим родственникам он относился неприветливо и неровно. Раз были мы у него в Успенский пост и застали, как он ел цыплят. Долго он уверял отца с матерью, что делает это от нездоровья по приказанию доктора. Дорогой родители немало смеялись над этим обстоятельством.

В одну из поездок была куплена игрушечная модель Троице-Сергиевой лавры, бывшая долгое время моей любимой игрушкой.

Не помню, ездили ли мы на богомолье в свои переславские монастыри. Их было видно из окон нашего дома. Белели своими архитектурными массивами на самом горизонте женский Фёдоровский, ближе мужской Данилов, а за ним упразднённый Горицкий. Без сомнения, конечно, ездили, но это стёрлось из памяти.

Монахи, монахини, богомолки и странники у нас в доме бывали, ночевали. Отец очень любил их посещения и, не обращая внимание на неудовольствие матери, угощал их как гостей, некоторых и вином.

Эта среда и уклад нашей семейной жизни формировали моё мировоззрение в религиозном направлении. Я знал, что надо молиться и тогда бог поможет, а за грехи накажет. Выстаивал продолжительные церковные службы. Но, вспоминаю, они мне в конце концов стали скучны и я открыл, что во время их можно фантазировать и думать о другом. Начала бывать на исповеди лет с семи. Бегал с мальчишками на венчания в церковь. Особенно врезался в память обычай приносить на венчание деревянного селезня и утку, завёрнутых в расшитое полотенце. Мы старались рассмотреть, что скрывалось в них. И всегда там были хлеб, соль и пряники.

Раз попал я на крещение ребёнка. Это так мне понравилось, что когда кто-то из местных крестьян приглашал отца в кумовья, я предложил свои услуги. Но мне разрешили это только под тем условием, если я выучу наизусть «верую». С помощью отца я одолел эту задачу и на восьмом году стал крёстным отцом одного из своих земляков. «Дул» на дьявола, «плевал» и был страшно доволен своей ролью. Кажется, был на крестильном обеде.

В то время я уже довольно бойко читал по-русски и по-славянски. Учить меня начали, вероятно, году на шестом. Растрёпанная азбука, составленная по новой тогда методе обучения: а, бе, ве, ге — живо представляется мне лежащей на полу нашей горницы, мы с братом Сергеем оба уткнулись в неё, лёжа рядом, и громко читаем склады. Обучение письму также происходило в горнице, и вообще нужно сказать, что она по преимуществу была классной комнатой, вероятно, по тем соображениям, что здесь ребятам мешать было некому и во всяком случае меньше, чем в кухне или зимовке.

Наша горница отделялась от кухни холодными сенями и представляла собою просторное помещение, разделённое тесовыми перегородками на прихожую, собственно горницу (зал) и спальню. Меблирована она была покупками из соседнего барского дома: тремя зеркалами — одно овальное в золочёной раме, под ним овальный стол на одной толстой тумбе, два зеркала узкие высокие в рамах красного дерева с инкрустацией в стиле Жакоб, под ними два

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

стола на манер ломберных, крашеные масляной краской, стулья с мягкими сиденьями, диван. Над ним в золочёных круглых рамах портреты царей.

В переднем углу божница, обильно уставленная иконами, среди которых центральное место принадлежало фамильной святыне — иконе Смоленской божьей матери, с 1720 года находившейся в роду матери. Её с заветом хранения и воспрещением передачи принёс сюда инок Варлаам из Песоцкого Игрищенского монастыря, происходивший отсюда родом.

За перегородкой стоял большой буфетный шкаф со стёклами с обеих сторон. Поставленный поперёк спальни, он разделял её на две половины, в каждой по кровати. Над кроватью матери, где в детстве спал и я, висел в раме гравированный портрет графа Романа Илларионовича Воронцова, владимирского наместника. Здесь же в спальне стоял комод и сундук.

Все помещения обогревались одной голландской печью, обложенной изразцами с синими рисунками.

Ученье шло успешнее в ненастье или зимой, когда мать была свободнее от хозяйственных дел. Мы вместе с ней читали «Родное слово» Ушинского, под её руководством я исписывал тетради «палками», отдельными буквами и словами; она же научила меня начальному счёту.

В одну зиму я прогостил месяца два в селе Копнине у своего деда дьякона, где была земская школа. Ходил в эту школу каждый день, сидел за отдельной партой (было немало свободных), а учитель занимался со мной особо. На своей квартире я нередко был свидетелем, как пьяный дедушка, запертый в своём кабинете, буянил и ругал бабушку «могильной тупицей» и усердно барабанил в дверь кулаками, пока «хмель-богатырь» не закрывал его очи для сна.

Меня готовили по проторённой стезе в духовное училище. Окончательную отделку моей подготовки сделал дядя Михаил Васильевич Загорский, учитель Переславского духовного училища. У него в Переславле я прогостил несколько месяцев в зиму, предшествовавшую моему поступлению в училище, и недурно наторел в грамоте.

Это был год болгаро-турецкой войны. Мать готовила дома корпию для раненых их выношенного мягкого полотна, а на небе сверкала зловещая комета, как мне объяснили — вестница войны и бедствий. Мы с матерью подолгу глядели на неё из окна нашего дома. А на квартире дяди я перелистывал «Северную пчелу» с изображениями башибузуков и несчастных болгар. Разумеется, все мои симпатии были на стороне последних. Генерал Черняев, а потом Скобелев были моими героями.

Тогур.
21 декабря 1931 года — 5 марта 1932 года

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Традиционная стезя

Золотое детство, по существу, закончилось с момента подготовки в училище, а с поступлением в него определённо началась новая полоса продолжительного учения — на целые одиннадцать лет в отрыве от семьи, в условиях школьного режима.

В сущности, обучение в Переславском духовном училище, куда я довольно хорошо выдержал вступительный экзамен, не было резким отрывом от родного дома. Ко мне каждую субботу по базарным дням приезжала моя милая мама и привозила с собой домашнего печенья, гостинцев, бельё, давала немножко деньжонок, и я не чувствовал тяжести разлуки. К тому же в училище обучались мои двоюродные братья — Алексей и Николай Ивановичи Загорские, а учителем греческого языка был мой дядя, готовивший меня в училище; таким образом, были родственные связи, отчего мне не пришлось испытывать одиночества и заброшенности (как это было со многими моими сотоварищами). Да и свою родину — село Большую Бремболу — я мог видеть с училищного дворика каждый день. Ярче всего белела на горизонте сельская колокольня и церковь в обрамлении берёз и тополей, а ближе перед ней виднелась соломенная крыша нашего дома и спускавшийся по скату горы наш и соседний барский сад.

Училище находилось в Даниловом монастыре с монументальными каменными зданиями петровского времени, придававшими ему архитектурную величавость и групповую цельность. На нас, ребят, это действовало, пока не привыкли, импонирующе холодно и стеснительно. Это был какой-то другой мир — строгий и чинный по наружному виду, непохожий на наш домашний.

Здания училища в тоне остальных построек было двухэтажное с высокими сводами, толстыми стенами, довольно мрачное в первом этаже. Раньше, до устройства здесь «епаршей семинарии» в 1753 году это были больничные палаты, находившиеся в непосредственной связи со Всехсвятской церковью, а с закрытием семинарии в 1788 году возникло духовное училище, имевшее за собой, таким образом, вековую историю.

В нём учились мои отцы и деды, но прадеды, тоже грамотные и книжные люди, не испытали этого. Они обучались домашним способом у своих отцов. Мне удалось установить беспрерывную цепь грамотных поколений моих предков в Бремболе до половины XVII века. Дьячок Сенька расписался на духовной местного помещика Внукова. Нет ничего невероятного, что эта цепь может быть продолжена и ещё глубже, и «дьяк введённый» великого князя Василия Васильевича, сын брембольского дьякона, мог принадлежать сюда же.

Ближайшие мои деды и отцы учились в школе в суровое время бурсы с её латынью и поркой, но ко времени моего поступления эта помяловщина

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

была только воспоминанием. Однако постановка учебно-воспитательного дела в училище, которое считалось одним из лучших среди училищ Владимирской епархии, была суровой, казённой и формальной. По своей программе оно было общеобразовательной школой, имевшей расширенные курсы по священной истории, закону божию, в последнем классе проходили катехизис и богослужебный устав. В остальном с древними языками — латинским и греческим — всё напоминало первые классы гимназии. А приготовительный класс, куда я поступил, был не много больше, как выпускной группой земской начальной школы.

Сюда, в Данилов монастырь, мы приходили только учиться и в праздники к церковной службе в училищную Всехсвятскую церковь, а жили на частных квартирах, разбросанных по прилегавшим к монастырю слободкам и улицам города. Держали их вдовы-мещанки, предприимчивые хозяйки мелких кустарей, получавшие от этого небольшой заработок. В большинстве своём квартиры были убогие, тесные, грязноватые. Ученики жили в них группами человек по десяти и больше на своих харчах, привозимых от родителей. Квартирная хозяйка пекла для них хлеба, готовила обед и ужин, ставила самовар. За это получала грошовое вознаграждение деньгами копеек в 50—70 в месяц с человека.

Спали обычно на полу. У каждого был свой войлок и остальные принадлежности. На день убирали их в укромный уголок, а днём в той же комнате пили чай, обедали, вечером часов с 5 до 8 готовили уроки к следующему дню. В эти часы все должны быть на местах, гулять и уходить воспрещалось, старшие по очереди дежурили и вели специальный журнал о занятиях и поведении учеников. Журнал этот просматривался инспектором училища и смотрителем во время их обхода по квартирам.

Чаще бывал инспектор Михаил Павлович Цветков. Незлой и недалёкий человек, любитель выпить. Мальчишки побаивались несколько его, подтрунивали над ним и звали за глаза Миха-Па, а про фамилию были споры: одни уверяли, что он Уветров, так можно было прочитать его подпись в журнале, а знатоки дела защищали правильную линию, утверждая, что не всё так читается, как оно пишется.

Он был пешкой в руках смотрителя, своего рода местной знаменитости — Александра Ивановича Свирелина, сумевшего из городских священников выдвинуться в протоиереи и стать смотрителем духовного училища. По образованию он был семинарист, но во время службы в училище прошёл академический курс и получил звание кандидата богословия. Человек дельный и практический, он в то же время обладал склонностью к науке. Но вылилось это в сторону писания учебников по закону божию, печатанных братьями Салаевыми и приносивших ему приличный доход.

Он занимался археологическими и историческими темами местного характера, был членом Московского археологического общества, участвовал на съездах и читал доклады, которые печатались в «Трудах» археологических съездов. Но работы этого рода были малочисленны и не всегда удачны. Особенно печальна его «Номенклатура сёл», в которой он старался расшифровать местные топонимические названия из греческого и латинского языков: Алфёрово (от altus) — Высоково, Биберево (от bibere) — Питьёво и так далее. Статья была брошена недоконченной, очевидно, сам автор догадался, что пошёл по ложной дороге. Это не мешало ему слыть большим учёным (что

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

в те годы было очень легко, ибо кроме него в Переславле совсем не было склонных к науке людей) и пользоваться большой известностью.

По своему характеру, властному и деспотическому, он был тяжёлым человеком. Его боялись как огня. У меня от страху, когда пришёл он в первый раз на квартиру, вдруг так громко среди мёртвой тишины заворчало в животе, что я обмер от страху и тут же сказал вслух: «Это у меня». Встречаться с ним боялись. Не меньше учеников боялись его и учителя, которых он держал в ежовых рукавицах. Без милосердия выживал плохих учителей и сумел поставить училище в учебном отношении на должную высоту.

Свирелин заведовал училищем полстолетия и умер на своём посту глубоким стариком в первом десятилетии XX века. На его могиле дети воздвигли памятник белого мрамора с перечислением его учёных заслуг, но так как всё поместить тут не было возможности, то сделали ссылку на соответствующий том «Большой энциклопедии» Брокгауза и Ефрона, где это имелось полностью.*

Его сын был старше меня несколькими годами, учился в том же духовном училище и мы были с ним немного дружны, но никто из учеников не бывал у него на дому: страшно было. Да и вообще вся семья Свирелина жила отчуждённо, одиноко и недоступно, вела знакомство только с местной знатью. Как уверяли, от этого его многочисленные дочери и не вышли замуж все, две остались вековушами.

Нужно отдать ему справедливость: учебное дело в училище шло хорошо, постановка была деловая. Пройдя сам тяжёлую бурсацкую школу, он внёс в воспитательную сторону тот же страх, только без порки. Едва ли можно его осуждать за то, что не сумел поставить воспитание по-иному и внести сюда любовь и ласку. Везде было так, и в духовных училищах, и в семинариях, и в самых академиях. В последних, впрочем, было ещё хуже.

Помещение приготовительного класса, где я начал свою учёбу, была мрачная сводчатая зала в первом этаже здания, закоптелая и с окнами на восток. Мебель её состояла из длинных парт, поставленных спиной к свету в пять или шесть рядов. У западной глухой капитальной стены стол и стул для учителя и неизбежная классная доска. на подставке. Учителем был чахоточный студент семинарии, недурной человек, немного раздражительный, но в общем он относился к нам довольно хорошо. Это скрашивало первые шаги учения, корень которого, как известно, горек.

Учёба мне давалась легко, ибо подготовка была порядочная и, в сущности, можно было поступить прямо в первый класс. Меня посадили на второй парте, а задние скамьи занимали великорослые второгодники.

В один из октябрьских дней меня неожиданно вызвали из класса. В коридоре был мой отец, и что первое бросилось в глаза — почему-то в меховой шапке, но лёгкой рясе. Он принёс мне страшную весть, что прошлой ночью был пожар, уничтоживший дотла наш дом со двором, частью скота и почти всем имуществом. Разорение полное.

---

*Александр Иванович Свирелин родился в 1830 году. Закончил Владимирскую семинарию (1850), Московскую духовную академию (1864), кандидат богословия (1880). Учитель Переславского духовного училища (1851), смотритель его с 1866 года, протоиерей (1879). Умер 7 сентября 1906 года.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Ещё придя утром в училище, я и группа учеников обратили внимание, что в Бремболе дымит, но не сильно, в том именно конце, где наш дом. Я не придал этому значения. Выходил смотреть на это из учительской комнаты и мой дядя М. В. Загорский.

Теперь для меня стало ясно, что означал этот дым. Отец взял меня с собой и на месте нашего дома я увидел одно пепелище с углями и золой. До слёз жалко было мне его, и особенно остро кольнула в сердце обстановка, в которой я нашёл семью — убитую горем мать, малолетнего брата и сестрёнок, а также свою любимую няню Авдотью Петровну.

Временно они поместились в доме соседнего крестьянина, куда снесли кое-какое имущество, спасённое от огня, и ютились на чём попало.

Няня лежала на лавке с обожжёнными ногами и стонала от боли. Спасая скот из горящего двора, она получила сильные ожоги и долго хворала. Для нас, детей, она была членом семьи, такой же родной, как и родители. Она вынянчила мою мать, попав к нам от каких-то помещиков из села Воскресенского Волнина, прижилась и прожила до самой смерти.

Как все старые слуги, она близко принимала к сердцу интересы нашего дома и нередко ворчала на своих хозяев, особенно на отца за его бездеятельность или неумение хозяйствовать. Часто ей это спускалось, но временами отец выходил из себя, и я помню дикий случай, как он ударил её. Ответом на это был наш плач и общее отчуждение от него.

Свою няньку я любил больше него. В пожар сгорели её сарафаны. Это были последние, с конца семидесятых годов в Большой Бремболе их больше не носили. Сгорела и накопленная ею серия, всё её богатство, припрятанное где-то на чердаке в коробке.* Но она бросилась спасать не свой капитал, а хозяйское добро, несмотря на огонь и явную опасность погибнуть.

Оказывается, дом сгорел от поджога, произведённого нашими же крестьянами. Недалеко от нас жила семья Терентьевых, состоявшая из матери и трёх неженатых сыновей, славившихся на всю округу своими воровскими и разбойными похождениями. В сущности, это была воровская шайка, терроризировавшая местное население. Мелкие кражи на селе были постоянными, но случались временами разбои на Ветлянике, в глубоком овраге, через который проходит Юрьевский тракт. По ночам в базарные дни Терентьевы хоронились под мостом и обирали пьяных мужиков, а когда нечего было взять, то надругались. Снимали настил с моста, привязывали кушаком к бревну попавшегося им человека и снова накладывали мостовину. Несчастный вынужден был висеть над речкой под мостом, пока стоны и наставшее утро не освобождали его от пытки при появлении прохожих.

Мелкие кражи Терентьевы производили у нас ежегодно. Обычно ломали замок на погребе накануне Троицына или Ильина дня, местных храмовых праздников, в надежде поживиться праздничными запасами — мясом, рыбой, маслом. Это удавалось им постоянно. Но в исходе зимы, предшествовавшей поджогу, они ограбили наш хлебный амбар, откуда вывезли два воза хлеба. Дело разбиралось в окружном суде, а затем местные крестьяне вынесли приговор об исключении их из общества.

*Серия — краткосрочные билеты государственного казначейства, которые играли роль денежных знаков.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

В отместку за это на прощанье те учинили поджог. Зажгли соломенную крышу двора, а чтобы хозяева не вышли из дому, наружные двери припёрли кольями. Хорошо, что отцу не спалось. Проснулся он ночью и, глянув в окно, увидал сбоку странное освещение, разбудил мать и весь дом. Началась обычная в таких случаях суматоха, когда люди теряют голову. Что было ценное, забыли взять, а попавшую на глаза мелочь стали спасать через окна. Набежал народ, открыли двери, но дом, связанный одною крышей со двором, скоро запылал и таскать домашние вещи не пришлось. Во дворе погибли лошади, в том числе чужая одного из местных крестьян, за что пришлось потом выплачивать деньги, так как оставлена была на ночь для работы на другой день. В один миг мои родители оказались нищими.

Зиму прожили в крестьянском доме в большой нужде, так как всё надо было приобретать заново, начиная от ухвата и горшка до одежды и обуви. Совершенно неожиданную помощь оказали учителя и классные дамы московского сиротского Яковлевского института. Прочитав в газетах о нашем случае, прислали целый тюк белья. Были, разумеется, мелкие подарки и со стороны брембольских крестьян.*

Эта зима памятна мне следующими происшествиями. Сам я заболел в училище воспалением лёгкого и меня больного привезли в эту избу, где я прохворал недели две, лёжа на лавке. Едва успел выздороветь, как умерла бабушка Авдотья Ивановна Загорская, как говорили, с горя от гибели её родного гнезда. Она была грузная строгая старуха, не ладила с зятем в Бремболе и обычно жила у своего вдового сына, Евгения Васильевича Загорского, священника в селе Давыдовское Переславского уезда.

Уезжая с похорон, дядя взял к себе гостить моего брата Сергея, моложе меня на два года. Дядя был богатырь, силач. Рано овдовев, запивал горе водочкой и часто бывал под хмельком. В одну из поездок в гости он повёз с собой Серёжу, а на обратном пути, когда дядя был совершенно пьян, лошадь вывалила их из саней и оставила посреди снежной равнины вдали от жилья. Дядя не мог подняться на ноги и закутывал озябшего братишку в свою рясу. На счастье подвернулся какой-то добрый человек, довёз их до дому глубокой ночью и, не сказав своего имени, сдал на руки домашним.

После этого пришлось взять Серёжу домой и на масленице мы играли вместе с другим ребятами в клюшки. Игра кончилась тем, что я заехал ему своей клюшкой по верхней губе и рассёк её. Боясь огорчить своих родителей, мы оба, вернувшись в избу, смирненько сели за полог на кровати, чем вызвали подозрение. Дело тут же раскрылось, но никаких наказаний нам не было, кроме словесного выговора и замечания. У брата так и остался на этом месте шрам на всю жизнь.

Из приготовительного класса я легко перешёл в первый. Но тут со мной случилось вот что. Начались уроки латинского языка. Самый алфавит я усвоил легко, но мне несколько дней не давалось чтение. Я мучился и не мог ничего поделать. Вдруг за одним из уроков как будто какое-то озарение осенило меня и я зачитал латинский текст.

Со второго класса начинался греческий язык. Преподавал его мой дядя Михаил Васильевич, строгий учитель, и с ним шутить было нельзя. Вся

*Это был Николаевский женский или Яковлевский сиротский институт. (С. 59 или 21.)

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

школа учила уроки, чего не мог добиться учитель латинского языка Алексей Александрович Дилигенский. Подслеповатый, неряшливый, он не умел подойти к ученикам. Его не ставили ни во грош и учились плохо, в том числе и я.

Как-то раз вызывает меня дядя отвечать греческие вокабулы, спрашивает одно слово, что оно значит, потом другое, я всё отвечаю. А потом он указывает на единицу в журнале по латинскому языку и спрашивает тоже: «А это что значит?» И приказал вечером прийти к нему с латинской грамматикой. С тех пор я стал успевать и в ней, выровнял свои оценки.

Ежемесячно всем ученикам раздавались таблицы с отметками об успехах по пятибалльной системе. Получив раз таблицу с хорошими баллами, я решил, что я умный парень — и долго глядел в зеркало на свой лбишко, считая его большим и умным.

Иной раз вводила в сомнение арифметика. Не давалась она мне в некоторых отделах. Дроби, особенно простые, и всякие тройные правила нередко ставили меня в затруднение и я не всегда бойко решал задачи.

Русскую грамматику и синтаксис я знал недурно, а особенно знал и любил географию. Её преподавали в третьем и четвёртом классах. Отчётливое представление по этому предмету осталось потом на всю жизнь.

Из класса в класс я переходил без особых усилий в первом десятке учеников, а мой брат Сергей, поступивший сюда через два года после меня, учился лучше — всегда был первым учеником. Разумеется, мы жили вместе на одной квартире, где проходила не только большая часть дня, но и большая часть нашего воспитательного восприятия и формирования.

Предоставленные самим себе и сдерживаемые только страхом перед училищным начальством и учителями, за их глазами мы жили своей жизнью, впитывали в себя уроки мещанской среды, делились опытом друг с другом. От старших 15-летних учеников мы, почти что дети, просвещались такими знаниями, о которых не имели понятия в семье.

Моя наивность в половом отношении была безгранична. Заметя в первый раз, как, высунув языки, мучались две спаренные собаки на сельской улице, я с торжеством рапортовал в кухне нашего дома: «Папаша, мамаша, собаки склещились!» Это слово я услыхал в первый раз и хотел пригласить своих полюбоваться на невиданное мною зрелище. Но отец и мать так странно вдруг замолчали и ещё страннее посмотрели на меня, что я тут же выскочил обратно на улицу, чувствуя, что сделал какую-то нелепость. Но в чём дело, так и не знал до самого поступления в школу.

Не знал также, как и почему появлялись на свет мои братишки и сестрёнки. Обычно няня докладывала, что нашла в капустнике того или другого. Этих объяснений было вполне достаточно. Мне совсем не приходило в голову решать вопрос, как люди рождаются.

Школьная среда просветила в этом отношении самым основательным образом. В бане мальчишки, обычно старшие, достигшие половой зрелости или близкие к ней, иной раз проделывали настоящие непристойности, знали всё подробно (конечно, больше понаслышке) и сообщали это малышам. Разные случаи из уличной жизни давали им тему для похабных разговоров и сквернословья. Некоторые занимались известным мальчишеским пороком, имели порнографические карточки, читали нецензурные стихотворения. Нездоровая была атмосфера.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Соприкосновение с монахами затронуло другую сторону — мою детскую религиозность и богопочитание. Был такой случай. Мы собрались в монастырской усадьбе ко всенощной. В училищной церкви служба ещё не начиналась, а из Троицкого собора вышел послушник-пономарь, чтобы звонком дать сигнал к началу колокольного звона. Мы окружили его. Послушник был молод и навеселе. Дёргая верёвочкой звонок, он всё время сквернословил и богохульствовал по адресу не только всех святых, но и самого бога. Я остолбенел от ужаса. Мне казалось: вот сейчас его убьёт громом или с ним случится ещё худшее. Но последствий не было, и потом он снова разглагольствовал на антирелигиозные темы, каждый раз сопровождая свой разговор отчаянной матершиной.

Не знаю, под этим ли влиянием или попросту из удальства я перестал снимать шапку и креститься, когда мы утром гурьбой проходили мимо святых ворот Данилова монастыря, чтобы попасть в своё училище. За это я получил прозвище «турка». Одно время в нашем городе находились пленные турки (солдаты и офицеры), они долго занимали наше внимание как неверные и враги отечества.

Но такая настроенность не была постоянной. Отчётливо помню, как усердно я молился перед выпускными экзаменами в четвёртом классе. Вставал ежедневно в 6 часов утра, шёл к ранней обедне, прикладывался к мощам игумена Даниила и брал в карман кусочек освящённой ватки от его гробницы, что считалось очень полезным для просветления памяти на экзаменах.

Без надзора наших воспитателей оставалась и другая сторона — домашнее чтение. Мы могли читать что угодно, за этим никто не следил и не интересовался. Унаследовав, очевидно, от отца любовь к книгам, я часто забегал в ларёк Ивана Васильевича Быкова. Этот малограмотный мещанин торговал в гостином ряду дешёвыми книжками. Он был единственным торговцем этого рода в течение многих лет, и пока я ещё был в училище, он с ларька перебрался в лавку и вёл торговлю самым ходким товаром: издания братьев Салаевых, Думнова, Панафидина, книги духовного содержания и учебники. Покупая у него перья, карандаши и тетрадки, я частенько тратил пятаки на книжки. В моей библиотеке оказались «Бова-королевич», «Еруслан Лазаревич», «Битва русских с кабардинцами» и множество разных сказок. Увидя однажды в лавке «Робинзона», я отдал Быкову всю мою библиотеку книжек в 20—30 и увлекался приключениями англичанина настолько, что перечитал книжку несколько раз и фантазировал без конца по поводу его необычайной судьбы.

Училищная библиотека для учеников была ничтожная. «Семья и школа» была едва ли не единственными книгами, которые нам давали читать. Там я нашёл «Русского Робинзона», приключения одного мальчика, что ещё более развило во мне способности фантазировать и мечтать о путешествиях и подвигах.

Случайно попала к нам на квартиру книга Устрялова «История Петра Великого». Правда, тяжело было её одолеть, скучной казалась она после Робинзона, но я прочитал, и образ Петра вырос в моём воображении до могучего титана. Вообще же читал всё, что попадалось под руку, только книги духовного содержания избегал: их было слишком много у нас дома. Из них я выбирал описания монастырей и жития, но не любил разных поучений или толкований на священное писание. От дяди Михаила Васильевича Загорского

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

иногда перепадали мне иллюстрированные журналы «Нива». Но это обычно получал домой, когда уезжал на каникулы. Там на досуге среди сельского приволья и семейной обстановки находилось время не только смотреть картинки, но и читать повести.

Обычно нас отпускали домой четыре раза в году: на святки, масленицу, пасху и летом. Золотое это было время. Школьное ярмо оставалось где-то вдали, снова свободная беззаботная жизнь и приволье. Обычно за нами приезжала мама, забирала нас с братом и увозила к себе, чтобы кормить и растить на славу, окружая любовью и лаской каждого из нас; причём каждый думал, что он самый любимый.

В Бремболе оставался барский дом, сиротливо стоявший с заколоченными окнами в заброшенном ви́шневом саду с вековыми берёзами и липами. Это был последний остаток крепостного права в нашем разнопоместном селе. Первоначально финский посёлок, уже в IX веке ославяненный создателями великорусского племени, затем дворцовое село, в 1612 году Брембола отдана в поместье казацким атаманам, чтобы они перестали грабить и разорять страну. В результате — село, насчитывавшее немногим более сотни дворов, состояло из шести отдельных обществ, бывших вотчин, продолжавших называться по фамилиям прежних помещиков: осиповские, яновские, маловские. Наделы были разные: у одних достаточные, у других земли было мало. Помещичья земля оказалась под селом, а крестьянская за ней чересполосно. Пестрота и спутанность владений оставалась на века.

Из старого двухэтажного корпуса крестьяне построили на свой счёт церковный домик в две комнаты с капитальной стеной. Он был меньше прежнего: горница, кухня и скотный двор в одной связи. Стало теснее, семья выросла, но особого неудобства мы не замечали. Правда, зимой спали на полу в горнице, но это было не в диковинку; а летом обычно в сенном сарае на душистом сене.

Я стал чураться крестьянских ребят, перестал с ними дружить и играть. Полюбил рыбную ловлю и временами довольно удачно удил карасей на нашем пруде, расположенном вблизи Юрьевского тракта на церковной земле, или ловил их там вершей. Ходил с тою же целью в луга на реке Трубеж, но там удача случалась редко. Зато на коротковской речушке Мурмаж, где водились тучи пескарей, улов был несомненный; но добыча оттуда поступала в распоряжение наших кошек, ибо пескарную мелочь, пускай даже обильную, использовать для рыбного кушанья мать и няня отказывались. Но это не охлаждало пыла охотиться на жадного до червяков пескаря.

Летом понемногу приходилось помогать матери на сенокосе. Обычно для больших работ: косьбы лугов и жатвы хлеба устраивались помочи. Крестьяне соглашались артелью сделать ту или иную работу, за это им надо было заплатить водкой, а иногда ещё накормить обедом. Шумно и хлопотливо проходили такие обеды. Мать старалась изо всех сил наварить и напечь достаточно кушаний, чтобы было сытно и вкусно, чтобы довольно напоить вином мужиков и красным баб. Если не угодить, другой раз не придут. Ели не торопясь, галдели хмельным говором, а заканчивали песнями. Один раз вышла драка и чуть не порезались серпами. Со временем помочи прекратились сами собой и земля сдавалась в аренду.

Выезд на сенокос в луг «Колоды» был настоящим праздником. Брали туда самовар, всякую сдобу, заранее изготовленные кушанья. Там их разогревали

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

и сытно кормились после трудов. Для уборки нанимали подённых женщин и кого-либо из крестьян. Границей луга была речка Вертлянка. Лёжа на берегу, я наблюдал в ней раков и со временем осмелился таскать их из нор, а затем жарить тут же на разложенном костерке.

Жарко. Солнечно. Все в поту ворошат сено, затем сгребают в копны, мечут стога или увозят высушенное сено домой в сарай. Здесь участвовала вся семья, кроме отца, который один обычно оставался домовничать.

Молотьба хлеба происходила без нас, уже после нашего отъезда в училище. Одним из любимых удовольствий была верховая езда, разумеется, безо всякого седла, как ездят все деревенские мальчишки. Я любил отводить нашу или чью-нибудь лошадь в ночное и не раз летал через голову, но всё обходилось благополучно.

Тяжело было ехать в училище после летнего отдыха, всегда сжималось сердечко, когда в первый раз приходилось являться туда. Не сразу налаживалась учёба и не скоро забывалась привольная жизнь. Но мало-помалу школьный режим, как мельничный жёрнов, перемалывал нас по-своему.

Тем не менее, нужно отдать справедливость, что суровым был режим только в часы пребывания в школе, в часы нахождения в классе. Вторая половина дня была без надзора. Мы были предоставлены сами себе и свободно распоряжались временем: играли в бабки, городки, в лапту, ходили куда хотели и знакомились с кем было интересно. Понятно, что это уравновешивало одну половину дня с другой и сохраняло нашу индивидуальность в большей степени, чем при жизни в интернате. Быть может, поэтому мне удалось сохранить резвость своего сангвинического темперамента, жизнерадостность мальчика, любившего первенствовать или, во всяком случае, не быть в хвосте и не тянуться за другими.

Мне не чуждо было чувство собственного достоинства, о чём свидетельствует такой случай. Это была на моей последней квартире. К нашей квартирной хозяйке, типичной переславской мещанке, приехал из Москвы брат — разбогатевший трактирщик. Своим обращением с нами он произвёл на меня невыгодное впечатление. И вот когда ему понадобилось чистить сапоги, он обратился к нам: «Ребята, почистите сапоги, дам пятачок». На это я ему отрезал, что ни за пятачок, ни за рубль чистить сапоги я ему не собираюсь. Я не трактирный мальчик. Остальные тоже не стали, хотя потом и жалели о пятачке. Так ему самому пришлось заняться сапогами.

Долго хозяйка сердилась на меня за эти слова. А мы в ответ придумали доводить её до белого каления таким способом. Зная, что она не любит непонятные иностранные слова, которые ей почему-то казались бранными, мы хором кричали ей из очередного урока географии: остров Бурбон, Бар-эль-мандебский пролив, — покуда она не станет снаряжаться к инспектору Михаилу Павловичу, чтобы унять нас.

В сущности это была разумная и хорошая женщина, к нам она относилась хорошо. Была довольно зажиточной, муж её служил, дочь была замужем за купцом, так что ей незачем было кормиться на наш счёт.

Живя на этой квартире, я окончил курс, имея около 15-ти лет от роду. Наш выпуск был последним из даниловского здания.

В следующем 1883 году учеников перевели в упразднённый Горицкий монастырь, запустевший ещё со времён Екатерины II. Когда-то это был самый богатый и знатный изо всех переславских монастырей. Его основание, воз-

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

можно, относится к началу зарождения христианства в нашем краю, он занял место древнего языческого мольбища, остатки чего сохранились в названиях окрестностей: Шутова роща и Шутов овраг. Управляли им архимандриты, которым подчинялись остальные городские монастыри. Здесь в XVIII столетии учреждена архиерейская кафедра и монастырь стал кафедральным, а когда епархиальное управление согласовывали с губернским, закрыли его как ненужный архиерейский дом.

Со временем цветущий монастырь обратился в развалины. При мне оставались крепостные стены, поросшие деревцами, башни без крыш, собор и колокольня. Величественными руинами высилась Гефсимания, грандиозное двухэтажное здание, и примыкавший к ней архиерейский дом с церковью. Не раз я бегал по провалившимся сводам Гефсимании и разрушенному архиерейскому дому, испытывая жуткое острое чувство; пробирался под тёмные ходы соборного подвала, полного остатками старых иконостасов и деревянной скульптурой разных святых, где тоже бывало страшно и где умеючи можно было пройти с одного конца и выйти на другой. С грохотом падали при нас вековые стены, кирпичи и белый камень которых поступили на постройку жилого дома для квартиры смотрителя и инспектора, а также на ремонт бывшего архиерейского дома, где было открыто духовное училище с интернатом для учащихся.

Но всё же избежать интерната не удалось. В тот же год я поступил в Вифанскую семинарию, где пробыл целых шесть лет, весь семинарский курс живя в интернате (1883—1889).

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Семинарский курс

По существовавшему порядку мне предостояло поступить в епархиальную Владимирскую семинарию. Но она была далеко, ближе Вифанская (Московской епархии), всего в 60 верстах от нас. Временами ближние добивались доступа туда. Так случилось со мной и потом с моим братом Сергеем, а потом снова перестали принимать чужаков.

Любопытный это уголок — платоновская Вифания. Её основал в трёх верстах от Троице-Сергиевой лавры знаменитый московский митрополит Платон, выбившийся из бедных дьячковских детей на высоту церковной иерархии, сумевший обставить свою жизнь как настоящий вельможа конца XVIII века. С большой помпой обставлялись его выезды по Москве в блестящей карете с форейторами и вершниками в напудренных париках. Его митрополичьи покои были обставлены роскошной мебелью в стиле рококо, громадными зеркалами и люстрами. Это был дворец духовного владыки, где сама обстановка приводила в столбняк простых смертных, особенно сельских попов и причетников. Владыка был величав и вельможен, но всё-таки в нём не совсем умер человек. Временами он был сердечен и добр и оставил по себе неплохую память.

Под старость из шумной и суетливой лавры он уединялся в свой монастырёк, где устроил себе небольшой дом и оригинальную церковь Преображения. Снаружи церковь имела вид корабля, внутри с горою Фавор, по которой в пасторальном духе того времени были расставлены кукольные стада коров и в отдельных местах — зайчики и другие зверьки. Внизу был придел, где он был затем похоронен перед левым клиросом. В галерее нижнего храма висели прекрасные копии «Мадонны» Рафаэля и «Снятия с креста» Рубенса.

В его покоях тоже было не без причуд. В кабинете сделан зеркальный потолок, по стенам дипломы на учёные степени от иностранных университетов, остальные комнаты скромные с небольшим числом картин; в приёмной, почти лишённой мебели, громадный клык мамонта на полу.

В одно из посещений его ученика, императора Павла, был получен приказ устроить тут духовную семинарию, в которой не было никакой нужды, ибо такое учреждение работало в Москве. Получив деньги, и митрополит исполнил царское веление. Главное здание он поставил на берегу громадного пруда, придав ему форму буквы П с четырьмя башнями по краям. Очевидно, это должно было напоминать об именах основателей, тем более что оба имени начинались с одной буквы.

К моему времени перед этим зданием находились другие — длинная одноэтажная столовая семинаристов и большой двухэтажный корпус в линию с ней, где помещались классы, жильё для семинаристов, квартиры ректора и инспектора. Для учителей было ещё два дома. Особый домик занимала семинарская больница.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Вдали от города, среди монастырей — это был укромный уголок, куда не доносилось дыхание политической жизни. Здесь можно было без помехи формировать юношество в желаемом направлении. По сравнении с Владимирской семинарией, где издавна тайком от начальства и учителей существовали политические кружки, где имелась библиотека запрещённых и неодобренных книг, — здесь было тихое захолустье, подлинный очаг самодержавия, православия и народности, тех китов, на которых тогда держалась империя.

Эта разница стала мне ясна только впоследствии, а по окончании духовного училища было нужно только одно — попасть в семинарию, лучше в ближнюю Вифанскую, где вдобавок уже учились мои двоюродные братья Загорские, а в соседнем селе Глинкове, крайнем селении Владимирской губернии, жил дедушка Алексей Иванович, брат моей бабушки по матери. В его домике и квартировала наша группа переславцев, пока шли приёмные экзамены.

Я почти не готовился летом, увлёкся чтением, но несмотря на это и на шалости сверстников — сдал экзамен хорошо. Выручила училищная подготовка. А шалости случались всякие. В селе был кабак, и в одно время кто-то из товарищей, видавших виды, принёс полбутылки водки. Я пришёл в настоящий ужас и только после общего смеха и подтрунивания выпил глоток, заставивший меня долгое время потом не брать водки в рот. Так показалась она мне противна, а главное — нам, мальчишкам, это было не к месту, некстати, дико и пошло. А вот покуривать стал, что помаленьку делал ещё изредка в училище.

Это было своего рода предисловием к тому, что пришлось увидеть в самой семинарии. Первый же богословский праздник (26 сентября старого стиля) был вдребезги пьяный. Ученики 5 и 6 классов по давнишней традиции были массово нетрезвы, а несколько человек страшно пьяны, так что это бросалось нам, малышам, в глаза, когда мы пришли в столовую на ужин. Эта обыкновенная история, на которую прежде смотрели сквозь пальцы, не прошла бесследно. Наутро одни из них опохмелялись в карцере, другие пострадали ещё хуже. Дело в том, что в постановке семинарского воспитания начался перелом, устроенный Победоносцевым. Прежних ректоров и инспекторов семинарии из белого духовенства, снисходительных к воспитанникам, заменили на монахов, строгих и требовательных формалистов, чуждых всякой сентиментальности и доброты. В большинстве это были молодые люди, недавно окончившие духовную академию и смотрящие на свою здешнюю службу как на временную только до тех пор, пока не получат настоящую — епископскую кафедру. Для них важнее всего было, чтобы этот временный стаж не опорочил карьеру, а потому они были беспощадны ко всякого рода инцидентам, нарушавшим дисциплину, и не знали жалости.

Ректором был сановный протоиерей, доживавший последние месяцы службы, а инспектором — монах, который и поднял дело, закончившееся исключением некоторых. После этого богословы и философы притихли, но пьянство отдельных семинаристов не прекращалось никогда, даже при строгостях.

Младшие классы не были причастны к этому. Только после роспуска на святки или масленицу некоторые заходили в вокзальный буфет Сергиева Посада и являлись домой в весёлом настроении.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

В самой семинарии и особенно в нашей группе, помещённой в башне, что считалось признаком особого внимания начальства, об этом не было помина. Все добросовестно учились и вели себя как полагается. Все мы были мальчики накануне юношества, со способностями и желанием постигнуть семинарскую премудрость. Для меня это была благоприятная среда.

Семинарский курс того времени состоял из общеобразовательного в первых четырёх классах и специального богословского в двух последних. По сравнению с гимназией в каждом классе подробно проходили священное писание ветхого завета с окончанием его в четвёртом классе. Большое внимание уделяли древним языкам, обязательно был немецкий или французский, в значительном объёме проходилась история, теория словесности и алгебра. Вот курс первого класса, бывший прямым продолжением училищного.

Меня увлекала история, читавшаяся по Иловайскому. Преподавателем служил полненький вспыльчивый старичок Иван Иванович Лапинский. На первых же уроках с ним произошёл такой случай. Проходили историю Финикии. Вызвал он к карте ученика отвечать урок и тот должен был сначала указать, где именно была Финикия. Он не знал и начал тыкать куда попало, а сам приговаривает: «вот Финикия», так обошёл всё Средиземное море и привёл в ярость преподавателя.

— Как тебе фамилия? — кричит ученику, забывши, кого вызвал.

А тот повторяет: «вот Финикия». И так много раз. «Чёрт, дурак», — летело с языка раскипевшегося старика. Наконец обратился к нам: «Да, скажите вы, как ему фамилия?» Свирепая единица в журнале закончила инцидент.*

Но в сущности Лапинский был отходчивый и незлой человек. Любил свой предмет и знал его, но из рамок Иловайского выходил редко. Ещё реже советовал нам книги для исторического чтения.

Заметной фигурой был преподаватель словесности Благовещенский, слывший у нас под кличкой Благово. Крупный высокий брюнет, умный и находчивый, умевший пошутить и внести живую струйку в свой курс. Семинаристы любили его за грубоватые шутки. Например, объясняя структуру уступательного периода, он выражался так: «Хотя корова подняла хвост, однако я пойду обедать»... Недурно научил нас писать периоды и хрии.** Как образец последней изучалась рукописная на тему: «Бегает нечестивый ни единому же гонящу». Самый курс теории словесности проходили по Белоусову. Для внеклассного чтения он давал нам частые указания и интересовался им для своего курса.

В семинарии было две библиотеки: фундаментальная для преподавателей и ученическая для семинаристов. Последняя довольно значительная. В ней имелось немало пособий по разным наукам семинарского курса и громадный отдел беллетристики. Я с головой ушёл в чтение и меня скоро заметил

*Финикия находилась на берегу Средиземного моря на месте нынешних Израиля, Ливана и Сирии. Известна с XXV века до нашей эры. Завоёвана Александром Македонским в 332 году до нашей эры.

**Хрия — это литературное произведение, написанное по типовому плану: вступление, причина, противоположение, подобие, пример, свидетельство, заключение. Хрия доказывает или опровергает заданную тему.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

заведующий библиотеки Иван Арсеньевич Лебедев, занимавший также должность помощника инспектора. Странный это был тип футлярного человека, очевидно, немного ненормального. Вечно в вицмундире на все пуговицы, вечно приложив палец к щеке, безмолвно проходил по комнатам или в столовой во время наших обедов и ужинов. Его третировали и над ним смеялись. Заметив мою любовь к книгам, он помогал мне выбирать и не без пользы руководил мною.

Я набросился на Майн Рида, Жюль Верна, Купера, а вместе с тем на русских и иностранных классиков, прочитал исторические романы Лажечникова, Загоскина, Алексея Толстого, год за годом перебрал старые журналы «Русский вестник» и «Вестник Европы». Эта любовь к чтению не оставляла меня до конца семинарского курса, а потом стала необходимой потребностью моей жизни. Это увлечение чтением было самой светлой и отрадной стороной в нашей замкнутой и оторванной от внешнего мира жизни. Книги уносили куда-то далеко за пределы казарменного семинарского строя, питали фантазию, расширяли кругозор и давали отдых от монотонной повседневности.

Надоедливо и тяжело было ежедневно вставать по звонку, молиться, идти в класс на уроки, обедать, готовить уроки на следующий день, ужинать, молиться на ночь и ложиться спать. И всё это под надзором инспектора, его помощников и надзирателей, пресекавших всякую попытку к проявлениям свободы. В большинстве это были формально отбывавшие свою обязанность люди, но среди них бывали и сыщики по натуре, которым нравилось выслеживать шалости учеников. Отличался этим надзиратель Алёшка Афонский, применявший острые виртуозные приёмы сыска, собиравший обильные материалы для снижения балла по поведению.

Игр на воздухе не было никаких. Только зимой, пока ещё снег не покрыл семинарский пруд, мы с упоением катались на коньках, —- а если и дышали ежедневно воздухом, то только в послеобеденный перерыв, фланируя зимой вдоль шоссейной дороги по направлению к Сергиеву Посаду или весной и осенью по тропинкам берёзовой рощи у семинарии.

В праздники, с разрешения начальства, ходили дальше — в Троице-Сергиеву лавру и Сергиев Посад за покупками, ходили и без разрешения в Гефсиманский скит, Киновию и к Черниговской, расположенные ближе двух вёрст от Гефсимании.

В самой Гефсимании, которую митрополит Филарет построил в противовес к вычурной Вифании, всё было аскетически просто и в старорусском стиле. Главная церковь деревянная, перенесённая сюда из села Подсосенья, при ней покои митрополита с бревенчатыми стенами безо всяких украшений, подчёркивая тенденцию и вкус Филарета, жившего в другое время и с другим настроением. Нам казалось, что это было устроено в пику митрополиту Платону. Вероятно, так оно и было. Деспотический владыка Филарет был строгим ортодоксом, не терпел ни в ком и ни в чём свободных и новых проявлений. Известно, как жестоко уничтожал он всё, что было не по его нраву. Почему же тогда не подчеркнуть барственность и прихотливость вкуса Платона?

Итак, внешний мир, к которому мы прикасались, был строго монастырский, а впоследствии к нему прибавилась духовная академия, работавшая в чертогах Троицкой лавры, что было венцом нашего образования и дости-

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

жений. Для первоклассника это не имело ни особого значения, ни особого влияния. В данном случае важнее другая сторона: та именно среда, в которой проходил внутренний семинарский быт.

Кроме одноклассников, с которыми приходилось жить и учиться, ежедневно в часы отдыха было можно встречаться со старшими. Среди них попадались мужи великовозрастные с усами и бородками. Иметь общение с ними, а равно со всем интернатом в три сотни человек можно было как на прогулках, так и в комнатах, которые были нашими спальнями и помещениями для вечерней подготовки уроков. Все они были под номерами и потому прямо звались номерами, а некоторые имели своё особое название. Номер близ уборной назывался Сиракузы; один северный, за окнами которого росли густые липы и в котором было всегда темно и холодно, звался Лапландией.

Больше всего семинаристов было из детей сельского духовенства Московской епархии, но много было и жителей самой Москвы. Это были сироты и бедняки, учившиеся на казённый счёт, а в редких случаях те из москвичей, которым пришлось перейти сюда из Московской семинарии не по своей воле. Эта кучка москвичей выделялась среди остальных каким-то аристократизмом. Москвичи одевались в сюртуки и пиджаки изящного покроя, носили крахмальное глаженое бельё, цветные галстуки; танцевали и деловито руководили танцами, занимались музыкой, обычно скрипкой; и, не блистая успехами по науке, играли заметную роль в нашем общежитии и вызывали подражание.

За четвертак один из них обучил меня танцам, другой брался учить скрипичной игре, но ничего не вышло, ибо слуха у меня не оказалось. С гитарой, разыгранной в лотерею и доставшейся мне на счастливый билет, повторилось то же самое. Петь я тоже не умел.

Странно мне теперь, что никто не занимался рисованием и живописью. Эта область искусства была в полном забросе. Даже в курсе церковного богослужения, где неизбежно говорится об иконах и церковных зданиях, ничего не было из теории и истории церковной живописи и архитектуры. Учителя семинарии сами ничего не знали в этой области, а один из них не стесняясь говорил нам: «Для меня всё равно, что новые, что старые иконы. Чем лучше старая суздальская мазня современной рядовой иконы? Я не признаю этого». (Под суздальской мазнёй он понимал фрески и древние иконы.) Немудрено, что из семинарии выходили попы, ничего не смыслившие в церковной старине и губившие её по невежеству.

В свободные часы иногда собирался хор, реже декламация, чаще танцы, причём женские роли выпадали главным образом на младших учеников, носивших обидную кличку гадаринцев (их праздником считалось воскресенье, когда читали евангелие о гадаринских свиньях). Как и во всяком закрытом заведении, тут было своего рода «обожание» и «ухаживание», а дамами в танцах выбирались более или менее интеерсные мальчики, слывшие под кличкой «эфиров».

Я обладал довольно красивой рожицей, весёлым и шаловливым характером, а потому имел несколько приятелей из старших классов. И отдать им справедливость, ничего дурного или порочного я от них не слыхал. Танцевать танцевал, курил с ними, но они же много помогали мне в трудных уроках, задачах, особенно в сочинениях, а также помогали выбрать книги для чтения.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Первый год мы жили в страшной грязи, семинария была в забросе. Средств не хватало, а плата с так называемых своекоштных была ничтожная — 46 рублей в год за квартиру и стол. Немудрено, что кормёжка была из рук вон плохая, особенно в посты. Я нажил себе катаральное состояние желудка и меня ежедневно преследовала тошнота после обеда и ужина. От неё я избавился только тогда, когда приехал домой на каникулы, благополучно перейдя во второй класс в числе первого десятка.

Каникулы продолжались на этот раз до самого октября. За четыре месяца семинария получила совершенно иной вид. Над столовой появился второй этаж, его соединили со старым платоновским корпусом и фасадным классным зданием. Сами классы переехали во второй этаж, а квартиры ректора, инспектора и учителей в первый. Всё сияло белизной и нарядностью только что отремонтированного здания. Во дворе оказался прибор для гимнастики. Плата со своекоштных была увеличена почти втрое, зато теперь они получали, как и стипендиаты и казённокоштные, полное содержание: учебники, одежду, бельё и обувь.

Покряхтели мои родители по поводу этой нагрузки на их тощий бюджет, но смирились и исправно присылали новые ставки для уплаты семинарскому эконому. В сущности, это было недорого. Но бедность некоторых семинаристов, особенно дьячковских детей, настолько была велика, что десятка два из них перевелись в другие семинарии, а один даже поступил в юнкерское училище.

В обновлённой семинарии внутренний быт получил новую установку. В спальнях мы проводили только ночь, а на подготовку уроков по вечерам всех созывали звонком в те же классные комнаты. Утренняя и вечерняя молитва вместо столовой, как было прежде, происходила теперь в рекреационном зале, один из углов которого занимал монументальный платоновский орган. В столовой полная революция: вместо оловянных мисок появилась фаянсовая посуда и тарелки. Это была новость. Раньше ели все вместе из одной миски, теперь каждый получал особую тарелку. Всё наше питание улучшилось несравненно с прежним.

Ректором поставили монаха, как водится, архимандрита, но из вдовых протоиереев, пожилого и благостного человека отца Александра Светлакова. Инспектор был тот же. Хоть и настало владычество монахов, но режим изменился мало. Доброта и сердечность нового ректора, имевшего детей, сглаживала порывы инспектора и нам жилось сравнительно свободно. Его любили, но не без того, что некоторые злоупотребляли его добротой. Он пробыл здесь немногим более двух лет и затем стал епископом Можайским, викарием Московского митрополита. Моего брата Серёжу, поступавшего сюда в семинарию первым учеником, он принял на казённый счёт, чего при формальном отношении мог бы не делать.

Стремясь скрасить нашу монотонную жизнь и привить любовь к эстетике и искусству, ректор разрешал нам устраивать литературно-музыкальные вечера раза два-три в зиму. Начиналась подготовка, репетиции занимали наш досуг. Это вносило оживление и интерес. Затем наступал самый вечер. Многие недурно, а иные превосходно читали и декламировали поэтов-классиков, допускались рассказы Горбунова, пел хор и солисты, играл струнный оркестр и выступали музыканты. В большинстве случаев так называемые первые ученики были зрителями, а на эстраду выходили средние или даже

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

плохо успевавшие в науках. Для них это был настоящий праздник, где они могли блеснуть своими талантами.

Программа вечеров — сплошь светская с редкими вкраплениями духовного. Кроме наших учителей и их жён, на эти вечера приезжали профессора академии со своими семьями Собиралось много постороннего народа. Принимал их, снабжал разукрашенными программами и провожал на места особый распорядитель вечера из семинаристов. Обычно это был франтоватый москвич, украшенный цветным бантом на сюртуке.

Специальных духовных концертов и вечеров не было. Вероятно, это потому, что каждая церковная служба с участием хора, недурно или хорошо исполнявшего духовные песнопения, была нашим еженедельным концертом. А может быть, всё церковное приелось самому нашему начальству.

Ни в одном из этих вечеров я не участвовал. Не потому, что не хотел. Мне тоже хотелось блеснуть на сцене: пробовал читать на репетиции «Арину, мать солдатскую» Некрасова, но ничего не вышло. Пришлось смириться с этим и направить свои усилия на учёбу и книгу. Кому что дано!

Моя учёба год от года шла всё лучше, если оценивать её по баллам. Не выходя из первого десятка, я скоро оказался в первом пятке. Алгебру, не дававшуюся мне в первом классе, во втором сменила геометрия, которую я усвоил легко, а дальше была физика. Другие науки я одолевал тоже без особого труда. Оставались любимыми предметами история (общая и особенно русская), литература. К логике и философии отношение было формальное. Конкретные факты привлекали меня больше, чем философские объяснения. Это был недостаток моего склада ума или неумелая постановка преподавания, но как бы то ни было, к философии я вкуса не получил.

Совершенно особую роль в моём мировоззрении сыграла наука «священного писания». Цели его изучения были сугубо ортодоксальные. Мы не просто читали библию, а с толкованиями и объяснениями. У меня же получалось как раз обратное православию. Чем дальше я изучал библию ветхого завета, тем больше становился в тупик и недоумевал по поводу многих сообщённых здесь фактов.

«Книги судей» мы учили одновременно с былинами по литературе. Я никак не мог отделаться от еретической мысли, что одно и другое очень похоже, и еврейские судьи своего рода наши Ильи Муромцы. Ведь наш карачаровец совершал подвиги не хуже Самсона! А книга Исуса Навина поставила меня в тупик относительно нашей солнечной системы. «Стань солнце и остановись», как гвоздь засело у меня в мозгу, что это — нелепость. Объяснение, что это метафорическая фраза, казалось мне натянутым и фальшивым. Из географии училищного курса и прочитанных книг по космографии я знал, что это не могло быть.

Что же тогда священное писание? Перечитывая его, я приходил к мысли, что это просто исторические и законодательные книги еврейского народа, породившие теорию монистического личного бога. А тут в курсе философии нам преподнесли теорию пантеизма. И мне начало казаться, что последнее более правильно.

В своих сомнениях я был не один. Из разговоров со сверстниками и старшими мне пришлось узнать, что многие тоже смотрят на библию с недоверием. Потихоньку рассказывали, что надо почитать «Историю народа израильского» Ренана, где всё это изложено проще и безо всяких мистических

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

прикрас. Некоторые открыто издевались над священным писанием, вытаскивали оттуда соблазнительные и нецензурные сцены из быта патриархов и богохульствовали.

В моей религиозной настроенности и безграничной детской вере оказалась брешь, которая год от году становилась всё больше. Я терял почву под ногами. Жизнь окружающих монастырей только усиливала мои сомнения. Про лаврских монахов среди семинаристов циркулировала серия возмутительных рассказов. Большинство их жило с женщинами и в шутку одну из слободок Сергиева Посада, где они любили строить дома своим прачкам-любовницам и прижитым детям, называли «творения святых отец». Указывали на атлетов монахов, «яко Савл не сытых блуда», обладателей громадных коллекций порнографических карточек, которые иной раз видали наши сотоварищи. В Черниговском ските, куда женщин не пускали, их водили на ночь в монашеской одежде. В нашем Вифанском монастыре послушники жили в отдельном доме, слывшем у нас под названием «недетского корпуса», где они пьянствовали и буянили после каждой получки, неделями ходили с кровоподтёками и следами ударов на лице.

Остро и болезненно чувствовалась фальшивка. Потянуло меня к другой науке, к другой жизни. Но это было глухое и мрачное время, когда выход из семинарии в университет был наглухо закрыт Победоносцевым. Один из наших учеников четвёртого класса, очень способный, пробовал держать экзамен на аттестат зрелости, но был провален с треском. Я тоже порывался, хотя не надеялся на успех и мечтал о переводе хотя бы в юнкерское училище. По счастью, так и остался с мечтами. А вот к несчастью пришлось проучиться и одолеть всю богословскую премудрость в 5 и 6 классах.

Чему только не учили нас! Не говоря о священном писании нового завета (евангелиях и посланиях), мы знали догматическое, основное, нравственное, сравнительное богословие, литургику, гомилетику, в качестве необязательного предмета древне-еврейский язык, мёртвые языки латинский и греческий в уменьшенном объёме по одному-двум урокам в неделю. Было обличение раскола и сектантов, была греческая и русская церковная история.

До пресыщения, до тошноты много было богословских дисциплин, старавшихся примирить веру и разум, дать будущим духовным пастырям подготовку к их дальнейшей службе. Там, где требовалось подойти к сердцу, а не к разуму, чтобы действительно создать кадры верующих людей, у нас (как и в любой семинарии) всё дело полагали в механическом изучении этих дисциплин. У кого память была получше и кто твёрже знал тексты и тезисы всех богословов, тот и считался наиболее пригодным и подготовленным учеником. А что было внутри, об этом мало знали. Судили лишь по внешним неосторожностям поведения. Конечно, подозревали, но ничего не предпринимали против царившего настроения.

Правда, бывали счастливые натуры, умевшие как-то спокойно объединить в себе несхожие веру и разум, не говоря уже о недалёких и убогих умах наших товарищей; но их было меньшинство. Червь сомнения и отсутствие религиозности заразили все настроения богословов.

Продолжительные церковные службы с бесконечным выстаиванием, иногда более трёх часов, были сущим наказанием. Неудивительно, что иные перед всенощной испивали «чашу утешения» и являлись к службе навеселе. Случалось, что иной не рассчитал своих сил, раскисал в церковной духоте

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

и падал, ложился у стенки, а товарищи составляли ему прикрытие. Понятно, что не всегда это проходило незамеченным. За пьянство исключали.

Как из тюрьмы, бывало, вырвешься домой из семинарии и отдыхаешь всей душой в родной Бремболе, забывая на время весь душный разлад. Каждые каникулы имели свою прелесть. С восторгом и радостью я отряхал от ног своих семинарский прах и ехал домой по Северной железной дороге до станции Берендеево. Там уже ждала высланная из дома подвода, а иногда выезжала мама.

Как под лучами солнышка, оттаивал, оживал и согревался я каждый раз от материнской ласки и домашнего уюта. Ко мне возвращалась невтиснутая в рамки звонков свобода, та настоящая, когда человек свободно без помехи и давления живёт собственной жизнью. Мои прежние товарищи, сельские мальчики, как-то незаметно отошли на задний план. Они не удовлетворяли меня. Вместо них появились другие, завелись знакомые среди сверстников в Переславле из владимирских семинаристов и семей городского духовенства.

Обычно, приехав домой на отпускное время, первые дни я проводил в своём семейном кругу. В то время наша семья состояла из семи человек — четверых братьев и трёх сестёр. У последних также были свои приятельницы и подруги. От этого наш дом наполнялся молодёжью и мы шумно и весело проводили время, забыв на эти дни всю семинарскую премудрость и её ярмо.

В святки любили ездить в Переславль на ёлку и кому-нибудь, или на концерт или любительский спектакль. В масленицу — на блины, но вкуснее своих блинов не было ничего. Ели на пари, кто больше, со сметаной, маслом, селёдкой и икрой. В пасху куличи, яйца и сыр тоже не в порционных количествах, а сколько влезет. Дурачились, ухаживали, танцевали пели, но последнее в нашей компании не пользовалось особой любовью, ибо петь мы были не мастера. Знали много игр всякого рода и обычно налегали на них.

Но самым лучшим временем были летние каникулы, продолжавшиеся более двух месяцев, притом в летнюю пору. Это давало нам возможность выбраться из нашего небольшого дома в сенной сарай, который обычно и служил нам спальней в течение всего отпуска, а в ненастье клубом, где в стороне от старших мы жили своим кружком.

Выдающимися моментами каникул были храмовые праздники, как у нас в Бремболе, так и в других сёлах у родственников и близких знакомых. Нужно сказать, что у моей мамы три брата были священниками верстах в 20—25 от нас и одна сестра замужем за священником и тоже вблизи. Все жили дружно и родственно относились один к другому.

Еле успеешь приехать домой, как бежишь по образу пешего хождения в Биберево на Тихвинскую. Там священником был добрейший отец Василий Лавровский, а у него дочка Марьяша, умная и славная барышня, за которой вся молодёжь помаленьку ухаживала.

Далее Кузьма-Демьян в селе Рюминском (1 июня). Мой дядя Фёдор Васильевич Загорский женился на сестре писателя Сергея Яковлевича Елпатьевского и потому на праздник здесь всегда можно было встретить кого-либо из Елпатьевских или их родни.

Но самый главный праздник — Ильин день у нас на родине в Бремболе (20 июля). Сюда в родное гнездо съезжались все дядья и тётки с их потом-

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

ством, человек 30—40. Гостили полных два дня и разъезжались по домам на третий. Надо было накормить, а главное, напоить такую артель, и мои родители приходили в затруднение перед праздником относительно своих финансов, не покрывавших предстоящие расходы. Отец сердился по адресу матери и говаривал: «Это всё твоя родня». Но принимал всех радушно и в пьяненькой болтовне и чаду проводил с ними все дни. Обычно наличных хватало на какую-нибудь четверть или полведра водки. Этот запас истощался в первый же день праздника, ибо кроме родни приходило немало местных крестьян поздравить с праздником, и каждого требовалось угостить водочкой. Хождение по селу со святом восполняло финансовый прорыв в родительском кармане и наличность тут же реализовывалась на новую порцию водки. Церковный сторож бегал то с бочонком, то со стеклянной бутылью. Покупали несколько бутылок вина, делались настойки. Что касается закусок, то — за исключением рыбы, селёдок и какой-нибудь коробки консервов, — было всё своё домашнее в таком изобилии, что хватало на прокормление всех гостей обедами и ужинами. Мама была мастерица делать маринады, соленья, умела варить вкусную брагу и мёд. Было сытно и пьяно. Царило безграничное хлебосольство и радушие. Наш праздник особенно любили, нигде такого многолюдства не было, как у нас.

Обедали и ужинали в несколько очередей, или же накрывали для молодёжи стол в садовой беседке. Мы не отставали от старших и понемногу тянули наливочки и лиссабонское, а раз это было со мной. Как я перешёл в третий класс, хлебнул свыше меры и напился допьяна первый раз в жизни. Но вообще нужно сказать, этим мы особенно не злоупотребляли. Главное, как и всякая молодёжь, а её было много — веселились, водили хороводы, играли, танцевали. Вечером уходили за большую дорогу на пруд, жгли костёр и шумно до света проводили там время, чтобы не беспокоить старших.

На ночь гостей размещали по сараям на сене, один сарай занимал женский пол, а другой — мужской. В последнем очень любили рассказывать неприличные анекдоты и вести рискованные разговоры, нередко граничившие с кощунством. Никого это не возмущало и некоторые церковные пастыри не отставали от молодёжи в соревновании насчёт грязненьких и пошленьких рассказов.

С годами я всё пристальнее стал разглядывать сельских священников — родных и знакомых, круг их был большой, все они были люди верующие, многие глубоко и беззаветно, но вместе с тем большинство из них теперь казались мне жалкими людьми, опустившимися и стоявшими на фальшивом пути. Редкие из них имели моральное влияние и действительно руководили своими прихожанами. Большинство многосемейные, нуждавшиеся, материально зависимые от прихожан, тяготились невыносимым архипастырским гнётом и нуждой. Снижались до уровня прихожан, а не возвышались над ними, возмущались зависимостью и вслух выражали это.

Отец много раз говорил мне: «Не ходи, Мишенька, в попы!» К концу семинарского курса во мне сложилось крепкое и твёрдое намерение не идти по традиционной стезе и начать иную жизнь, ступить на свою дорогу. Самый вид рясы, когда приходилось мне встречать убогого сельского священника, тяжело и остро жалил моё сердце и я читал в этом предостережение себе, во что можно обратиться из жизнерадостного и полного надежд юноши и как можно непоправимо искалечить себе всю жизнь.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

А таких было множество. На моих глазах прошло немало семинаристов постарше меня, которые с отчаянием и тоской надевали рясу и потом топили своё горе всё в том же зелёном вине, к которому так любили прибегать их деды и прадеды. В кругу наших родных выпивающие были все, но из них едва ли не самым сильным был мой родитель, у которого к концу моего семинарского курса стали появляться тревожные признаки алкоголизма. Он выпивал по ночам, доходил до чёртиков, буянил и отравлял жизнь всей семье, ссорился с посторонними. Особенно много горя доставалось на долю бедной мамы.

Но всё же пока ещё было терпимо. Горькая чаша ожидалась впереди.

Меня удивляло при этом одно: как же это крестьяне терпели и переносили поповское пьянство и оставались верующими православными. Во многих приходах попы пьянствовали скандально и чудовищно, и тем не менее это не отражалось на верующих прихожанах. Правда, они осуждали таких, но как-то мягко и жалостливо, как слабых людей. В основе этого лежало убеждение, что поп как человек — одно, а священство его — другое, благодатное и святое. Можно было ругать попа, но кроме его священства. Благодать и действенность совершавшихся им таинств и служб совершенно не зависят от дурных качеств носителя. Всё равно, трезвый или пьяный служит обедню или исправляет требу, она действенна.

Разумеется, предпочитали и очень ценили трезвых и добродушных священников. Такие тоже были, хотя и не очень много, но всё же были. Этими качествами вполне отличался мой крёстный, младший брат матери Фёдор Васильевич, которого рюминские мужики прямо обожали. Вот на таких и держалось православие в нашем краю, где, нужно сказать, не было ни старообрядцев, ни сектантов.

Интересно отметить, что профессиональные вопросы, поднимавшиеся духовенством на нашем или другом празднике, касались не самого священного сана, а чиновнических функций и особенно экономического и правового положения. Я помню, как у нас на празднике один молодой городской священник сравнивал свой приход со скрипкой. Он утверждал, что на одной и той же скрипке можно сыграть хорошо и плохо, так из одного и того же прихода можно извлечь больше или меньше дохода. Всё зависит от мастерства. И в Переславле, где на 10—12 тысяч населения было 22 приходских церкви, собор и пять монастырей, действительно требовалось мастерство, чтобы хоть как-нибудь прожить с семьёй. Приходы были нищенские. Вот куда тратились силы и способности, вот что диктовала жизнь священнику в нашем краю.

Государство, требовавшее от священника множества разных дел по ведению метрических записей, по обучению населения — не давало ему ровным счётом ничего, а тем более епархиальная власть в виде консистории, запускавшая руки в его карман. Таким образом, оставалось самому, кто как умеет, выходить из нужды и кормить свою семью. А семьи у всех были немалые.

Синод и его ведомство были на службе государства, но при этом попы не признавались служащими и находились в положении каких-то париев среди чиновничества, хотя православие считалось одним из китов монархии. Всем явно бросалась в глаза нелепость и фальшь их положения. Последний коллежский регистратор, не говоря уже о дворянстве, глядел на попа свысока, третировал его, а в то же время именно поп был проповедником монархизма.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Это была обида сверху; а снизу крестьянство, подмечая слабые стороны духовенства, платило ему сказкой, сатирой и песней, распространяя свою ядовитую, а подчас грубую и нецензурную насмешку на всё духовенство.

Припоминают это отцы за праздничной застольной беседой, беспомощно вычисляют свои обиды, а тем временем всё «точию по единой» да «точию по единой», глядишь, к концу обеда повеселеют и запоют сначала что-нибудь минорное, а потом вскоре перейдут на весёлое. Иной батя помоложе иногда пустится с нами в пляс. Что же оставалось им делать?

Следующий очередной праздник был в Насакине — день Фрола и Лавра у тётушки Евдокии Васильевны (18 августа старого стиля). Там был большой вишневый сад, хорошая вишнёвая настойка, если только её муж Иван Кузьмич Бессонов не пронюхал, где она хранится, ибо любитель выпить был неудержимый. В экстренных случаях, чтобы состряпать хоть какую-нибудь настойку, тётка совала в воду смородиновые листья, чтобы поставить на стол хоть что-нибудь, кроме водки.

В Давыдовском у дяди Евгения Васильевича Загорского на «Словущее Воскресенье» (13 сентября) нам быть не удавалось, мы уже учились. Так же редко попадали на Троицын день в село Новое к дяде Ивану Васильевичу Загорскому. Эти пробелы мы восполняли приездом по приглашению или без зова и гостили днями или неделями.

Каждое же лето я ездил гостить к своему товарищу и приятелю Николаю Владимировичу Подлипскому в село Крутец, а он аккуратно являлся ко мне каждый год на Ильин день.

Между праздниками помогали маме в хозяйстве, особенно на сенокосе. Я выучился недурно косить, убирал сено, метал стога. Косил яровое и, когда нужно было, работал на молотилке.

В последние три вакации вместе с этим я находил себе в городе Переславле занятия по репетированию учеников духовного училища, намеченных к переэкзаменовкам. Это давало небольшой заработок и, кроме того, представляло собой какой-нибудь другой интерес: скажем, у одного ученика целый цветник сестёр, за которыми можно было поухаживать.

В другом доме нашлась небольшая, но довольно ценная библиотека, где можно было пользоваться историческими книгами. Её владельцем был городской священник Павел Васильевич Ильинский, автор описаний местных монастырей и церквей. Я списал у него инструкцию археологического общества и решил применительно к ней составить описание своей родины, села Большой Бремболы, любимой мною безгранично. Реально помочь мне в этом деле он не мог — не владел научными данными в этом частном вопросе. Но горячо советовал изучать родную археологию и историю.

Нужно сказать, что и без его указаний мне удалось разыскать кое-какую литературу о родных местах. Среди книг моего отца мне попало в руки историческое описание города Переславля-Залесского, сочинение коллежского асессора Плишкина,* а в амбаре тётушки Евдокии в селе Насакине между разным книжным старьём я нашёл том «Владимирских губернских ведомостей» за 1848 год со статьёй Савельева-Ростиславича «Древний и нынешний

**Плишкин, П.* Историческое, географическое, топографическое и политическое описание города Переславля-Залесского / П. Плишкин. — 2 изд. — М.: Типография И. П. Байкова, 1879.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Переславль-Залесский».* Наконец, в отцовской же библиотеке оказался «Владимирский сборник» Тихонравова,** открывший предо мной новую область изысканий — этнографию и фольклор.

С него я и начал свою краеведческую работу о селе Большой Бремболе. В моей старенькой тетрадке, помеченной 1885 годом, записаны свадебные песни и причитанья со слов Лампеи Ивановны и сделаны маленькие наброски в виде сырого материала. На первых порах этим ограничилось всё дело: понадобилось немало лет, пока мне удалось выполнить эту юношескую мечту. Однако начало было положено и направление моего призвания определилось. Я был уже краеведом, пока не сознавая это отчётливо.

Я стал юношей и для меня настал «счастливый, никому не изменяющий, всем улыбающийся момент жизни, расцветания сил, надежд на бытие, желания блага, доблести, деятельности, эпоха сильного биения сердца, пульса, трепета, восторженных речей и сладких слёз».***

Я любил восторженно и глубоко не только свою родину и её окрестности, но — под влиянием славянофилов — всё отечество в целом; я искренне считал его лучшей, особой стороною, которой предначертана исключительная и выдающаяся миссия и роль в истории. Я зачитывался сочинениями Аксаковых, Данилевского, Леонтьева и Хомякова, с благоговением останавливался на могиле И. С. Аксакова в Троице-Сергиевой лавре и считал его недосягаемым идеалом.

Своим увлечением славянофилами я обязан был моему товарищу по классу — Александру Петровичу Васильеву, высоко одарённому юноше. Сын крестьянина села Татева, сирота, воспитанник педагога Сергея Александровича Рачинского, он вносил в нашу среду глубокие идеалистические взгляды и имел большое влияние. В последних классах я был особенно дружен с ним, на каникулах мы переписывались и я находился под его влиянием. Но нельзя сказать, чтобы все товарищи по классу разделяли его славянофильство, — были и немногочисленные западники, с которыми у нас были бурные споры, во время которых мы громили, как умели, «гнилой запад», считая, впрочем, что он опередил нас в технике и науке, а в остальном наша страна стояла выше, что признавали и на западе, как мы судили по книжке Овербека «Ex Oriente lux».****

Мальчишески подражая Константину Аксакову, как он при расставании с Москвой, так и я при отъезде с каникул целовал родную землю моей Большой Бремболы. Тайно уходил в наш сад, приникал к ней и целовал её, вскормившую меня, с молитвой и обетом послужить ей, когда буду самостоятельно работать. Я строил фантастические планы, как превращу моё родное село в культурный уголок, подниму посредством просвещения и грамотности умственный кругозор земляков, создам единственную в своём

**Савельев-Ростиславич, Н. В.* Древний и нынешний Переславль-Залесский [по отдельным главам] / Н. В. Савельев-Ростиславич // *Владимирские губернские ведомости.* — 1848. — по. 29—32.

***Тихонравов, К. Н.* Владимирский сборник / К. Н. Тихонравов. — М.: Университетская типография, 1857.

***Роман Гончарова «Обломов», часть 1, глава 6.

*****Овербек, И. И.* Свет с Востока. Взгляд на кафолическое православие сравнительно с папством и протестантством / И. И. Овербек. — Вильна: Виленское православное святодуховское братство, 1867.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

роде школу, привью артельное начало в работах, устрою дома другого типа и шоссированные улицы, насыпи через овраги, водопровод.

Каждая разлука с родиной была мне тяжела, а после каникул тем более, что за два месяца я сживался с ней и всё больше ценил и любил это своё родовое гнездо. Дорогой переживал острое чувство отрыва от милых мест и грёз, и, подъезжая на извозчике к семинарии, ощущал жутко леденящее чувство — приближения к чему-то подневольному, чужому и неизбежному, чувство беспокойства и ожидание неведомой опасности. Всё милое и дорогое оставалось где-то позади, а впереди предстояла схоластика, духовно-казарменный строй и надоевшая дрессировка.

И недаром сжималось сердце, когда я возвращался с последних каникул. Оно, как вещун, предугадывало, что впереди не будет хорошего. Действительно, в последнем шестом классе мне пришлось пережить много тяжёлого и отвратительного, оставившего след на всю мою жизнь.

Дело началось с того, что с половины сентября нас стали кормить горячим кушаньем с беленькими червячками. Мы много раз миролюбиво заявляли об этом, но ничего не помогло, и чем дальше, тем всё больше и больше становилось червяков в наших супах и щах. Было противно и гадко. Прежде чем есть горячее, мы вылавливали из тарелки бесплатное приложение и ели: голод не тётка. Настроение воспитанников портилось и своё недовольство в столовой они время от времени выражали то словесным протестом, то криками и топаньем. Начальство обещало принять все меры, чтобы избавить нас и себя от неприятности, и назначало сроки, когда червей не будет. Но из этого ничего не выходило. Наконец наше терпенье лопнуло и мы решили не идти на обед. Это было в праздник московских святителей Петра, Алексея, Ионы и Филиппа (5 октября старого стиля). Возвратясь от обедни, старшие ученики (в том числе я) дали знать в других классах, чтобы на обед в столовую не ходили. Прозвенел звонок. Ни один человек в столовую не двинулся.

И надо же было случиться, что эконом и измучившееся начальство нашли наконец секрет, где скрывалась беда. Оказалась испорченной приправочная мука, в ней были шарики, на которые никто не обращал внимания, а в каждом шарике был червячок.* На этот раз, как и далее, обед действительно был хороший. Начальство так и говорило нам, но мы, изверившись во время прежних переговоров, не верили.

Несмотря на то, что весь инцидент был вызван по вине самого начальства и самая забастовка носила характер мирной и вынужденной демонстрации, тем не менее к ней отнеслись как к уголовному преступлению, как к одному из «семинарских бунтов», которые карались со всей жестокостью.

Мы узнали об этом в тот же вечер. К нам, как старшим, а значит, более виновным, явился сам ректор, всё время находившийся где-то в тени. Это был преемник архимандрита Александра, тоже архимандрит, магистр богословия Иаков (в мире Иван Андреевич Пятницкий). Прежде он служил здесь преподавателем догматического богословия и слыл между нами большим учёным. Он ректорствовал уже около двух лет и успел показать себя человеком довольно бессердечным. Но что мы услышали в этот вечер и увидели потом!

*Мучной червь — личинка мучного хрущака.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Нам стало ясно, что скрывается под монашеской рясой и кто были наши воспитатели монахи.

Он явился к нам, когда мы готовили уроки в классной комнате, с искажённым от злобы лицом. Всё время быстро ходил по классу, его огромная рыжая борода развевалась по стороным, на носу золотые очки, а за ними злые глаза сверкали ничем не прикрытой яростью. Шуршала тяжёлая шёлковая ряса, на груди болтался золотой крест.

Ректор громил нас как величайших преступников. Перечислив все наши вины, состоявшие в том, что нам надоело есть с червями, он совершенно распоясался и не постеснялся говорить нам, что будет не только карать нас, но и мстить за это. Рисовал картины, как даст нам волчьи билеты, как мы будем обивать пороги разных учреждений и как нас никто не возьмёт на службу. «Так попомните меня!» — закончил он своё говоренье, махнул широким рукавом и ушёл из класса.

Приуныли ребята, да и было отчего. Оказывается, мы испортили карьеру ректору. Он был накануне назначения ректором Московской духовной академии и возведения в вожделённый епископский сан, а тут наш «бунт» и провал его мечтаний. Ждать погоды не приходилось.

Прошло несколько тревожных томительных дней. Поползли тёмные слухи: то говорили, что намечено исключить одного, затем другого, и всё заведомо невинных людей. Мы решили сами выделить из своей среды самых главарей через баллотировку, составив предварительно список активистов. Пять человек получилил большинство голосов, а я каким-то чудом уцелел. Но не на радость. Оставшись в семинарии, я вынес на себе всю тяжесть монашеской расправы, пострадав даже сильнее исключённых. Прежде всего высидел два раза в карцере, за октябрь получил два по поведению, лишёл права отпуска в Сергиев Посад, зимой — права кататься на коньках. За церковными службами вызывался много раз в алтарь к ректору на проверку — не пахнет ли от меня водкой, хотя в стенах семинарии я не выпил ни одной рюмки за все шесть лет. Из-за меня лишил брата казённого содержания. Не раз говорил мне, что поздно узнал обо мне, и предлагал похворать дома до самой весны, считая меня главным виновником всей демонстрации, чего, в сущности, не было. Постоянными уколами и преследованием довёл меня до такого состояния, что я не раз думал зарезать его кухонным ножом. Эта мысль стала преследовать меня с новой силой после того, как он надругался над моей проповедью на данную мне тему: «О послушании как необходимом условии правильного развития и воспитания». Я совершенно откровенно написал, что считаю послушание не механическим, а сознательным и свободным приноровлением своей воли к чужой, а про воспитателей привёл текст насчёт книжников и фарисеев, которые сели на Моисеево седалище. Одним словом, оправдывал свой бунтарский поступок, чем окончательно и бесповоротно погубил себя в глазах ректора.

Он допёк меня на выпускных экзаменах. Я всегда отвечал хорошо, но ректор всё время ставил мне двойки, несмотря на то, что учителя давали высшую оценку — пять. Морил по часу у экзаменационного стола и гонял по всему курсу. Но тем не менее я окончил курс блестяще — общий вывод по всем тридцати наукам семинарского курса у меня оказался 4,5. И несмотря на это, на последнем педагогическом совете он потребовал, чтобы выпустили

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

меня во втором разряде, но с ним никто не согласился и я окончил курс со званием студента.

Любопытно было наше прощание. Мы считали, что неловко будет не пойти к нему, и отправились группой человек в двадцать; некоторые не пошли. Выходит он к нам в приёмную и прямо в упор:

— Зачем пришли?

— Проститься, — отвечаем.

— Нам нечего прощаться, отношения наши порваны вами давно! — и начал издеваться над нами, рассуждать, как мы теперь будем с четвёркой по поведению обивать пороги и так далее. Я поближе других был к двери и постарался выйти, не дослушав его издевательства.

При прощании учителя спрашивали меня, буду ли я держать экзамен в академию. Я отвечал, что ввиду особо враждебного отношения ректора не стоит хлопотать. Но мне советовали и убеждали, что ректору честь семинарии дороже всего, что он не будет мстить мне за её стенами.

Я послушался и осенью держал экзамен в Московскую духовную академию. Несмотря на большой конкурс в 115 человек на 40 вакансий (на которые прислано было из семинарий 35 человек назначенных), я выдержал испытания великолепно, по баллам оказался 21-м — и не был принят из-за неблагоприятного отзыва ректора о моём поведении.

7 марта 1932 года.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Своей дорогой

В то время, кроме духовной академии, мне некуда было идти для продолжения высшего образования. Ещё раз держать экзамен туда же или в другую академию я считал бесполезным: рыжий монах напакостил бы мне и на следующий год, если бы я надумал снова стучаться в дверь высшей школы. Пришлось эту мысль, горячую и заветную, отложить надолго до благоприятного времени, а теперь остаться при том, что я получил в средней школе.

Я проучился одиннадцать лет, из них девять общеобразовательным наукам. По сравнению с гимназистами я был слабее в математике, а в остальном имел более солидную подготовку. Отдать справедливость семинарской муштровке, она приучила меня к труду, дала хорошее формальное развитие, укрепила любовь к книге, научила писать и не только с эрудицией, но и в недурном стиле.

Вот с этим багажом я и вступил в самостоятельную жизнь. По дедовскому традиционному пути мне было некстати. Ректор сделал всё, чтобы я не только отшатнулся, но окончательно и бесповоротно поставил крест над ним.

Но что же делать? С чего начать свою дорогу?

Мне шёл 21-й год, таким образом, предстояло идти в солдаты. Само по себе это мало привлекало меня, а кроме того, опять нужны были средства от родителей, чтобы мало-мальски сносно прожить в казарме. А дома дела были из рук вон плохи. Семья бедствовала, отец бесповоротно погибал, заболел delirium tremens. И так как учительствование в течение пяти лет освобождало от воинской повинности, то я и решил пойти в сельские учителя, чтобы свободно располагать собой после этого срока.

Свой стаж я начал отбывать с 20 сентября 1889 года в убогой школе села Давыдовского на Берендеевом болоте с платою 100 рублей в год. Более чем скромное начало для честолюбивого юноши, мечтавшего о науке. Первые шаги самостоятельной жизни, встретившей меня сурово, скрашивались тем, что я имел дело со своими родственниками и столовался у них почти бесплатно. Дядя Евгений Васильевич Загорский, сдав своё место дочери, в заштате проживал тут же. Священником был его зять Павел Николаевич Аматов, культурный и милый человек. В их семье я отдыхал от своего учительства. Но жил в школе, где дощатой перегородкой была выделена небольшая комнатушка для учителя, плохо защищённая от школьного шума и вони. Школьное помещение тесное, сорок учеников в трёх группах. Занятия вёл со всем идеалистическим настроением юности, стремился не только научить, но и воспитать. Когда один из крестьян заметил мне, что я курю и чего доброго ребят научу, то я прекратил курение. Завёл общество трезвости. Устраивал чтения не только в школе, но и в окрестных деревнях. Одним словом, хоть и стал учителем поневоле, но отдался делу всей душой, чем

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

и искупал технические недостатки в деле обучения, неизбежные на первых порах. В семинарии в образцовой школе мне пришлось дать не более двух-трёх уроков, чего, конечно, было недостаточно.

Вакацию провёл в хлопотах по устройству земской школы в селе Большой Бремболе, на своей родине. С этой целью обивал пороги в земстве, у богатых буржуев, соблазняя их ролью попечителя школы, был у земского начальника Николая Григорьевича Табаровского, чтобы он отдал под школу бывший барский сад в принадлежавшем его сестре имении в моём селе. Никакого толку из этого не вышло.*

Наступало время нового учебного года и я перешёл в школу соседнего с родиной села Красного на реке Трубеже, такого же подгородного села, как и Большая Брембола. Оба они расположены на возвышенностях, видны одно из другого, между ними обширная луговина. Одно возникло в финское время, но было ославянено ещё в IX веке, другое, несомненно, в княжеский период. Название первого значит «Вертляник», а второго «Прекрасное».

Обычно при старом княжеском городе было два подгородных села с названиями Красное и Доброе. Сёла с этими именами издавна сохранились под Владимиром и другими городами. Возле Переславля было и Доброе, запустевшее во второй половине XVI века. Его владения были отданы Ямской слободе. Как память о нём до сих пор звучит название горы Добряна возле Ямской слободы, наверху которого и было село.

В Красном при мне насчитывалось до 150 домов, оно было крупным посёлком. Население довольно зажиточное, земли было много, что не мешало некоторым работать на городских фабриках. Большинство же предпочитало всем промыслам извоз грузов между Переславлем и станцией Берендеево.

Школа помещалась возле церкви в двухэтажном доме, учеников было много, среди них порядочный процент девочек.

Совершенно исключительной фигурой был попечитель школы — Гаврила Петрович Самсонов, генерал от инфантерии, член опекунского совета. Он круглый год проживал близ села Красного в своей усадьбе Коровино. При Александре II он состоял в должности коменданта дворцов, а затем при Александре III попал в отставку вместе со многими другими.

«Вельможа, а так прост» — шло к нему совершенно верно. Этот самый крупный в уезде чин держал себя демократически, и хотя не имел капиталов, а жил на жалованье, тем не менее щедро благотворил крестьянской бедноте. Иному покупал корову или лошадь, давал зерно на семена, муку, деньги и пользовался большой популярностью среди населения. Хлопотал за обиженных в судах и разных учреждениях. Назначение учителя в школу зависело от него и мне предварительно пришлось получить его согласие, после чего училищный совет утвердил меня в должности.

Любопытной фигурой был законоучитель школы — отец Семён, а в просторечии отец Милиён, из породы барышников и крепких стяжателей. Слыл богатым человеком, отдавал деньги под закладные, перепродавал лошадей и другой скот, хозяйствовал на широкую ногу. Вместе с тем был скуп и прижимист. Резко очерченный тип, о котором есть столько крестьянских

*Об этом упомянуто в письме 13 декабря 1903 года, смотри в 21 томе нашего издания.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

беспощадно злых сатирических сказок. Но всё это у отца Семёна прикрывалось наружной мягкостью и кажущимся добродушием. Он был высокого роста, с густой шевелюрой пепельных волос и румяными щеками. Вечно с шуточкой и прибауткой лавочного стиля.*

И законоучитель и попечитель взаимно недолюбливали один другого, сохраняя тем не менее наружно корректные отношения. Отец Семён в сущности боялся генерала, считая, что одно его слово архиерею может стереть священника с лица земли, но в то же время видел в нём дряхлого старика, мешавшего хозяйничать в школе и приходе. А генерал со своей стороны прекрасно знал коммерческие приёмы и прасольские наклонности священника. Однажды в церкви за проповедью, когда тот объяснял притчу о милосердном самарянине и дошёл до места, когда мимо больного проходит левит — генерал, кивая на проповедника, шепнул мне: «Вот, батенька, и тогда попы были эдакие». Долго потом отец Семён допытывался у меня, что такое сказал мне генерал.

Отношения с генералом у меня сразу установились хорошие. Очевидно, его подкупил мой идеализм, горячее отношение к делу школы и возвышавший меня перед моими предшественниками уровень развития и образования. Скучавший в своей одинокой усадьбе, старик обрадовался новинке и нередко присылал за мной лошадь, чтобы скоротать зимний вечер, кормил меня обедом, угощал кофе, сигарами, а заметив во мне интерес к истории, вёл разговоры главным образом из своего прошлого.

Оказывается, по школе подпрапорщиков он помнил Лермонтова, но смог сказать о поэте только одно: «Пренеприятный он был человек». Генеральша Александра Алексеевна, урождённая Демидова, вспоминала баснописца Крылова по дням своего детства и могла сообщить про его великую любовь к гречневой каше, которую обязательно готовили в их доме, когда тот являлся к обеду. Гоголя и всё романтическое направление в литературе генерал не признавал. По его убеждению, литература должна служить и направлять к идеалам, а не копаться в грязи. Не одобрял Александра II за раскрепощение крестьян и подавал его преемнику какие-то доклады о восстановлении власти помещиков. Раз он доверил мне прочитать его записки, напечатанные потом под названием «Из записок старослуживого», касающиеся воспоминаний о его кавказской службе.** Просил меня дать отзыв и корректировать замеченные промахи. Меня закрыли и оставили одного в кабинете, в доме водворилась тишина и я почувствовал себя довольно неловко. Прочитал, заметил кое-что, сделал исправления невинного характера и был рад, что эта несколько щепетильная роль окончилась. Но сожалел, что у Самсонова сгорели мемуары, касавшиеся придворной службы. Помню, он не скупясь бранил кого-то из великих князей и довольно откровенно говорил о них.

Соприкосновение с ним, с человеком другого мира и круга, первое соприкосновение в жизни, дало мне некоторый урок и непродолжительную школу другого тона. Боясь казаться семинаристом, высмеянным в литературе

*Священник Симеон Введенский; получил набедренник в 1878 году, скуфью в 1888 году, наперсный крест в 1903 году.

**_Самсонов, Г. П._ Из частных записок старослуживого / Г. П. Самсонов. — М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1895.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

за вульгарные манеры, я напрягал всё внимание, чтобы не сделать в их глазах промаха, наблюдал, как они едят, пьют чай или кофе, как держат себя. Страшно конфузился, когда встречал у них гостей высокого круга, не всегда выдерживал эту пытку до конца. Я был ужасно самолюбив и в этой новой обстановке не хотел быть предметом иронических улыбок и взглядов.

Попечитель довольно часто приезжал в школу и в некотором роде военизировал её, введя гимнастику и строй, для чего из Переславля приходил муштровать ребят унтер-офицер. Устраивал перед школой смотры, командовал, а ребята маршировали. Комическая армия досталась на старости генералу от инфантерии. Ребята чуть не по голову уходили в отцовские громадные сапожищи, шлёпали, задевали нога за ногу. Его высокопревосходительство сердился, покрикивал, вытаскивал из рядов сбившихся с такта ребят, но в конце концов благодарил, а те орали во всё горло: «Здравия желаем, ваше высокопревосходительство». В самой школе экзаменовал, спрашивал, а иногда диктовал. Один раз произошёл инцидент такого рода. По его приказанию мальчик написал на доске: «коробочка». Генерал считал, что после буквы «ч» нужно поставить мягкий знак. Обидно мне показалось конфузить старика перед ребятишками, и я ему говорю, кривя душой, что по Гроту мягкий знак тут не полагается. Старик был рад этому мостику, спланировав на нём перед школой. Пожурил Грота и больше диктантов не делал.

Между тем у меня дома было настоящее горе: отец не мог служить, его пришлось отправить во Владимир в психиатрическую больницу. Участливый и добрый Самсонов оказал мне большую помощь. Отправившись по своим делам во Владимир, он посетил отца в больнице и в присутствии главного врача принял у него благословение и поцеловал руку. Впечатление получилось потрясающее. После этого на лечение отца обратили особое внимание и через некоторое время он поправился.

Единственной поддержкой семьи был я. Братья учились, старшую сестру надо было выдавать замуж. Из своего 20-рублёвого жалованья я отдавал маме 15 рублей, правда, получал от неё хлеб и продукты из домашнего хозяйства. Я был для неё единственной моральной опорой в нашей семейной беде, виделся с нею каждую неделю и ободрял как мог. Много тяжёлых и невыносимых минут пришлось пережить в ту пору, жизнь была отравлена и угнетена. За мной было ещё шесть человек — братьев и сестёр, причём младший брат был ребёнком лет пяти. Мать судорожно билась спасти семью, дать детям образование и устроить их на самостоятельную жизнь не хуже людей, как она привыкла считать по традиции. На меня как старшего в семье и падала тяжесть разделить с нею горе и помочь в её беззаветной любви к детям. До науки ли было тогда! Правда, в Переславле можно было достать кое-какие книги, я читал журналы, выписывал газеты, но вести систематическое самообразование было нельзя, некогда. Да и школа отнимала много времени. Хотя в технической стороне преподавания я окреп и вёл дело быстрее, но работал с ребятами днём и вечером. Гулял с ними, рассказывал им без конца сказки и исторические события. Они гурьбой бегали за мною.

Раз катался я с ними на коньках по первому ледку, снега ещё не было, и вот на болотистом бережку, накрытом выступом горы, мы под вечер наблюдали болотный огонёк. Как свеча горел он минуту или две. Это послужило новой темой — о явлениях природы. С такого рода огнём в деревне соединялись представления мистического порядка. Огни кажет, по её по-

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

нятию, нечистая сила, и крестьяне страшно боятся таких огней. Сознаюсь, что за какой-нибудь месяц перед этим я струсил не хуже любой старухи. Шёл я из Бремболы в Красное тёмной и тихой ночью. Было тепло и парно. С полей, расположенных на возвышенности, я спускался к болоту «Косник», мимо которого бежала луговая дорога, далее надо было идти вниз речки Мурмажа лугом безо всякой дороги. Меня поразило обилие огней по направлению к Переславлю и с южной стороны, где нету селений. Вначале я не придавал этому значения и быстро шагал по гати близ болота. И вот тут, когда стал на равнину, увидел десятки, если не больше, болотных огней. Как лампады плыли они тихо и плавно, то исчезая, то появляясь, в тех же двух направлениях. Отлично зная, в чём дело, я всё-таки почувствовал, как волосы стали дыбом. Немая жуть, полная невиданного и неожиданного явления, заставила меня пустить вперёд полным ходом. А потом где-то вдали голос заблудившегося человека напугал меня ещё больше, и я вместо того, чтобы насладиться редким зрелищем, постыдно бежал, еле переводя дух. Ребята, от которых я не утаил своего бегства из волшебного царства, то переживали мой страх, то хихикали, представляя себе учителя, бегущего во все лопатки.

Не думаю, чтобы они твёрдо и надолго запомнили мои беседы о громе и молнии, с которыми также связывались мистические воззрения, о происхождении дня и ночи, о солнце и звёздах. Но во всяком случае они охотно слушали и живо интересовались. Слишком короткое тогда было школьное обучение и дело велось в ином уклоне. К выпускному экзамену нужно было знать правописание, арифметику, — по ним судили о степени подготовленности ученика и общем развитии.

В зимний разгар моих школьных занятий этого года работы в школе села Красное я получил извещение, что могу рассчитывать на место учителя образцовой народной школы при Вифанской семинарии. С одной стороны, это было хорошо: содержание вдвое больше, есть возможность продолжать своё самообразование, от дома недалеко, — но с другой стороны, снова монахи, снова та же alma mater, горечь воспоминаний о которой ещё не заглохла. Некоторое время я колебался. Но мои мама и дядя Михаил Васильевич Загорский, особенно хлопотавший об этом, убедили меня согласиться.

Дело в том, что ректора Якова уже не было, он получил епископскую кафедру, был потом в Кишинёве и князь Урусов в своих «Записках губернатора» отметил его как бездушного формалиста и чиновника, а не духовного руководителя.* Место ректора занимал архимандрит Антоний Коржавин, бывший инспектор академии. Он помнил меня по горькой судьбине, когда я держал экзамены в академию, и не прочь был оказать мне некоторое предпочтение перед другими кандидатами.

И вот я решил плыть по течению, на время оставив мысли служения родным местам. Работая в красновской школе, я всё же надеялся быть просветителем своей родной Бремболы, и не просто учителем, а реформатором деревенской жизни. Составил план артельного хозяйства с обобществлением орудий производства и думал провести его в жизнь. Мечтал завести

**Урусов, С. Д.* Записки губернатора. Кишинёв. 1903—1904 г. / С. Д. Урусов. — М.: В. М. Саблин, 1907. — С. 175—176.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

кустарные промыслы и отвлечь от фабричного труда, которым жила часть крестьянства, чахлого и вырождающегося от тяжёлого фабричного режима.

Но надо было жить дома с отцом, безнадёжно больным, с вечными ссорами и неприятностями. При такой обстановке могла ли пойти у меня работа? До идеализма ли было тут, когда от меня, почти единственного источника существования семьи, требовались деньги на выдачу замуж старшей сестры, на ученье второй и третьей.

Так я и стал учителем образцовой школы в нелюбимой мною семинарии. Нескоро я отрешился от прежнего ученического взгляда на своих бывших наставников, людей в большинстве пожилых, и довольно долго жил отчуждённо от них, пока не явилась молодёжь, с которой я чувствовал себя на равных. Преподавателем педагогики и заведующим школой был добрейший Михаил Алексеевич Некрасов, он же преподавал философию и психологию, знал свой предмет постольку, поскольку это требовалось программой. Ждать от него особого руководства и указаний было нельзя. Пользуясь обширной семинарской библиотекой, я принялся сам штудировать педагогику, дидактику и методику. Делал выборки, составил записки и пытался устроить свои методические программы. Некрасов одобрял их и соглашался с ними.

На моей обязанности было не только учить школьников, но и давать образцовые уроки перед воспитанниками VI класса, инструктировать их на пробных уроках и подготовить к роли будущих учителей народных школ. Нелёгкая была штука ладить с богословами. На Некрасова и школу они смотрели свысока, манкировали, поэтому отношения не всегда были гладкими. Эта сторона дела была самой неприятной.

Но это искупалось другими сторонами дела. Рядом была академия, там учился мой брат Серёжа. Злопамятливый архимандрит Яков, лишивший его казённого содержания из-за меня, не послал его в академию, хотя он и окончил семинарию первым учеником. Первым же он поступил и в академию. Через него у меня появились тамошние знакомства, я был в курсе научной мысли того времени, поскольку она отражалась в академической студенческой среде. Научился преклоняться пред историком В. О. Ключевским, лекции и актовые речи которого мне довелось слышать. Я читал и перечитывал в литографированном и печатном виде всё, что можно было достать. Это было тем легче, что мой брат был глубочайшим поклонником Василия Осиповича. Слава его как учёного и литератора была в непререкаемом апогее, он служил образцом сочетания науки и художества, трудно было не увлечься им и не включиться в густую толпу его почитателей. Он будил во мне давнюю любовь к истории. Теперь я окончательно понял своё призвание.

С этим настроением я решил попытать свои силы, поводом к чему послужил приближавшийся столетний юбилей семинарии (1797—1897 годы). И тут же сказался во мне краеведческий уклон. Я взялся писать сочинение о владимирских уроженцах, обучавшихся за столетие в Вифанской семинарии. Перерыл архив, набрал материалов и стал писать в подражание Василию Осиповичу живым литературным языком. Несколько раз переделывал, а всё-таки был недоволен своим произведением.*

*Смотри эту статью в 9 томе.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Между тем окончился мой учительский стаж и я стал свободен от военной службы. Более четырёх лет учительствовал в образцовой школе, уже наскучившей. Меня тянуло к новой работе и службе, к новым местам. Я перестал мечтать о продолжении образования. Делал всё возможное, чтобы пополнить свои знания, и много читал. Аккуратно прочитывал все толстые исторические и литературные журналы, всегда был в курсе новинок Чехова и Горького.

Но куда было поступать на службу, я не знал. Мне было всё равно, лишь бы это давало возможность лучше поддерживать родную семью, которой достались совершенно тягостные годы разрухи, и наконец выбраться из духовного ведомства.

По иронии судьбы мне помог монах, новый ректор семинарии архимандрит Парфений Левицкий, хохол, уроженец Полтавских краёв. Плотный здоровенный мужчина, он казался мне ряженым. У него не было ничего аскетического. Впоследствии он был викарием московским, выбрал себе в епархиальном училище подходящую девицу и прижил с нею детей, — затем был епископом в Туле и по поручению синода ездил в Ясную Поляну увещевать Льва Толстого по поводу его отпадения от православной церкви.

Отец ректор безнадёжно скучал, не любил заниматься науками и мы с ним частенько подогревали в камине бутылочку красного винца и болтали о всякой всячине. С лёгкой руки Антония Храповицкого, бывшего ректором духовной академии, пошли в ход нецензурные анекдоты и шутки. Перебирали их, поминали семинарскую среду и коротали время.

Брат ректора служил в Киеве в акцизе, и он сам предложил устроить меня туда, тем более, что момент был подходящий. Сергей Юльевич Витте вводил там винную монополию и набирал большие штаты служащих. Архимандрит Парфений советовал мне в летние каникулы съездить в Киев и поработать на новом месте, приглядеться к иной среде и её быту. Два месяца я провёл в Киеве рабочим казённого винного склада, ознакомился со спиртомером и его таблицами, с искусством доводить вино до определённых градусов и с заводским режимом работы. Вначале мне всё казалось тяжело и дико, я нашёл мало интересного в этом занятии, но приглядевшись к составу чиновников акцизного ведомства решил, что смогу работать не хуже них. Поэтому, когда мне предложили поступить на должность по администрации склада, я отказался, предпочитая выждать другого назначения, и уехал обратно. До начала учебного года успел ещё побывать в Нижнем на всероссийской выставке, а затем скрепя сердце вернулся на учительское место.

Забыл упомянуть, что весною несколько раз ездил в Москву посмотреть на коронационные торжества. Прежде всего был на серенаде около Петровского дворца и получил урок, как можно задохнуться в толпе. День было холодноватый, но, несмотря на это, в толпе было душно и нечем дышать. Если бы не преображенцы, разредившие народ дружной цепью, я мог пострадать и дойти до обморока. Наученный горьким опытом, я смотрел торжественынй въезд в Москву там, где было меньше зрителей. Впечатление получилось какое-то опереточное. Так странны были эти скороходы, украшения на лошадях, бухарские ханы и другой люд. На Ходынке, разумеется, не был, но живо помню, какие ужасные вести привозили вернувшиеся в тот день из Москвы.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

До этого лета я нигде не был, кроме Москвы, а тут Киев и Нижний, два лучших города, один красивее и живописнее другого. Изящество первого безусловно оставило во мне сильное впечатление. Второй показался чем-то более могучим и сильным, очевидно, по своим водным артериям, ярмарке и выставке.

Судьба устроила так, что потом я долго жил в том и другом городе. Начал в Киеве в должности акцизного контролёра с 1897 года. Телеграмму о моём назначении архимандрит Парфений прислал мне на родину, где я был на рождественских каникулах. Накануне нового года я был уже на месте. Остановился в гостинице «Интернациональ». В соседнем номере шумно встречали новый год и я необыкновенно остро почувствовал своё одиночество и заброшенность. Мне было жутко. Переживал реакцию и волнение перед неизвестным будущим. Меня осадили сомнения: хорошо ли я сделал, порвав с прежним, со своими мечтами о служении родине, а также поменяв ведомство — на винное и виновное в народном пьянстве. Ведь были и другие учреждения, где можно было бы служить? Всё это так, утешал я себя, но вот как попасть в них. Хорошо, что уже это удалось. Действительно, выбора не было. Семинаристам приходилось лезть в любую щель, на любую службу, лишь бы не быть попом.

В Киеве я обмундировался в акцизную форму. Еврей портной сшил её в кредит за два-три дня и своему первому начальству, акцизному надзирателю города Канева, я предстал в полной парадной форме с шашкой через плечо, что меня очень смешило. Для чего была эта шашка, я так никогда и не понял. Надзирателем был Константин Александрович Романов, человек с высшим образованием и политическим прошлым. Раньше он был в ссылке в Вологде и только благодаря брату, крупному чиновнику и одно время товарищу министра, устроился по акцизу. Несколько человек из его помощников и контролёров тоже были с университетским образованием, всё молодые люди; а большинство пожилые, типичные представители дореформенного акциза, почти без образования или с очень небольшим, любители выпить. Они побаивались серьёзного наздирателя, державшегося недоступно и не склонного к питию, но тем не менее прорывались нередко.

Меня тут встретили довольно приветливо: запросто звали обедать, вечерами играли в карты, один холостой контролёр перетащил меня к себе на квартиру из вонючей еврейской гостиницы, где меня преследовал запах чеснока, козы и прели. За месяц, проведённый тут, я перезнакомился со всеми и нагляделся на акцизное житьё-бытьё.

Семинарские преподаватели, мои друзья, тоже были непрочь иногда подвыпить и поиграть в карты, но там это случалось редко и разнообразило монотонную школьную работу, а здесь почти каждый вечер бывали карты и выпивка. Особенно выделялся один пожилой помощник акцизного надзирателя, богатый человек, державший две тройки лошадей, казачка с лампасами и большую квартиру. В дореформенное время он получал тысяч до восьми, а теперь съехал на три, но всё-таки держал дом на широкую ногу. У него ничего не делалось запросто и скромно. Гости заставали у него стол, уставленный таким обилием бутылок со всякими водками и винами, таким обилием закусок, что не было случая, чтобы всё выпивалось и съедалось. Когда не совсем пьяные гости собирались домой, холостяк хозяин командовал казачку: «Сезонт, двери на запор» — и гости утречком выходили в отчаянном

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

виде. Делопроизводитель Руденко обычно плакал, что солнышко взошло не с той стороны. И только один молодой помощник акцизного надзирателя, «каменный гость», нечувствительный к алкоголю, шёл молча на твёрдых ногах. А остальные еле брели, спотыкаясь на ровном месте.

Впрочем, служебное дело не страдало. Тяжелее всего было тем, кто служил в канцелярии округа. Надзиратель, деловой человек, требовал от делопроизводителей и контролёров аккуратности в работе, а участковые, свободные в выборе служебных дней и часов, успевали в месяц выполнять свои задания и всё выходило гладко. Путевой журнал заполнялся служебными отметками, как требовали инструкции: ревизовали казённые винные лавки, частные питейные заведения, винокуренные заводы и медоварни.

За этот месяц я научился самостоятельно вести дело в участке и был командирован в местечко Кагарлык Киевского уезда, богатейшее имение бывшего Киевского и потом Варшавского генерала-губернатора Михаила Ивановича Черткова, жившего тут почти безвыездно. Поселился в еврейской семье, в спальне, столовался у волостного писаря, забубенной головушки, прожившего и промотавшего женины тысячи. За восемь рублей в месяц меня кормили обедом и ужином с выпивкой перед едой и за столом. Окончив трапезу, писарь любил говорить: «Поднявши тарелки, по рюмке горелки». Выпивать водку я научился, но, помня родительскую беду, особенно не налегал и был плохим компаньоном для писаря.

Настоящего собутыльника он нашёл в лице моего прямого начальника, участкового помощника надзирателя — Сергея Александровича Чижова, довольно дельного человека, но запойного алкоголика. Когда он приехал ко мне...

(Смотри продолжение во второй тетради со 173 страницы.)*

*Вторая тетрадь не сохранилась.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Воспоминания

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

И в жизни так пора приходит: разум строгий
Велит уж подводить под прожитым итоги, —
И память повела его как чародей,
В волшебный лабиринт, средь тёмных галерей,
И ряд картин пред ним во мраке озаряет...
На всё, что предо мной она разоблачает,
Уже взираю я с спокойною душой.
Уж всё так далеко, всё кажется мечтой!

А. Н. Майков, «Сны».

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Как я стал краеведом?

Этот вопрос мне не раз задавали друзья и просили написать ответ. Чтобы этот ответ был исчерпывающий и удовлетворительно объясняющий сущность моего культурного «я», мне, очевидно, надо припомнить своё прошлое, обстановку своего детства, юности и так далее; одним словом, в значительной степени коснуться своей биографии.

Не знаю, хватит ли у меня на это терпения и времени. Да и так ли это важно, чтобы тратить на это силы?.. Но попробую...

Мою родословную можно найти в статьях: «Село Большая Брембола» и «Больше-брембольский дьякон Михаил Михайлов». К сонму предков, перечисленных там, нужно присоединить ещё одного — Матвея Семёнова. По отказной 1694 года Якова Макарова Панова Никитскому монастырю есть такая подпись: «К сим отказным книгам села Брембол Болших церковный дьячёк Матюшка Семёнов вместо понятых того же села Брембол Болших старосты Калины Александрова с товарищи, как в сих отказных книгах имяны писаны, по их велению руку приложил».

Итак, в течение по крайней мере двухсот лет мои предки были грамотные и книжные люди, что уже само по себе было благоприятной предпосылкой для моей судьбы. Несомненно, что и мне предстояло быть грамотным, в то время как большинство моих сверстников из крестьян села Большой Бремболы должны были остаться неграмотными в силу противоположной семейной их традиции.

Я начал учиться дома, когда мне было лет шесть. Учила читать и писать меня мать по новому способу «бе, ве, ге», но не «аз, буки, веди», как учила бабушка Татьяна Товарова, мать нашего дьячка. Очень хорошо помню самую азбуку с большими синими буквами алфавита, достаточно потрёпанную. Мой брат Сергей, который был моложе меня на два года, тоже старался пользоваться той же азбукой. И мне представляется картина, как мы оба, растянувшись на полу в горнице, так называлась чистая половина в нашем доме, по этой азбуке читаем вслух. Помню потом, что я лет восьми гостил на родине отца в селе Копнине и там ходил в земскую школу, но недолго. Затем следующей зимой уже довольно долго подготовлялся у своего дяди Михаила Васильевича Загорского, учителя греческого языка в Переславском духовном училище. Осенью 1878 года я поступил в это училище.

С тех пор моё домашнее обучение прекратилось. Мать, научив меня элементарной грамоте, отошла в сторону своих хозяйственных забот, так как весь дом с его сельскохозяйственными делами лежал исключительно на ней. Отец боялся физического труда и ни по дому, ни по хозяйству никогда ничего не делал. Но он очень любил книги, постоянно возился с ними, предпочитал преимущественно религиозные или исторические, много покупал их. Ими завалено у него было несколько столов, немало книг было раскрытых, всё это

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

валялось в хаотическом беспорядке, но убирать и складывать их в стопки никому не позволялось. Он много занимался церковной летописью, в которой старался изложить историю села. Я помню эти разговоры его, особенно с дядей Михаилом Васильевичем Загорским.

Возможно, что семена и зародыши интереса к своей родине и её окрестностям мною были незаметно впитаны в то время. Замечательно, что следующие мои два брата — Сергей и Василий вышли также с наклонностью к исторической науке. Но отец, как мне помнится, мало кого нас учил. Обыкновенно он уединённо проводил своё время за книгами. Но если появлялся у нас какой-либо гость или «странник», отец обильно угощал его водкой и вёл бесконечные разговоры. Полагаю, что эти разговоры и имели для нас, малышей, большое значение. Отец не любил своей службы, тяготился ею и никому из нас не советовал следовать его карьере. Во время разговоров мы узнавали множество рассказов о бурсацком житье-бытье, разных профессорах, архиереях, монастырях и так далее.

Но это были исключительные явления нашей жизни. Обычно же мы, дети, проводили время с матерью, которую безумно любили и жалели, и с няней — Авдотьей Петровной, которая служила в нашей семье лет сорок и была для нас своим родным человеком. Она вынянчила нашу мать и нас. Пока отец занимался своими книгами в горнице, мы зимние вечера проводили в зимовке — низкой избушке, выстроенной во дворе. Там кругом светца с попыхивающей лучиной собирались мы коротать вечера, большие за работой — пряли, починяли сбрую и прочее, а мы слушали рассказы домашних или пришедших в посиделки соседей. Здесь пели песни, загадывали загадки, рассказывали деревенские повести, сказки и другое. Няня знала много рассказов про разбойников, о разных помещиках, об их жестокостях и тому подобном.

Вот каково было первоначальное влияние семьи, а окружающая за пределами её была крестьянская среда. Со своими сверстниками мы играли в бабки, чехарду, катались с гор, отводили лошадей в ночное и так далее.

Счастливое детство скрашивалось красотой окружающей природы. Из окон нашего дома прекрасно было видно синеву Плещеева озера, монастыри и церкви Переславля-Залесского. Но помимо этого сама Большая Брембола с её холмами, оврагами, речкой отличается живописностью положения. У нас был старинный фруктовый сад, за ним через овраг — «загородка», а за большой юрьевской дорогой пруд. Всё это излюбленные места наших игр и гуляний, полные традиционных воспоминаний. Всё это с ранних лет было мне мило и дорого, исконное и родовое. Хотя в духовенстве очень принято переходить с места на место в погоне за доходными приходами, но в Бремболе этого не было. Здесь служили всю жизнь и умирали здесь же. Эта родовая традиция с пелёнок привязала меня к моей родине и внушила мне, что лучше её для меня нет места в мире.

Обучение в духовном училище не имело отношения к окружавшему нас миру. Это была классическая школа с сильной дозой схоластики. Помещалась она в Данилове монастыре в старинном каменном здании. Смотрителем училища был известный протоиерей А. И. Свирелин, богослов и археолог, писатель и составитель учебников; как человек — крайне тяжёлый и несимпатичный. Его помощником был Михаил Павлович Цветков, недалёкий

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

семинарист, которым Свирелин помыкал как пешкой. Но человек он был добрый, любивший выпить.

Интерната при училище ещё не было и ученики жили по квартирам. Для меня наняли её в доме вдовой дьячихи Дарьи Алексеевны Орловой. Это была лучшая квартира среди других ученических.[1] Стены были оклеены приличными обоями, было зеркало и какие-то картинки по стенам, приличные столы и стулья. Спали мы на полу, для чего у каждого был свой войлок, подушка и одеяло. Обед и ужин из наших продуктов готовила хозяйка. Нас квартировало в двух половинах её дома человек 15 учеников. Платили мы что-то вроде рубля в месяц деньгами с каждого. Стол был хороший и здоровый. Для занятий по подготовке уроков к будущему дню существовало установленное время с 5 до 8 часов, в течение которого нельзя было уходить на улицу. Делались проверки М. П. Цветковым и самим А. И. Свирелиным.

Меня навещали каждую субботу. Обычно на базар приезжала мать и привозила мне сдобных лепёшек или другой снеди, давала несколько копеек на лакомства, смотрела за моим костюмом, бельём и прочим. Но месяца через два после поступления в училище заявился ко мне отец, и не на квартиру, а в училище во время уроков. Хотя не было холодно (это был октябрь 1878 года), но он был в шапке, что меня очень удивило. Оказывается, он пришёл поделиться своим горем — накануне подожгли наш дом, и он с мамой еле успели выскочить в чём попало. Это было делом преступной семьи крестьян Терентьевых, обличённых перед этим в неоднократном воровстве по селу и у нас, то из погреба, то из амбара. Три брата и их мать, жившие одним почти воровством, сосланы были потом на поселение.

Благосостоянию нашего дома пожаром был нанесён непоправимый урон. Почти ничего не удалось спасти, сгорела даже часть скота. Наша няня, выпуская его, обожгла себе ноги и долго потом хворала. Зиму мои родители прожили у церковного старосты, а к весне выстроили дом из бывшего барского дома, купленного миром у помещика Табаровского.

Зимой я заболел воспалением лёгких и тем ещё более увеличил тяжесть жизни нашей семьи. В то же время умерла бабушка — Авдотья Ивановна Загорская, мать моей матери. И то и другое было около святок того же года. На следующий приезд домой — на масленицу в ту же крестьянскую избу — я причинил своему брату Сергею большую неприятность. Играли мы с сельскими ребятишками в клюшки, причём, увлёкшись игрой, я нечаянно расшиб брату губу. Чтобы скрыть следы преступления, мы сели в уголок за занавеску постели, чем вызвали большое удивление родителей, и наша беда была открыта. У брата так и остался шрам на всю жизнь.

Это было уже второе приключение с ним за эту зиму. Его брал к себе гостить вдовый дядя Евгений Васильевич Загорский, священник села Давыдовского Переславского уезда. Как большинство священников вдовцов, он был большой поклонник рюмки. Жил он довольно хорошо, любил держать бойких лошадей и часто ездил по соседям. В одну из поездок в сторону села Смоленского он взял с собой брата. Возвращаясь из гостей, дядя ударил лошадь, та понесла и выбросила седоков из саней в снег. Дядя был настолько

[1] Дом этот жив до сего времени, но врос в землю до самых окон. Это № 110 [исправлено:] № 78 по Советской улице.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

пьян, что не мог встать и моего братишку, застывавшего от холода, кутал в свою шубу на груди. Прошло немало времени, как их заметил кто-то из проезжавших, взял с собой и привёз в Давыдовское. Постучал в дом священника, сдал замерзавших и, не сказав своего имени, быстро скрылся...

Зимой же, помнится мне, родители получили из Москвы посылку. Прочитав в какой-то газете корреспонденцию о нашем пожаре, добрые люди, кажется, из Николаевского женского института, собрали белья и поношенных вещей и прислали нам. Принято это было с большой благодарностью, потому что действительно нужда была вопиющая.*

Между тем в училище шло моё учение. Подготовлен я был хорошо и в приготовительном классе учиться мне было легко. Без труда перешёл я в 1-ый класс, в котором начиналось обучение латинскому языку. Очень ясно помню, как я встретился с неожиданным затруднением — мне не давался секрет чтения по-латыни, и как потом неожиданно же при помощи какого-то озарения дело наладилось.

В общем, я учился недурно и в других классах, но так как был не в чести учитель латинского языка — Алексей Александрович Дилигенский, теперь ветхий старик, протоиерей собора (умер в 1925 году), то в этом предмете я хромал больше, чем во всяком другом. Но полученная единица из латыни была замечена моим дядей, учителем греческого языка, который стал меня с тех пор репетировать, и болезнь прошла.

Не помню, была ли школьная библиотека для учеников училища, но сам я на карманные деньги покупал дешёвенькие книжонки и накопил их десятка два, а может быть и больше. Тут были «Еруслаы Лазаревичи», «Битва русских с кабардинцами», сказки и прочее. Когда мне эти книжки надоели, я променял их у того же книгопродавца И. В. Быкова на одну толстую книжку — «Робинзон Крузо».

Среди своих товарищей я носил два прозвища (они были обязательно у каждого): *турка* и *дукс*. Первое дано было мне потому, что не любил снимать шапку и креститься, когда ходил в школу мимо святых ворот Данилова монастыря, а второе из-за того, что я любил идти впереди других квартирных учеников в училище, обычно отправлявшихся гурьбой целой квартирой, и таким образом как будто был вождём. Отношения с товарищами были вообще хорошие, но случались инциденты и обратного характера. Соседняя с нашей была квартира Попковых или Бобковых в большом двухэтажном доме. Во дворе у них была цепная собака, к которой меня толкнули товарищи, и она мне сильно прокусила ногу. Чтобы поправить дело, виновники настригли с собаки шерсти, нажгли её и приложили к ране. Несмотря на такое лечение, рана зажила.

Играли мы в бабки, городки, воевали с учениками городского училища. Предоставленные в моральном воспитании самим себе, или, хуже того, невежественным хозяйкам, мы рано узнали то, что не следовало знать до поры до времени. Особенно циничны были наши хождения в баню. При нашей квартире была своя баня, куда мы ходили гурьбой человек по десять сразу, большие и малые. Большие и занимались просвещением малых и делали всякие гадости, которые для некоторых были роковыми.

*Это был Николаевский женский или Яковлевский сиротский институт. (С. 59 или 21.)

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Орлова, выдав свою дочь замуж, продала дом и мне пришлось перейти на другую квартиру, к Катерине Фёдоровне Прохоровой. Новая хозяйка была типичная мещанка, крутая по нраву, но умная и рассудительная. У неё был больной муж, которого она не ставила ни в грош, но нам повторять по его адресу расточаемые ею эпитеты не позволялось. Её дочь была замужем за богатым купцом Свешниковым, а её брат Иван Фёдорович Сергеев был довольно состоятельный человек, наживший в Москве на содержании водогрейки денежки. Приехав раз к ней из Москвы, он предложил нам за пятачок почистить ему сапоги. Моя гордость возмутилась и я пристыдил и других своих товарищей не унижаться. Они потом жалели, что не заработали пятачка. Хозяйка же сильно обиделась на меня. И когда мы потом по географии учили разные названия, ей непонятные, я при её входе повторил несколько раз остров Бурбон и другие, то она приняла это за брань и проявила все признаки раздражения. Этого было достаточно, чтобы потом хором выкрикивались нами латинские или греческие слова и фразы, которые принимались нашей хозяйкой за неприличные и вызывали с её стороны целую бурю. В общем же мы жили недурно и взаимно ценили одна сторона другую.

Проживая на этой квартире, я и окончил в 1883 году училище. Из всех наук слабее всего я был в арифметике, средне знал языки, с ошибками писал по-русски, лучше всего знал географию, которая нравилась мне больше других наук. Для своих четырнадцати лет, в общем, я знал не много, но сравнительно с другими товарищами развит был лучше. В этом отношении большое влияние оказывал на меня мой дядя Михаил Васильевич Загорский, овдовевший на первых годах моего обучения. Он наблюдал над исправностью моих знаний задаваемых уроков и, кроме того, давал читать разные книги. Системы, правда, в этом не было, но было хорошо и то, что давалась в руки та или иная книга, которая заставляла думать и наполняла моё время иными интересами, чем у моих сверстников. Не думаю, чтобы среди книг были касающиеся нашего края. Разве прочитано было описание какого-либо переславского монастыря или о его основателе. Другой литературы о крае и не было у меня в руках.

Так как по окончании духовного училища следовало поступить в семинарию, а ближайшей к Переславлю-Залесскому была Вифанская, то вместо Владимира нас человек десять поехали держать экзамен в Вифанию. В вакацию мне под руки попало несколько томов журнала «Луч» и «Нива» с приложениями, над которыми я и умирал, можно сказать, всё время. Положил свои учебники в сторону и читал до одурения разные романы и повести. Несмотря на это, вступительные экзамены я выдержал настолько удовлетворительно, что при конкурсе в 115 человек я поступил 9-м. Во время экзаменов на квартире мы жили в селе Глинкове у старичка дьячка, ещё моего дальнего родственника.* Здесь первый раз в жизни я познакомился с водкой. Один из наших однокурсников принёс из сельского кабака сороковку водки. Я, помню, пришёл от этого в настоящий ужас. Но, убеждённый товарищами, выпил полрюмки с большим отвращением; другие немного подпили и, как водится, пошумели.

Что представляла собою Вифания — монастырь и семинария, я не описываю. Об этом есть литература. Отмечу только, что я застал её в том

*Алексей Иванович Загорский, дядя матери и брат бабушки автора (смотри с. 28).

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

виде, как она была до позднейших переделок. В глубине двора, на берегу пруда каменное здание в виде буквы П, двухэтажное, с четырьмя башнями; по лицу от дороги одноэтажная столовая, двухэтажное здание с классами с квартирой ректора, инспектора, залом и прочими, потом больница и два дома для преподавателей.

Как одного из лучших учеников меня поместили в юго-западной башне. Это была и спальня, и комната для занятий. Грязь была страшная, особенно в других проходных комнатах. Кормили плохо, и я к концу года нажил катар желудка, страдая постоянно тошнотою, болью под ложечкой.

Учили крепко и недурно. К той премудрости, которую постиг я в училище, присоединились уроки новых предметов — древней истории, теории словесности, алгебры и немецкого языка, не говоря уже о предметах специальных. Алгебра давалась мне плохо, а остальные предметы, особенно история, усваивались мною легко и занимался я ими охотно. Была большая библиотека ученическая. Читал запоем. Библиотекарь был странный субъект — полусумасшедший холостяк, ходивший застёгнутым на все пуговицы, — Иван Арсентьевич Лебедев. Заметив мою любовь к чтению, он стал руководить мною и оказал мне большую услугу в этом деле.

Из происшествий этого года помню, как в богословский праздник (26 сентября) богословы напились и устроили дебош, что на семинарском языке называлось «бунтом». Инспектор изловил несколько пьяных. В этой, как и в других историях, отличался надзиратель Алёшка Афонский, сыщик и прохвост по натуре, человек не лишённый остроумия. Помню, на одном из сочинений кого-то из семинаристов, нанявших его исправить работу, он, зачеркнув сочинение крест накрест, надписал: «Под сим крестом погребён смысл человеческий...»

В общем, жизнь этого года напоминала бурсацкие времена, или, вернее, бурсацкую обстановку по её грязи и суровости. Помню характерные названия некоторых комнат семинаристов — «Сиракузами» называлась комната близ уборной, «Лапландией» обращённая на север и закрытая густыми липами и тому подобное.

Но были и новые веяния. Многие из москвичей знали модные танцы и очень часто вечерами мы танцевали, причём роль дам по большей части исполняли «эфиры», как звали мальчишек с хорошенькими рожицами. За ними ухаживали...

Каникулы, отделявшие первый год обучения от второго, были очень продолжительны, так как происходил в течение лета основательный ремонт и переустройство семинарских зданий. Мы начали учиться с октября. Осень была сухая, тёплая. Не только вычищена была старая бурсацкая грязь, но увеличено было самое здание надстройкой над столовой. Старый платоновский* корпус обращён был в спальные, а для занятий классных и вечерних отведены были помещения в новом большом корпусе. Улучшено питание и сделано обязательным для всех полное содержание, то есть не только стол и квартира, но и одежда. Плата положена была 112 рублей (вместо 42 рублей)

*Корпус построен в 1797—1800 годах по воле Платона Левшина, который был ректором лаврской семинарии (с 1761), архимандритом Троице-Сергиевой лавры (с 1766), архиепископом (1775—1787) и митрополитом Московским (1787—1812).

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

в год, что родителям сначала казалось обременительным, но в сущности это было недорого. Давали хорошее бельё, недурную обувь.

В этой обстановке прошли последние мои пять лет обучения в семинарии. Господствующей особенностью её было насаждение религиозности и благочестия путём самого бездушного формализма. Нас заставляли выстаивать по три и более часа службы в церкви, устраивали каждое утро и вечер молитвы, не внося в них ни искры чувства. Всё это было всем только официальное и служебное, а не сердечное и искреннее. Так относилась к этому та и другая стороны — воспитанники и наставники. Первые довольно нередко приходили к службе (особенно вечерней) выпивши, а вторые старались их изловить, и архимандрит-ректор, не смущаясь нисколько, во время свершения службы призывал к себе тех или иных воспитанников в алтарь, обнюхивал их и отпускал обратно...

Изучение библии, особенно ветхого завета, с его нелепостями и противоречиями, неудачные приёмы сглаживания их в quasi-учёных объяснениях священного писания ещё более подрывали веру наших сердец и вызывали к себе не только скепсис, а даже враждебное отношение. Общая масса семинаристов была поэтому индифферентная, маловерующая и кощунственная. Случилось, таким образом, как раз обратное тому, что хотели сделать. Мы, как окормленные до тошноты, потеряли истинное чувство вкуса к этому, которое росло crescendo по мере приближения к окончанию курса. И как хотелось вырваться из этой ямы, из этой душной тюремной среды. Об университете нечего было и думать. «Аттестат зрелости» и категорическое запрещение принимать семинаристов в университеты парализовало всякие наши порывы. Я думал было из 4-го класса перейти в какую-то военную семинарию, но, к счастью, этого не случилось.

А самое учение, несмотря на массу никчёмных наук, прочно и верно делало своё дело. Одолевая без особого труда общеобразовательные и специальные науки, я в то же время много читал из области истории литературы, её классиков, истории гражданской всех времён, трактаты по психологии и так далее. В 4-м классе, обильном по программе интересными общеобразовательными науками — философией и другими, мы потихоньку на имя рассыльного выписывали современные журналы и газеты и таким образом держали связи со внебурсацким миром, к которому рвалась с жадностью молодёжь, не изведавшая жизни.

Таким образом, наука и развитие шли своим чередом и, несмотря на усилие семинарских властей и учителей, направление и характер нашего развития были обратно пропорциональны их стремлениям. Но о чём следует вспомнить с признательностью, так это о письменных семинарских сочинениях. Много в них было схоластического, странного, но тем не менее они приучали нас к труду, к приобретению навыков знать литературу предмета, владеть, что называется, пером. Стиль и способ изложения не был тем смешным (помесью церковных оборотов и речений), как это обычно приписывается семинаристам; не только учителя, но и монахи-начальники давали нам в этом направлении ценные указания, так что в конце концов мы умели мыслить и писать недурно.

Не помню уже, в каком классе я познакомился со славянофильской литературой. Вероятнее всего, это случилось после смерти И. С. Аксакова, погребённого в ограде Троице-Сергиевой лавры (1886 год). Собрание его со-

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

чинений, его «День», «Русь», а также сочинения его брата Константина я читал. Читал также Данилевского, Леонтьева и немного Хомякова. И был тогда славянофил завзятый. Меня трогала любовь К. С. Аксакова к Москве и его лобзание её земли после разлуки...

Это укрепило и усилило мою любовь к родному краю и окутывало её несколько мистическим флёром. По примеру К. С. я тайно целовал свои брембольские бугры и ничего так не желал, как служить моей родине. Нужно сказать, что в то время я кое-что знал о Переславле. В библиотеке отца была книжка Плишкина (во 2-м издании),* а у своих родственников в селе Насакине в амбаре я нашёл «Владимирские губернские ведомости» за 1848 год, где была перепечатана статья Савельева-Ростиславича о Переславле-Залесском.**

В то же время в Переславле появился священник Павел Васильевич Ильинский, который много занимался местной стариной. Он был знаком с нашим домом и старался со своей стороны направить мою мысль на эту работу. Свои статьи он печатал в местных ведомостях и отдельными брошюрами. Мне для руководства он дал «Записку для обозрения русских древностей» (СПб., 1851 год), которую я переписал себе и старался по изложенному там плану собирать сведения о своей родине — селе Большой Бремболе. Находившийся в отцовской библиотеке «Владимирский сборник» К. Н. Тихонравова*** навёл меня на мысль проверить сделанные там записи песен, особенно свадебных. Помогла мне в этом деле Евлампия Ивановна, сестра нашего дьячка, зрелая дева. Обладая прекрасной памятью, она диктовала мне песни, а я сравнивал их с записями, напечатанными в «Сборнике», записывал в особую тетрадь. Впоследствии они были изданы в моей монографии «Село Большая Брембола».****

Так понемногу, ещё во время обучения в семинарии, накапливались основы моего краеведческого направления.

Между тем наступил последний год моего учения — 6-й класс (1888—89 год). Начался он и прошёл в обстановке исключительно ненормальной и дикой. Дело в том, что с самого начала учебного года нас кормили супами с червяками. На это обращалось внимание начальства, но червяки попадались каждый день. Выведенные из терпенья так в течение целого месяца, решили не идти на обед в праздник московских святителей 5 октября. По живости характера я принимал участие в этом деле довольно активное, а именно, участвовал в сходках по этому вопросу и являлся с распоряжениями в другие классы. Эта мирная демонстрация раздута была в «бунт» и имела для многих из нас роковые последствия.

**Плишкин, П.* Историческое, географическое, топографическое и политическое описание города Переславля-Залесского / П. Плишкин. — 2 изд. — М.: Типография И. П. Байкова, 1879.

***Савельев-Ростиславич, Н. В.* Древний и нынешний Переславль-Залесский [по отдельным главам] / Н. В. Савельев-Ростиславич // *Владимирские губернские ведомости.* — 1848. — no. 29—32.

****Тихонравов, К. Н.* Владимирский сборник / К. Н. Тихонравов. — М.: Университетская типография, 1857.

*****Смирнов, М. И.* Село Большая Брембола / М. И. Смирнов // Труды Владимирской учёной архивной комиссии. — Владимир, 1907. — Т. 9. — С. 77—102.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Ректором семинарии был в то время архимандрит Яков (в миру Иван Андреевич Пятницкий), человек чёрствой души, карьерист, метивший быть ректором академии. Так как наш бунт портил ему дальнейшее повышение, то нам пришлось увидеть монаха наизнанку. Зрелище редкое, оставившее у меня впечатление на всю жизнь.

Вечером, в шёлковой блестящей рясе, с золотыми очками на носу и своей огненного цвета долгой бородищей, во всём величии явился он к нам в класс и в течение по крайней мере получаса изливал на нас свой демонский гнев и угрожал нам самым циничным образом своею местью. Последний его жест, когда он махнул рукой в рясе и сказал: «Так будете же меня помнить...» — жив и теперь перед моими глазами.

И после этого посыпались на нас беды и гонения как из рога изобилия. На другой же день проходит провокационный слух, что исключают из нашего класса несколько человек, причём называли имена таких товарищей, которые не были виноваты ни сном ни духом. Пришлось нам решить самим, кто из нас более виноват, что мы определили баллотировкой и заставили их пойти к начальству с повинной. Им приказано было немедленно оставить семинарию до экзаменов. А оставшимся, в том числе и мне, было гораздо хуже их. За октябрь мне поставлена была за поведение двойка, высидел я два раза в карцере, лишён был отпусков к родным и в Сергиев Посад за покупками, мне запрещено было кататься на коньках и так далее. Вечные придирки и подозрения ректора довели меня до того, что я мечтал его зарезать. Громадные ножи, которыми на кухне резали хлеб, привлекали меня и казались подходящими для этого. Но, на счастие, этого не случилось...

Не успев в течение учебного года понизить баллы по моим успехам, во время экзаменов он был неутомим в преследовании меня, подолгу спрашивал, понижал отметки, но напрасно. Средний вывод за весь семинарский курс у меня был 4,5, и, невзирая на это, хотел меня выпустить во второй разряд, но другие члены правления на это не согласились.

Когда мы пришли к нему прощаться перед отъездом, он оскорбил нас в последний раз. «Зачем вы пришли! У нас ничего не было общего...» — и далее пошли издевательства над многими из нас, и в заключение по адресу всех было сказано, что мы будем теперь околачивать пороги в передних и за свои отметки поведения мест долго не получим...

А мне он отомстил ещё раз, когда я поехал держать экзамен в Московскую духовную академию. Это было осенью того же года. Несмотря на большой конкурс (в 115 человек на 45 вакансий), я выдержал 21-м, но не был принят вследствие неблагоприятного его отзыва. Когда я брал из канцелярии академии свои документы, дал слово бежать из этого ведомства и отплатить монахам, когда будет возможно, полною монетой. Каждую рясу я возненавидел. Эта одежда для меня была символом мрака и злобы. Когда ночью мне снилось, что я ношу рясу, меня пробирал холодный пот, а при встрече и теперь её вид гадко жалит моё сердце...

Так воспитал меня отец Яков, бывший впоследствии епископом в Кишинёве. О нём упоминает в своих «Записках губернатора» князь С. Д. Урусов,[1]

[1] *Урусов, С. Д.* Записки губернатора. Кишинёв. 1903—1904 г. / С. Д. Урусов. — М.: В. М. Саблин, 1907. — С. 175—176.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

который говорит, что «епископ был заурядным чиновником духовного ведомства, не имевший, как мне казалось, свойств, необходимых пастырю душ и проповеднику евангельского учения». Наблюдение совершенно правильное и подтверждающее сказанное выше.

Изгнание из академии было для меня лично крупным поворотным пунктом, оставившим потом след на всю последующую жизнь. Получить высшее образование оказалось невозможно, и оставалось волей-неволей необходимым начать служить. Мне казалось, что настал момент служения моей родине, и я мечтал устроить в Большой Бремболе училище. Там существовала убогая школа грамоты, открытая по приказанию епархиальной власти и влачившая жалкое существование. Надо было выстроить специальное здание и, кроме того, добиться, чтобы земство включило эту школу в свою сеть. Но все мои шаги в этом направлении окончились ничем, а домашняя обстановка была такая, что гнала вон из дому. К тому времени отец от пьянства начал страдать delirium tremens и мне не было житья от него. Поэтому я принял предложение священника села Давыдовского Павла Николаевича Аматова, женатого на моей двоюродной сестре, поступить к нему учителем церковно-приходской школы на 100 рублей жалованья в год. Работал я с большим энтузиазмом и недостаток технических навыков искупал преданностью делу. Вёл также внешкольную работу — устраивал чтение в самом селе Давыдовском и ездил по деревням.

Так прошла зима 1889—90 годов. Я снова начал хлопотать об устройстве школы в Бремболе, но и на этот раз неудачно. Зато перешёл на службу ближе к родине в земскую школу, оплачивавшую учительский труд значительно лучше (240 рублей в год). Это было в селе Красном, расположенном в 3 верстах [3 км] от Большой Бремболы. Попечителем там состоял генерал от инфантерии Гавриил Петрович Самсонов, почтенный старик, товарищ Лермонтова по школе подпрапорщиков. Он мне оказывал большие знаки внимания и знакомство с ним было для меня очень полезно. Я ближе сошёлся с населением, ученики меня очень любили, и только в сторонке стоял поп Семён, красновский священник, большой руки материалист. Его звали «отец Миллиён».

Прослужив здесь с сентября 1890 года по февраль 1892 года, я перешёл в образцовую школу при Вифанской духовной семинарии. Там плата была 500 рублей в год при готовой квартире с отоплением. Для меня это имело большое значение, ибо домашние дела в Бремболе были из рук вон плохи. Отец почти постоянно был ненормален, за него служили другие, доходы были малые, а расходы семейные увеличивались. Сёстры выросли, надо старшую выдавать замуж. Мне пришлось влезать в долги и отдавать весь почти заработок матери.

Самсонов обиделся сначала на мой переход от него в другую школу, но со временем помирился, особенно когда узнал, что ученики пишут мне письма, и просил меня навещать его во время вакаций, что я потом и делал. А ученики писали мне вот что: «Мы вас очень жалеем, при вас хорошо было учиться». (Семён Купреянов из деревни Чашницы.) «Вам, чай, хорошо, потому что хорошему человеку везде хорошо». (Пётр Новожилов.) «Вы ожидайте нас весной, приедем к вам» и так далее.

Оказалось возможным перейти мне в семинарию потому, что переменилось начальство: ректором стал архимандрит Антоний Коржавин. Он не поглядел

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

на моё прошлое и рассудил по-иному, чем его предшественник. Работа в этой школе была не из приятных. Мало того, что надо было оболванить маленьких ребятишек, нужно было втянуть в работу семинаристов. Образцовые уроки для них, их преподавание иногда доставляли мне немало огорчений. Руководителем школы был учитель педагог Михаил Алексеевич Некрасов, добрейший человек, относившийся ко мне с большой любовью. В этой школе я прослужил около пяти лет (по 1 января 1897 года) и в это время много занимался своим самообразованием. Читал без конца книги из ученической и фундаментальной библиотеки семинарии, а кроме того, толстые журналы и следил (кроме того) за современными течениями русской мысли и жизни. Вращался в среде семинарских учителей и студентов академии.

К этому периоду моей жизни относятся следующие мои работы краеведного характера. Раньше всего, в 1894 году по случаю ремонта Переславского Преображенского собора написана была мною статья о нём для «Паломника». Была она отправлена в редакцию с фотографиями. Печаталась или нет — не знаю. Далее, к юбилею семинарии (в 1897 году) мною собраны были в её архиве материалы об уроженцах Владимирской губернии, обучавшихся в Вифанской семинарии (с 1797 года). На основании этого материала мною обработана была статья, напечатанная потом во «Владимирских епархиальных ведомостях».*

На все вакации обычно я уезжал домой в Большую Бремболу, где дела шли из рук вон плохо. Болезнь отца прогрессировала, сёстры подрастали, надо было выдавать замуж вторую сестру. Моего содержания не стало доставать на все нужды и надо было думать о другом. Да кроме того, школьная работа надоела мне. Захотелось увидеть другую жизнь, иных людей. Моему стремлению в этом направлении помог сменивший отца Коржавина ректор — архимандрит Парфений Левицкий, у которого брат служил в Киеве в акцизном управлении. Через него устроил он мне возможность перебраться туда. Летом 1896 года я по его совету ездил в Киев, прослужил там рабочим в винном складе $1^1/_2$ месяца во время вакации, затем возвратился в школу и перед началом учения успел побывать в Нижнем на Всероссийской выставке. Моя поездка в Киев не пропала даром, работу мою оценили и с 1 января 1897 года я назначен был контролёром Киевского акцизного управления.

Итак, вместо служения родине я должен был уехать от неё подальше по пословице: «родная сторона ни поит, ни кормит». Началась для меня новая жизнь среди новой природы, людей и рода службы, надолго захватившая меня своими особенностями.

Сначала я попал в Канев, небольшой городок на берегу реки Днепра. Пробыв в нём около месяца в канцелярии акцизного округа, я откомандирован был в местечко Кагарлык. Поселился в еврейской семье, а работал у «пана» писаря волостного правления, большого кутилы. Сюда приехал потом мой начальник, помощник акцизного надзирателя Сергей Александрович Чижов, тоже большой кутила, или, пожалуй, точнее — запойный пьянчуга. Почему-то ему понравилось в Кагарлыке, а меня перевели в Ржищев, местечко на берегу Днепра. Там мне было лучше, квартиру я нашёл в русском доме, столовался на почте.

*Статью «Владимирские уроженцы — воспитанники Вифанской духовной семинарии. 1797—1897 годы» смотри в 16 томе нашего издания.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Но вскоре сюда ко мне перебрался не только Чижов, а и ещё третий наш чиновник, надсмотрщик Авенир Фёдоров, брат антрепренёра Соловцова. Начали жить втроём. После скромной учительской среды это был настоящий содом. Почти постоянно пьяный Чижов надоедал до невероятия. Отделаться от него было невозможно. Даже в участок (акцизный район) иногда ездили все втроём ревизовать казённые винные лавки и другие места. Осенью я сбежал от него в другой соседний участок в местечко Жидо-Ставы. Там был казённый винный склад и ректификационный завод, при них администрация и помещичья усадьба. Жилось весело: каждый вечер где-нибудь бывал, играли, веселились изо дня в день. Помощник надзирателя Марк Яковлевич Казанин был другой человек, чем Чижов. Не пил, но изредка играл в винт, был домосед и скупердяй. С ним я водился мало. Чаще бывал в складе в семье Пилипенок, где центром моего внимания была молодая дама Евгения Николаевна, в которую я не на шутку влюбился, и не знаю, как бы окончилось дело, если бы весною (1898 года) я не захворал брюшным тифом. Прохворал я долго, болезнь была страшно запущена. Меня лечили от малярии, и если бы не случилось несчастье со старушкой помещицей и к ней не вызвали опытного врача, который был и у меня, то возможно, что я умер бы от прободения кишок. Еле отходили меня в Кагарлыкской больнице, где пробыл $1^1/_2$ месяца, и после этого $1^1/_2$ месяца находился в отпуску у себя на родине. Приехав оттуда, я был вытребован на поверочный сбор в Миргородский полк и проходил солдатскую шагистику в течение 6 недель первый и последний раз в жизни. А в октябре того же года был назначен на должность помощника бухгалтера Киевского акцизного управления. Так я и простился с Жидо-Ставами...

Новая служба в Киеве была чисто канцелярская, томительная и нудная. Усвоил я её довольно легко. Ближайшие мои соседи, Евгений Николаевич Головачёв и Николай Тимонович Виридарский, были хорошие интеллигенты и хорошие люди. Мы сдружились. Жизнь в Киеве была более деловая и интересная. Большой культурный центр, Киев давал полную возможность соединять приятное с полезным. Скоро я ознакомился с его библиотеками и научными обществами. Из последних меня более всего, как историка, интересовало Общество Нестора летописца. Но до самой женитьбы, несмотря на такие возможности, путного ничего не сделал. Напечатал лишь свою давнюю работу — «Владимирские уроженцы — воспитанники Вифанской духовной семинарии». О её появлении в свет я узнал на похоронах отца в Большой Бремболе, где мне в руки попали «Владимирские епархиальные ведомости» за 1900 год.*

Ещё до этого была свадьба моей третьей сестры, выданной за священника, определённого на родовое Больше-Брембольское место. Мне же пришлось опять увеличить свой долг и помочь устройству судьбы своей сестры. А вслед за этим поженился мой брат Сергей, а потом и я.

Одновременно со мной в Киевском губернском акцизном управлении служила счетоводом княжна Наталия Викторовна Мещерская из старинной обедневшей семьи. Её отец Виктор Петрович в то время был помощником

Смирнов, М. И. Владимирские уроженцы — воспитанники Вифанской духовной семинарии. 1797—1897 гг. / М. И. Смирнов // *Владимирские епархиальные ведомости*. — 1900. — № 21—24.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

акцизного надзирателя в Полтаве, но был известен как филантроп и общественный деятель.* Встречаясь ежедневно на службе с Н. В. в течение нескольких лет, мы сумели оценить друг друга. Но тем не менее моё объяснение (11 апреля 1901 года) было для неё большой неожиданностью. О своей любви я решился сказать после большой борьбы. Виной этому был титул, который хотя и был звук пустой, но тем не менее звук. После этого я стал бывать у Н. В. на квартире, а потом у её родственников — подполковника Фёдора Фёдоровича Петрова и его жены Марии Алексеевны, доводившейся Н. В. тёткой. Так прошло лето, под конец которого приезжала в Киев мать Н. В., княгиня Софья Алексеевна, которой я был представлен у Петровых одновременно с офицером, известным под именем «Аполлона». Лишённая какого-либо барского чванства, простая, искренняя С. А. отдала предпочтение мне в этом сравнении. В ноябре мы с Н. В. ездили в Полтаву, где я пробыл несколько дней в семье Мещерских и был принят радушно. А 7 января 1902 года в той же Полтаве мы обвенчались.

Для меня началась иная дисциплинированная жизнь, создался милый домашний уют, в Н. В. я нашёл самого любящего друга и союзника на всю свою жизнь. Её ровный, мягкий характер, её вера в свою счастливую звезду жизни во многом перевоспитали меня и создали исключительно счастливую домашнюю обстановку. Свои вечерние досуги я посвящал собиранию материалов по истории и родословию Мещерских. Материалов этих потом набралось у меня достаточно и я стал подумывать обработать их отдельной статьёй. Но чтобы пополнить свои знания, через профессора Митрофана Фёдоровича Хандрикова (астронома и художника) я познакомился с известным историком Владимиром Степановичем Иконниковым. Он указал мне превеликое множество источников по интересовавшему меня вопросу. В результате этой работы я сделал сотни листов выписок и потом написал исследование о князьях Мещерских XIII—XV веков для Рязанской архивной комиссии, которое и было там напечатано в 1903 году.**

Между тем мы продолжали служить оба в губернском акцизном управлении, потом я переведён был тут же, в этом же здании, делопроизводителем 1-го акцизного округа. В это время у нас родился первый ребёнок. Роды были крайне тяжёлые, неудачные, ребёнок появился на свет уже мёртвым. В то же время родители Н. В. переведены были по службе в Санкт-Петербург. Виктору Петровичу дали место таможенного чиновника при Главном управлении неокладных сборов. Здесь он больше всего занимался общественными делами и вошёл в высшие круги разных благотворительных обществ. За честность и прямоту некоторые его там не любили. Я ездил к ним в Санкт-Петербург. Много занимался в Публичной библиотеке, всё собирал разные материалы о Мещерских не только по печатным материалам, но и по рукописям.***

Служа вместе, мы получали тысячи три рублей, что дало мне возможность заплатить все мои долги, а их по брембольским делам накопилось разным

*Впечатление о Мещерских передано в письме Михаила Ивановича к брату Сергею Ивановичу от 18 мая 1903 года, смотри [21] том нашего издания.

**_Смирнов, М. И._ О князьях Мещерских XIII—XV вв. / М. И. Смирнов // Труды Рязанской учёной архивной комиссии. — Рязань, 1903. — Т. 18, вып. 2.

***О переводе Виктора Петровича упомянуто в письме 22 сентября 1905 года, смотри [21] том нашего издания.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

лицам, помнится, сот до семи. 21 июля 1904 года я получил повышение по службе, стал помощником акцизного надзирателя, с каковой должностью соединилось содержание от 2 400 до 3 000 рублей. Теперь Н. В. служить больше стало не нужно. После этого, идя с нею по Бибиковскому бульвару, я помню, шутливо декламировал из «Бориса Годунова»: «Достиг я высшей власти...»

С получением должности пришлось покинуть Киев и поселиться в селе Немиринцы Бердичевского уезда. Здесь было имение графа Николая Павловича Игнатьева, бывшего посла в Константинополе. В этом имении был винокуренный и ректификационный завод и казённый винный склад. Мы устроились очень хорошо. Несмотря на то, что это село было в стороне от железной дороги и верстах в 40 [43 км] от Бердичева, мы ни в чём не ощущали недостатка. К нам ездил каждую неделю еврей Шая Кордунский, который снабжал нас всем необходимым по самым честным ценам.

В декабре я переведён был в Бердичев. Столица еврейского царства, большая и грязная, мне показалась после уютного малороссийского села каким-то вонючим стойлом. Еле нашли квартиру у еврея Либова, на краю города, вблизи старообрядческой молельни. Мы сразу почувствовали себя не в своём месте, всё нам не нравилось — ни сослуживцы, ни окружающее население. Самый город довольно любопытен, его костёлы, храмы, старая часть города — настоящее средневековье, подземные ходы и прочее. Жить в нём было дёшево и, благодаря еврейству (его мишуресам), удобно.* Но начавшееся в конце японской войны волнение среди еврейства отравляло жизнь и делало пребывание для чиновника не совсем безопасным. Помню, я был со своим хозяином на их службе в Йом-Кипур в старой синагоге, и моя форменная фуражка возбудила во многих страшное озлобление. Надо было уходить.** Великороссу тут нечего делать, и я затосковал по родным краям. Бродя по маленькому садику Либова, я снова начал мечтать о своей родине. И, полный таких мыслей, в конце лета 1905 года еду в Киев к управляющему акцизными сборами Михаилу Михайловичу Лохтину, доброму и умному старику, с просьбой: не найдёт ли он возможным перевести меня во Владимирскую губернию. И надо же было случиться так, что не успел я открыть ему рта об этом, как сам он предлагает мне переменяться местом службы с одним хохлом из Нижнего Новгорода. Так как это рядом с Владимиром, то я, не колеблясь, дал согласие и с 1 октября 1905 года был переведён в Нижний Новгород.***

Это уже близко от родины и один из этапов приближения к ней, коренная Великороссия и один из лучших её городов. Но, признаться, после Киева и изящного типа его населения на первых порах нас поразило обилие уродливых лиц, особенно среди женщин, и скудость природы.

В Нижнем я прожил целых десять лет, и этот период моей жизни считаю одним из лучших во всех отношениях. Материально я был обеспечен

*Мишурес — посредник (*идиш*).

**Об этом посещении синагоги говорится в письме от 22 сентября 1905 года, смотри 21 том нашего издания.

***В 1904 году Смирнова хотели перевести в город Владимир, но дело расстроилось. Об этом говорится в письмах от 15 июля и 26 августа 1904 года, смотри 21 том нашего издания.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

хорошо — получал 3 000 рублей содержания. Работал много. Прежде всего по службе. А служба была трудная. Мне поручено было наблюдать за казённым винным складом в Нижнем Новгороде. Служба эта требовала многих специальных знаний и хозяйственного опыта. Нужно это было осилить. Требования начальства были строгие и подчас придирчивые. Управляющим был Георгий Иосифович Рыковский, а правой рукой у него Иван Осипович Пиотровский, человек без образования, но необычайно ловкий и работоспособный. Засыпал, как из пулемёта, бумагами и требовал исполнения в кратчайший срок. Прошло несколько лет, пока они не оценили меня и перестали мучить. Кроме того, нужно было уметь ладить с рабочими. Их было около 200 человек. Первое наше знакомство состоялось в октябре 1905 года на забастовках. Рабочие добились очень многого — повышения заработной платы, товарищеского суда и так далее. Сойдясь с ними с этих пор, я всё время дружно жил с ними, и, нужно отдать справедливость, службой дорожили многие из них. И служба эта хотя была не из лёгких, но хорошо оплачивалась и лишена была притеснений. На меня обижалась администрация склада, что я слишком близок с рабочими. Мною введено было немало улучшений в техническую сторону дела и, между прочим, изобретена смолкоочистительная машина особой конструкции, за которую я получил от Главного управления неокладных сборов премию.

Хотя после службы в моём распоряжении оставались только вечерние часы, я не терял их даром. Я прежде всего старался обработать собранные мною о Мещерских материалы. Из них незначительный отрывок я напечатал в московском генеалогическом журнале «Историко-родословной летописи»,* а затем закончил общую сводку, которая составила обширную монографию под заглавием «Князья Мещерские» и состоящую из двух частей: 1) исторического очерка, 2) родословной росписи. Так как издателя найти не удалось, то она так и остаётся в рукописи. Как ни смотреть на такие работы, особенно теперь, но в деле исторического изучения нашего прошлого они имеют своё значение...

Для меня же этот труд имел ещё вот какое значение. Под руководством В. С. Иконникова я познакомился, разыскивая материалы о Мещерских, с первоисточниками нашей истории. Я нашёл дорогу в недра её и имел некоторый навык в чтении рукописей. Когда я освободился от работы о Мещерских, отнявшей у меня несколько лет, я, естественно, обратился мыслью к своей родине. Поездки из Нижнего в Большую Бремболу и в Московский архив Министерства юстиции дали мне некоторый материал, собрав который (в том числе давнишние свои записи), я написал статью «Село Большая Брембола». Владимирская учёная архивная комиссия напечатала её и избрала меня своим действительным членом (1908 год). После этого я напечатал там же ещё шесть статей: «Переславские сокольи помытчики», «Соль Переславская», «Смутные годы XVII в. в Переславле-Залесском» и другие.** Очень крупную работу послал я в 1913 или 1914 году. Это фолиант в 14 фунтов [5,7 кг] весом — «Упразднённые монастыри Переславля-Залесского и их вотчинные акты». Труд этот остался ненапечатанным и я взял его потом

*Смотри в 1 томе нашего издания.

**Смотри в 9 и 11 томах нашего издания.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

обратно, уже в революцию. 29 ноября 1915 года Владимирская архивная комиссия избрала меня своим пожизненным членом.

Но была одна работа, которая хоть и касалась моей родины, но не была направлена для печатания во Владимир. Дело в том, что ни одна статья архивной комиссией, как известно, не оплачивалась. Присылали несколько (50 штук) оттисков и по особой просьбе число это доводилось до 200 штук. Мне казалось, что если написать книгу живым языком и издать её, то можно окупить расходы и сделать культурное дело. Я так и сделал. Свою монографию «Переславль-Залесский. Его прошлое и настоящее» я издал сам.* Но так как в неё включена была криминальная «Исповедь Варлаама», содержащая в себе откровенное признание в фальсификации мощей игумена Даниила Переславского, то, укрываясь от нижегородской цензуры, я, по совету одного московского цензора, хоть и печатал книгу в Нижнем в типографии Машистова (имевшего отделение в Москве), но титульный лист обозначен был Москвой. И книга, таким образом, миновала нижегородского инспектора по делам печати, человека крайне скверного, в Московском же цензурном комитете она прошла, благодаря знакомству, беспрепятственно. Вначале она расходилась туго и разочаровала меня в моих ожиданиях. Со временем я всё издание продал книгопродавцу Елову** в Сергиев Посад и не только выручил свои деньги, но ещё получил рублей 200 авторского гонорара. Года через полтора после выхода книга, получившая распространение в школах, была запрещена по распоряжению Министерства внутренних дел как антирелигиозная. Это составило ей популярность и она получила значительное распространение.

Между тем я завязал знакомство с Нижегородской учёной архивной комиссией. Председателем её был Александр Яковлевич Садовский, бывший удельный чиновник, местный помещик и домовладелец. Это был обворожительный человек, любитель пошутить и выпить. Библиотекарем комиссии состоял Николай Иванович Драницын, человек ограниченный, бедный, но большой библиофил. Благодаря ему библиотека Нижегородской архивной комиссии получила большую полноту и систематичность подбора. По истории можно было, благодаря этому, вести научную работу. Я многим обязан этой библиотеке в своих изысканиях. Те статьи, что я печатал во Владимире, составлены были по материалам, собранным здесь.

Занятия в архивной комиссии сблизили меня настолько с А. Я. Садовским, что мы стали знакомы домами и сделались большими друзьями. Обычно заседания архивной комиссии мы заканчивали в клубе. Кроме нас двоих в эту компанию всегда входил его зять Александр Николаевич Алелеков, доктор медицины, умный и учёный человек, шутник; Сергей Васильевич Лазаревский, чиновник удельного округа и некоторые другие. Это называлось «Общество любителей продолжения заседаний Нижегородской губернской учёной архивной комиссии». Обычно мы отправлялись в коммерческий клуб, где устраивали лёгкую выпивку, изощрялись в шутках и остротах

**Смирнов, М. И.* Переславль-Залесский. Его прошлое и настоящее / М. И. Смирнов. — М., 1911.

**Михаил Савельевич Елов (1862—1928) — издатель открыток, книжный торговец в городе Сергиев Посад. Имел книжные магазины в Рыбинске, Александрове и Переславле-Залесском.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

и поздненько под хмельком в отличном расположении духа возвращались домой. В память этих заседаний я обещал своим друзьям написать что-нибудь о нижегородском пьянстве. Стал собирать материалы о местных старинных кабаках, в результате получилась довольно большая работа, напечатанная мною в «Действиях Нижегородской архивной комиссии» под заглавием «Нижегородские казённые кабаки и кружечные дворы XVII столетия».* И в качестве дополнения к ней «Справка о нижегородских платёжницах».**

Между тем в Нижнем Новгороде было открыто отделение Московского археологического института. Это как нельзя больше соответствовало моим внутренним желаниям. Мне давно хотелось систематизировать свои знания, ибо как ни хорошо самообразование, но в нём неизбежны пробелы, а систематические курсы восполняют их и дадут моим историческим знаниям надлежащую законченность. И вот с 4 декабря 1911 года, когда открыто было отделение, на сорок четвёртом году своей жизни я стал слушателем института. Во главе его стоял крайне несимпатичный тип Александр Иванович Успенский, а секретарём мой товарищ по семинарии Василий Иванович Троицкий. Великий черносотенец, циник и любитель здоровой выпивки, Успенский скоро мне надоел. А ездил он в Нижний довольно нередко, и мне как курсовому старосте (а я был им по выбору все три года) приходилось бывать на всех попойках. Попили мы и с разными профессорами... Некоторые читали недурно: Тальберг, Городцов и другие. Но не в этом одном было дело; ближайшее изучение их лекций в значительной степени дало то, что я ожидал. Экзамены я сдавал пачками, для этого большей частью приезжал в Москву — один раз даже в недельный срок я там сдал 11 зачётов, а другой — 7. В качестве диссертации я предлагал г. Тальбергу «Нижегородские кабаки». Ознакомившись, он согласился. Но Успенский отсоветовал и предложил подать ему «Переславль-Залесский» по предмету русского искусства. 4 марта 1914 года я окончил институт со званием учёного археографа с золотой медалью и действительным членом института. Мало того, Успенский предложил мне место преподавателя института по кафедре «Древнерусская метрология». Это предложение вначале мне было очень лестно, и я начал писать пробные лекции: одну о питейных мерах XVII столетия, другую о хлебных мерах. Первую я разработал основательно и дал новое решение вопроса. Собирался сделать то же и по второму и указать промахи в этом деле В. О. Ключевского (его статья «Рубль»),*** но потом рассчитал, что это меня совершенно оторвёт от моих изысканий о родине. Некогда будет мне писать о ней. Буду я преподавателем не бог знает каким, а своему заветному делу изменю. Послал я в институт свою статью о питейных мерах для печати в «Записках», но Успенский её, должно быть, потерял, а может быть, отдал своему брату Ивану, который читал метрологию; она, надо думать, у него и осталась. А вторую работу по метрологии так я и не довёл

Смирнов, М. И. Нижегородские казённые кабаки и кружечные дворы XVII в. / М. И. Смирнов // Действия Нижегородской учёной архивной комиссии. — Н. Новгород, 1913. — Т. 16, вып. 2.

**Смирнов, М. И.* Справка о Нижегородских платёжницах / М. И. Смирнов // Действия Нижегородской учёной архивной комиссии. — Нижний Новгород, 1913. — Т. 16, вып. 1.

***Ключевский, В. О.* Русский рубль XVI—XVIII в. в его отношении к нынешнему / В. О. Ключевский // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских. — М., 1884. — Т. 1. — С. 1—72.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

до конца, и лежит она сейчас в сыром виде. Успенского поблагодарил за честь и от предложения отказался.

Подобная же судьба постигла ещё очень интересную мою работу как не имеющую отношения к родине. Это о пьянстве на Руси, что было естественным продолжением моего исследования о нижегородских кабаках, бывших, в сущности, лишь одним из эпизодов общей картины. Материал я собрал разнообразный и большой. Но как-то так вышло, что я задержался на его собирании дольше, чем следовало. Я не начал писать в то время, когда это было нужно. Прошёл порыв и надо было вымучивать себя, чтобы заставить писать. Писать я потом пробовал, но вышло слабо, а потом жаль было времени. Но, может быть, ещё одолею как-нибудь и эту работу закончу.

А в семейной жизни в это время было вот что. После неудачных первых родов у нас долго не было детей, но потом Н. В. лечилась у одного нижегородского врача, который устранил какие-то неисправности. Беременность была тяжёлая, с разными болями, и Соня родилась несколько раньше времени, у ней не было ещё ногтишек. Но отходили её и она стала расти. Потом появился у нас Сева. Чтобы дать детям летом больше солнца и воздуха, мы стали выезжать из Нижнего на дачу. Самым удобным местом была «Мыза», расположенная в 3 верстах [3 км] от города на правом гористом берегу Оки. Сначала мы там снимали дачу, а потом я выстроил свою зимой 1911—12 годов. Рискнул делать без архитектора, купил дом в Сормове, перевёз его, а потом приделал к нему фронтон, террасы и прочее. Получилась очень эффектная постройка снаружи и хорошая внутри. Все стены были обиты сосновой рейкой; расположение удобное. Из двух этажей — нижний я назначил под дачу себе, а верх, — очень большой, в пять комнат с мансардой, — для квартирантов. И надо же было, чтобы таковым был у меня несколько лет подряд Александр Николаевич Глоссон, управляющий Нижегородским удельным округом, каковое обстоятельство имело потом влияние на мою дальнейшую жизнь.

Понемногу втягиваясь в дачную жизнь посёлка, я вскоре встал в центре его общественного движения и решил создать Общество благоустройства. Выработал соответствующий устав на другой год своего водворения на Мызе и провёл его через все инстанции. 23 января 1914 года он был утверждён и общество открыло свою деятельность с 22 февраля, с момента учредительного собрания, прошедшего под моим председательством. Дачный сезон 1914 года прошёл при энергичной работе Общества, в котором я взял для себя роль секретаря. Председателем выбрали богача Александра Семёновича Заплатина в расчёте, что он что-нибудь даст для благоустройства, но ошиблись. Улучшено было сообщение с городом (добавлено автомобильное), заведено освещение, улучшены переходы и дорожки в парках, заведены игры и спорт для юношества и прочее. Всё это мною подробно изложено в отчёте, напечатанном Обществом (в 1915 году).*

Но в это время началась великая европейская война, произошло сокращение продажи крепких напитков и акцизное дело как-то стало тревожно-неяс-

*Отчёт Общества благоустройства дачной местности «Мыза» за 1914 год. (Первый год деятельности Общества) / [М. И. Смирнов]. — Нижний Новгород: Электро-типография Г. Искольдского, 1915.

Устав и отчёт Общества смотри во 2 томе нашего издания.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

ным. Тогда я обратился к своему дачеанимателю Глоссону с просьбой взять меня к себе на службу управляющим имением. Он охотно на это согласился и начал хлопоты в Санкт-Петербурге. Вся зима 1914—15 годов прошла в этой переписке, а с 15 мая того года я уже был в селе Личадееве Ардатовского уезда, которое считалось одним из лучших имений Нижегородского удельного округа. Дачу свою продал перед самым отъездом. Акцизные мне завидовали, а больше всего моему назначению был рад председатель архивной комиссии А. Я. Садовский, который раньше служил управляющим в том же селе Личадееве. Мызинские мои приятели, а это были большей частью банковские и торговые служащие, совестили меня, что я еду на пенсию, а мне бы следовало бросать казённую службу и взяться за ихнее дело... и так далее.

Пока шли хлопоты о моём переезде на службу в удельное ведомство, зимою 1914 года произошли две тяжкие утраты, больно отразившиеся на мне. Это кончина моей матери (11/XI) и, через несколько дней, младшей сестры (26/XI), бывшей замужем за брембольским попом. Обе долго хворали: мать страдала сердечными припадками, нажитыми ей своей горькой судьбиной, заботами и невзгодами семейной жизни, а сестру заразил её муженёк и она умерла от женской болезни... Существовавшая дотоле через них крепкая связь с селом Большой Бремболой круто оборвалась, а мой переход в Ардатовские леса тоже был шагом в сторону от неё, так что всё вместе взятое говорило об ослаблении моего стремления на родину.

В Личадееве я устроился очень хорошо. Там был прекрасный дом и усадьба, крупное содержание (свыше 4 000 рублей), солидное положение в обществе и земстве, связанное с этой службой. А главное, большая свобода, которой я не располагал в Нижнем. Там служба поглощала большое время ежедневно, как и каждая фабрично-заводская работа. Оглядываясь теперь назад, с тоской и сожалением констатирую это. Будь больше времени свободного в моём распоряжении, я бы для научного познания моей родины сделал вдвое-втрое более. Здесь другое дело. Удельная служба не требовала ежедневных высиживаний часов. Это была живая хозяйственная работа. Пришлось, понятно, учиться, и главным образом лесоводству и лесоустройству, так как имение было почти исключительно лесное (в 40 тысяч десятин), [43 702 га] усвоить вместе с тем канцелярский механизм ведения отчётности.*

Общение с народом было постоянное, так как имение было раскинуто по всему Ардатовскому уезду не менее чем в восьми его волостях. Оброчные статьи, покупка леса и прочее из всех углов уезда заставляли ходить к удельному управляющему. Для удобства населения приходилось раза 2—3 в месяц выезжать в Ардатов и держать там канцелярию. Здесь приходилось работать, не разгибая спины, целый день и принимать целое скопище народа. Но зато это избавляло меня от одиночных приёмов на дому и выделяло значительные досуги для научных занятий.

Располагая хорошим содержанием, я завёл в Московском архиве Министерства Юстиции корреспондентку, которой ежемесячно высылал деньги на снятие тех или иных копий с нужных мне актов и грамот, касающихся

*Подробный рассказ об этой службе в письме от 24 декабря 1915 года, смотри 21 том нашего издания. Обязанностями чиновника было продавать лес и сдавать участки в аренду. В это время Смирнов был земским гласным Ардатовского земского собрания как представитель удельного ведомства.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Переславского края. Этим путём я получил копии писцовых и межевых XVI века, дозорных XVII века, писцовую книгу князя М. Волконского и так далее. Документы о переславских воеводах, губных старостах и прочем XVII столетия. В моих руках, таким образом, скопился значительный документальный материал. И я принялся за его обработку самым усердным образом. Если мне не мешали, я занимался с утра до вечера. Так как печатание трудов Владимирской архивной комиссии в войну пошло тише, то из моих работ, законченных в Личадееве, напечатать ничего не удалось. В сокращённом виде они появились потом в печати в Переславле-Залесском. Но большинство работ лишь задумано было здесь или, в лучшем случае, произведена подготовительная черновая работа. Так вчерне мною написаны указатели документов Переславского края XIV и XVI и XVII веков; затем «Хорографическая номенклатура Переславского Залесья» (опыт её классификации); о воеводах переславских и так далее.

Эта работа чередовалась со службой, с поездками по имению, что, в общем, было большим удовольствием. Сейчас же за Личадеевым начинались сосновые леса, проехать по которым в летнюю пору одно наслаждение. Были, кроме того, живописные уголки, из которых выделялось одно, за станцией Мухтолово Казанской железной дороги, где среди бора находилось три озера, видимо, провального происхождения. С островами, заливами среди безмолвного леса, они были полны особой прелести. Одно из них, Чарское, отличалось тем, что осенью или зимой, но ежегодно, из него уходила вода. Оно мелело и из большого озера становилось лужей. Весной снова заполнялось, и так из года в год...

Но иногда поездки были сопряжены с приключениями рискованного характера. Поехал я раз в мае принимать делянки в хорошую погоду, но после полосы дождей. Отъехав от дому вёрст с 30, [32 км] я подъехал к одному оврагу, который оказался полон воды. Со мной был объездчик, для которого это было сюрпризом. Не успел он меня предупредить, как лошадь (а я был на дрожках), которую кусали комары и слепни, рванула и пошла в воду. На середине оврага была стремнина, которая понесла меня с дрожками и лошадью в сторону. Лошадь не доставала дна, плыла. Ещё бы немного, и я попал бы в водоворот, образовавшийся от затора из брёвен, дров и прочего лесного материала, снесённого паводком. Всё это свершилось так быстро, что из сухого в одно мгновение я стал мокрым от самой шеи до ног. Но я не очень горевал об этом, было тепло, а главное, я избежал большой опасности. Оказывается, что накануне прорвало пруд для мочки мочала и вода бежала уже с ослабленной силой.

Имение было раскинуто на 80 вёрст, [85 км] и дальние поездки иногда были утомительны, но приятны и меня не тяготили. Приходилось и пешком много ходить. Осмотр границ той или иной дачи не всегда можно было сделать на лошади по отсутствию дорог. Так, раз под дождём я должен был обойти Ризадеевскую дачу в 4 тысячи десятин, [4 370 га] что продолжалось с утра до вечера, и я воротился на Куриху в монастырскую гостиницу мокрый до нитки. Монашины дали мне свою сухую рубаху (женскую) и я щеголял в ней, пока моя одежда не высохла...

К границам удельного имения примыкали владения Выскунского и Кулебакского заводов. Я там побывал, но не завязал знакомств, как равно и в Ардатове. Не было подходящих для меня людей. А про самое Личадеево

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

и говорить нечего. Поп и учителя, всё публика малограмотная. Для них я устраивал преферанс. И иногда он происходил при любопытной комбинации игроков: ксёндз, поп, учительница и я. Это я называл «соединением восточной и западной церквей». В дополнение к тому же, не любивший играть в карты становой пристав уныло бродил и ждал, когда можно будет садиться за стол и выпить...

Ксёндз наезжал временами и появился с тех пор, как в Личадеево была прислана партия беженцев из Гродненской губернии. Их прибыло человек 50; пришлось заняться их судьбой и помогать чем можно. Население вначале приняло в них живое участие, а потом быстро охладело, да и сами беженцы не все были сознательные и порядочные люди. Мною был устроен комитет и собирались пожертвования. Кроме того, я стремился облегчить судьбу наших пленных в Германии и также через этот комитет хлопотал перед населением об организации им посылок. Всех пленных из Личадеева было человек 40. Раз или два это мне удалось сделать. Посылали сухари, папиросы, сахар, чай и прочее. Пленные присылали за это свою горячую благодарность. Но вскоре пришлось дело оставить: некоторые солдатки, жёны пленных, сами стали тяготиться сборами и, кроме того, по селу пошла молва, что все посылки идут немцам, а не пленным. Я и жена объявлены были немцами. Расположенные ко мне крестьяне отсоветовали бороться с этим, тем более что наступили новые времена...

Произошло 27 февраля 1917 года. Когда мне принесли с почты газету, в канцелярии был крестьянин села Личадеева Иван Николаевич Ощипков, довольно состоятельный человек, торговый. Услыхав об отречении Николая и образовании Временного правительства, он прослезился, перекрестился и сказал, что давно пора дать им, крестьянам, место как равноправным людям. С бодрой и весёлой душой пошёл он от меня домой. Удельные имения объявлены были государственными и все доходы стали вноситься в казну. В то же время образовавшиеся исполнительные комитеты и ставшие во главе уездной власти комиссары сразу же разделались со многими неприятными их управляющими. В марте же из 18 управляющих Нижегородского удельного округа сменено было 15 человек. Я остался в числе трёх и продолжал работать.

Между тем на селе начались разные толки по поводу начавшейся революции. Относясь доверчиво ко мне, крестьяне позвали меня к себе на сход (12/III) и просили выяснить происшедшее. Я принёс с собой газеты, долго и мирно беседовал, но под конец из толпы сзади стали покрикивать: «А зачем ты в земстве брал сахар и пшеничную муку?» Действительно, я там покупал и то и другое для сторожей. Их было в моём распоряжении 53 человека, получали они жалованье от 10 до 14 рублей. Чтобы облегчить им судьбу, я и наделял их время от времени этим. Сторожа этим очень дорожили и несли свою службу исправно. Объяснение моё выслушали, но остались при особом мнении... Началась полоса расхождения, но прежние добрые отношения скрашивали положение и давали мне возможность охранять леса до поры до времени. В некоторых сельских обществах составили протоколы об увольнении сторожей из удельных дач. Я это опротестовал в исполкоме, меня поддержал комиссар и дело не прошло. Сторожа остались на местах, но за порядком следить стало трудно, крестьяне-односельчане на них крепко обижались. Чем далее шло время, тем отношение к страже и к лесу стало

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

тревожнее. Без конца составлялись протоколы и передавались в суд, но на место этих порубок прибавлялись новые, и так без конца. Надвигалась стихийная сила, остановить которую ничем уже нельзя было. Летом во время полевых работ это ещё не так заметно было, но к осени стало совершенно очевидно. Сторожа стали уходить со службы, порубки пошли колоссальные.

Видя, что бороться бесполезно, а равнодушно переносить расхищение, хотя бы и революционное, преступно, я стал думать о перемене места и рода службы. И вот тут-то моя мысль снова стала останавливаться на заветной мечте — послужить своей родине. Кроме того, моим детям пришла пора поступать в школу и всё равно надо было из села Личадеева уезжать. Но уехать так без службы я не мог решиться. Но в Переславле, как я навёл справки, ничего подходящего не было. Была лишь вакантна должность начальника милиции, а мне не хотелось и думать об этом.

Тем временем надо было решаться: железнодорожное сообщение катастрофически шло к распаду, и дальнейшее промедление грозило тем, что можно было застрять тут навсегда. Скрепя сердце я согласился на предложение земства, которое меня избрало на эту должность. Во главе исполкома и комиссариата находились интеллигенты, и это меня ободряло. Распродав наскоро часть своего имущества, остальную я отправил багажом и уехал со своей семьёй в конце октября. Приехав в Москву, мы узнали, что накануне была перестрелка большевиков с Кремлём. Одним словом, Октябрьский переворот уже свершился.*

Итак, моя заветная дума осуществилась. Через длинный промежуток лет я снова на своей милой родине. Но при иной обстановке. Не было в живых в Бремболе моих близких. Кроме того, помер (4/VII—1916 года) мой брат Сергей, профессор Московской академии и университета, крупный учёный и кристаллической души человек. У Наталии Викторовны около того же времени скончался на Волыни отец (4/I—1917 года). Как и раньше, она охотно и без колебаний согласилась ехать в Переславль.

В первое время я с радостью набросился на его изучение, посещал и рассматривал его со всех сторон; проверял свои знания и был бесконечно счастлив. Мне шёл 50-й год и, следовательно, под «кров родной» вернулся я не тем юношей энтузиастом, каким оставил его, а человеком зрелых лет, принёсшим богатый опыт и знания пережитых лет.

Свою службу я свёл главным образом к канцелярским занятиям, не старался изображать бравого исправника и без нужды не совался в наружную службу. Милиционеров держал в субординации, заботился о них сердечно, и они меня полюбили. Сменил двух своих помощников: одного за пьянство, другого за грубость. Всё шло тихо и гладко. Не было ни уголовных, ни революционных выступлений долго. Но в то же время чувствовалась двойственность положения. С одной стороны, продолжали работать прежние организации — земство и городская управа, правда, демократизированные и в изменённом виде, но в то же время возник Совет рабочих и крестьянских депутатов, во главе которых стали Владимир Васильевич Соколов и Иван Николаевич Кузнецов. Первое публичное заседание Совета происходило 27 декабря 1917 года в доме Корнева (бывшем трактире) на Вознесенской

*Обстрел Кремля происходил с 29 октября по 2 ноября 1917 года.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

улице. В то время, как прежние учреждения старались отстоять своё существование, вновь организовавшийся Совет начал постепенно их забирать и влиять на ход дел в них. Эта борьба продолжалась по март 1918 года, когда земская управа была ликвидирована.

В то же время я перезнакомился со всеми интеллигентными слоями Переславля. Меня интересовала редакция газеты «Переславец». Это была первая газета в нашем городе от сотворения мира.* Издавалась она недурно. Но состав редакции меня не удовлетворял, да и сама газета была прикрыта в декабре. А вместо неё В. В. Соколов стал выпускать «Голос рабочих и красноармейских депутатов».**

Более всего понравился мне «Союз учащихся». Председателем его был сын крестьянина Нагорной слободы Иван Николаевич Марков, дельный паренёк, с которым я завёл знакомство и через него был приглашён в Союз для прочтения лекции по истории Переславля-Залесского. С первого же раза аудитория и лектор остались друг другом довольны и я до конца учебного года прочитал им вечерами несколько лекций.

К тому же времени относится моё знакомство с художником Дмитрием Николаевичем Кардовским, переславским уроженцем. Он сам пришёл ко мне в канцелярию и просил меня оказать его жене на время его отъезда покровительство. Вскоре ко мне явилась на квартиру и его жена, художница Ольга Людвиговна рождённая Делла-Вос. Этому знакомству я был рад: оно вводило меня в область искусства, тем более что это было первое знакомство с художниками, до тех же пор мне не приходилось встречаться с ними. Незадолго перед этим я купил в Плотихине у помещицы Ляпуновой картины и мне интересно было услышать оценку их со стороны знатоков искусства. О. Л. похвалила рамы... Сами художники оказались хорошими интеллигентами, жившими интересами своего искусства, но вместе с тем чрезвычайно практичные люди, каковое сочетание меня временами удивляло...

Между тем продовольственное дело разрушалось с каждым месяцем. Среди городского населения начались неудовольствия. Я предложил Соколову на случай возмущения уничтожить колоссальные запасы вещественных доказательств в виде беспатентного спирта и алкогольных напитков. В ожидании суда этого добра в полиции ещё накопилось несколько десятков вёдер. В начале марта они были вылиты в нечистоты. Этой мере, я полагаю, Переславль обязан своим благополучием и относительно спокойным течением последующих событий. А они были таковы.

После того, как Совет осуществил в себе новую революционную власть, на долю его выпала тяжёлая задача продовольствия. 22 марта старого стиля (4 апреля) в помещении земской управы происходило по этому делу совещание с рабочими организациями. В. В. Соколов, как председатель исполкома, вёл его и был несколько раз оскорблён со стороны присутствующих, особенно женщин. Были слышны крики и угрозы по его адресу.

*Еженедельная газета «Переславец» выходила с 21 мая по 4 декабря 1917 года, всего 29 номеров. Издателем её был Временный исполнительный комитет, главным редактором — председатель ВИК врач Иван Михайлович Михневич.

**Газета «Голос Переславль-Залесского Совета Рабочих и Солдатских депутатов» выходила с 4 декабря 1917 года по 11 марта 1918 года, 8 номеров. Издателем её был Переславский совет рабочих депутатов, главным редактором — председатель Совета, ссыльный студент Владимир Васильевич Соколов.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Пришлось бежать через окно. Наутро было объявлено военное положение и вызвана из Александрова военная часть. Прибыла она под начальством Хахаева, которому дано было распоряжение доставить на допрос по списку несколько человек, подозревавшихся в контрреволюции. Но он предпочёл расправиться по-своему. В ночь 24 марта старого стиля оказался застреленным в спину арестованный для допроса священник Снятиновский. После выяснилось, что это была самовольщина со стороны начальника отряда, о чём впоследствии Совдеп опубликовал документы в журнале «Культура» № 1 за 1918 год. Далее Александровскую часть сменила вызванная из Владимира, которая тоже старалась терроризировать город. Отобрала в милиции весь запас вещественных доказательств, в том числе много кож и подмёток. Будь тут водка, то пулемёты, расставленные по улицам, могли бы загрохотать. В. В. Соколов ничего не мог поделать с ними. Это так повлияло на него, что он отказался от председательствования и уехал из Переславля. Мне также ничего не оставалось делать и я, по совету с ним, ушёл в отставку, прослужив всего пять месяцев (с 1 ноября 1917 года по 1 апреля 1918 года), полагая, что мне найдётся более подходящее дело.

И такое дело нашлось. Весною были курсы учителей и мне предложено было комиссаром просвещения Ермолаевым (в шутку его звали «комиссаром умопомрачения») прочитать лекции по истории родного края, что мною и было исполнено. Затем нашлось и постоянное дело: это организовать библиотеку и музей. Взялся я за эту работу с величайшей готовностью, ибо она именно соответствовала моим внутренним стремлениям и давала мне возможность содержать себя и работать по призванию.

Начал я с библиотеки. Отдел образования помещался наверху в доме Павлова, куда весною переселился Совдеп.* Там на полу по углам лежали книги, привезённые из разгромленного имения Журавлёвых села Семендяйки, а во дворе в амбаре и сарае валялись грудами книги, реквизированные в имении Гагаринская Новосёлка. Мне дано было несколько девиц, которых я и посадил за перепись книг. Под библиотеку и музей Совдеп постановил передать дом Шилля, куда летом и были перевезены из дома Павлова находившиеся две библиотеки.** После того, как прослужил я месяц, выяснилось, что на заведующего библиотеками и музеем никакого кредита нет. И отдел образования платить ему не может.

Выручило меня из этого положения избрание совета лесничих в заведующие лесным отделом. Тогда я совместил две должности, но получал по одной. Так тянулись дела до января 1919 года. К этому времени я завязал сношения с Всероссийской коллегией по делам музеев и получил деньги на музейное строительство и своё содержание. Подготовительные работы продолжались до весны. Музей открыт был в Горицком, упразднённом ещё при Екатерине, монастыре в здании бывшего духовного училища 28 мая 1919 года. Но ещё ранее этого, а именно 30 марта того же года, я открыл Научно-просветительное общество (Пезанпроб), поставившее себе главной задачей изучение родного края.***

*Дом купца Сергея Петровича Павлова — улица Советская, дом 5.

**Дом врача Владимира Карловича Шилля — улица Кардовского, дом 33.

***Устав Пезанпроб смотри в 15 томе нашего издания.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Считаю, что музей и общество, связанные между собой в научно-просветительном деле одной общей мыслью просвещения края, организованы были в тот период моей жизни, когда я был краеведом. В это время моё миросозерцание было совершенно определённое: я веровал и исповедовал, что знание природы края и жизни населяющего его человека — вернейший путь экономического и культурного развития страны. Таким образом, на поставленный мне вопрос: «Как я стал краеведом?» — я, полагаю, дал ответ.

Кратко суммирую сказанное: сделали меня краеведом любовь к моей родине, а затем семейная обстановка моего воспитания и обучения и, наконец, целый ряд фактов моей жизни.

О том, что я сделал и как сделал, отдавшись только научно-просветительной работе на своей родине, постараюсь изложить в дальнейшем очерке: «На службе родному краю», в котором, может быть, удастся мне поподробнее рассказать об этом.

30 марта 1924 г..
ГАЯО. Ф. Р-913. Оп. 1. Д. 1. С. 3—52.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

На службе родному краю. Музей

Топи жизнь в деятельности,
не задумывайся над личными
вопросами — вот мой девиз издавна,
а то сердце лопнет! Когда
умрёшь... — останутся для людей
мысли, дела, труды — то, что
человек произвёл умственного,
сердечного, нравственного для
других. Этим его будут поминать,
а если и забудется имя, то дело
останется для других, хотя бы
и забылось, от кого оно пошло.

К. А. Кавелин

Самой настоящей службой родному Переславль-Залесскому краю я считаю научно-просветительную работу в должности заведующего местным музеем и веду её начало со 2 июня 1918 года. С этого именно момента начинается окончательно определившаяся моя деятельность, по отношению к которой вся остальная моя жизнь была только подготовительным периодом. Здесь мне счастливо удалось объединить внутреннюю настроенность со служебными обязанностями. Получилась редкая гармония, от отсутствия которой я страдал в предшествовавшее время.

Итак, мне предстояло на чистом поле создать культурное учреждение в виде библиотеки и музея, создать в такой степени и мере, насколько я смогу. Никаких указаний на этот предмет не было, да и быть не могло, и мне была предоставлена полная свобода действий в течение долгого времени.

Общественные библиотеки существовали и раньше. Прежде всего устроил таковую переславский мещанин Иван Васильевич Быков, торговавший книгами сначала на ларьке, а потом в лавке. Затем возникли библиотеки в клубах — дворянском и потом в демократическом. Библиотека Быкова существовала, должно быть, негласно и закрылась давно с его смертью. Библиотека демократического клуба была продана до революции, и ко времени моего вступления в должность была одна в общественном собрании.

Из книг, реквизированных в революцию по усадьбам и монастырям, предположено было мною устроить две библиотеки: одну при Отделе образования из книг беллетристического характера и научно-популярных, другую при музее, как книгохранилище, куда должны были поступить все книги антикварного характера, иностранная литература, краеведные издания и прочее. Одним словом, она должна была стать для уезда центральной библиотекой научного характера. После того, как я выделил из книг Гагариных и Журав-

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

лёвых свыше 5 000 томов для библиотеки Отдела народного образования, я отошёл от этого дела. Оно передано было в ведение внешкольного отдела, а я стал организовывать музей и отдался этому делу.

В конце августа 1918 года я был командирован во Владимир по топливным делам. Нужно было в губернском лесном отделе выхлопотать денег на разработку дров, необходимых для советских учреждений Переславля, и установить лесосеки для населения города и уезда. В качестве заведующего уездным лесным отделом я и поехал во Владимир.

Улаживая эти дела, я старался двинуть и другое дело — музейное. Но в то время губернский комиссариат народного просвещения в этом отношении был безнадёжен. Там нельзя было добиться никакого толку: ни денег, ни руководства. Но во Владимире я узнал от производившего расчистку фресок в Успенском соборе реставратора, что по этим делам следует войти в сношение со Всероссийской коллегией по делам музеев и охране памятников искусства и старины (Москва, Мёртвый, 9).*

На обратном пути из Владимира я это и сделал. Меня принял Николай Георгиевич Машковцев, которому я устно изложил суть дела и просил его выдать для организуемого музея из кладовой Румянцевского картины из собрания переславца Ивана Петровича Свешникова и дублеты из археологического собрания П. С. Савельева и А. С. Уварова по Переславскому уезду.**

Он посоветовал мне подать докладную записку, что я и сделал тут же, а потом повторил свою просьбу из Переславля. В ответ на это получил самую обычную канцелярскую отписку, что мои записки будут рассматриваться на «общемузейной конференции» вместе с другими. Это меня обескуражило в достаточной степени, и я стал скептически смотреть на всё это дело. Так как ни в уезде, ни в губернии получить на музейное дело денег было нельзя, то последняя надежда на центр, и та становилась крайне сомнительной.

Проходит сентябрь и почти весь октябрь в таком неопределённом состоянии. Я снова был в Москве, но там мне дали вместо денег и вещей мандат (18/X—1918 года № 1916), в котором говорилось, что Коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины поручает мне «устройство и организацию музея в Переславле-Залесском. Все местные советские власти призываются оказывать всяческое содействие мне в исполнении поручения, возложенного на меня центральным органом рабоче-крестьянского правительства».

Это дало мне право выступить в исполкоме и других местах с большим правом, чем только в качестве члена коллегии Отдела образования. Теперь мне удалось получить для музея дом бывший доктора Шилль,*** завещанный им городу под женское ремесленное училище и представлявший собою каменный особняк. Это было ещё при первом комиссаре просвещения А. С. Ермолаеве, который по своей никчёмности осенью был смещён, а на его

*Он же Пречистенский переулок, особняк Маргариты Кирилловны Морозовой.

**Румянцевский музей открылся в 1831 году в Санкт-Петербурге, а в 1861 году переведён в Москву. Помещался в доме Пашкова. В 1924 году этот художественный музей с богатым и разнообразным собранием был частью распределён по другим музеям и картинным галереям, частью разворован, а частью вошёл в состав Российской государственной библиотеки.

***Улица Кардовского, дом 33.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

место избран был врач Георгий Аркадьевич Карташевский. Последний вскоре после своего назначения переселил канцелярию Отдела образования из дома Павлова в назначенный для музея дом. Сюда же я стал свозить вещи, поступавшие в музейный фонд, и книги.

Первый такой транспорт был из именья Журавлёвых села Семендяйки (30 октября). В мае это имение было разгромлено и в течение лета, когда стал заведовать им Глебовский волостной исполком, было несколько покраж — пропало всё серебро и ценности. Владелицей имения была Елизавета Григорьевна Журавлёва, самая богатая помещица в уезде, вдова мирового судьи, рождённая Повалишина. Отец её, Григорий Ларионович, был предводителем дворянства в Переславском уезде, а дед Ларион Афанасьевич — екатерининским контр-адмиралом. Журавлёва была скупая и недобрая женщина, путавшаяся после смерти мужа со своим кучером. У ней, как уверяли меня близко знавшие её, одних процентных бумаг было на два миллиона рублей и на большую сумму бриллиантов.

Всё это было у ней реквизировано, с горя она заболела и, брошенная, валялась в мезонине своего городского дома. Одно время к ней или, вернее сказать, к её имуществу были приставлены часовые, из которых двое или трое что-то похитили и были потом расстреляны за кладовой Павловых.

Когда я приехал в Семендяйку вместе с представителями отдела социального обеспечения, то из двух барских домов один был без окон и дверей, скотный двор сожжён, а в другом доме был полный беспорядок: весь пол устлан был бумагами, состоявшими большей частью из писем и земельных документов, мебель и обстановка сохранились только частью. Больше всего имущества сохранилось в амбаре: там была ценная фарфоровая посуда, сундуки с бельём, одеждой и прочим, а на чердаке груды бумаг — писем, дела Переславского ополчения 1854—55 годов, Переславского предводителя дворянства и другие.

Я отобрал для музея все бумаги и книги, какие только оказались налицо, гравюры, литографии, акварели и картины. Но ценного тут было мало. Взял только по несколько экземпляров фарфоровой посуды (был Сакс),* мебель красного дерева — кресла, столы, кое-что из барских костюмов (платье с кринолином, фрак лакея и прочее), из шитья шерстью и прочее.

Всё это перевезено было мною в дом бывший Шилля, где я занял самые большие комнаты. Но дело пока только этим и ограничилось. Как вдруг оно наладилось самым неожиданным для меня образом. В один из ноябрьских вечеров, на дворе была уже зима, меня разыскивал милиционер, достаточно нетрезвый, чтобы объяснить домашним, что кто-то приехавший из Владимира мною очень интересуется и просит меня в комитет партии. Это я узнал очень поздно и потому отправился только наутро по указанному адресу. Оказалось, что меня разыскивала еврейка, худенькая, небольшого роста, которая повела сразу со мною речь о музейном деле и переславской старине. Я ей очень откровенно высказал свои горести на центр и невозможность работать при создавшихся условиях. Она мне советовала обратиться помимо музейной канцелярии прямо к Наталии Ивановне Троцкой и от её имени; высказать все свои нужды и просить её личного воздействия. Дала свой московский

* подробнее

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

адрес и вместе с тем сказала, что она художница и друг Н. И. Троцкой. И сказала, что если я послушаю её совета, то дело пойдёт.

Я отправился на другой день в Москву, проделал всё как мне говорила таинственная, как мне казалось, посетительница, и Сезам отворился. Троцкая распорядилась выдать мне аванс в 3 000 рублей, вопрос о картинах был решён в пользу музея и я, несмотря на шипение Машковцева, уехал на этот раз победителем.

Только впоследствии я узнал, что Надежда Ильинична Островская была председателем Владимирского губернского исполкома и приехала в Переславль по делам, а кстати сделала доброе дело для музея.

Картины И. П. Свешникова, как я узнал в Румянцевском музее, большей частью лежали в кладовой, и хранитель галереи Николай Ильич Романов, которого я знал по археологическому институту, обещал мне отобрать лучшие для Переславля. К картинам мне даны были ящики и я нанял одного из музейных служителей упаковать мне картины для перевозки. В декабре всё это было проделано, и прямо на подводах я перевёз их в Переславль. Прислали мне 45 картин, среди них были: Шишкина — «Ручей в лесу», Семирадского «Опасный урок», Сведомского «Фульвия с головой Цицерона», Дубовскóго «Взморье», Соколова «На родине», Клевера «Закат», Венига «Дедушка, спаси», Маковских и другие. Одним словом, ценная коллекция, главным образом передвижников.

Это было в конце декабря, а несколько раньше ликвидирован был Сольбинский женский монастырь, из которого также поступали некоторые вещи в музей. Случилось это вот как. В с. Нагорье образовалась группа лиц, которая решила обратить монастырь под коммуну, а ЧК получила сведения, что игуменья спрятала в тайнике под ригой ценности и имущество. Действительно, там оказались серебряные сосуды, евангелия и прочее. Всё было реквизировано и поступило в Чрезвычайку.

В середине декабря в Переславль приехал от Всероссийской коллегии художник Аникита Петрович Хотулёв. Он побывал в здешних монастырях и составил акты о принятии на учёт Коллегией. Был и на Сольбе. Затем вместе со мной посетил Чрезвычайку, где оказалось, что большинство серебряных вещей относится к XVII веку. Они были выданы мне и отправлены для хранения в Фёдоровский женский монастырь вместе с вещами Даниловского, в котором монахи тоже что-то хитрили и старались сохранить серебро.

Вместе с тем, мы с Хотулёвым выступали в исполкоме по делам охраны памятников переславской старины, и в результате этого 17 декабря 1918 года состоялось постановление: «Назначить Коллегию по охране их (памятников старины) из трёх лиц: члена исполкома, археолога-специалиста и представителя отдела народного образования».*

Персонально вошли: от исполкома — Магер-Паули, завующий Чрезвычайкой, я, как спец, и от Наробраза — Альбицкий, заведовавший внешкольным образованием в уезде.

*Подробности в газете «Известия Исполнительного комитета Переславль-Залесского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» за 1 января 1919 года, где напечатан протокол заседания исполкома от 17 декабря.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Через несколько дней (24 декабря) по моему докладу на ту же коллегию «возложено было наблюдение за всеми архивами г. Переславля и его уезда», а через месяц присоединено было ей же передать библиотечное дело.

Таким образом, Переславская коллегия по охране памятников старины и искусства имела широкий круг полномочий. Ей недоставало теперь материальных средств, но явились и они. Я заблаговременно подал во Всероссийскую коллегию смету, и с начала января 1919 года мне ассигнованы были средства на содержание музея и его разные надобности.

Это дало мне возможность оставить службу в лесном отделе и перейти в музей, что я и сделал (17 января), и притом не один, а вместе с сотрудником. Таковой оказался в лице Владимира Евгеньевича Елховского, студента второго курса Московского университета. Переславский уроженец, большой почитатель родной старины, он был для меня хорошим помощником. Наше знакомство с ним завязалось на этой почве по моём приезде в Переславль. Служил со мной вместе в лесном отделе, вместе же перешли и в музей.

Когда пришли в Переславль картины, стали примерять их развеску в доме Шилля, то оказалось, что ничего другого, кроме картинной галереи, тут не поместить, а для других отделов музея места совсем нет, то пришлось думать о помещении более обширном и вместительном, чем это здание.

Пришлось остановиться на зданиях духовного училища в упразднённом ещё при Екатерине Горицком монастыре. Сам по себе запустевший монастырь, его сооружения — всё это музейные памятники. И устроить в его стенах историко-художественный музей напрашивалось само собой.

Но эта мысль встретила озлобленный протест среди учителей 3-й советской школы, свившей уютное гнёздышко на месте духовного училища. Многим из них жаль было своих удобств и насиженных мест. Но, тем не менее, 31 января 1919 года состоялось постановление исполкома о передаче Горицкого монастыря для надобностей музея. С этим постановлением я поехал в Москву, чтобы закрепить его авторитетом центра. В ответ на него привёз следующую бумагу, адресованную в исполком (6 февраля 1919 года № 1038):

> Всероссийская коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата просвещения, ознакомившись из доклада заведующего музеем в г. Переславле-Залесском тов. Смирнова Михаила Ивановича с решением Исполнительного комитета предоставить для музея здание бывшего Горицкого духовного училища, утверждает и приветствует такое решение. Со своей стороны Всероссийская коллегия всеми имеющимися у неё средствами придёт на помощь музею в деле организации и дальнейшего развития, дабы музей стал центром художественного и культурного развития местных народных масс. В вопросе о переводе 3-й советской школы в другое здание Всероссийская коллегия настаивает на скорейшем приведении в исполнение этого решения исполкома в целях, как наиболее продуктивного развития музейного дела, так и принятия энергичных мер в деле охраны памятников искусства и старины, кои в настоящее время подвергаются опасности в отношении сохранности и целостности.

В то же время я получил от Всероссийской коллегии мандат (6 февраля № 1037), в котором говорилось, что я «являюсь представителем Всероссийской коллегии в деле охраны памятников искусства и старины по Переславскому и Александровскому уездам Владимирской губернии». Кроме того, мне

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

предоставлялось «право перевозки художественных и исторических предметов из имений, церквей и монастырей в Переславский музей на предмет хранения».

Так мало-помалу начало крепнуть музейное дело в Переславле. Основа была заложена. Оставалось делать дело. А дело это заключалось в том, чтобы спешно обследовать национализированные помещичьи усадьбы и изъять из них вещи музейного характера. Все имения к началу 1919 года находились в ведении волостных земельных отделов, и так как охраны при домах не было, то везде происходили кражи.

Хотя обследование и возложено было на Коллегию, но работать приходилось главным образом и почти единственно мне как её председателю. Магер-Паули скоро исчез с нашего горизонта, а вместо него вошла в состав Коллегии (переименованной потом в Подотдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины) художница Ольга Людвиговна Делла-Вос-Кардовская, жена художника Дмитрия Николаевича Кардовского, переславского уроженца. Оба они покинули в начале революции Санкт-Петербург и проживали в своей усадьбе в Переславле близ Горицкого монастыря.

Раньше всего я был с Г. П. Альбицким в имении Бектышево Смоленской волости, в старинном родовом именьи Самсоновых, которым они в качестве патриарших детей боярских владели ещё в начале XVII века. Со времени смерти последнего мужского представителя рода, Петра Евгеньевича Самсонова (после 1905 года), имение перешло по женской линии к племяннику его, Евгению Николаевичу Волкову, бывшему перед революцией в чине генерала-лейтенанта управляющим кабинетом Николая II.

В момент моего посещения (2 февраля) усадьба была в целости, в ней находились два грандиозных деревянных дома, один конца XVIII века, другой первой половины XIX века, поставленные в общей связи коридором, совершенно однотипные по стилю.

В новом доме был большой колонный зал, столовая, кабинет и жилые комнаты; в старом доме театр и библиотека.

При доме старинный парк, в котором было несколько еловых аллей, искусно подстриженных, и, кроме того, отдельные группы подстриженных елей в виде стогов, скирд и прочего. За парком к селу — фруктовый сад.

Именье сдавалось Волковым правлению Северных железных дорог, которое завело здесь молочное хозяйство, составив образцовый скотный двор из коров голландской породы.

Со стороны местных крестьян было немало поползновений расправиться с усадьбой, но дело обошлось благополучно. Было лишь одно воровство, причём исчезли из дома самовары и оружие.

Остальное всё было в порядке. И когда я осматривал дом, то впечатление было такое, что хозяева оставили его почти в том виде, какой он имел обычно. Не хватало, как говорили, некоторых картин и самой дорогой мебели, которую Волков увёз в Санкт-Петербург в 1917 и частично в 1918 году.

Кроме того, передано было в соседнюю талинскую больницу всё находившееся в доме бельё, ванны и прочее. И тем не менее, оставались тысячи вещей и мелочей: мебель и зеркала красного дерева в изобилии, фамильные портреты, картины (второго и третьего сорта), фотографические карточки, фарфор и фаянс, библиотека и богатый семейный архив, главным образом из писем с начала XIX века, и прочее.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

По сравнению с другими усадьбами это была в Переславском уезде одна из самых богатых. Осмотрев её, я подал во Всероссийскую коллегию докладную записку, в которой, описав положение дела, просил разрешения вывезти оттуда часть вещей для хранения в музее в Переславле. Такое разрешение мне дано было центром и в уезде, но прежде чем мне удалось воспользоваться им, сюда по старой памяти направилась Северная железная дорога, на этот раз от отдела образования, с просьбой разрешить им устройство школьной колонии. Дело разбиралось в коллегии переславского отдела народного образования и решено было в пользу железнодорожников.

Я же в зимние месяцы устремил своё особое внимание в другие пункты уезда. Прежде всего за озеро в Нагорскую и Загорскую волости, или, как говорят крестьяне, «в Замытье». Там я нашёл в Нагорском исполкоме кость мамонта, хранившуюся в архиве земского начальника. Оказывается, что она была найдена в реке Сольбе пастухом задолго до революции. В Загорье, бывшем центральном имении Нарышкиных, оставалась сохранной со всей усадьбы одна бывшая контора крепостного времени, дом давно сгорел или был продан, не помню. Сельская молодёжь устроила в бывшей конторе народный дом и выдала мне остатки вотчинного архива Нарышкиных, сильно потрёпанного в революцию, и кое-какие старые книги (почти одни своды законов), а также масляный портрет одного из Нарышкиных — Анатолия Васильевича.

Архив при ближайшем рассмотрении оказался очень ценным не для одного Переславского уезда, здесь были сведения о всех именьях Нарышкиных, раскинутых в других губерниях. Положив его в сани, я увёз его, и хорошо сделал. Через месяц-полтора дом этот сгорел, и тогда погиб бы и архив.

Отсюда со своим спутником В. Е. Елховским мы поехали в бывший Сольбинский монастырь, в коммуну «Новая жизнь», переживавшую полосу новоселья на бывших монастырских харчах. Мы были радушно приняты, сытно накормлены, от чего у себя дома мы поотвыкли основательно. Здесь нам оставалось осмотреть церковь, так как всё остальное в кельях игуменьи и других исчезло. Пересмотрели мы ризницу, архив, библиотеку бывшего монастыря. Отобрали несколько рукописей, книг, икон, сложили на тот же воз и повезли с собой в Переславль.

Вскоре после этого с Г. П. Альбицким поехал я в другой угол Переславского уезда, где было несколько имений. Это юго-западный его край, известный в народе под именем «Кижилы». Первая по пути усадьба в сельце Плотихине была убогая и ветхая, как и её обитательница старушка Ляпунова. Здесь была полная нищета; всё, что было, она ещё ранее этого переменяла на хлеб и картофель. Оставались у ней одни фамильные иконы. Относительно складня XVII века она уверяла, что это тот самый, с которым Прокопий Ляпунов был в смуту под Москвой. Но это более чем сомнительно: переславские Ляпуновы только однофамильцы рязанских. Переславский Ляпунов в начале XVII века был «скотным прикащиком» и в качестве такового владел Плотихиным на поместном начале.

Следующая усадьба в селе Заболотье, Арманд и Аигина, не заключала в себе памятников помещичьего быта. По крайней мере, мне ничего не удалось здесь найти, кроме небольшой пачки вотчинных и земельных бумаг,

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

да несколько книжек из библиотеки.* Отсюда мы двинулись в сельцо Трёхселище, бывшее именье Тихменевых, из которых один ранее был переславским предводителем дворянства, перешедшее потом по купчей к выкресту из евреев Рафаилу Борисовичу Ливенсону, во время войны принявшему фамилию Леонтьева.

С запущенным именьем, расположенным в живописной местности, недалеко от реки Дубны, он сделал настоящие чудеса. Провёл шоссированные дороги, разбил парк, насадил фруктовый и ягодный сад, соорудил новые постройки и так далее. Одним словом, создал уютный уголок, полный комфорта и довольства. За исключением некоторых вещей Тихмёневых и шитых картин, здесь почти всё было новое. Обращала лишь внимание в зале статуя Николы Можайского в серебряном одеянии и богатые коллекции шитых картин. Масляных картин не было, но были портреты. Когда я один женский портрет в парике и пудре отобрал для музея, то мне было сказано, что хозяин очень дорожит этим портретом, это его сестра... Так хотелось, очевидно, Ливенсону иметь дворянских предков, что он опрометчиво выдавал за сестру чью-то прабабушку. Из этого именья, в котором я был потом несколько раз, взято было немного: часть шитых картин, гравюр и статуя Николы Можайского. Остальное хотелось сохранить как культурный показательный уголок. Так оно и было некоторое время.

Из Переславля вскоре потом мне пришлось ехать с В. Елховским в усадьбу князей Гагариных — село Гагаринские Новосёлки. Там, в старинном имении в бывшем княжеском доме, организовалась трудовая коммуна «Молот». Тогда же был заведующий земельным отделом товарищ Кабалов, из почтово-телеграфных чиновников. Помню такой курьёз: увидя в стакане букет колосьев пшеницы, он удивился, какой *овёс* бывало тут родился. Но все больше удивились невежеству новоиспечённого начальника, чем злакам...

В противоположность другим усадьбам, здесь владельцы были налицо. Это — старуха 80 лет княгиня Наталья Васильевна Гагарина и две её дочери: Виринея Васильевна Татищева и Анна Васильевна Татаринова. Они занимали уголок в одном из флигелей, а вскоре были выселены и оттуда. В большом каменном доме было довольно пусто. Картин не было, мне сообщили, что перед войною они были отправлены в Санкт-Петербург на реставрацию. Но осталась прекрасная мебель карельской берёзы, часть невывезенной библиотеки, шкафы и прочее.

Так как коммунисты вселялись в усадьбу, то пришлось всё спешно увозить оттуда, что и было выполнено моим сотрудником В. Елховским. Кроме того, В. В. Татищева добровольно отдала ему часть своих вещей для хранения в музее: «буль», другой шкаф палисандровый, фарфор и другие.

Покончив обследование имений по уезду, я принялся за переславские монастыри. В них главное внимание было обращено на небогоугодные вещи,

*Из этого имения 19 января 1920 года поступили в Переславский музей $\boxed{\text{две}}$ книги:

под ред. Д. Н. Анучина - Землеведение - периодическое издание географического отделения императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии - М. 1899

Сибирцев, Н. М. Почвоведение: Лекции, читанные студентам Института сельского хозяйства и лесоводства в Ново-Александрии / Н. М. Сибирцев. — СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1901. — Т. 1—3.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

библиотеки и архивы. Так, из Никольского монастыря вывезены были из кладовки под колокольней иконы XV и XVII веков, архив, люстра Петровского времени и выносной фонарь XVII века. Из Никитского — несколько экземпляров старинного шитья, книг библиографического характера, тканей и прочее. Из Данилова — эмалевый крест конца XVII века и некоторые другие мелочи, конечно, архив и часть книг. К сожалению, не нашёл я книги копий актов, которыми пользовался В. Г. Добронравов при составлении истории Данилова монастыря. Она, очевидно, попала в какие-то другие руки.

В то же время земельный отдел передал во владение музея усадьбу Ботик вместе с Петровским музеем, основанным в 1803 году, и прилегающей к нему землёй. Так как революционный угар угрожал сохранности вещей на Ботике, то с разрешения Всероссийской коллегии пришлось часть их, наиболее мелкую и ценную, вывезти в Горицкий музей.*

В результате напряжённой работы, произведённой мною с сотрудниками зимою 1919 года, оказался сконцентрированным значительный музейный фонд. Из дома Шилля перевезены были книги, картины и прочее зимою же в то время, когда 3 советская школа ещё не выселилась в другое помещение. От этого произошла неприятность. Ученики проникли в одно из помещений и расхитили часть акварелей и гравюр, вывезенных мною из Семендяйки. Так они и не были разысканы. К 1 мая школа выехала в другое здание, причём мною было проявлено напрасное великодушие при дележе имущества. Я потом очень жалел, что отдал столовую эмалированную посуду — всю, постели, бельё и прочее. Всё это пригодилось бы мне для устройства экскурсионной базы.

28 мая 1919 года оказалось возможным открыть музей для посетителей в составе восьми залов, а именно: картинной галереи (собрание И. П. Свешникова), художественно-бытового отдела (быт помещиков), отдела родиноведения (география, естественная история и прочее). Кроме того, при музее начала функционировать библиотека, организованная по типу книгохранилищ, и исторический архив, составившийся из грамот и документов помещиков и монастырей.

В расстановке и развеске экспонатов помогали художники Кардовские и несколько человек молодёжи, принятой мною на службу в канцелярию музея. Предположено было комнату, посвящённую Петру I, расписать в стиле петровского времени и вместо стекольных рам в ней вставить слюдяные оконницы. Вместе с тем возбуждено было ходатайство об организации при музее реставрационной мастерской для осветления и расчистки старинных икон, которыми так богат наш край. Но осуществить то и другое без поддержки Всероссийской коллегии не удалось.

В то же время отдел образования приступил к постройке в усадьбе музея метеорологической станции и закладке плантации лекарственных растений.

Первоначально музей был открыт по два часа в день три раза в неделю, а затем без ограничения часов по воскресеньям, средам и пятницам. Состав посетителей на первое время был главным образом учащиеся, а затем рабочие и служащие.

---

* узнать в музее точнее

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Значение нового культурного очага в Переславле отмечено было местной и иногородней прессой; так, были статьи в «Известиях Переславского Совета» (1919 года № 14), в «Известиях Владимирского губернского Совета» (№ 128/288), в «Деревенской коммуне» (№ 241), в «Голосе труда» (№ 12/212).*

Между тем во Владимире организовался отдел по охране памятников искусства и старины, и возглавлявший его товарищ Иванов Алексей Иванович был в большой претензии на Переславский музей за то, что он автономно ведёт дело. Нужно сознаться, что я и не подозревал о существовании губернского начальства до тех самых пор, пока не получил приглашения на музейный съезд во Владимир.

Съезд этот происходил 8—10 июля 1919 года, куда поехали мы из Переславля двое — О. Л. Кардовская и я. Встречены мы были довольно холодно, особенно попало мне за то, что наш подотдел издал воззвание и провёл через исполком обязательное постановление об охране памятников старины и искусства. Это сочтено было за превышение власти...

На съезде я занял особую позицию и развивал ту мысль, что уездные музеи должны быть краеведными. Памятники старины в них должны быть представлены вместе с экономикой и природными особенностями края. Местный музей должен был отображать местную жизнь возможно разностороннее.

Моё сообщение произвело настоящее смятение и принято было ересью, смутившею президиум. Казалось странным, как это можно говорить от художественно-археологического учреждения, как Всероссийская коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины, о музеях иного типа. Но, тем не менее, пришлось со мной согласиться, ибо я был поддержан большинством участников съезда.

Личное свидание [с Ивановым] не исправило отношений, несмотря на всё моё старание. Более того, через некоторое время Губмузей разразился гневной бумагой, объявил недопустимым моё совместительство должностей заведующего подотделом и музеем, запретил в дальнейшем издание обязательных постановлений и отметил нежелательность непосредственных сношений моих с центральным отделом музеев.

За меня вступился местный исполком, который писал в центр:

> Осведомившись об этом из доклада заведующего отделом народного образования т. Карташевского, исполком в заседании своём от 18 августа постановил: выразить протест по поводу требования Губмузея, как ничем не мотивированного и направленного на ущерб делу. Последовать этому распоряжению совершенно невозможно по той живой связи, которая установлена Всероссийской коллегией с Переславским музеем, а равно и потому, что при современных тяжёлых условиях сообщения с Владимиром, в который приходится отсюда ездить через Москву, невозможно осуществить это физически.

*Переславль-Залесский народный музей // *Известия Исполнительного комитета Переславль-Залесского совета*. — 1919. — № 14.

Известий ВГС номер 128 нет в РГБ

bib ДК

Работа музея // *Голос труда*. — 1919. — № 12 (212). — С. 3.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

> Да, наконец, если и так, то что может дать Владимирский губернский подотдел? Располагает ли он такими средствами и силами, чтобы всецело взять на свою ответственность все последствия за успешное ведение дела?.. Поэтому исполком просит Всероссийскую коллегию отменить это распоряжение Владимирского губернского подотдела и предоставить право непосредственного сношения с ней Переславскому уездному подотделу, тем более что во главе его стоит представитель Всероссийской коллегии т. Смирнов.

Но если мне не удалось в поездку во Владимир завязать нормальные сношения с Губмузеем, то совершенно неожиданно удалось стать научным сотрудником Владимирского губархива. Это было очень кстати, так как давало возможность несколько заработать. Ещё приятнее было то, что тут же уплачено было содержание с 1 января. Мне, таким образом, за спасение и собирание архивов было дано вознаграждение, а в дальнейшем предстояло охранять правительственные и приводить их в порядок. По этому поводу я до организации губернских архивных управлений принял весною 1919 года срочные меры к обследованию переславских архивов. Для этой цели с согласия УОНО привлёк учителей, которых снабдил «Опросным листом Владимирской учёной архивной комиссии». Руководствуясь им, учителя составили описание всех местных архивов, некоторые были довольно подробны и дельны. Так как часть архивов потом не была вывезена и погибла, то составленные сведения в этот период остаются теперь единственным памятником погибшего архива. Кроме того, я подавал в Московское главное управление архивным делом докладную записку[1] и вызывался в Москву на организационный съезд, но, утомленный частыми поездками, не поехал. А там была речь обо мне, и предлагалось даже выделить Переславль-Залесский в особое управление. Назначение научным сотрудником было, в сущности, ответом на это. Около двух лет исполнял я эту должность, а потом вынужден был отказаться, ибо далее совместительство запрещено было одно время декретом.

Другое дело, которое я сделал во Владимире — это был вопрос о бурении в селе Усолье с целью возобновления солеварения на месте старинных варниц для снабжения местного населения солью, которую в то время трудно было достать. Нужно сказать, что перед самой войной я напечатал монографию «Соль Переславская», в которой на неоспоримом историческом материале устанавливалось существование на берегах реки Вёксы соляного промысла.[*] Раньше я полагал, нельзя ли использовать заброшенный источник или колодец для лечебных целей, и убедил в этом направлении местного фабриканта Андрея Андреевича Гольмберга. Моя мысль устроить там курорт ему очень понравилась. В конце июля ещё 1918 года (то есть за год до поездки во Владимир) я ездил с ним в Усолье и взял пробы солёной воды. Одну в селе Усолье из прежней соляной трубы на правом берегу реки Вёксы близ Козьей горки. Так как вся труба была забита грязью, палками, камнями, то пришлось набрать сверху мутную жидкость, страшно вонявшую сероводородом. Вторую

[1] Смотри: Летопись архивной жизни // Исторический архив / Главное управление архивным делом. — Пг., 1919. — Т. 1. — С. 486—487.

[*] *Смирнов, М. И.* Соль Переславская / М. И. Смирнов // Труды Владимирской учёной архивной комиссии. — Владимир: Типография губернского правления, 1915. — Т. 17.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

пробу в шести верстах [6 км] от Усолья в урочище «Варницы» на берегу реки Игоблы. Там оказался колодец, также с деревянной трубой, через которую шла сильная струя воды. Пробы эти были отправлены в Москву в лабораторию Товарищества В. К. Феррейн для производства анализа. В результате такового было найдено относительно усольской воды, что она относится к группе слабосолёных вод и не имеет цены как минеральная вода; а относительно варницкой установлено, что она должна считаться минеральной, но ввиду большой загрязнённости и жёсткости для внутреннего потребления непригодна, а для ванн слаба. По этим соображениям и по ходу революционных переживаний и мне, и Гольмбергу было не до соляных источников, а потому дело пришлось оставить.

Теперь, через год, мне казалось, надо было попытаться возобновить дело соледобывания. По этому вопросу я неоднократно выступал с лекциями в Народном доме, в Коммунаре и других местах. Предлагал попытать счастья заложить скважину и снабжать население по-старинке солью, вываренной из добытого через скважину рассола. Вот об этом с разрешения исполкома я и повёл речь во Владимирском губернском земельном отделе. Там очень быстро сдались на мои предложения, и всё дело было решено в какие-нибудь 15—20 минут. После этого был запрос на место в Переславль в рабоче-крестьянскую инспекцию. Та дала также благоприятный отзыв, и дело с задержками, но пошло. Присланы были инструменты, приехал мастер и в течение 1920 года производилось бурение в Усолье. Всего пройдено было около 31 сажени, [66 м] но рассол всё время был слабый. Товарищи нервничали, и дело в этом отношении закончилось ничем. Население же просто-напросто брало рассол и клало его в пищу. Но в другом отношении бурение дало богатые научные результаты. Исследование пройденных слоёв показало, что только на 30-й сажени [64 м] начались коренные породы. Если принять во внимание, что глубина Плещеева озера 16 сажен, [34 м] то выходит, что оно остаточного происхождения и что прилегающая к нему местность до ледникового периода была большим водоёмом.

Не начиналось ещё бурение, а в музее произошла перемена. Весною 1919 года был вытребован на военную службу мой сотрудник В. Елховский. А с 1 декабря того года поступил на службу в музей художник Дмитрий Николаевич Кардовский. Это было большое приобретение для музея. Талантливый художник и образованный человек, он много принёс пользы делу как строгий ценитель художественных предметов, положил начало составлению научного инвентарного описания музейных экспонатов, составил проект перегородки в библиотечном зале в стиле эпохи Петра I, размещал и классифицировал в музее экспонаты и так далее. В то же время его жена Ольга Людвиговна продолжала состоять членом подотдела и, таким образом, оба они принимали близкое участие в делах музея, посещали усадьбы, производили вывоз из них вещей, особенно из Бектышева, после ликвидации в нём железнодорожной школьной колонии, которая небрежно обращалась с взятыми в её распоряжение вещами и вообще отплатила за оказанное ей гостеприимство дурно. Дмитрий Николаевич дослужил до осени следующего 1920 года и затем устроился на службу в Москву.

Между тем, в том же 1919 году я со значительным успехом двинул библиотечный вопрос. Пользуясь тем обстоятельством, что на Подотдел по охране старины возложено было библиотечное дело, я произвёл учёт всех

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

библиотек в Переславле и просмотр их каталогов. В результате этой работы часть изданий, бывших балластом в других библиотеках, а также издания антикварные и строго научные были взяты в центральную библиотеку при музее. Наряду с этим мною предпринимались разные меры к получению трудов от столичных и иногородних научных обществ и учреждений. С ними я вошёл в переписку и от одних получил издания бесплатно (например, от бывшей академии художеств), от других за плату (например, от Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в Москве; от Общества любителей истории и древностей и других). У себя же в Переславле получил разрешение от товарища Г. Гальберштадта взять с чердака земства валявшиеся там в голубином помете брошюры и издания. Мы с В. Елховским вывезли оттуда большой воз, и хорошо сделали. Потом библиотека земства была расхищена, и что мы спасли, то и осталось цело. Из Владимира удалось бесплатно получить некоторые издания губернского ведомства. Таким образом, в результате этих хлопот приток книг в библиотеку музея был значительный и на первом же году её фонд заключал в себе свыше 20 тысяч томов.

Была и ещё одна сторона хозяйственного дела, которая наладилась довольно удачно. Это фотографирование памятников переславской старины. На отпущенные Всероссийской коллегией средства мне, несмотря на все запреты, удалось купить фотографических принадлежностей. На этом материале приглашены были два любителя — В. И. Маркеллов и М. П. Лебедева. В течение лета 1919 года они дали большое количество снимков, что Маркеллов продолжал делать и потом.

В следующий 1920 год музей перешёл достаточно окрепшим и продолжал налаженную работу по развитию и углублению музейного дела в крае. Новостью была организованная заведующим УОНО Карташевским естественно-историческая лаборатория, а вернее, кабинет, начавший функционировать с весны. Зимой устроены были столы, полки, приобретены микроскопы и другие приборы, посуда, реактивы, собрана библиотека определителей и так далее. На средства отдела Карташевский пригласил всех местных натуралистов и учителей естественных наук. Организованы они были отдельно от музея и самостоятельно вели дело. Собирали гербарий, определяли растения, собирали и определяли жуков и бабочек, делали чучела птиц, составляли геологическую коллекцию и так далее. На тех же основаниях появилась метеорологическая станция, поставленная в центре музейной усадьбы. Наблюдатель её также содержался на школьные средства. Это была большая и роковая ошибка Карташевского. Когда он на следующий год выбыл из заведующих отделом образования, то его заместитель не мог или не пожелал тратить на этот предмет средства, и дело развалилось. К 1 декабря 1921 года иссякли последние субсидии УОНО и лаборатория была закрыта. А метеорологическую станцию принял на своё содержание земельный отдел, она получала средства оттуда, а с 1924 года из Москвы от областной станции. Несмотря на все мои хлопоты в Москве, успеть ничего не удалось: дело было опоздано, начались по Наркомпросу урезки и сокращения.

В этом же роде произошло и с плантациями лекарственных растений, которые Карташевский завёл, между прочим, в усадьбе Горицкого монастыря. Для этой цели здесь он вырубил значительную часть насаждений

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

за прудом и вспахал щебенистую луговину, где только брал плуг. Дело шло крайне вяло, и только осенью 1920 года кое-что было посажено в гряды. На следующую весну показались всходы ревеня и ещё каких-то растений. Но больше всего огородник потом сажал махорку. Когда Карташевский перешёл заведовать здравоохранением, то эти плантации перетащил за собой в свои владения. Они состоят в некотором роде там и теперь, по крайней мере считается, что урожай принадлежит больнице. Но площадь их сравнительно с первоначальной сократилась, ибо на большинстве гряд рос бурьян. Эти гряды после экспертизы товарища Сука перешли к служащим музея под огород.

А музейное дело между тем шло своим чередом. Прежде всего оно заключалось в дальнейшем изучении уезда со стороны памятников старины и охраны их. С этой целью по-прежнему посещались усадьбы, особенно Бектышево. Здесь был так называемый «Львовский домик», в котором жили рабочие; от их небрежности дом сгорел. Тогда они перебрались в мансарды другого большого дома, пока им не построили другой. Всё время приходилось бояться за целость здания и хранящихся в нём вещей. Кроме того, обследованы были в летнюю пору село Дубровицы с усадьбой Михайловой и Смирновых, деревня Охотино с усадьбой Ф. И. Шаляпина и художника К. А. Коровина, усадьба «Святые отцы» Товарищества Переславской мануфактуры, затем исторические церкви в уезде: Басмановская (каменная XVI века), деревянные в селе Спасском XVII столетия и в селе Воронцове XVIII столетия.

Наряду с этим я изучал уезд в археологическом отношении и тщательно отмечал все находки. Узнав, что в Никулинке у гражданина Утина есть клык мамонта, найденный после полой воды на берегу реки Тошмы, я ходил туда пешком и принёс в музей. В деревне Поварово, случайно разговорясь с крестьянином, нашёл у него череп тура (bos primigenius), обезображенный деревенскими ребятами. Но более всего мною было осмотрено городков и городищ (село Добрилово, Рождествено, деревня Антонка и многие другие), найдены курганы (близ деревни Киучер и других). В результате накопления этого материала составлена мною археологическая карта уезда. О своих достижениях в этом деле я лично и письменно осведомлял Василия Алексеевича Городцова в Историческом музее. Тот обещался и порывался ехать сюда на раскопки. Но других не пускал и сам не ехал.

С накоплением новых материалов в музее открыты были в течение 1920 года новые отделы: оружейный, в котором помещены были также некоторые предметы дворянского быта; из фотографий составлен отдел старинной переславской архитектуры, отдел иконографический, устроена выставка репродукций картин Третьяковской галереи.

В архивное отделение музея по-прежнему продолжалась свозка архивов, но более всего выигрывало библиотечное дело. Мне удалось открыть в Переславле комитет научных библиотек с самого начала года. Это была большая удача. Такие комитеты устроены были не по всем даже губернским городам. На содержание комитета даны были средства, и я содержал целых шесть человек в нём. Отпускались средства на покупку книг, так что явилась возможность, кроме реквизиций, пополнить библиотеку путём покупки и, следовательно, систематизировать её хоть отчасти. Но главное, можно было в центральном фонде выбирать себе издания почти неограниченно. В первое

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

время я увозил оттуда возами прямо на санях из Москвы до Переславля. А потом в каждый приезд в Москву отбирал что-либо полезное для библиотеки и возил по железной дороге. Комитет этот просуществовал весь 1921 год и был закрыт весной в следующем году вместе со многими губернскими.

В то же время Главмузей тоже отпустил для библиотеки разные художественные издания и репродукции, в результате чего составился в библиотеке очень недурной отдел по искусству. Количество томов библиотеки возросло до 30 тысяч.

В середине лета 1920 года стали циркулировать слухи, что предполагается сбить украшения с памятника Петру I на Ботике, особенно двуглавый орёл. По проверке в исполкоме слухи оказались верными, тогда пришлось выступить с протестом. А через несколько месяцев решено было обратить под казармы «Новый собор» постройки 1740 года, отделанный лет 20 тому назад внутри в типе Васнецова и Нестерова и представляющий собою с художественной стороны самый лучший храм Переславля-Залесского. То же самое назначался под казармы Похвалинский храм и настоятельский дом постройки 1696 года. Против этого распоряжения тоже пришлось бороться. И хотя ответ на последнее был сердитый, но тем не менее без дурных последствий для памятников искусства. «Президиум исполкома сообщает, — писали мне, — что исполком в целом не нашёл в соборах Новом и Даниловском никакого искусства и старины, а просто признаёт за обыкновенные церкви...» Так памятник на Ботике и эти соборы до сих пор сохраняются в неискажённом виде.

Это был, в общем, небольшой эпизод, в общем же нужно отдать справедливость исполкому — он всегда предупредительно относился к работе музея и заданиям центра в этом отношении.

Частые поездки в Москву, встречи с разными лицами там создали мне большой круг знакомств среди работников просвещения. Там, покупая книги в Обществе любителей естествознания, я познакомился с Владимиром Владимировичем Богдановым, которому первое время удалось быть даже председателем Академии материальной культуры. От него я получил ряд писем, что он организует в Переславле грандиозную экспедицию по изучению озера и нашей природы, а также фольклора и прочего. Был сам в Переславле, ездили мы на Ботик и затем с Д. Н. Кардовским и А. И. Острецовым были в Москве.

Но «гора родила мышь» и вместо обещанной плеяды учёных приехал в середине лета молодой архитектор Владимир Арефьевич Феоктистов, занявшийся изучением типа крестьянских построек. Было ему задание обмерить знаменитые Горицкие ворота, но этой работы он не осилил: нужны были помощники, средства на леса, но денег ему отпускали крайне мало и он жил среди лишений и недостатка очень часто. Квартиру я ему устроил в Данилове монастыре в архиерейских покоях, где он прожил целых пять месяцев. Сделал он очень многое, вошёл членом нашего Общества и напечатал потом словарь архитектурных терминов Переславского уезда.

Летом, в то время как здесь был Богданов, приехали в Переславль дотоле совершенно незнакомые мне профессора: Борзов Александр Александрович и Янчук Николай Андреевич. Оба они работали в экспедиции по изучению придорожных районов Северных железных дорог, организованной Агрослужбой этой дороги, или, вернее сказать, Василием Сергеевичем Кашиным,

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

начальником этой службы. Если бы не Богданов, то я устроил бы их на Ботике, но тот постарался этому помешать, и я направил их в село Дубровицы недалеко от станции Рязанцево, где они и устроили свою базу. Один как географ изучал восточную сторону уезда со своей точки зрения, другой занялся материальной культурой. Потом вторично оба они были у меня в августе и пригласили работать с ними. И таким образом я сделался научным сотрудником экспедиции, что мне было и приятно и полезно. Я стал там подрабатывать малую толику и снабжать экспедицию переславским фольклором. В этой экспедиции я работал до самого 1923 года, то есть почти $2^1/_2$ года. Пользовался бесплатным проездом по железной дороге, получал гонорар, напечатал два сборника, но нужно сказать, не так, как бы желал. После того как умер Янчук, этнографическая экспедиция осталась без руководителя, мои материалы без обработки и систематизации были пущены в печать. Я был очень огорчён. Предполагалось Янчуком напечатать там большую работу, им редактированную — «Хорографическая номенклатура Переславского Залесья», но вышла она велика и довести дело до конца так мне и не удалось. Насилу я разыскал потом свою рукопись.* На следующий 1921 год Янчук прожил у меня в Данилове дней 10, между прочим, записал музыку редкой обрядовой песни «Похороны князя» от пожилой певицы села Красного Авдотьи Ивановны Фадеевой. Вскоре после этого он помер зимой среди разных огорчений, немалой причиной чего был упоминавшийся выше Владимир Владимирович Богданов.

Лично для меня 1920 год был очень тяжёлый. Простудившись зимою во время служебной поездки на районный съезд учителей в Плотихино, я заболел невралгией головы. Что-то вроде удара случилось со мной во время лекции в Заболотье. Я прохворал почти весь январь, а ослабленный плохим питанием организм снова заболел осенью карбункулом. Неудачное леченье вначале усилило болезнь и я чуть не умер. Повязку носил 101 день.

Хорошо, что с осени Наталия Викторовна поступила на службу в железнодорожную строительную контору Переславль—Берендеево. Там она получала жалование и паёк, что было нам на руку. Несмотря на мои заработки в разных местах, мы всё же жили плохо и питались скудно. С её же службой дело поправилось.

Квартировали мы тогда в Данилове монастыре, куда переехать заставила необходимость. Весной в посте заболела на прежней квартире ревматизмом моя дочь Соня вследствие сырости, гнездившейся в доме. Мой переезд был крайне неприятен архиерею Дамиану, жившему тогда там. Но, к счастью, долго с ним мне не пришлось сожительствовать: его, как человека антисоветски настроенного, скоро арестовали и вывезли вон. Без него стало лучше. Но всё же, по существу дела, я квартировал не там, где бы мне следовало. А мне следовало быть при собранных мною культурных ценностях, следовательно, вблизи музея или, точнее говоря, в непосредственной близости к музею. Ибо оставлять его на сторожей одних в пустынном углу города было рискованно, об этом я говорил неоднократно товарищу Карташевскому. Но у него были какие-то свои, особого порядка соображения: пусть крадут, но жить

**Смирнов, М. И.* Историко-географическая (хорографическая) номенклатура Переславль-Залесского края / М. И. Смирнов // Труды Переславль-Залесского историко-художественного музея. — Переславль-Залесский, 1929. — Т. 11.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

заведующему музеем там не дам. Перед тем как переехать в Данилов, я просил его согласия хотя бы на сторожку в воротах Горицкого, он на это мне написал записку с отказом, в которой буквально было сказано, что мой переезд туда с семьёй «почти незаконен» (?!). Настроил в этом роде исполком, и мне оставалось покориться. Но, как и следовало ожидать, произошёл неприятный казус. Нанятый через биржу труда сторож Г. Шоболов (из деревни Осурова), земляк Д. Н. Кардовского, оказался квалифицированным вором (по прозванию «Сосунок»). Пользуясь такой свободой, что с 3 часов до 9 часов утра оставался хозяином положения, он, понятно, воспользовался случаем и обокрал музей: подобрав ключ, отпирал в запасной кладовой замок и крал фарфор Татищевой. Спустил в Большой Бремболе и других местах чашки, тарелки и прочее, менял их на яйца. Открылось это не сразу. А когда открылось, то следствие велось так, что ничего не выяснилось. Но удалось выпереть его из музея, а охрану его поручить милиции, которая и охраняла его несколько месяцев.

Таким образом, ход вещей заставил меня перебраться в Горицкий, что я и сделал, впрочем, в марте следующего года, когда снова приехал сюда после суда епископ Дамиан. Чтобы не встречаться с ним и быть в то же время там, где велит мне долг, я и переехал в музейное помещение, устроив здесь же и своего сотрудника Елховского, возвратившегося из армии осенью 1921 года. Пользуясь прекрасной осенней природой, мы с ним совершили пешком продолжительную экскурсию по уезду в далёкую Ведомшу, Шепелево, Вишняково, Кижилу и через Осипову пустынь домой. Набрали немного фольклорного материала, среди которого был духовный стих «Фёдор Керин» и другие.

Это была новая служебная работа, так как подотдел официально был переименован в комитет по охране памятников старины, *народного быта* и природы. Так как я и раньше занимался этнографией и фиксировал всё, что только можно, особенно обряды, исторические песни, то новая обязанность была только приятна.

Что же касается природы, то пришлось войти в сношения с лесничими, отделом охоты и совместно с ними выработать список мест и памятников природы, которые следовало охранять. Обязательное постановление об этом было составлено мною и издано исполкомом в январе 1922 года.*

В то же время прежняя обязанность по охране помещичьих усадеб давала себя знать. Особенно неприятно обстояло дело с Бектышевым. Чтобы хранить вещи, пришлось поместить там сторожа по ликвидации школы-коммуны. Кроме того, мною была дана возможность местным учителям устроить там свой эстетический уголок или маленький музей для школьников. Отделил для этого часть дома, выдал вещи им, а остальные сложил в двух комнатах. Но те не раскачались, ничего не сделали. А управляющий имением латыш Гапсал, грубый и нахальный человек, давно с завистью смотрел на дома и находящееся в них имущество. Он составил какое-то общество животноводства с представителями центра. Через Наркомзем в одно время была получена бумага грубого характера относительно выдачи новому Обществу вещей из дома. На этот выпад была достойная отповедь, а потом с разрешения

*Смотри что в □ томе нашего издания.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Главмузея оставшееся имущество было поделено. Сделал это по поручению комитета Николай Матвеевич Георгиевский так неудачно, что обнаружил полное своё незнание в этом деле. «Ожив», как назвали себя арендаторы, очень быстро возбудил вопрос о перестройке дома. Оказывалось, имелось в виду старый дом сломать и из него сделать новую свинарню. Я с успехом этому помешал через Главмузей. Но в следующем году всё же пришлось ликвидировать все вещи или, вернее, они ликвидировались в доме сами собой. Случилась какая-то таинственная история. Сторож жил в доме, вещи были опечатаны. Увезти их было невозможно, ибо крестьяне, несмотря на наряды по гужналогу, не везли, и сделать с ними что-нибудь я не мог. В один из моих приездов в начале 1922 года обнаруживаю, что большая часть вещей похищена. Что можно было, мы с Елховским взяли, а остальное сдали в «Племхоз», как переименовало себя управление имением. Милиция производила потом дознание, но всё производство кануло в лету и я не добился никакого ответа. Пропали великолепные вещи: зеркала красного дерева ампир, трюмо, фарфор и так далее.

А с другой усадьбой Трёхселище, взятой в аренду Главрезиной, тоже было тревожно. Ловкачи из Москвы как-то сделали так, что уездное земельное управление, не уведомив переславский наробраз, передало это имение Главрезине. Богатейшая усадьба с колоссальными запасами хозяйственных принадлежностей и материалов, с показательными садами и парками попали в руки дельцов, которые сначала прикрывались фиговыми листочками, что они устроят тут сельскохозяйственного типа школу, а потом старались отделаться от надзора комитета всеми силами-неправдами. Дальность расстояния, а затем переход Хребтовской волости в Московскую губернию прекратил навсегда всякие отношения к этой усадьбе.

1920 год был очень богат посещениями из Москвы от Главмузея и других учреждений. Прежде всего весною явилась довольно многочисленная комиссия Главмузея по описанию здешних древностей. Среди прибывших выделялся как специалист по иконографии Евгений Иванович Силин, по шитью Татьяна Николаевна Александрова-Дольник и другие. Комиссия работала изумительно много, не менее часов 10—12 в день, а питалась плохо. Сделано было очень многое: описаны совне и изнутри с вещами все монастыри, собор и часть (малая) церквей. Все участники устали страшно и не могли выдержать такого режима более 10 дней. Можно сказать, что только их работа положила прочное начало изучению переславских церковных древностей.

Осенью приехал Василий Иванович Троицкий, спец по серебру, также от Главмузея, а с ним от экскурсионной базы Москвы приехала Мария Михайловна Себенцова. Последняя, милый симпатичный человек, изучила Переславль самым добросовестным образом. Составила план экскурсий по нему и в сокращённом виде прислала его потом мне. Завязавшееся с ней знакомство поддерживается мною до настоящего времени.

А на Ботике в то же лето мною устроена была экспедиция профессора Д. А. Ласточкина со многими ассистентами, занявшаяся изучением Плещеева озера. Ещё раньше его посещал с этой целью профессор Павел Гаврилович Борисов (по coregonus albula), от Петровской академии — Савич, а позднее профессор Скадовский. В то же время был Дейнега от Общества естествознания при Московском университете.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Ласточкин изучал планктон. Отличаясь необычайной требовательностью и нахальством, он надоел мне основательно своими претензиями и неблагодарностью. Результаты его исследований мне не известны. Напечатал ли он что-либо или нет?*

Неожиданно поселилась на Ботике ещё другая экспедиция, именовавшая себя также учёной, работавшая от военного ведомства. Это экспедиция физиков по изучению звука. Ко мне с длиннейшим мандатом явился Александр Иванович Ширский и предъявил требование, чтобы я отдал им белый дом на Ботике под экспедицию. Но так как там был Ласточкин, то я и направил его к нему для уговора. Вместо обещанных профессоров тут начали селиться евреи и еврейки, все они ездили на автомобилях, вели шумный и весёлый образ жизни, а изучение звука сводилось к тому, что они палили временами из разного рода оружия, нередко ночью, когда другая экспедиция спала. Особенно буйно себя вёл и сумасбродно один член экспедиции, изобретатель, как он именовал себя (впрочем, они все были изобретатели), Леонид Васильевич Курчевский. Палил из револьвера, когда ему вздумается, бешено мчался на автомобиле и так далее. Когда уехала экспедиция Ласточкина, он самовольно ввёл в белый дом группу солдат, и можно было ожидать худшего, но начавшиеся холода выкурили изобретателей в Москву. Когда я потом рассказывал об этой странной экспедиции на краеведной конференции профессору Кравецу, то он диву давался: оба эти Ширский и Курчевский были в комитете ВСНХ такие тихенькие и скромные молодые люди...

Осень этого [1921] года ознаменовалась всероссийскими конференциями в Москве, созванными Центрархивом в октябре, а в декабре Главнаукой по краеведению.

Начало 1922 года прошло в толках об изъятии церковных ценностей на борьбу с голодом, а 4 марта последовала инструкция, составленная для этой надобности Главмузеем. Редактирована она была с большой ясностью и определённостью, что именно и было нужно на местах. Вещи до 1725 года были забронированы совершенно, в виде исключения допускалась ликвидация ценностей эпохи с 1725 года по 1835 год; запрещалось нарушение цельности ансамбля.

Вслед за этим Главмузеем выслан был мне мандат (от 7/III № 1352), уполномочивавший меня быть экспертом и членом комиссии по Переславско-

---

*Нам известно шесть работ Ласточкина, которые связаны с Переславлем. Перечислим по хронологии:

□ Ласточкин Д. А. Исследования по фауне Иваново-Вознесенской губернии. 2. Фауна Copepoda района исследования Известия Иваново-Вознесенского политехнического института 4 1921

□ Ласточкин Д. А. Экспедиция на Переславское озеро Бюллетень Российского гидрологического института 5 1922

□ Ласточкин Д. А. Новые и редкие Copepoda и Oligochaeta в фауне Иваново-Вознесенской губернии Известия русского гидрологического института Л. 1924 9

□ Ласточкин Д. А. О веслоногих Плещеева озера Доклады Пезанпроб 14 1926

□ Ласточкин Д. А. Плещеево озеро (Характеристика водоёма и его населения) Труды ПЗМ 2 1927

Ласточкин, Д. А. Материалы к фауне Oligochaeta limicola России. — 3. Фауна Oligochaeta limicola Иваново-Вознесенской и Владимирской губерний / Д. А. Ласточкин // Известия Иваново-Вознесенского политехнического института. — Иваново-Вознесенск, 1927. — Т. 10.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

му уезду по отбору церковных ценностей. Затем исполком предложил мне участвовать в предварительных заседаниях по выработке плана кампании и формы акта. С первых чисел апреля началось самое изъятие. В первую голову произведено это было по переславским монастырям: Данилову, Никольскому, Фёдоровскому, Горицкому и Никитскому. Во главе комиссии стоял председатель исполкома товарищ Рыбаков Иван Яковлевич, человек осторожный и тактичный. В его руках дело шло без сучка и без задоринки. Далее по городским рядовым и по всем уездным церквям посланы были мелкие подкомиссии, работавшие одновременно. Свою экспертизу я перенёс в финансовый отдел, где и составлялись окончательные акты. Вещи из церквей поступали сюда и здесь сортировались. После этого опять с товарищем Рыбаковым были вместе на изъятии в соборе и церкви князя Андрея.

Всего поступило в казначейство для отправки в центр около 50 пудов, [819 кг] а кроме того, осталось за музеем 586 вещей, в том числе 3 раки, водосвятные чаши, потиры, кресты, оклады и прочее. Вся эта масса вещей свезена была из казначейства в ризницу Данилова монастыря, а монастырские ценности пока оставлены были по местам.

В середине июля я получил из Губмузея от заведующего Иванова письмо, а в приложении к нему инструкцию по изъятию ценностей из музея. Затем я получил официальное предложение о том же. Мне прислана была оттуда «Инструкция по разбору и научно-художественному определению ценностей, находящихся в музейных хранилищах Главмузея», а также «Положение об особой центральной экспертной комиссии государственного фонда Главмузея».

В то же время из местного исполкома я получил копию инструкции о дополнительном изъятии ценностей и предписание Владимирской губернской комиссии об изъятии ценностей, между прочим, и из музея. Инструкция, между прочим, говорила:

> (п. 2.) Произвести дополнительное изъятие в более богатых церквях и вообще в которых изъятие проводилось слабо.
>
> (п. 6.) Предметы, относящиеся с 1726 года по 1835 год, большей частью должны быть изъяты, в отдельных случаях по усмотрению укомиссий возможно оставление единичных предметов, имеющих особо художественное значение, такие предметы остаются на учёте Главмузея.
>
> (п. 8.) Безусловно изымаются предметы, хотя бы и художественные, если они не имеют определённой даты обозначения, что они относятся к 1725 г.
>
> (п. 10.) Решительно бороться с поползновениями духовенства к неполной сдаче, стремиться как можно больше изъять и оставить самое необходимое число предметов.

В бумаге же губернской комиссии рекомендовалось следующее:

> При изъятии ценностей из музея необходимо придерживаться следующего порядка: все предметы из ценного металла, не представляющие из себя художественной или исторической ценности, с согласия администрации музея должны быть изъяты немедленно и переданы в уфинотдел для отправки в губфинотдел. Эта работа должна вестись совершенно отдельно от работы по изъятию ценностей из действующих церквей и всем изъятым предметам вестись особый учёт.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Наполучав столько противоречивых распоряжений, естественно, я должен был обратиться в Главмузей. Когда я приехал туда, то там происходила конференция центральных музейных деятелей (Москвы и Санкт-Петербурга). Меня поразило то, что в Главмузее привезённые мною распоряжения не были известны таким, например, лицам, как Н. Г. Машковцев, а на конференции о них никто не имел понятия. Оказывается, что мне сообщили попросту секретные распоряжения, о которых в Главмузее знало только три лица...

В Главмузее я получил разрешение выдать из художественных ценностей дублеты XVIII и XIX веков и, приехав в Переславль, организовал комиссию по пересмотру музейных ценностей. В августе она закончила свои работы и 151 предмет, в том числе Даниловская серебряная рака, всего весом около 10 пудов, [164 кг] было сдано в казначейство.

Я упомянул выше о музейном съезде.* Это был осколок того, что требовалось сделать от Главмузея на предшествовавших конференциях. На краеведной прямо предъявлено было требование о всероссийском съезде, ибо накопилось всяких вопросов к разрешению в музейной области множество. Но вместо этого сделано было нечто частичное. На этой конференции я встретил своего костромского брата Василия Ивановича и заведующего Ростовским музеем Дмитрия Алексеевича Ушакова, и мы подговорили последнего устроить у него свой областной съезд с тем, чтобы сорганизовать своё бюро и при помощи его защищать своё дело. Тот парень ходовой, просить его долго не приходится, приехав в Ростов, разослал приглашения на конференцию. Кроме того, лично он мне сделал предложение прочитать в их отделении археологического института курс по истории Переславского края. Разумеется, я принялся за это дело с большим интересом и к первым лекциям написал вчерне очерк, посвящённый начальному обзору истории Великороссии, где проводил ту мысль, что колыбелью её было Залесское «Ополье».

Съехались мы 17 сентября. Официально он назывался «Съезд представителей музеев, архивов, библиотек и краеведческих обществ Русского Севера». В день приезда я успел дать две лекции, одна вслед за другой. Но вот во время моей второй лекции вызвали куда-то Ушакова, я окончил чтение и жду со слушателями (которых собралось много, и среди них я имел шумный успех) его, чтобы решить некоторые вопросы на завтра. Но мне потихоньку сообщают, что в музее обыск и что отделение института закрывается. Всё это подтвердилось через несколько часов. Наш съезд ликвидировался сам собой, мы успели выработать одну только резолюцию. В составлении её участвовали от Ярославля — Нил Григорьевич Первухин, от Иваново-Вознесенска — Бурылин, я с братом и Ушаков. В этой резолюции отмечалось тяжёлое положение музейного дела в провинции и полная его беззащитность и учреждалось бюро, разумеется, с разрешения властей.

В Москве отлично поняли, в чей огород мы метили, и долго корили нас этим съездом, но он сделал своё дело, там стали более внимательны к нашим нуждам, хотя бы на первое время. А бюро краеведения стало после этого так работать, что не оказалось никакой надобности в ростовской организации.

Но я забыл сказать, что Московская музейная конференция случайно лично для меня имела благоприятные последствия. Ещё на краеведном

*Музейный съезд 8—10 июля 1919 года во Владимире (смотри с. 90).

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

съезде в Москве было постановлено дать нам, краеведам, академический паёк. Но дело всё безнадёжно велось и так дошло до июля. Я много раз добивался решения этого вопроса, который мне успешно разрешить обещали со всех сторон. Увидя на музейной конференции Ивана Ивановича Гливенко, заведовавшего Главнаукой, я напомнил ему о том, что до сих пор не получено пайка. Так как наутро было заседание регистрационной комиссии, то он распорядился секретарю напомнить о нас (с братом и Ушаковым), и все мы были зачислены во второй разряд учёных. Это было большое подспорье мне и я стал очень хорошо питаться, получая продукты в Переславле. Но потом (с 1 октября 1923 по 1 октября 1924 года) пайки были заменены денежными выдачами, а наконец и совсем прекращены...

Осенью того же 1922 года в окрестностях Переславля происходили манёвры. Это внесло в жизнь нашего захолустья большое оживление. Ещё за несколько месяцев до этого у меня был офицер из Ярославля, собиравший всевозможные сведения о нашем крае. Купил здесь литературу, какую можно было найти. А с началом манёвров в музей повалили толпами офицеры и красноармейцы. Мне пришлось читать им лекции о Переславле, давать объяснения в музее и разных частях города. Делая это, я рассчитывал, что они сделают что-нибудь для музея. Аэролетчики обещали мне прокатить на аэроплане над Переславлем и дать в музей по экземпляру снимков, но... ничего этого не случилось, несмотря на мои потом поиски в Москве. Манёвры здесь окончились неудачно и все эвакуировались раньше срока.

Нежданно-негаданно вдруг на музей обрушилась беда. Состоялось постановление (22/XII—1922 года) нового исполкома о переводе музея в центр города. Нужно сказать, что этому предшествовал съезд Советов, и Иван Яковлевич Рыбаков получил новое назначение, в президиум вошли новые, чуждые Переславлю лица, которые не знали никого и ничего. Пользуясь этим, заведующий УОНО П. Я. Романов решил свести счёты с ненавистным ему музеем, который не только не признавал его власти, но, не смущаясь, указывал ему на его невежество и непригодность для роли заведующего. Это тип советского карьериста, малограмотного, хитрого и пронырливого. В половом отношении у него было что-то общее с Гришкой Распутиным. Первое время, пока не женился на архиерейской мироносице, прославился декамероновскими подвигами. Он подал в президиум нового исполкома докладную записку о том, чтобы перевести в Горицкий, в помещение музея, все детские дома, а музей в центр города. Узнав об этом стороной довольно долго спустя, я со своей стороны подал контрзаписку, в которой доказывал абсурдность этой меры. Но добился только того, что детские дома переводить в Горицкий отдумали, но меня решили проучить, взяв мою деятельность под подозрение.*

Самое постановление формулировано было так: «Предварительно снестись по данному вопросу с Главмузеем, прося о переводе Умузея в центр города, который (?) до настоящего времени находится на окраине города, и оторван от жителей, а главным образом от рабочих масс. Одновременно войти с ходатайством перед Губмузеем о передаче идейного руководства над Умузеем — Губмузею, а также принятие такового на своё содержание».

* письмо про романова

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Последняя прибавка явно била по мне, и когда я узнал об этом недели две спустя, то счёл необходимым обратиться в разные советские органы за аттестацией своей «идейной» деятельности, и результаты для УИКа вышли неблагоприятные.

Обо мне дали прекрасные отзывы: уполномоченный ГПУ, комсомольцы, а главное, уком.* Секретарем последнего временно состоял И. Я. Рыбаков, и вот как он реагировал на это:

> Предложить через фракцию УИК постановление президиума по этому вопросу немедленно отменить по следующим соображениям: I. Помещение Горицкого монастыря является одним из наилучших подходящих зданий для Умузея, так как и само-то здание имеет историческую ценность и значение для Переславля, в городе же подходящих зданий, могущих вместить ценности музея, нет. Причины: дальность расстояния от города (1—1½ версты) не уважительны, ибо посещение музея происходит тем или иным гражданином не ежедневно, а, может быть, в год один раз. II. Передача идейного руководства над Умузеем Губмузею настолько неосновательна, что нет даже желания и возражать. Заведующий Умузеем т. Смирнов не только может идейно руководить Умузеем, но он с успехом руководит научным обществом и состоящей при нём секцией школьных работников, читает лекции по разным вопросам в школах, среди рабочих и вообще граждан, что даёт полное основание ему доверять как честному работнику, работающему не покладая рук в области просвещения и борьбы с нашим невежеством. И по первому зову партии, или Уисполкома, или УОНО т. Смирнов на призыв является первым и всякое поручение исполнял добросовестно.
>
> Президиум Уездкомпарта считает, что постановление УИК является плодом недоразумения, так как члены президиума нового УИКа мало знали о работе Смирнова, но для реабилитации необходимо постановление срочно отменить и довести до сведения Губ и Главмузея. (18/1—1923 года № 87.)

В тот же день состоялось постановление УИКа такого рода: «В отмену постановления президиума 22 декабря 1922 года оставить Умузей в занимаемом помещении бывшего Горицкого монастыря и в отношении заведующего Умузеем согласиться с мнением УКОМа, указанном в отношении № 87».

После этого я написал товарищу Романову записку, в которой указал ему, что он провалился со своими кознями против музея, и если хочет поддерживать хотя бы худой мир со мной, то пусть даст письменный отзыв о моей деятельности и устно публичный на годичном собрании нашего научно-просветительного общества.

И то и другое он выполнил старательно. Публично так расхвалил, что мне было неловко. А в удостоверении писал:

> За всё время своей работы гр. Смирнов проявил себя с хорошей стороны, как по отношению возложенных на него обязанностей, так и по отношению к советской власти вообще. Кроме того, гр. Смирнов состоит председателем Переславль-Залесского научно-просветительного общества, где также в работе им проявлена инициатива, самодеятельность и стремление к изучению родного края, а его труды дали возможность применения в школах уроков краеведения.

*Уездный комитет Всероссийской коммунистической партии.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

> Словом, всюду видна его творческая работа, и УОНО считает его ценным работником на занимаемых им должностях. (20/I—1923 года № 142.)

Но Романовым не был выполнен ещё один пункт, а именно: не введено краеведение во 2-й ступени, что я ставил ему на вид и даже предлагал бесплатно свои услуги. Когда я напомнил потом ему об этом, он обиделся и нажаловался в партию и ГубОНО. Зтим воспользовался заведующий Губмузеем А. И. Иванов и написал мне гнусное письмо, а затем последовало официальное замечание, которое я отпарировал подробной запиской о своей деятельности и деятельности УОНО.

Набравшись храбрости, Романов через несколько дней стал писать угрожающие бумаги вроде, например, следующей:

> ...Музей, как составная часть УОНО, должен работать не самостоятельно, а в контакте с УОНО, и все задания по музею и Пезанпробу необходимо проводить с ведома и согласия последнего, в противном случае УОНО будет вынужден принимать соответствующие меры...

Тогда я собрал всю переписку и направил её вместе с письмом Иванова в Главмузей. В ответ на неё получено было авторитетное указание УОНО на его претенциозность.

> Отдел по делам музеев считает необходимым указать, что, очевидно, уездный отдел наробраза недостаточно точно осведомлён о последних постановлениях, регламентирующих деятельность государственных учреждений.
>
> Переславль-Залесский музей, как выключенный в сеть государственных музеев, руководствуется в своей работе указаниями отдела музеев Главнауки и совершенно не является учреждением, подведомственным УОНО. Государственный музей должен координировать свою деятельность с УОНО, но не обязан подчиняться распоряжениям последнего. (27/III—1923 года № 1337.)

Так закончилась эта неприятность, испортившая мне немало крови. А пока она тянулась, в самый её разгар, происходила ликвидация монастырей. Постановление об этом было вынесено попами живой церкви на съезде во Владимире. Из Переславля там было двое — Чижов Алексей и Виноградов Иван. Их руками и производилась ликвидация. При отделе управления организована была особая комиссия, в которую попал и я.

Первоначально попы принялись за Данилов монастырь, очевидно, как архиерейский дом, хотя самого епископа Дамиана давно уже тут не было. Путались они и робели вначале, а потом вошли в роль. Переписывали всё церковное имущество, из которого выделялось музейное, а затем передавали его коммунальному отделу, который, не теряя времени, со своей стороны вывозил из монастыря мебель, ковры, посуду и так далее. Монахи были выселены в течение двух недель. Последняя монастырская служба в Похвалинском храме была совершена 5 февраля (нового стиля 1923 года), и, таким образом, организация, существовавшая с 15 июня 1508 года более четырёхсот лет, перестала жить. Конец её был печален. Монахи были одно убожество! Паразиты и дармоеды. Ни одного идейного человека. Смерть, можно сказать, была заслуженная.

По постановлению того же съезда живоцерковников надлежало уничтожить мощи. Но на это не рискнули наши попы. И даже выдали эти

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

мощи Даниила группе верующих, взявших в своё ведение Тихвинский храм над воротами. Любопытно отметить, что главное ядро прихожан — жители улицы Володарского, и во главе дела об открытии прихода стал бывший комсомолец.

Следующим монастырём, подлежащим ликвидации, был старинный Никитский, возникший, надо думать, во времена Клещинские. Отстроенный Грозным, он сохранился великолепно до наших дней, но ко времени ликвидации его значительно пощипал агропункт, обосновавшийся в нём в революцию. Весь инвентарь, мёртвый и живой, был использован им, и осталось ликвидировать только церковное имущество. Монахов было немного, человек пять, да и те одно недоразумение. Закрыт был монастырь 16 февраля 1923 года, то есть не менее чем через восемь столетий от своего основания.

В противоположность «непогребённым мертвецам» — монастырям мужским, женские переславские монастыри отличались большой живучестью. Кроме того, что они были монастыри, в то же время [они] были трудовые артели. Ликвидировать их нужно было дважды: как монастырь и как артель. И артелями трудовыми они были не только на бумаге, а на самом деле.

Монашины Никольского монастыря (основанного около 1350 года Дмитрием Прилуцким) составляли огородную артель. Но они сделались жертвой интриги. Поп А. Чижов организовал из них группу человек в 20 живоцерковниц. Эти взорвали артель изнутри и по ликвидации монастыря (22/II—1923 года) первое время оставались хозяевами положения. К ним остальные 80 сестёр не пожелали пристать, были изгнаны из монастыря, а через некоторое время удалены были и живоцерковницы. Всё имущество артели пошло в коммунальный отдел.

Последним был закрыт монастырь Фёдоровский (основан 8 июня 1304 года), отчаянно боровшийся за своё существование. Он составлял сельскохозяйственную артель, заключавшую в себе около 500 человек. Кроме самого Фёдоровского монастыря, в качестве филиалов было три «пустыни» — Берендеевская, Алексеевская и Воскресенская, где велось прекрасно поставленное хозяйство с многочисленным живым и мёртвым инвентарём. Монастырь был закрыт 1 марта, но по примеру других монастырей и здесь образовалось общество верующих, взявших в своё ведение Введенский храм. Это давало возможность сёстрам отправлять свои культовые потребности.

Одновременно с этим у Фёдоровской общины (монашеской), владевшей двумя храмами и воротами Горицкого монастыря, отобраны были эти последние (10/IV—1923 года). Дело в том, что стремясь к расширению, Фёдоровский монастырь понемногу прибирал к своим рукам и Горицкий, чтобы со временем обратить и его в свой филиал. Не удалось это только потому, что время пришло другого порядка.

В сторожке при воротах, оберегая храмы, жили монашины. Они остались жить и потом. Их было две. Но ещё весною минувшего года в деревянную пристройку, ведшую в Никольскую надвратную церковь, ударил гром, но пожара не последовало. Вдруг утром 27 июня 1922 года эта пристройка загорелась. Оказалось, что кто-то поджёг. Так эта тёмная история не выяснилась до сего времени.

Но так как с ликвидацией общины Горицкие ворота могли остаться в разорённом виде (поправлены они были плохо, а бурей 28 января 1923 года их крыши задрало и сорвало), то я возбудил дело о поправке здания за счёт

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

артели. Дело было поставлено в отделе управления так, что всем грозил суд, опись имущества и прочее. На меня посыпался град проклятий по всему городу. Но дело сделалось к обоюдному согласию полюбовно. Я дал согласие, чтобы ремонт делали они сами, что и исполнили в короткий срок.

Между тем Фёдоровская артель судорожно билась за своё существование, хлопоча в центре и губернии. И казалось, дело обстояло прочно. Артель готовилась к сельскохозяйственной выставке в Москве и считала своё положение прочным. Как внезапно арестованы были главные руководители артели, а сама артель разогнана 20—24 июня 1923 года.

Ликвидация монастырей имела следующие последствия. Во-первых, оставшиеся в ризницах ценности нужно было перевезти в Горицкий, что мы с Елховским В. Е. и сторожем Жировым и проделали, помещая всё в ризнице Горицкого собора. Во-вторых, охрана монастырей, как архитектурных сооружений прошлого, переходила теперь от монахов к кому-то другому. Но к кому? Здания и имущество забирал коммунальный отдел, совершенно не компетентный и не заинтересованный в деле охраны старины.

Тогда Главмузей обратился в переславский исполком с бумагой, прося передать ликвидированные монастыри мне, как уполномоченному Главмузея. Но УИК не спешил это делать. Потом последовала из ВЦИКа телеграмма во Владимирский губисполком, коей предписывалось передать по губернии музейному отделу 13 монастырей, в том числе Горицкий, Никитский и Данилов. 9 марта состоялось постановление губисполкома, но здесь, на месте, дело двигалось туго. Ускорить его приехал из Музейного отдела реставратор Григорий Осипович Чириков. По этому вопросу с его участием было несколько заседаний, и в конце концов после его отъезда (24 марта 1923 года) состоялось постановление УИКа о передаче означенных выше трёх монастырей.

Горицкий передан был полностью (10 апреля), Данилов не только с землёй и зданиями внутри ограды, но и с окружающей ограду землёй в количестве около 3 десятин. [3,3 га] Что же касается Никитского, то никак не хотели отдать его с окружающей землёй. Отдали его всё же внутри монастыря полностью, но с тем, чтобы бесплатно помещался там агропункт и школа; с монастырских садов $^1/_4$ валового дохода.

Ко времени приёмки (4—5 апреля) Данилов монастырь был заселён разным сбродом и в бывших казначейских комнатах, где на сводах я обнаружил ещё ранее роспись XVII века, поселились девицы из бывшего детского дома и занялись проституцией. Не много лучше было и в других квартирах, и на первых порах пришлось бороться с квартирантами, чтобы они не тащили и не хулиганили.

В Никитском в момент приёмки обнаружена была следующая картина (25 мая 1923 года). При въезде в воротах гуляли три большие свиньи, весь монастырский двор был ими изрыт, как будто вспахан; то же в садах; братский корпус с выбитыми стёклами, то же в школе, занявшей настоятельские комнаты, крыша над ней и братским корпусом была раскрыта и так далее. Одним словом, разрушение было самое хулиганское, учинённое учёными агрономами...

Полученное имущество, назначенное по постановлению Совнаркома 19 апреля на извлечение специальных средств для поддержания исторических зданий, вызвало у меня ряд столкновений на месте с несознательными ли-

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

цами, особенно в отделе УЗУ. Несмотря на то, что в заседании УИК 24/II участвовал сам начальник его, тем не менее в дальнейшем [он] и не думал держаться вынесенного постановления. Вскоре же даниловскую землю за монастырём передал соседним крестьянам, затем вломился в амбицию, зачем в приёмочном акте всё было расписано про Никитский в некрасивых тонах; из урожая яблок (урожай, правда, был неважный) ничего не дал музею и так далее. Нашлись недовольные музеем и из других отделов, и, в общем, образовалась группа неприязненно настроенных к музею лиц, чему особенно старался помочь заведующий УОНО товарищ Романов. Много тяжёлых минут пришлось пережить из-за этого.

Но недаром. Это дало мне возможность летом 1923 года устроить в музее новый отдел — церковных древностей. Так как вместе с даниловским имуществом музею была передана лошадь, то я начал свозить из закрытых монастырей шкафы, киоты и прочее, которые обратил потом в витрины. Самые же отделы расположил в бывшей домовой церкви училища. Но чтобы придать ей музейный вид, нужно было снять верхнюю часть иконостаса, клиросы и так далее. Всё это проделал я со сторожем. Правда, несколько помог мне гостивший в музее художник Евгений Осипович Машкевич. Но вся работа, чёрная и научно-художественная, была исполнена главным образом мною. В. Елховского я посадил за другие музейные дела, а сам больше трёх месяцев работал не покладая рук.

В бывшем алтаре устроил серебряный зал, где сосредоточил ценности, начиная с XII века. В центре зала поместил потир XII века, в особых витринах выставил чернёные потиры XVII века, чаши водосвятные, кадила, лампады, евангелия, дароносицы и прочее. Собралась целая витрина столового серебра: чарок, кубков, стаканчиков и прочего. В двух витринах развесил ризы и другое одеяние XVII—XIX веков.

В бывшем самом храме по затянутому красным сукном иконостасу развесил иконы XVI—XVII веков, в центре Корсунский крест, по стенам иконы же и шитьё.

Три витрины занял историей письменности с XVI по XIX век, начиная евангелием 1521 года и оканчивая дворянским альбомом «Приношение Лизе на 1812 год». Среди выставленных документов подлинный указ Петра I от 7 февраля 1722 года воеводам переславским.

В третьем отделе главным образом иконы XVIII века, но там же шитьё XVII века, набойки XVII—XIX веков, резьба по дереву и камню.

Таким образом, в музее всего стало 15 открытых для обозрения залов.

Между тем неприязненное отношение из-за владения имуществом бывших монастырей не прекращались. Подлило масла в огонь, особенно с земельным отделом, моё участие в выставочном бюро. Чтобы сорганизовать на Всероссийской выставке отделы, губерния распорядилась учредить по уездам особые бюро, на которые возложено было собирание материалов. Мне предложено было занять руководящую роль в трёх секциях. Я прямо заявил, что работать буду, если дадут средства, а даром ломаться не стану. Губерния поставила дело так, что ни денег, ни руководящих распоряжений не давала до последнего времени. Я сделал только одно — это закупил здесь домотканой пестряди. И отказался от других работ, ибо сделать их было невозможно без средств. Это породило взрыв ругани по моему адресу.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Я же очень хлопотал напечатать к выставке свою работу: «Культ и народное сельское хозяйство» (по этнографическим наблюдениям в Переславль-Залесском уезде), где описал взаимоотношения культа и хозяйства, их влияние и происхождение и так далее. Предлагал выставочному комитету иллюстрировать это на выставке картинами, создав особый уголок. Но из этого ничего не вышло, а самая работа напечатана только в 1927 году в 1 выпуске Трудов музея.*

На выставку меня товарищи не взяли, и я осматривал её потом один, получив входной билет в экскурсионной базе. Мало того, ни с того ни с сего отняли в музее лошадь и, несмотря на протест Главмузея, не возвратили её до сих пор.

В этой тяжёлой атмосфере приходилось закреплять музейные владения по инструкции Наркомвнудела и Наркомзема с Наркомпросом (в августе 1923 года). Прежде всего, я никак не мог составить комиссию. Ко мне долгое время никто не являлся. Из Владимира меня торопили, а дело не шло. Наконец кое-как удалось один раз собраться втроём, в числе явившихся был новый начальник УЗУ. Согласился он с моим предложением и на записках к протоколам написал даже особое мнение о том, что музеям следует дать больше, чтобы они владели имуществами и прочее.

Так как в ноябре вышла новая инструкция ВЦИК о распределении земель на земли государственного и местного значения, то, чтобы согласовать свою работу, я весь материал направил в УИК. А там он снова залёг. По этому делу в феврале 1924 года приезжал из Главмузея т. Троицкий Василий Иванович.

Было составлено заседание УИК (16/II), в течение которого разыгралась безобразнейшая сцена. Я вынужден был выслушать целый поток ругани, где мне досталось за всё: и за лошадь, и за имущество, и прочее. Бралась под подозрение вся деятельность и прочее. Одним словом, история повторяется.

Долго ещё потом вопрос о владениях лежал тут, пока не попал во Владимир с отрицательным заключением. Решено было ничего не давать музею, то есть музейное объявить не музейным. Во Владимире это тоже долго тянулось и только осенью (1924 года) получило настоящее разрешение, конечно, согласное с духом советского строительства. Особая комиссия и Губплан передали музейному отделу все до одного *пять* переславских монастырей. И, таким образом, на содержание их пойдёт доход, который получается от аренды квартир, садов и тому подобного. Но как удастся получить Никольский и Фёдоровский от коммунального отдела, покажет будущее.

Я забыл упомянуть, что командированный из Москвы Г. О. Чириков по возвращении в Главмузей так расхвалил мою деятельность, что постановлено было (17 марта 1923 года) мою работу одобрить и премировать. Но из этого ничего не вышло, кроме комических сцен. Но, задобрив меня этим, Чириков, по-видимому, с умыслом уговорил меня отправить на реставрацию икону Преображения из старого собора. Я с готовностью сделал это и меня уведомили (28 апреля 1923 года № 1944/3192), что икона будет возвращена по реставрации. Теперь же профессор Анисимов А. И. распространяет слухи,

**Смирнов, М. И.* Культ и крестьянское хозяйство в Переславль-Залесском уезде. По этнографическим наблюдениям / М. И. Смирнов // Труды Переславль-Залесского историко-художественного музея. — Переславль-Залесский, 1927. — Т. 1.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

что икона возвращена не будет. Но с этим я буду бороться до конца. На музейном съезде в Рязани (28 сентября—2 октября) я делал доклад по этому поводу и провёл резолюцию съезда о возвращении иконы.

Весной этого года приезжал в музей и прожил два дня Константин Фёдорович Юон. Осматривал окрестности Горицкого, наметил ряд тем для своих картин, но приехать ему не удалось. Вместо него целое лето толкались художнички сортом пониже. Сначала явились какие-то Шишовы, отец и сын, из Москвы, потом Аникита Петрович Хотулёв и Николай Иванович Янченко, а из Ярославля — Михаил Алексеевич Владыкин. Написали они тьму этюдов, кое-что дали музею, а больше обещали.

Единственно в чём они действительно помогли мне, так это почистить портреты в музее и устроить из них особый отдел — портретную галерею. И то работали не все, Шишов особенно подчёркивал своё нежелание...

Но ещё до приезда художников в музей приезжала шумная группа студентов-фольклористов под руководством профессора Юрия Матвеевича Соколова. Прожили они три дня, обследовали окрестности города и, собрав обильный материал, уехали. В результате этого была заметка в «Известиях» № 140 и «Красной Ниве» № 30.*

Одновременно с художниками нахлынула в музей группа артистов 1-й студии Художественного театра: Берсенев Иван Николаевич, Гиацинтова Софья Владимировна и другие. На Ботике некоторое время жило 7 человек. Вместо платы за комнату они обещали дать в пользу музея художественно-литературный вечер. Но с ним случилось нечто особенное по вине очень влиятельного товарища Михаила Георгиевича Пустыннова, секретаря укома, тогда обитавшего здесь (в Переславле-Залесском). Он большой любитель театра и упросил меня, чтобы было дано два вечера: один в пользу музея, другой в пользу инвалидов. Сговаривались мы втроём, в том числе артист Берсенев. Уговорились, что сборы обоих вечеров, за вычетом расходов и уплаты артистам 25%, делить пополам. Но затем вышло так, что музей ничего не получил.**

Это было 3 августа, а 5-го я поехал на лодке в экскурсию по реке Вёксе с целью обследовать её берега в археологическом отношении. Как и предсказывали мне археологи, что тут должна быть неолитическая стоянка, я открыл её на первой же остановке. В урочище «Польцо», первой песчаной возвышенности, не заливаемой вешними водами, я обнаружил богатый подъёмный материал. Затем приезжал сюда ещё два раза, один [раз] с городскими учителями, произвёл разведку, и стоянка оказалась необыкновенно богатой. Неолит несомненный. Первый, известный в нашем крае.

После этого (с 9 по 13 августа) проехал в лодке до села Святова с той же целью. Нашёл две стоянки на берегу Сомина озера: 1) одну на «Торговище» (Селятином), 2) на бывшем островке при речке Бароновской.

Кроме того, обследованы были мною два городища: 1) в деревне Григорово при впадении Шусты в реку Кубрю и 2) близ деревни Туколенки на речке

---

* известия номер 140 1924

Вебер, В. Поэтическое творчество деревни / В. Вебер, А. Цейтлин // *Красная Нива*. — 1924. — 27 июля (№ 30). — С. 728—729.

**Смотри об этом 151 страницу.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Мечке. Первое городище обращено в скотское кладбище, где хоронят теперь павших животных, второе изрыто кладоискателями.

Наряду с археологическими задачами мною преследовались и другие: а) бытование древних обрядов хозяйственного значения: коляды, овсея, масленицы и других, б) регистрация по церквям историко-художественных предметов.

С этой же целью мною была проделана пешком третья экскурсия (с 22 по 26 августа) в северную часть уезда: в сёла Троицкое (Великий Двор), Лыченцы, Алферьево, Шапошницы, Рогозинино. Со мной был студент Аванесов Рубен Иванович, собравший богатый материал по особенностям говора.*

Большая часть сентября (1924 года) занята была ремонтными работами по музею. На отпущенные 200 рублей я ставил заплаты в разных местах: в Горицком на музее и воротах, в Старом соборе.

23 сентября поехал на съезд музейных деятелей Центральной промышленной области в Рязани, но раньше заехал в город Сергиев, где работал три дня в архиве бывшей Троице-Сергиевой лавры.

28 сентября начался съезд и окончился 2 октября (1924 года). Собрались человек тридцать приезжих. Атмосфера работы была прекрасная. Съезд продуктивно работал и вынес значительное количество постановлений. Я выступал с докладом о положении дела музейного и дела охраны памятников старины.

10 октября 1924 г..
ГАЯО. Ф. Р-913. Оп. 1. Д. 1. С. 53—111.

*Рубен Иванович Аванесов (1902—1982), языковед, основатель московской диалектологической школы, автор теории лингвистической географии.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

На службе родному краю. Пезанпроб

Пезанпроб. Так окрестил я своё второе детище — Переславль-Залесское научно-просветительное общество, из первых слогов которого и составилось приведённое выше его сокращённое название.

Оно дано было мною вдали от Переславля в Личадееве, Нижегородской губернии, где я заведовал удельным имением. Это было летом 1917 года, когда я бесповоротно решил уехать на родину и обосноваться на ней. Желая посвятить себя научно-просветительной работе, я раньше всего и думал именно о научном обществе, а не музее. Устанавливая его тип для захолустного уездного городка, каким именно и есть Переславль-Залесский, где мало научных сил, я решил дать ему такую организацию и название, чтобы здесь могли объединиться все культурные силы города и уезда. Можно было бы его назвать: «Общество изучения родного края», но тогда здесь не оказалось бы места для поэтов, математиков и прочих. Поэтому я остановился на названии «Переславль-Залесское научно-просветительное общество». Но чтобы Общество не расплылось в своей работе вдаль от родных мест, первый пункт устава был редактирован мною в таком роде, что основной темой изучения и научных изысканий членов служит Переславский край, а все другие стороны знания и искусства занимают второстепенное место.

Образцом для выработки устава мне послужил устав Костромского краеведного общества и некоторых других московских. В Переславль я привёз устав в готовом виде, но здесь после обсуждения его с Андреем Ивановичем Острецовым подверг редакционной переделке.

Ещё до поступления на службу в Отдел народного образования (до 2 июля 1918 года) я уже пропагандировал мысль о создании Общества и разговаривал с представителями здешней интеллигенции. По этому поводу я сделал даже новые знакомства; так, я был весною 1918 года у Александра Александровича Маркграфа, принимавшего большое участие в создании демократического клуба. Был в учительских кружках и так далее.

Под уставом я собрал подписи следующих лиц, кроме своей:

- врача Андрея Александровича Лапотникова,
- товарища председателя педагогического совета бывшей Переславской женской гимназии Елены Сергеевны Угрюмовой,
- окончившего Московский университет по юридическому факультету Александра Александровича Маркграфа,
- студента Московского университета, историко-филологического факультета Владимира Евгеньевича Елховского,
- школьного санитарного врача Георгия Аркадьевича Карташевского,

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

- студента Московского университета, историко-филологического факультета Евгения Васильевича Громова,
- окончившего Петроградский политехнический институт Георгия Петровича Альбицкого.

С препроводительной бумагой Отдела образования устав в этом виде был направлен во Владимир в Губернский наробраз (24 августа 1918 года № 340). С этого момента начались муки по проведению устава. Оттуда очень быстро возвратили его и предложили обратиться для регистрации общества во Владимирский окружной суд (31 августа № 2011).

Послали устав туда. Там его не сразу рассмотрели, потом нашли неправильности: 1) что прошение о регистрации подписано тремя лицами, а устав — восемью, следовало и прошение подписать всеми; 2) в уставе не было оговорено, что в члены правления не могут быть выбраны лица несовершеннолетние. На основании этого было отказано в регистрации до соответствующего изменения устава (26 ноября 1918 года).

Чтобы ускорить дело, получив обратно устав, я внёс редакционное добавление в устав и подписал его уже только тремя лицами и снова послал во Владимир. Но, оказывается, не угодил и на сей раз (23 декабря). Надо было учинить семь подписей на прошении и уставе, эти подписи засвидетельствовать в исполкоме и вставить о несовершеннолетних в тот именно параграф, где говорилось о составе правления (хотя по контексту было и без того ясно, что несовершеннолетние занимать должностей там не могут).

Пришлось снова переписывать устав, в третий раз собирать подписи. На этот раз подписались, кроме меня: гражданин Владимир Евгеньевич Елховский, гражданин Алексей Павлович Романовский, гражданин Георгий Петрович Альбицкий, гражданин Георгий Аркадьевич Карташевский, гражданин Георгий Фёдорович Александров, гражданин Александр Николаевич Знаменский.

Видя, что судейское крючкотворство может быть бесконечным, я обратился за помощью в партию. Оттуда ехал во Владимир товарищ Васильев, взял он с собою устав, поговорил в нотариальном отделе суда с кем следует, и дело наконец получило надлежащий ход.

15 февраля 1919 года Переславль-Залесское научно-просветительное общество занесено было в реестр союзов и обществ, не имеющих своей целью извлечение прибылей. В начале марта (3 марта № 1270) ГубОНО, получив от нотариального отдела зарегистрированный устав, препроводило его в УОНО для выдачи учредителям.

1919 год

Первое собрание происходило 30 марта в помещении отдела народного образования. Это было организационное собрание. На него явилось 12 человек, из них пять учредителей, остальные семь — желавшие стать членами Общества. Всё это была местная интеллигенция, или имеющая отношение к Переславлю, но приехавшая сюда на жительство только в революцию. Таковы — О. Л. Кардовская, Г. П. Альбицкий и другие.

Собрались мы вечером в доме бывшем Шилль в средней комнате. В ней незадолго перед этим была расставлена красная атласная мебель и диван

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

карельской берёзы. Тут же был поставлен длинный сосновый стол. Одним словом, меблировка сборная, революционная.

Закончив организационную часть (выбрали правление, наметили секции), я обратился с приветственным словом к собравшимся и приглашал их работать по изучению родного Переславского края для блага этого края. Вслед за этим сделал очерк достопримечательностей Смоленской волости: дворца Свиньиных в селе Смоленском, усадьбы Самсоновых в Бектышеве и деревянной церкви в Спасском, что было живой иллюстрацией ко вступительной речи.

Собрание прошло с большим успехом и открыло собою ряд последующих собраний, на которые мало-помалу стал прибывать народ. Число членов увеличивалось безостановочно и в конце апреля Общество дало своими силами для своих членов литературно-музыкальный вечер, вся программа которого посвящена была весне. Вечер прошёл хорошо, но не понравился заведующему Наробразом Г. А. Карташевскому, который сделал мне замечание, что публика была сплошь интеллигентская. Хотя я тут был ни при чём — объявление, вывешенное на улице, приглашало всех желающих.

В мае было несколько докладов натуралистов (Варенцова и других). Собрания становились многолюднее. В них принимал активное участие Сергей Сергеевич Геммельман, очень интересный человек, по образованию межевой инженер, по профессии купец, в то же время поэт, публицист, а главное — энтомолог. Он собрал колоссальную коллекцию переславских жуков и в продолжение шести собраний демонстрировал перед членами Общества ящики с жуками.

В то же время я провёл серию докладов исторического характера, посвящая главное своё внимание обзорам историко-археологических материалов: обзор документальных источников по истории Переславского края, обзор хорографической номенклатуры его, обзор вещественных памятников его, о памятниках древней промышленности Переславского края. Большая часть этих докладов вошла потом в состав справочника-руководства по изучению нашего края — «Переславщины», изданного в 1921 году.*

В мае начали печататься. Нужно сказать, что в то время в Переславле существовала своя газета, и как везде по уездным городам, она была официальной и называлась «Известиями». Редактором её был Владимир Васильевич Соколов, студент, потерпевший при царях, организатор Совета в Переславле-Залесском и первый председатель. Он предложил мне сотрудничать в газете. Я послал две информационные заметки о работе нашего Общества, которые под заглавием «Пезанпроб» и были напечатаны в № 12 «Известий» 1919 года (в приложении) и в № 18.**

В то же время заведующий УОНО товарищ Карташевский, помимо правления Общества, стал отдавать в редакцию те из читанных на собрании

**Смирнов, М. И.* Переславщина. Источники и материалы краеведения, их систематизация и обзор / М. И. Смирнов // Доклады Переславль-Залесского научно-просветительного общества. — Переславль-Залесский, 1921. — Т. 9.

** переснята из но 12 - найти в но 18

Смирнов, М. И. Пезанпроб / М. И. Смирнов // *Известия (Переславль)*. — 1919. — № 18.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Общества докладов, которые случайно попадали ему в руки. Так, служивший в отделе образования А. П. Романовский успел ранее других дать ему свою студенческую работу, читанную в Обществе под вычурным названием: «Французское общество эпохи регентства в зеркале „Персидских писем“ Монтескьё». Статья была не из важных по содержанию, а главное, она не относилась к Переславскому краю, и мне было досадно, что начало печатания нашего Общества получило такой неожиданный оборот. Но с начальством, а особенно таким крутым как товарищ Карташевский, не всегда можно было спорить.

Тем не менее, дальше дело наладилось. Под номером 2 и 3 вышло наставление С. С. Геммельмана к собиранию коллекции жуков, а далее по ошибке редактора вместо № 4 появилось приложение № 5, в котором помещён был очерк А. И. Костылёва, местного агронома, о кооперации в Переславском уезде. В то же время я наготовил ряд коротеньких статеек для газеты, но успел из них напечатать лишь одну анкету по краеведению под заглавием «Познай самого себя» (в № 18 «Известий»).* По случаю безденежья газета прекратила своё существование 26 июня 1919 года. Нам удалось, таким образом, воспользоваться ей только в течение двух месяцев, когда мы не успели ещё как следует наладиться. Печатались мы бесплатно, и та и другая сторона.

Между тем работа Пезанпроба стала выявляться в глазах советских учреждений и вырастать в нечто полезное, что можно было утилизовать сейчас для советского строительства. Переславль-Залесский районный совет народного хозяйства обратился поэтому в Общество со следующей бумагой:

> Переславский Усовнархоз, признавая необходимым самое тесное сотрудничество с Переславль-Залесским научно-просветительным обществом в области всестороннего экономического обследования Переславского уезда, в целях такого сотрудничества просит Общество о следующем: 1) О включении в него полноправным членом представителя Совнархоза. 2) Уведомить о результате настоящего ходатайства и о дне следующего очередного собрания Общества. (24/IV № 694.)

Эта бумага пришла в тот момент, когда очередное научное собрание пришлось отложить на август. Перерыв был необходим как вследствие огородных и других хозяйственных работ, которые в то время были у каждого из нас, а кроме того, Обществом намечены были полевые работы по обследованию нашего края. Между тем за это время председатель Совнархоза студент Секретов был экстренно переведён из Переславля куда-то в другое место, и когда мы в августе сообщили о дне собрания Пезанпроба, то никто уже не явился...

Полевые наши работы выразились в том, что при содействии отдела образования удалось устроить научную экскурсию на лодках в село Усолье на реке Вёксе. Участниками были члены Общества и учащиеся, всего человек 20. Руководителями были я — по археологии и истории, Сергей Сергеевич Геммельман — по сбору жуков и Борис Владимирович Иванов — по сбору моллюсков.

**Смирнов, М. И.* Познай самого себя (Краткая анкета по родиноведению) / М. И. Смирнов // *Известия (Переславль)*. — 1919. — № 18.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Я отправился со своей группой сначала на Соломидинский берег озера с целью обследовать находящуюся там дюну как стоянку во дни оны. Оказалось, что дюна сильно выветрена, культурного слоя почти нет, черепки оказались в небольшом количестве как подъёмный материал, и больше ничего. Далее без остановки отправились в Усолье. Здесь всё моё внимание обращено было на местность, где в старину процветало солеварение. Это, можно сказать, в самом селе на правом берегу Вёксы. Там как памятник древней промышленности оказалась целая гора отбросов соляной выварки, известная под именем Козьей горки (3 сажени высотой, [6 м] площадь 33×8 сажен). Вблизи неё целый лабиринт неровностей поверхности, как следы былых строений, и остатки соляной трубы, посредством которой добывался раствор для солеварения. Мною во многих местах произведены были пробные разведки почвенного и подпочвенного слоёв, причём в изобилии попадались отбросы былого производства. Образцы их были взяты в музей. Далее спилена торчавшая из земли труба аршина полтора высотою, [1,1 м] имевшая 9 вершков в диаметре отверстия, [40 см] и перевезена в музей. Пробыли мы в экскурсии двое суток.

Научные собрания возобновились с 1 августа. Я поставил свой доклад из переславской жизни: «Воровские письма XVII века»* и вместе с тем возбудил в Обществе вопрос о печатании докладов Общества. С этих пор совершенно определённо это дело перешло в мои руки.

Ввиду прекращения газеты я предложил издавать свои работы отдельными брошюрами, причём допущенный ранее грех в виде пропуска № 4 — восполнить изданием брошюры. На это отдел образования отпустил средства и дело пошло. Осенью и зимой были изданы № 4 и 6 «Докладов Пезанпроб», в которых напечатаны были шесть моих работ. В № 7 я поместил статью В. А. Варенцова о фауне позвоночных Переславского уезда.

Между тем осенью случился инцидент, омрачивший наш культурный пыл и обидевший членов Общества до глубины души. Дело в том, что 17 октября был сделан устный доклад А. И. Острецова на тему «Правовое государство в горниле исторических испытаний». В числе посетителей собрания был сотрудник районной газеты «Голос труда» некий П. Соколов. Не поняв самого доклада (нужно отдать справедливость А. И., что он говорит довольно тяжёлым языком), корреспондент превратно передал его смысл в заметке под заглавием «Лекция», где вместе с тем разделал под орех и самое Общество: назвал его аристократическим и исполкому попутно сделал замечание, как это таковой не видит, что у него под носом тайное общество.**

На эту гадость я протестовал в одном из заседаний Общества и предложил обратиться с докладной запиской в исполком о некрасивой роли П. Соколова. Когда я это сделал, то оказалось, что он давно надоел исполкому своими кляузами и его, раба божия, после сего убрали.

В своей записке, поданной в Уком и УИК, отметив кратко работу Общества, я между прочим писал:

> Всё это делалось и делается совершенно бесплатно. В то время как трудно купить себе за деньги пуд ржи по сёлам, члены Общества бескорыстно,

*Смотри в 12 томе нашего издания.

**_Младшая_. Лекция / Младшая // _Голос труда_. — 1919. — № 25 (225). — С. 3.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

с единственной целью народного блага и успешности нового строительства тратили труд и время на обследование и учёные труды и, казалось бы, заслуживают одобрения, или же, во всяком случае, как не сделавшие ничего дурного, порицанию за это не подлежат.

Между тем в газете «Голос труда» в №24 появилась заметка «Лекция», подписанная псевдонимом «Младшая», где деятельность Общества облита злостной грязью. Прежде всего там в искажённом виде передано содержание реферата члена Общества Острецова, а затем самое Общество взято под подозрение и совершенно клеветнически названо состоящим из представителей крупной аристократии Переславля. Деятельность его, по словам корреспондента, окружена тайной и требует особо бдительного внимания переславских властей.*

Так как все заседания были публичные и, кроме того, проходили в отделе народного образования, а персональный состав Общества был всем хорошо известен, то в исполкоме и партии отнеслись к нашему делу с искренним негодованием, посоветовали через них подать контр-заметку, чтобы П. Соколов напечатал опровержение. Но, кажется, он этого не сделал, исчезнув навсегда из Переславля. А в «Голосе труда» стали писать о Пезанпробе по-другому.[1]

После этого собрания шли своим чередом, всего, собственно, за девять месяцев работы (с 30 марта по 31 декабря 1919 года) было устроено 19 научных собраний. В них 22 членами Общества сделано было 57 докладов, половина которых имела краеведное значение.

Так закончился первый календарный год существования Пезанпроба.

1920 год

Годичное собрание происходило в помещении музея, куда они эвакуировались из отдела образования окончательно. Музей как краеведный центр был избран местом собраний, где налицо были все условия для этого. Единственно что ставилось в вину, так это отдалённость от центра.

Собрание вышло торжественное, было много народу. Докладывал на этот раз Д. Н. Кардовский на тему: «Рембрандт, его жизнь и творчество». Такой доклад оказалось возможным поставить потому, как заявил докладчик, что я собрал в музейной библиотеке значительное количество художественных изданий и репродукций. Доклад, иллюстрированный обильно репродукциями, имел заслуженный успех.

После этого прочитан был годичный отчёт, по окончании чего заведующий отделом образования Карташевский, как записано в протоколе собрания, говорил следующее: «Начав с малого, с громадными трудностями, Общество завоевало все права гражданства». Призывал членов Общества в будущем развивать деятельность, взяв пример с председателя Общества М. И. Смирнова. Подчеркнул важность в данное время просветительной работы Общества,

[1] Научно-просветительное общество // *Голос труда*. — 1919. — №71 (271).

*Смотри что в номер томе нашего издания.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

труды которого помогают школьным работникам в изучении родного края (разосланы по всем школам №№ 4, 6 и 7 «Докладов» Общества).

Относительно годичного собрания и краткие выдержки из отчёта появились потом в районной газете «Голос труда».[1]

На том же собрании я прочитал членам симпатичное обращение Костромского научного общества по изучению местного края. Очевидно, через брата Василия Ивановича оно узнало о Пезанпробе и написало:

> Желая ближе ознакомиться с жизнью вашего Общества, правление Костромского научного общества просит прислать издания вашего Общества за всё время его существования, а с своей стороны наше Общество охотно вышлет свои издания в обмен. Очень желательно в дальнейшем быть хорошо знакомыми и по возможности чаще сообщать друг другу о своей жизни.

Таким образом о Пезанпробе стало известно за границей нашего уезда. Это было первое открытие нашего бытия. Нечего и говорить, что издания Общества были посланы в Кострому, а оттуда на наши тощие брошюры получили серию солидных изданий. Это послужило основанием для библиотеки Пезанпроба, которая стала составляться потом из полученных в обмен изданий.

В это же приблизительно время отдел образования прислал циркулярное обращение Петроградского института внешкольного образования с просьбой выслать ему краеведную литературу. Общество и УОНО собрали свои брошюры печатные и доклады рукописные школьно-краеведного характера, послали их, не придавая этому какого-либо значения, о чём вскоре и забыли.

Но во второй половине лета узнаём от школьных работников, что в журнале «Педагогическая мысль» дана оценка нашей работы за прошлый год.[2] Оценка дана такая блестящая, о какой мы не могли и мечтать. Петроградский педагог Н. Э. Сум, получив, очевидно, во внешкольном институте нашу литературу, написал следующую заметку о Пезанпробе:

> Родиноведению отводится сейчас большое место в школьном и внешкольном преподавании. Не вдаваясь в подробности, можно лишь указать, что изучение родного края, местной природы и жизни, несомненно, послужит крупным фактором в происходящем около нас строительстве. И в этом отношении на первом месте должна быть поставлена работа местных организаций, которую следует рассматривать с двух сторон — практической, если организация уже располагает вполне подготовленными силами, и педагогической, поскольку такая организация ставит себе задачей вовлечение местного населения в круг своих работ.
>
> Общества любителей местной природы, старины и прочего энергично развивались и работали во многих местах России; за последнее же время всё чаще и чаще приходится слышать, что эта работа невозможна сейчас, что

[1] *Илов*. Собрание Переславского научно-просветительного общества / Илов // *Голос труда*. — 1920. — № 54.

Тихонравов, М. К. Работа Переславль-Залесского научно-просветительного общества / М. К. Тихонравов // *Голос труда*. — 1920. — № 57.

[2] *Сум, Н. Э.* Переславль-Залесское Научно-Просветительное Общество (г. Переславль-Залесский, Владимирской губернии) / Н. Э. Сум // *Педагогическая мысль*. — 1920. — № 4—6.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

окружающие условия не позволяют заниматься спокойно научной и научно-педагогической работой. Старые, давно нам, к сожалению, знакомые мотивы оправдания своей общественной невоспитанности, отсутствия личной инициативы. Лучшим доказательством этому служат материалы Переславль-Залесского Научного Общества. Не имея никаких данных об основании общества, работающего, видимо, совместно с местным отделом народного образования, мы считаем нужным остановиться на имеющихся в нашем распоряжении его трудах, служащих наглядным подтверждением того, что может быть достигнуто при наличии интереса к делу и сознания своего общественного долга.

Остановимся прежде всего на 7 выпусках трудов этого общества, из коих четыре являются приложениями к «Известиям Исполнительного Комитета Переславль-Залесского Совета», а три изданы отдельными брошюрами.

Уже одно перечисление статей этих трудов указывает, что жизнь кружка идёт весьма живо и разнообразно. В трудах находим следующие статьи:

- Романовский, А. — Французское общество эпохи регентства;
- Геммельман, С. — Краткое наставление к собиранию коллекции жуков;
- ряд статей по местной археологии, этнографии и истории;
- Смирнов, М. И. — Залесский город Клещин; Старые боги (памятники и камни); Забытая «потеха» (история флотилии Петра I); Переславская Ямская дорога; Александрова гора; «Воровские письма» и другие;
- Костылёв, А. — О кооперации в Переславском уезде,
- и Варенцов, В. А. — Некоторые сведения о фауне позвоночных Переславского уезда (с. 16).

Кроме того, обществом, видимо, ведётся деятельная работа по привлечению учащихся к своим работам. Очень интересна программа «О способах изучения родной природы школьными коллективами», в которой рекомендуется разбить территорию уезда на участки соответственно школьным районам. Для детального изучения природы каждого участка разработаны обществом специальные инструкции и программы: Способы собирания и сохранения животных и растений; Простейшие способы наблюдения погоды; Краткое руководство к съёмке планов при изучении родного края.

Крайне ценно составленное обществом, к сожалению, отпечатанное лишь гекгографским способом «Руководство по изучению памятников родной старины при рисовании под открытым небом». В этом руководстве, кроме краткого наставления, имеется ряд рисунков показательного характера, изображающих типы надворных построек, оград, ворот и тому подобного, с указанием стиля и эпохи, к которой относится тип данной постройки.

Большая, ценная работа выполняется Переславль-Залесским Научным Обществом, и характерным для этой работы является отсутствие претенциозности, отсутствие каких бы то ни было «общих» статей, столь часто наблюдаемых сейчас в местной печати. Общее впечатление от работы этого общества такое — собрался кружок искренно преданных своему делу людей, ведущих работу без громких фраз, в сознании своего долга перед страной и перед всеми, кто нуждается в знаниях и опыте этого общества. В этом их главная заслуга, и с этой стороны Переславль-Залесское Научное Общество может послужить образцом для других обильно возникающих сейчас обществ изучения местного края.

После этого мы выросли в собственных глазах, но что-то долго не верилось в точность оценки. Не было ли увлечения у почтенного Н. Э. Сум, человека, нам совершенно незнакомого, следовательно, вполне беспристрастного, но!..

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Невольно приходило на мысль сравнение с оценкой П. Соколова в «Голосе труда».

Начало года прошло под впечатлением не петроградской оценки, которой ещё не было, а под влиянием здешней. Работы Общества начались в уменьшенном значительно составе. К концу отчётного года всех членов Общества насчитывалось 64 человека, за пассивность вычищено было 26 человек, а следовательно, в новом году состав Общества был всего 38 человек. Так же, как и раньше, всё это были добровольцы, занятые службой люди, их трудно было привлечь вплотную к научной работе и устроить, например, секционные занятия. Многие не всегда могли быть на общих собраниях, и мне приходилось, что называется, приставать к тому или другому из членов, чтобы он выступил с докладом. Я же сам по сравнению с первым годом старался ставить на повестку свой доклад только тогда, когда не было других докладов, а надо было выступать.

Сделали несколько докладов из жизни местной природы Г. А. Карташевский (об осах, о бабочках), С. С. Геммельман — о жуках, профессор П. Г. Борисов — о биометрическом методе изучения рыб, А. А. Ганшин — о происхождении coregonus albula.

Шумные политические рефераты прочитали наши члены А. И. Острецов — о марксизме и А. И. Логинов — о коммунизме и анархизме.

О местной старине: В. А. Феоктистов — «Обмеры древних зданий», И. И. Морозов — «Уходящие памятники деревянного зодчества XVIII—XIX веков», Г. П. Альбицкий — «Адмирал Спиридов и Чесменский бой», я — «Бармазово», «Археологическая карта Переславского уезда», «Переславская живая старина», «Переславль-Залесский в литературных и художественных произведениях», «Библиография по природоведению Переславского края».

В пояснение моих докладов нужно сказать, что я в то время составлял справочник-руководство по изучению Переславщины. Это пособие, по моему мнению, должно было заключать в себе библиографию края, с одной стороны, и обзор её с другой, а также постановку новых задач изучения. Два последних моих выступления были отдельными главами этой работы.

Археологический и этнографический доклады были всецело созданы на основе собранного мною за лето материала путём экскурсий по уезду. Не имея ни средств, ни возможности вовлечь в это дело группы наших членов, я обычно подговаривал кого-либо из молодёжи и мы шли в ту или иную сторону. Обычно мне сопутствовал или В. Е. Елховский, или А. П. Романовский. Но случалось, что хаживал и один, изредка, впрочем, выпадала случайная подвода.

14 мая 1920 года мне удалось побывать в селе Романове на Вашутинском озере. Здесь проживала просвирней моя землячка — старушка Евлампия Ивановна Абакумовская, 68 лет, родом из Большой Бремболы. Муж её сначала был пономарём на моей родине, а потом в Романове. Овдовев, она проживала тут, и у меня с отроческих лет остались воспоминания о ней как о хорошей рассказчице. Я не ошибся, и за вечер, который мне удалось провести у неё, я записал много ценного: сатиру на духовенство под заглавием «Про петуха и лисицу», старые песни — «Вдоль по улице Петрушка-щеголёк», «Эко сердце, эко бедное моё», «Вдоль по улице репей», «Недоросточка матушка женила» и другие.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

В петровское заговение 6 июня я был в селе Красном, где наблюдал редкий обряд, бытующий ещё пока — «похороны князя» и «завивание колоса». В этнографической литературе о них ни слуху ни духу. Поэтому я наблюдал обряд и записывал его потом с большой тщательностью. Для этого я отыскал пожилую песенницу Авдотью Ивановну Фадееву лет пятидесяти. Она после небольшого ломания разошлась и, кроме обрядов, продиктовала ещё цикл весенних песен: «Выходили красны девушки», «Хожу ли я, хожу, как по травкам по муравкам», «Вдоль по улице, вдоль по широкой».

30—31 июля ходил пешком с Севой* в село Спасское, оттуда в село Рождествино, где осматривал холм «городок». Оттуда прошли с ним в деревню Никулинку к гражданину Утину. От последнего получил клык мамонта для музея, найденный в речке Тошме против его дома.

10—12 августа один ходил в село Ивановское, чтобы осмотреть торфяное пожарище. Благодаря необычайно жаркому лету и осени торфяные пожары были часты. Но в Ивановском они осложнялись тем, что горел торфяной покров на приозёрном лугу, на котором вместе с торфом сгорело до 70 стогов сена. Пласт торфа, как я наблюдал при осмотре, был неглубокий, несколько вершков на песчаном основании.

Обследовав кстати озеро и прилегающий участок Малой Нерли, я записал бытовавшие в Ивановском обряды. Оказалось, бытует ещё семиковый обряд, имеющий особенности сравнительно с другими селениями. Центральной фигурой тут является «óлень», выборная девушка. Песни этого праздника тоже отличаются от соседних. Раньше, лет 30—40 тому назад, справляли обряд с колосом («гоняли колос»), а когда-то очень давно и «князя хоронили».

В соседнем селе Филипповском я проверял те же обряды, а обнаружил интересные масленичные песенки: «Сисинка, яисинка», «Сика, сика, масленица».

Оттуда прошёл в Дубровицы, где удалось сделать несколько археологических наблюдений.

19 августа был поблизости в деревне Чашницы и селе Красном, где записывал детские песенки, а также снова от А. И. Фадеевой вешние песни: «Соловья вертеть», «Пиво варить», «Пастуха нанимать». Кроме того, проверял бытование обрядов: коляды, овсея, семика и масленицы. Усиленно собирал везде хорографические названия, что начато было мною по документам ещё в Нижегородской губернии.

Пользуясь сухой и прекрасной осенью, я ходил 11—12 сентября один через село Давыдовское в усадьбу Бектышево и далее в деревню Поварово, где собирал также этнографический и археологический материал. У крестьянина Червякова нашёл голову тура, отысканную им в речке Рокше. Обратно он меня довёз и голову подарил музею.

Последнее в эту осень путешествие было в деревню Плечево (27—28 сентября), где осматривал по реке Ремже местность Городцы, при впадении её в реку Нерль; записывал масленичную песенку старого времени «Славите, славите, сами бога знаете».

Позднее я заболел сильно карбункулом и находился в больнице на излечении (5—10 ноября), когда мне было несколько лучше, записал от лечившегося

*Всеволод Михайлович (1910—1941), сын Михаила Ивановича Смирнова, профессия.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

там же крестьянина села Ивановского, Петра Ерёмина 50-ти лет, целую серию легенд и сказок.

Таким образом, за это лето и осень мною был собран довольно значительный этнографический материал, совершенно нетронутый до того времени. Поражаешься убогости этнографических записей, произведённых ранее и напечатанных в губернских и епархиальных ведомостях. Отсутствуют они и в основных центральных журналах. И выходит, что наш край хоть и подмосковный, но непочатый угол. Всеми силами втягиваю в эту работу учителей ещё с 1918 года и членов своего Общества. Последним ставлю определённой обязанностью ежегодно давать этнографический материал, если не могут или не желают выступать на собраниях с докладами. Этот материал копится и растёт.

Всего в течение года было 17 научных собраний. Очень многие из них были многолюдные, проходили с большим подъёмом. Много шумели на докладе А. Логинова по поводу коммунизма и анархизма. Интересно был поставлен мой доклад о Переславле в литературных и художественных произведениях. Наши местные художники с Кардовским во главе выставили несколько десятков своих работ и в результате получилась небольшая, но интересная выставка.

В конце года работа Общества снова подверглась критической оценке. На этот раз со стороны партийного человека, наблюдавшего жизнь Пезанпроба в течение пяти месяцев и в конце концов ставшего членом Общества. Это сделал Владимир Арефьевич Феоктистов, архитектор по специальности, командированный Академией истории материальной культуры в Переславль для обмера Горицких ворот и крестьянских построек. Квартировал он в Даниловом монастыре, где жил тогда и я.

Этот Феоктистов рассказывал мне любопытный эпизод из своей жизни. Долгое время он болел мокрой экземой, покрывавшей всё его тело. Избавился от этого не лечением у врачей, а посредством «заговора» у простой бабы, которой он говорил, что в её врачевание не верит. Но с двух сеансов стал здоров...

Уезжая из командировки в Сергиев, на прощание он напечатал в районной газете «Голос труда»[1] статью «Пример для интеллигенции», в которой писал:

> Ослеплённая мощным размахом и глубиною Октябрьской Революции и проявлением титанического творчества молодого класса — пролетариата, растерявшаяся интеллигенция, к своему стыду, отошла в сторону от героев, мучеников и строителей светлого будущего. Лишь голод и железная мощь рабочих заставили интеллигенцию прийти своими знаниями и опытом на службу Советам. Не поняв сходности своих интересов с интересами пролетариата, большинство интеллигенции и посейчас в своей массе работает ещё не за совесть, а за страх и только для получения права на собственное существование.
>
> Но величие идей Коммунизма и героический пример рабочего класса и крестьянской бедноты, самоотверженно борющихся за счастье человечества, а в том числе и за счастье той же интеллигенции, уже всё больше и больше привлекает горячих к убеждённых сторонников из среды интеллигентов, начинающих

[1] *Феоктистов, В. А.* Пример для интеллигенции / В. А. Феоктистов // *Голос труда*. — 1920. — 22 декабря. — № 289. — С. 1.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

рука об руку с пролетариатом творить новую жизнь. Остальная же часть попрежнему влачит жалкое прозябание межеумочного класса, плачется и хлопочет только о маммоне, совершенно не видя того до ослепительности ясного и единственного пути, который состоит для неё в полном слиянии с пролетариатом и совместной с ним сознательной работе на общее благо.

Поэтому тем более отрадно видеть, когда интеллигенция работает не из-за куска хлеба и не по принуждению, но единственно по собственному почину ради долга перед Республикой и из-за горячей любви к своему делу. Таким бодрым и самодеятельным кружком интеллигентов, в пример другим, является Переславль-Залесское Научно-Просветительное Общество.

Не имея от своей работы никаких материальных выгод, без каких-либо понуждений извне, только в силу нравственного сознания своих обязанностей, Общество вот уже около двух лет без всякой рекламности, но неустанно работает по изучению родной Переславщины. Тяжёлые условия печатного дела мешают широкой гласности работ Общества, но всё-таки, постепенно, благодаря своим трудам, Переславль-Залесское Научное Общество служит благородным примером для пассивной интеллигенции и завоёвывает достойное того внимание даже Центра.

Так, с удовлетворением отмечена работа Общества и большая ценность собранного им местного бытового материала в петербургском ежемесячнике «Книга и Революция» (1920 г., № 5), Ещё более уделяется ему внимания в 4—6 № «Педагогической Мысли» (Петроград, 1920 г.), где напечатано: «Большая, ценная работа выполняется Переславль-Залесским Научным Обществом... Общее впечатление от работы этого Общества такое — собрался кружок преданных своему делу людей, ведущих работу без громких фраз, в сознании своего долга перед страной и перед всеми, кто нуждается в знании и опыте этого Общества. В этом их главная заслуга, и с этой стороны Переславль-Залесское Научное Общество может служить образцом для других...»

Отмечая большое значение изучения родного края в деле происходящего около нас строительства и важность проведения такой работы именно местными организациями, «Педагогическая Мысль» с удивительной верностью также вскрывает косность иной интеллигенции: «за последнее время всё чаще и чаще приходится слышать, что эта работа невозможна сейчас, что окружающие условия не позволяют заниматься спокойно научной и научно-педагогической работой. Старые, давно нам, к сожалению, знакомые мотивы оправдания своей общественной невоспитанности и отсутствия личной инициативы. Лучшим доказательством этому служат материалы Переславль-Залесского Научного Общества», которые подтверждают, «что может быть достигнуто при наличии интереса к делу и сознании своего общественного долга».

Для человечества наступает эпоха осуществления лучших своих мечтаний, в истории открывается славнейшая за все века страница, и интеллигенция, следуя примеру лучших своих собратий, должна наконец очнуться, понять и оценить всё величие текущих событий, несущих раскрепощение тела и духа человечества и безоговорочно, всем своим естеством слиться в упорной, часто тяжёлой, но в высшей степени радостной и плодотворной творческой работе с революционным пролетариатом путём ли самоотверженной работы в Советских учреждениях или, по примеру Общества, путём самодеятельной работы, как это с честью выполняет Переславль-Залесское Научное Общество.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Таким образом, отзыв о работе Пезанпроба со стороны члена РКП совершенно совпал с оценкой, данной петроградским педагогом. В то время как один говорил заглазно, судя только по материалам, другой вынес это впечатление от непосредственного участия в работах Общества.

Печатание докладов Общества, столь успешно начатое на первом году его существования, продолжалось и на втором. Был издан выпуск № 8 с докладами Кардовских и начат печатанием № 9, в котором я поместил свою «Переславщину», составленную из библиографии, её обзора и программ дальнейшего изучения края. Как и раньше, издания печатались явочным порядком в здешней типографии, имевшей всего один ручной станок и такое ничтожное количество шрифта, что могла набрать корректуру не более 4—8 страниц. Хотя по количеству статей и выпусков на второй год издано меньше, но по числу страниц выходило больше.

На расплату с типографией по-прежнему давал деньги отдел образования, который продолжал рассматривать Общество состоящим при музее в качестве его вспомогательного органа и финансировал его из внешкольных сумм. Когда последних к концу года в УОНО оставалось много, то дана была Пезанпробу сравнительно значительная сумма (свыше 300 000 рублей), которая распределена была между членами за ту или иную их деятельность (доклады, материалы, заседания правления и прочее).

А в заключение очерка этого года следует отметить, что оно участвовало через своего представителя первый раз на краеведном съезде. Так как в дальнейшем эта форма общения стала обычной и таких съездов потом потянулась целая цепь, то очень важно отметить начало этого звена.

Съезд этот был устроен Ярославским естественно-историческим обществом. Наше Общество получило приглашение довольно случайно. Летом был в Переславле член этого Общества, доктор Янсон, который имел со мной продолжительную беседу о краеведной работе, осматривал музей и соблазнял меня войти Пезанпробом в организованный ими Союз северных обществ. Самый съезд происходил 27—30 августа, куда собрались представители Рыбинского, Череповецкого и Вологодского обществ. От Пезанпроба был командирован В. А. Варенцов, но так как в Ярославле не оказалось крупных сил, чтобы сорганизовать дело, то съезд этот не имел реальных последствий в деле объединения. Но Пезанпроб всё же благодаря ему вошёл в сношения с другими северными обществами и стал обмениваться с ними изданиями.

С осени этого же года наше Общество вошло в соприкосновение с экспедицией по обследованию придорожных районов Северных железных дорог через профессора Александра Александровича Борзова и Николая Андреевича Янчука, начавших свою работу с Переславского уезда. В своём кратком сообщении, напечатанном в журнале «Наука и её работники»,[1] А. А. Борзов, между прочим, писал потом об этом: «Мы с Н. А. Янчуком были чрезвычайно счастливы, что нам удалось привлечь в экспедицию глубокого знатока прошлого и настоящего Переславщины, энтузиаста и подвижника, можно сказать, местного краеведа М. И. Смирнова, который продолжал работать для экспедиции всю зиму и дал ценные записи песен, сказок, обрядов, образцы домашней ткани и многое другое».

[1] *Борзов, А. А.* Обследование придорожных районов Северного железнодорожного узла / А. А. Борзов // *Наука и её работники*. — 1922. — № 1. — С. 45.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

1921 год

Третий год своего существования Пезанпроб начал с чистки «мёртвых душ», и нужно сказать, чистка была, пожалуй, чересчур строгая для некоторых. Но в качестве воспитательной меры применялась она для вразумления других... Итак, за вычетом выбывших (к 38 человекам прибыло 13 человек, убыло 16 человек) на 1 января осталось 35 человек членов.

26 января происходило годовое собрание Пезанпроба с чтением отчёта и выборами. По-прежнему я был избран председателем Общества и на этот раз выступал с докладом на тему «Религиозный элемент в легендах и сказках Переславского края». Я, собственно, был содокладчиком и иллюстратором доклада А. И. Острецова «Религиозная идеология как организационная (ГАЯО)|организующая (было)|организующаяся (отчёт 1921 года) форма первобытного трудового опыта». Сначала ораторствовал А. И., по обычаю пространно и довольно отвлечённым языком, но, конечно, научно и основательно в духе марксизма. Я же вслед за этим рассказал несколько легенд и сказок, записанных мною во время экскурсий прошлого лета и нахождения в больнице. Присутствующие были, с одной стороны, прежние интеллигенты, с другой представители новой интеллигенции (из УИКа). Мои сказки и сделанные из них выводы произвели совершенно разное впечатление на тех и других.

Закончив иллюстрацию, я обрисовал далее крестьянскую мифологию — леший, водяной, домовой, — указал на их происхождение, отметил синкретизм верований (святые в общении с «нечистой силой») и наметил методы борьбы с религиозными пережитками.

Должен покаяться, что я не всегда выводил народных богов из недр трудовых процессов и хозяйственной организации, а часть, вроде лешего, как лесного духа, ближе ставил к природе. И вот во время прений многие оттеняли (ГАЯО)|отстаивали (было) ту точку зрения, что происхождение верований должно быть объяснено из комплекса причин.

Прежняя интеллигенция считала мой доклад интересным и дельным, а новая интеллигенция заглазно бранила меня. Самое Общество потеряло в их глазах свой авторитет. «Это то, где сказочки рассказывают», — отзывались о нём побывавшие и не побывавшие в нём товарищи, а о моей точке зрения на религиозные пережитки говорили, что я проповедовал пантеизм, чего совершенно не было...

Так начался с этой неприятностью третий год Пезанпроба. Но, должно быть, по пословице: «не вкусивши горького, не увидишь и сладкого», дальше дело пошло не только не дурно, а прямо-таки хорошо.

Были лишь затруднения с изданием. Дело в том, что моя «Переславщина» начата была печатанием явочным порядком в предыдущем году, но в 1921 году типографиям строжайше было предписано без разрешения ничего не печатать. Это дело вводилось в известные рамки. Из типографии мне прислали копию этого распоряжения и мне пришлось разыскивать орган, который бы выдал мне это разрешение. А типография прекратила печатание. Я довольно часто бывал в Москве, решил обратиться в Госиздат, где тогда действительно и давали разрешение. Через Главмузей с его бумагой одобрительного характера я отправил туда отпечатанные листы и так как оставалось закончить какой-то пяток их, то надеялся, что это будет сделано тут же или

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

в скором времени. Но там держали несколько месяцев и после моего нового визита в Госиздат я нашёл дело в том же нетронутом виде, а затем прислали в Переславль с указанием, что за разрешением следует обратиться в местный орган Госиздата. У нас его не было, то я некоторое время был в затруднении. Потом оказалось, что заведовать этим делом стал уполномоченный ГПУ. Он-то потом и дал разрешение на выпуск моей книжки.

Вышла она в середине лета. Была разослана по школам и отправлена тем обществам и учреждениям, с которыми мы завязали сношения. Этой работе я придаю особое значение. Она — фундамент знания Переславщины. Всякий, кто хочет знать край, должен начинать с неё.

В заключительной её части я писал:

> Теперь, когда стала ясною картина всех сторон краеведения, когда оказалось известным, где и что сделано, то задачи дальнейшей работы вполне очевидны:
>
> 1. требуется всестороннее научное обследование нашего края, и
> 2. необходимо, чтобы оно было планомерное и систематическое, имеющее научно-практическую цель — культурное строительство новой жизни.
>
> Производить эту работу в одиночку, как раньше, нельзя. Её должен объединять, направлять один определённый центр. Только при этом условии она и может быть планомерной.
>
> Такой центр в Переславле есть. Это — Переславль-Залесское научно-просветительное общество (Пезанпроб)...

Разумеется, я снова далее звал все живые силы пристать к этому Обществу и коллективно трудиться на благо нашего края. В отличие от краткой программы, предложенной мною в 1918 году, это была уже детально разработанная обширная программа, требовавшая больших научных сил. Такова была намеченная мною дорога...

Эта книжка, подобно предшествовавшим статьям,[1] была замечена критикой. С. В. Фарфоровский дал сочувственный отзыв о моих исторических работах в журнале «Книга и революция»[2] и в журнале «Дела и дни».[3]

---

[1] *Смирнов, М. И.* Старые боги / М. И. Смирнов // Доклады Переславль-Залесского научно-просветительного общества. — Переславль-Залесский, 1919. — Т. 4.

Смирнов, М. И. Залесский город Клещин / М. И. Смирнов // Доклады Переславль-Залесского научно-просветительного общества. — Переславль-Залесский, 1919. — Т. 4.

Смирнов, М. И. Забытая «потеха»: из истории Переславской флотилии Петра Великого / М. И. Смирнов // Доклады Переславль-Залесского научно-просветительного общества. — Переславль-Залесский: Государственная типография № 12, 1919. — Т. 4.

Смирнов, М. И. Переславская ямская дорога (К истории путей сообщения Московской Руси) / М. И. Смирнов // Доклады Переславль-Залесского научно-просветительного общества. — Переславль-Залесский, 1919. — Т. 6.

Смирнов, М. И. Александрова гора / М. И. Смирнов // Доклады Переславль-Залесского научно-просветительного общества. — Переславль-Залесский, 1919. — Т. 6.

Смирнов, М. И. «Воровские» письма (Из быта и нравов XVII столетия) / М. И. Смирнов // Доклады Переславль-Залесского научно-просветительного общества. — Переславль-Залесский, 1919. — Т. 6.

[2] *Фарфоровский, С. В.* [Рецензия на 4 и 6 тома «Докладов» Пезанпроб] / С. В. Фарфоровский // *Книга и революция*. — 1920. — № 5. — С. 44—45.

[3] *Фарфоровский, С. В.* [Рецензия на 4 и 6 тома «Докладов» Пезанпроб] / С. В. Фарфоровский // *Дела и дни*. — 1921. — № 2. — С. 233—236.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

О «Переславщине» мне попались на глаза два отзыва: один профессора В. И. Пичеты в журнале «Архивное дело»[1] и другой профессора А. И. Андреева в журнале «Дела и дни».[2] Оба отзыва неизменно благожелательны и хвалебны.

Отчасти благодаря этим рецензиям, а более по статье Н. Э. Сума наше Общество получило известность своими краеведными изданиями. Последствием этого было то, что на нас обратили внимание лица и учреждения, нередко стоящие неизмеримо выше нашего Общества. В одно время были получены предложения о высылке изданий Пезанпроба: Главархиву, Архангельской публичной библиотеке, Обществу любителей мироведения, опытной станции Дмитровского уотнароба, Тотемскому музею местного края, Краснохолмскому бюро по изучению местного края и многим другим. Понятно, все подобные требования исполнялись с большой охотой и, конечно, с течением времени в обмен получено было больше, чем наши тощенькие брошюрки.

В мае месяце получено было извещение, что возникло Владимирское губернское научное общество по изучению местного края, которое приглашало Пезанпроб работать вместе с ним. Мы ответили согласием, прося конкретно указать форму объединения. Но ответа не последовало, и так как настоящего организатора там не оказалось, то, несмотря на свой губернский титул и обилие культурных сил, дело идёт неважно. И живём мы каждый по-своему.

В течение этого года научная работа, несмотря на мой призыв работать планомерно, шла также индивидуально и велась немногими лицами. Так как работа каждого из них была любительством, побочным делом, то навязывать свой план не приходится. Будь в руках средства, тогда можно сделать что угодно, а до тех пор приходится мириться с кустарничеством.

Так, наши натуралисты занимались своим делом: Геммельман собирал жуков, Карташевский и Варенцов — ботанизировали.

Параллельно со мной работал Иван Алексеевич Жданов, избравший по моему призыву своей специальностью собирание музыкально-этнографических произведений народного творчества. Он дал за год 7 тетрадей записей. Мне хотелось продвинуть это дело далее и первые две-три тетради я возил в Москву в ГИМН,* вручил их с докладной запиской Борису Борисовичу Красину, имея в виду с его согласия устроить музыкально-этнографическую станцию при Пезанпробе. Но, к сожалению, изо всех моих хлопот ничего не вышло. Жданов, понятно, от этой неудачи охладел и прекратил производство записей.

По примеру прошлых лет я совершил несколько экскурсий всё с тою же целью археологического и этнографического изучения нашего края. Вместе с Севой я побывал в Купани и Гора-Новосёлке (16—17/VI), в селе Пожарском и деревне Борисовском (3—4/VII). Поздно осенью вместе с Владимиром

[1] *Пичета, В. И.* [Рецензия на «Переславщину» М. И. Смирнова] / В. И. Пичета // *Архивное дело*. — 1923. — № 1. — С. 163—165.

[2] *Андреев, А. И.* Издания обществ по изучению местного края / А. И. Андреев // *Дела и дни*. — 1922. — № 3. — С. 212.

*ГИМН — Государственный институт музыкальной науки, работал в 1921—1931 годах.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Елховским обошли пешком около 150 вёрст [160 км] за один раз на Ведомшу, Шепелево, Вишняково, Никола-Кижилу, Осипову пустынь (17—21/XI) и наконец в Чернецкое на Шахе (14—15/XII).

Нужно сказать, что эти экскурсии совершались между делом и не в них был центр тяжести работы этого лета. Мои доклады не были в зависимости от них. Я закончил большую работу по местной географии под названием «Хорографическая номенклатура Переславского Залесья. Опыт её классификации».* Составлена она была по документам и по опросу жителей в разных углах уезда. Тысячам названий дана классификация и система. В заключение приложен список непонятных и сомнительных названий. Эту работу, по совету Н. А. Янчука, я спешно закончил для экспедиции придорожных районов Северных железных дорог. В одном из заседаний Пезанпроба прочитал введение и кратко сообщил схему классификации. Но напечатать это интересное исследование не удалось: вышло оно громоздким, на 12 печатных листов.

Другой мой доклад касался дозорных книг Переславского уезда XVII века. Я собрал текст этих книг отчасти на основании документов архива бывшего Министерства юстиции в Москве, а отчасти по музейным документам. Эти книги приготовлены к печати. Тексту их предпослано введение, в котором выясняется значение этих книг для экономической истории края в начале XVII века.

Из других докладчиков этого года надо отметить Павла Васильевича Ильинского, историка старых приёмов и взглядов. Он прислал из Владимира: «Следы христианства среди языческой мери у Клещина озера», «Признаки славянского населения среди мери в Ростово-Суздальской области по раскопкам курганов у города Переславля».**

Из Петрограда прислал небольшой очерк профессор С. В. Фарфоровский, переславский уроженец: «Переславщина как один из культурных центров древности».***

Из докладов по этнографии края надо упомянуть прежде всего о ценной работе врача Н. А. Губина о курных избах Переславского уезда. На эту работу натолкнул его я. К сожалению, текста её он до сих пор не сдал Обществу.****

Далее прекрасный «Краткий словарь народных архитектурных терминов Переславль-Залесского уезда» прислал В. А. Феоктистов;† Г. П. Альбицкий дал живой очерк «Поездка в село Ведомшу»; С. Е. Елховский — «Свадьбу в Рыбной слободе г. Переславля»; И. А. Жданов — «Из области народной пес-

---

Смирнов, М. И. Историко-географическая (хорографическая) номенклатура Переславль-Залесского края / М. И. Смирнов // Труды Переславль-Залесского историко-художественного музея. — Переславль-Залесский, 1929. — Т. 11.

** см пзм

***Фарфоровский, С. В.* Переславщина как один из культурных центров древности / С. В. Фарфоровский // Доклады Переславль-Залесского научно-просветительного общества. — Переславль-Залесский, 1923. — Т. 11.

****Губин, Н. А.* Курные избы Переславль-Залесского уезда Владимирской губернии / Н. А. Губин // Доклады Переславль-Залесского научно-просветительного общества. — Переславль-Залесский, 1930. — Т. 19.

†*Феоктистов, В. А.* Краткий словарь народных архитектурных терминов Переславль-Залесского уезда / В. А. Феоктистов // Доклады Переславль-Залесского научно-просветительного общества. — Переславль-Залесский, 1923. — Т. 11.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

ни в Переславском уезде», «Мечты русской женщины о счастье по народной песне „Пойду молода нагуляюся“».

По экономике был доклад Г. И. Конюхова о животноводстве в Переславском уезде. О природе несколько интересных докладов: Г. А. Карташевского «Список дикорастущих растений Переславского уезда», В. А. Варенцова «Растительность Плещеева озера и других водоёмов Переславского уезда в связи с явлениями заболачивания», профессора Д. А. Ласточкина «Очередные задачи изучения озёр в связи с исследованием Переславского озера».

Всего было 18 общих собраний, на них прочитано было 23 доклада, из коих 19 имели прямое отношение к нашему родному краю.

Кроме того, членами-соревнователями дан был довольно обильный и интересный фольклорный материал. Во главе этой группы следует поставить семью Елховских, давшую Обществу четверых членов. Все они этнографы, дали свадебные и другие песни, некоторые с музыкой.

По обычаю хороший материал дал учитель Купанской школы П. И. Логинов, и особенно ценные тетради поступили от учительницы Словеновской школы Елизаветы Сергеевны Тихомировой. Кроме записей, она дала описание выработки холста и пестряди в районе деревни Словеново, снабдив свой очерк хорошими рисунками.

Описывая это, я забежал далеко вперёд. Прежде чем закончилось чтение докладов и собирание материалов в этом году, произошёл ряд мелких и крупных событий в жизни Пезанпроба.

Прежде всего следует упомянуть областную краеведную конференцию, устроенную мною 20—21 мая 1921 года из представителей старой Переславской области: Переславского, Александровского и Киржачского уездов. На моё приглашение охотно откликнулся Александров и Киржач. Мне важно было определить имевшиеся там силы и, сплотив их, работать вместе в излюбленной мною исторической и этнографической области. Так как по существу эти три уезда были одного и того же прошлого, то ясно, что во избежание параллелизма важно было распределить работу, а не идти вслепую.

Из Александрова приехали трое, из Киржача пять, все учителя. Из Переславского уезда были приглашены представители от каждой волостной ячейки, из Переславля все желающие из учителей, от профсоюза, от УОНО и все члены Пезанпроба. Присутствовало 30 человек, всего же на конференции было 38 человек.

Повестка была следующая:

1. Мой вступительный доклад о задачах конференции.
2. Доклады с мест: от Александрова, Киржача и Переславля.
3. Доклад А. И. Острецова: «Принципы и система организации работ по изучению родного края».
4. Мой доклад: «Об объединении дальнейших работ по краеведению в историческом и географическом отношении в областном масштабе».
5. Разные вопросы по краеведению.

В своём докладе о положении краеведения в Переславле я говорил сначала об организации аппарата по изучению родного края, а затем о результатах, достигнутых в этом направлении:

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Конструкция организационного аппарата, принятого в Переславле, состоит в том, что имеется определённый центр, от которого идут радиусы вверх и вниз, объединяющиеся в одном пункте. Таким пунктом или базой служит Музей и состоящее при нём научно-просветительное общество (Пезанпроб), существующее с 1919 года. В Музее, имеющем художественно-исторический и краеведный характер, собираются материалы, касающиеся всех сторон природы и жизни Переславского края, собрана библиотека и архив; начато и намечено многое, но по техническим затруднениям в большей своей части пока не осуществлено, тем не менее, начало краеведению положено. Не имея почти специальных научных сотрудников, Музей обслуживается коллективом работников просвещения, объединяющихся в научно-просветительное общество, которое, объединяя в себе отдельных работников города и уезда, стремится установить связь с волостными ячейками и привлечь их в целом к краеведной работе, а через них втянуть в дело краеведения широкие массы населения и, в частности, школы. Для этого в ячейки направлялись программы и анкеты, не давшие пока значительных результатов в количественном отношении, но в качественном представляющих интересный материал по фольклору, исторической географии и прочему.

Вследствие недостатка специалистов на местах и для ознакомления с последними достижениями науки в той или иной области, Пезанпроб установил связь с высококвалифицированными научными силами Москвы, Петрограда, Иваново-Вознесенска и высшими научными учреждениями — Московской академией истории материальной культуры, Румянцевским музеем и другими. Пользуясь их содействием и указаниями, а также привлекая их для непосредственного изучения природы и жизни населения края, можно быть уверенным, что дело переславского краеведения получит настоящую научную разработку.

Констатируя, что в общем здесь краеведение двигается, хотя бы не тем темпом, как бы оно было желательно, я отметил малое знакомство работников просвещения (особенно школьных) с имеющейся литературой о крае и рекомендовал обратить на неё внимание. Полагая, что с этого надо начинать работы по краеведению, я предлагал коллективно собирать библиографические данные и самую литературу. Хотя большинство её указано в «Переславщине», но там есть неизбежные пробелы и работа в дальнейшем в этом направлении нужна.

Так как большинство прежних изданий представляет собой библиографическую редкость, то некоторые из прежних работ следует переиздать, составив из них сборник или своего рода хрестоматию, а ещё лучше сделать сводку всех имеющихся данных о природе и жизни населения края в виде научно-популярного очерка.

В Александрове и Киржаче это движение ещё только намечалось и не приняло конкретных форм. Приезжие делегаты, отметив это, высказали желание объединиться в краеведной работе, приняв за образец здешнюю организацию, придав планомерность, универсальность и плотность работам по краеведению.

На этой основе свои очередные работы конференция формулировала следующим образом:

1. Ознакомление населения с сущностью и задачами краеведения и широкая популяризация и пропаганда идеи изучения родного края; привлечение сотрудников и организация краеведческих ячеек на местах, причём в качестве основного кадра в первую очередь должны привлекаться

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

школьные работники и другие интеллигентные силы на местах, как индивидуально, так и коллективно через соответствующие организации.

2. Подготовка и инструктирование сотрудников путём ознакомления с элементарными правилами и простейшими работами по изучению края, составление и издание абзуки краеведения и программ простейших работ, составление плакатов, анкет, листовок и прочего. Приобретение и распространение элементарных и научных руководств по краеведению.
3. Организация простейших работ на собирание, учёт, систематизирование и изучение поступающих с мест материалов и работ, устройство выставок, экскурсий, лекций, докладов со средоточием всех результатов в музее родного края, где должна даваться полная правдивая картина прошлой и настоящей жизни края, причём по возможности каждое явление должно даваться в его естественной обстановке, в связи с находящимися во взаимодействии другими факторами жизни области.
4. Собирание библиографических материалов и составление библиографического указателя, а затем устройство и организация рационального приспособления к условиям работы, правильно циркулирующей и всесторонне обслуживающей библиотеки по краеведению, переиздание и переписка особенно ценных и редких работ и других материалов по краеведению.
5. Изучение и сводка итогов прежних работ по местному краведению, составление особого сборника с научными итогами этого изучения; выработка на основании итогов изучения конкретной программы дальнейших работ и заданий для квалифицированных работников.

Представитель Александрова С. С. Погодин предложил возбудить перед Акцентром ходатайство об учреждении штатной должности областного инструктора по организации в Переславле, Александрове и Киржаче работ по изучению края и в качестве кандидата назвал меня. Это было подхвачено и введено в резолюцию.

Характерно в заключение отметить, что о школьном краеведении, как методе преподавания и предмете познания, конференция, несмотря на присутствие учителей, ничего положительно сказать не сумела, а лишь постановила копить опыты и доложить их будущей конференции. Так ещё зачаточно было там это дело.

Вся повестка была исчерпана в два дня и если бы было чем питать делегатов, то можно было бы оставить ещё на день для экскурсий по городу и окрестностям, но время было голодное и делегаты спешили разъехаться по домам.

Но ещё задолго до конференции мною начато было дело о принятии Пезанпроба в ведение Академического центра Наркомпроса вместе с другими краеведными обществами. Было это зимой, ещё в начале года, в одну из моих поездок в Москву. Эту мысль подал мне Сергей Николаевич Белянкин, сначала секретарь Михаила Николаевича Покровского, потом Ивана Ивановича Гливенко, и посоветовал подать об этом докладную записку, что я немедленно и сделал. После этого был от Главнауки запрос о Пезанпробе, его задачах и работах (от 26/II № 260/538 экс). Отсюда посланы были печатные работы и отчёты за два года, по рассмотрении которых Главнаука нашла «деятельность Общества продуктивной и полезной для края» (12/V № 1145).

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Но, кроме того, потребовалось представить туда самый устав, чтобы, как объяснил мне Владимир Максимович Боровский, согласовать его с нормальным. Устав этот был им довольно небрежно исправлен (уничтожены почему-то почётные члены и сделаны ещё какие-то мелочи) и затем утверждён 22 июня, а на другой день Акцентр уведомил Пезанпроб о принятии его в своё ведение (23/VI № 1803).

Это был большой шаг вперёд. Дело в том, что Общество было признано полноправным членом и собратом остальных научных обществ республики. Это уже было повышение в ранге, что само собою было приятно. Кроме того, Акцентр в то время давал субсидии и, сделовательно, предвиделась возможность некоторой денежной, а может быть, и другой помощи. А главное, Общество освобождалось от власти местного УОНО. Так как настроения на месте часто меняются, то часто же меняются и отношения. Поэтому независимое положение гораздо лучше. Тем более (как я узнал потом), внешкольный отдел УОНО всё время считал Общество в своём ведении, по крайней мере для отчётов, и ничтоже сумняшеся приписывал себе не только открытие и работу Пезанпроба, но самого музея. Даже поднятый мною вопрос о соледобывании, и тот оказался по отчётам работою внешкольного подотдела...

Таким образом, и Музей и Общество, при нём состоящее, одинаково стали ведаться в Академическом центре Наркомпроса.

Это шло вне Общества, а внутри его осталась работа, намеченная нашей конференцией. Учитывая крайнюю отсталось учителей в области знания своего края, я решил устроить для них в августе курсы краеведения. В то время работал на Ботике профессор Д. А. Ласточкин. Я завербовал его прочитать курс биологии применительно к Переславскому краю. Затем ходил пешком в село Смоленское, чтобы в техникуме попросить спецов прочитать здесь тот или иной курс. Удалось соблазнить одного Николая Ивановича Соколова — почвоведа. Я сам взял на себя историю местного края, а его экономику согласился читать А. И. Острецов.

На свою беду я заболел перед этим дизентерией, хотя и в лёгкой форме, но тем не менее обессилел значительно, так как организм был ослаблен плохим питанием. Но в волости были разосланы приглашения, чтобы прибыли по представителю для выслушания курса, а затем в своей ячейке каждый такой делегат был обязан были передать выслушанное остальным. Отменять было некогда и разрешение УОНО (9 августа № 5789) на открытие курсов краеведения было уже дано.

Местом лекций я избрал архиерейские покои в Даниловом монастыре, чтобы мне можно было полубольному без затруднений туда ходить. Предполагалось, что всего будет человек 30—40, но явились только десять человек. Курсы начались 16 августа. Тем не менее, несмотря на запрещение врача, я начал свой курс и вёл его четыре дня. Выступали и Ласточкин и Соколов, так что лекторское дело налаживалось, но число слушателей стало таять и в конце концов на четвёртый день явилось только четверо; и оказалось, ни один из сельских представителей не остался, хотя возможность к этому была. Меня, полубольного, это глубоко обидело. И я прекратил курсы, отложив их до того момента, когда учителя и отдел образования проникнутся мыслью о важности и необходимости этого.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Правда, время было тяжёлое и учителям жилось плохо. Но главное, сами они были плохи, за редкими исключениями. Да иначе и быть не могло. Дореволюционное учительство было, в сущности, полуграмотной массой. Большинством это была зелёная девичья молодёжь, мало культурная, накануне выхода замуж. В лучшем случае это были мастера своего дела, ремесленники, знавшие технику дела. Но исследователей, лиц, чувствовавших в себе искру жажды познания окружающего, было крайне мало.

Между тем революция предъявила учительству такой запрос, какого не знала ещё история. Прежние знания насчёт буквы «ять» и натаскивания учеников оказались ненужными, а требовалось вовлечь учеников в новое строительство от младых ногтей, заставляя их изучать родной край с его природой и жизнью населения. А для этого каждому учителю нужно быть краеведом. Втайне это сознавалось всеми. Вьявь — это говорилось мной на каждой конференции, начиная с 1918 года, и учителя говорили мне, что они очень любят мои выступления: я их подбадриваю. И правда, они оживлялись, слушая мои доклады, заряжались, но, увы — ненадолго. Поэтому сразу создать из них серьёзный кадр было невозможно. Нужно было время для перевоспитания. И оно пришло позднее. Наше городское учительство тогда, несмотря на усилия, не имело ещё своего месткома.

То, что мне не удалось в Переславле, я сделал в Александрове. Я получил оттуда приглашение прочитать курс обществоведения применительно к Александровскому краю. Я несколько сузил тему и в течение четырёх дней (7—10/IX) дал ряд лекций, обрисовав в них край со стороны его происхождения, геологического рельефа, растительности и животного мира, заселения и исторических переживаний в прошлом. 18 октября была общая конференция учителей, куда я снова ездил и делал доклад об изучении Александровского края с практическими работами по его библиографии. Последнее было проделано в центральной библиотеке.

В результате этого в Александрове организовался кружок краеведения, главным образом из учителей. Но состав учителей едва ли был лучше здешнего и результаты оказались одни и те же. Дело в кружке пошло слабо.

В том же сентябре я получил персональное приглашение на съезд в Москву, созванный Центрархивом по вопросам архивного дела. С этим учреждением я вёл дело давно, с 1918 года, был знаком со многими. В изданном Главным управлением архивного дела журнале «Исторический архив» есть упоминание о моей докладной записке, поданной мной в начале революции.[1] На первом съезде был даже разговор, чтобы назначить меня в Переславле уполномоченным, выделив меня из Владимирской губернии в особое управление.

Кроме того, я лично был знаком со многими: с Михаилом Станиславовичем Вишневским, Николаем Фёдоровичем Бельчиковым, Владимиром Ивановичем Пичетой.

Особенно любопытно моё знакомство с Бельчиковым. Он знал моего покойного брата и страшно добивался его рукописей, поэтому за мной ухаживал. В одно время сообщил мне, что среди этнографических материалов,

[1] Летопись архивной жизни // Исторический архив / Главное управление архивным делом. — Пг., 1919. — Т. 1. — С. 486—487.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

собранных Нефёдовым, есть две песни про Переславль: 1) одна про самый город, как он стоял в смуту за веру православную, 2) другая про переславский монастырь. Этим заинтересовал меня страшно, и я стал приставать, чтобы он их дал мне. И тут обнаружилась какая-то странность. (А он, нужно сказать, пользовался собранием Нефёдова во Владимирской архивной комиссии.) Он начал заметать следы: сначала сказал, что это следует искать в Иваново-Вознесенске, называл разных лиц, потом во Владимире, потом в Москве у Артамонова и так далее. Так я его мучил этим более года, но ничего не добился.

Съезд происходил в Москве (29 сентября и 4 октября) в доме съездов Наркомпроса. А остановка была в Мыльниковом переулке. Когда я приехал, то нашёл в этой комнате Александра Яковлевича Садовского из Нижнего Новгорода, Степана Дмитриевича Яхонтова из Рязани, Фёдора Алексеевича Рязановского из Костромы, Александра Ивановича Смирнова из Ярославля. Одним словом, компания старых интеллигентов. Обстановка поэтому была очень милая. Свидание и разговоры оживили нас, и оказывается, что все мы жили плохо...

Заседания съезда происходили утром и вечером. На них выступал весь Главархив и, кроме того, петербургские архивисты. Нужно отдать справедливость последним — всё это были глубокие знатоки своего дела, блестящие ораторы и серьёзные учёные. Их выступления сопровождались неименным успехом. Москвичи перед ними казались тусклыми и мало интересными. Съезд шёл не по их намеченной тропинке, и руководители его не были довольны ходом дела. По-видимому, результаты его не были удовлетворительными.

В то же время был уже не только решён в принципе, а уже назначен был день другой всероссийской конференции, более мне близкой — конференции краеведных обществ. Разговор об этом начался ещё весной, когда наше Общество входило в ведение Акцентра Наркомпроса. После того, как я устроил областную конференцию в Переславле и переслал в Главнауку её протокол, Николай Николаевич Зубов (ведавший тогда научными обществами) повёл раз со мной такой разговор, что, устраивая конференцию, он имеет в виду пригласить меня учёным секретарём и полагает, что я выступлю там с докладами. Я не придал этому серьёзного значения, поблагодарил и отказался, заявив ему, что в Москве секретарей и докладчиков и без меня много.

Но приехав в Переславль, через небольшой срок после этого, получил от Главнауки официальное предложение (16/XI № 5381), а затем телеграфный запрос о том же. Отказавшись от составления докладов (1: учреждение Центрального бюро краеведения, 2: источники материального обеспечения обществ краеведения), я согласился быть учёным секретарём конференции.

Поэтому пришлось поехать на несколько дней ранее. Числа 5 декабря я уже был в Москве и вместе с организационным комитетом начал работать по подготовке съезда. Как архивный, так и краеведный съезд был в том же доме в Малом Харитоньевском переулке. Официально он был назначен с 10 по 20 декабря, но делегаты начали съезжаться одиночками раньше и вначале дело шло туго, съезжались вяло. Вначале, между прочим, приехали из Владимира Н. В. Малицкий и А. И. Иванов. Оба были крайне удивлены, что я орудовал тут в мандатной комиссии, и сначала поняли, что я тут нахожусь случайно. Затем Малицкий стал просить за Иванова, чтобы я

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

посодействовал ему пожить некоторое время под видом делегата. Это я ему устроил, а тот привёз кипу книг и торговал ими...

К 10-му собралось всего человек сорок делегатов, и потому Иван Иванович Гливенко, заведовавший Главнаукой, распорядился отложить съезд до 12-го. К этому времени приехали: петроградские академики — Александр Евгеньевич Ферсман, Сергей Фёдорович Ольденбург, председатель Географического общества Юлий Михайлович Шокальский и другие. Повестку, составленную организационным комитетом, в котором главную роль играл Владимир Владимирович Богданов, они смяли. Богданов большой враг докладов с мест, сообщений о том, что и как делается на местах, и не включил это в занятия конференции. Ферсман быстро повернул дело так, что на первых же заседаниях повестка была изменена и докладам с мест отведено было надлежащее место. Впоследствии это создало любопытную картину краеведной работы, начиная от волостных ячеек до Академии Наук включительно.

Между прочим, героем дня был один раз учитель Виноградов из Коприна Ярославской губернии, организатор общества на родине в селе Коприне. Его малограмотный доклад, произнесённый с пафосом, вызвал смех и бурные аплодисменты как неожиданный фарс.

Но я забежал вперёд. Конференция была открыты Анатолием Васильевичем Луначарским при полном зале. Были также М. Н. Покровский — председатель съезда, его заместитель И. И. Гливенко, члены организационного комитета и по избранию Дмитрий Николаевич Анучин, А. П. Павлов и другие.

Моей обязанностью как секретаря было — постоянно торчать за столом президиума, наблюдать за стенографистками, за порядком докладов, вызов докладчиков, получение стенограмм и так далее. Всё это требовало напряжения и суетливой беготни. А затем составление ежедневных протоколов заседаний.

В течение двух недель, проведённых мною в этой работе, я измучился и устал до последней степени. Со многими участниками из-за хлопот по секретарской части не успел хорошенько познакомиться. Но всё же знакомств завёл немало, узнал главные учёные силы краеведного дела и с некоторыми сблизился. Мне почему-то много комплиментов наговорил Шокальский и потом прислал Обществу кое-что из программ и инструкций. Я сошёлся с петроградским председателем Общества мироведения Даниилом Осиповичем Святским, с профессором из Саратова Сергеем Николаевичем Черновым.

Доклады съезда были чрезвычайно разнообразны, многие из них были блестящи. Их тезисы напечатаны в «Дневнике» конференции в номерах 1—5, равно как и резолюции по ним, поэтому перечислять их не буду. Тем более, что полностью они изданы потом в особой книге «Вопросы краеведения».* В общем же можно охарактеризовать, что с научной стороны съезд был блестящий.

Не напечатаны были доклады с мест и протоколы заседаний, но программа моего сообщения о положении краеведения в Переславле была помещена в 4 номере «Дневника». Она была следующая:

*Вопросы краеведения / Под редакцией В. В. Богданова. — Нижний Новгород: Нижполиграф, 1923.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

1. Краткий исторический очерк Переславского края.
2. Что сделано и что предстоит сделать по изучению края. Роль отдельных лиц, духовенства, земства, Пезанпроба. Организационная работа последнего. Научная деятельность:
   а) по составлению библиографического указателя литературы о Переславском крае;
   б) по составлению археологической карты;
   в) по обследованию и классификации хорографической номенклатуры;
   г) по истории его, изданные работы, собранные документальные материалы, указатель к актам XIV—XVI веков, архивы помещичьи и монастырские, революционное время;
   д) относительно охраны памятников старины и искусства;
   е) по этнографии: первое, материальной — физический тип населения, его жилище и прочее, второе, по духовной — фольклор;
   ж) в области народного хозяйства;
   з) в естественно-историческом отношении: физическая география, геология, климатология, флора и фауна.
3. Общий вывод. План работы:
   а) собирание материалов местными силами, пропаганда идеи краеведения, инструктирование школьных работников, уездные и областные инструктора краеведения, составление азбуки краеведения, переиздание прежних работ, составление курса краеведения и прочее;
   б) учреждение научно-экспедиционной базы в Переславле и привлечение к изучению края представителей высшей науки, систематическая и планомерная организационная связь с центральными научными учреждениями, постоянная биологическая станция;
   в) установление связи с соседними научными обществами, районное объединение, ежегодные конференции и съезды.
4. Материальное и денежное снабжение Общества.

Кроме официальных докладов и заседаний, было устроено несколько частных совещаний по разным вопросам, между прочим, об академических пайках для краеведов. Много хлопотали Ферсман и Зубов. К сожалению, мне очень не всегда, или вернее скзаать, очень часто не приходилось бывать на этих совещаниях по причине моих секретарских обязанностей.

На этом съезде в первый раз за большой перерыв я встретился со своим костромским братом Василием Ивановичем, председателем тамошнего Общества и заведующим Губмузеем.

Последствия съезда для дела краеведения были громадные. Он выявил эти силы, связал их воедино, учредив Центральное бюро краеведения при Российской Академии наук с двумя отделениями в Москве и Петрограде. Избран был печатный орган по краеведным вопросам — это первоначально журнал «Наука и её работники», а потом специальный журнал «Краеведение». Эта конференция положила начало большому культурному делу в государственном масштабе. Под влиянием этого, измученный и усталый, я возвратился к себе в Переславль в конце декабря.

В это же время Акцентр расщедрился и выслал Обществу первую субсидию. На наши голодные зубы хорошо было получить хоть что-нибудь.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Заплатили всем за прочитанные доклады, собранные этнографические и другие материалы, за командировки и прочее.

К концу года всех членов насчитывалось 56 человек, из них 18 человек не проявили никакой деятельности, так что на 1 января 1922 года оставалось 38 человек.

Н. Сум о нашем Обществе: 1) в Трудах 1-го всероссийского съезда любителей мироведения, Петроград, 1921 год, и 2) Наука и её работники, 1921 год, № 6.*

1922 год

По примеру предыдущих лет работу нового года начали годичным собранием. Оно было 25 января в Народном доме. Решили испробовать, не будет ли многолюднее на наших собраниях, если мы станем устраивать их в центре? И ответ получился отрицательный, а вернее, неопределённый. Народный дом не был натоплен и мы, сами члены, готовы были от холода сбежать оттуда.**

По прочтении отчёта за истекший год я сказал несколько слов о скончавшихся членах нашего Общества: Николае Андреевиче Янчуке и Петре Михайловиче Альбицком. Затем сделал доклад на тему «Жданский бой»,[1] а после моего сообщения и дебатов был прочитан письменный доклад Фёдора Сергеевича Красильникова «Роль Переславля-Залесского в образовании Великорусского государства». На последовавших затем выборах в четвёртый раз я прошёл председателем правления.

Так как революция повернула на новую экономическую политику, то и в жизнь нашего Общества вошла новая струя, опустошительно подействовавшая на состав наших членов. Многие из них, приехав в Переславль гонимые голодом из столиц, с первыми дуновениями НЭПа повернули обратно, студенты поехали учиться, и таким образом нашего полку убыло. И что очень обидно — ушли активные люди.

Мне вследствие этого пришлось вывозить на своих плечах почти одному учёную работу по Обществу. Вместо 18—19 научных собраний мне удалось устроить только 12, из которых я выступал на восьми. О годичном я упомянул, а следующие три были посвящены чтению моего краеведного очерка «Переславль-Залесский уезд», остальные четыре городу Переславлю в XVII веке а) как крепости, б) воеводам переславским, в) губным старостам и д) подьячим. Последние доклады были устные с выдержками из материалов. В общем это предположено мною соединить в одну работу и издать со временем под одним заглавием, приведённым выше, но хотелось бы с иллюстрациями.

Что касается краеведного очерка уезда, то он читался в готовом виде (1 марта, 22 марта и 5 апреля). Местом собраний был облюбован нами

[1] 1135 года на Жданой горе близ современной деревни Кузьминка Переславского уезда.

* найти

Сум, Н. Э. ? / Н. Э. Сум // *Наука и её работники.* — 1921. — no. 6. найти

** Улица Комсомольская, прежде Неглинная, дом □.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

в центре города дом бывший Киселёвых, в котором помещалось УЗУ.* Но толку от этого не произошло, посетителей было не больше, чем в Музее, и таким образом приходилось за уборку помещения платить, а нашей входной платы едва хватало на оплату сторожа. И вскоре мы от этого отказались, возвратившись снова в Горицкий.

Краеведный очерк этот задуман был мною ещё до 1-й областной конференции, как следующая ступень после «Переславщины». Если та была справочник-руководство, то эта работа была сводкою научно-популярного характера наших знаний о крае. Я долго колебался, прежде чем взялся написать эту работу, ибо надо было стать энциклопедистом. И только после Всероссийской краеведной конференции, после целого ряда выслушанных мною докладов я решился на это, поставив себе правилом дать всестороннее описание уезда, самое краткое, и писать всё на память, не залезая в источники, чтобы не увеличивать объёма брошюры. Цифровой материал я проставлял потом, а главы о природе прочитывал нашим натуралистам.**

Так как эта работа была назначена была главным образом для школьных работников и учеников 2 ступени, то я полагал заинтересовать этим УОНО и издать её с ним вместе, с тем чтобы из 2 тысяч экземпляров, напечатанных на бумаге УОНО, половина была выдана мне в качестве авторского гонорара. Было подписано в этом роде соглашение (3/III), но когда явились туда за бумагой, то оказалось, что её уже нет — она была распродана (а бумага была отпущена на ликвидацию неграмотности) и УОНО отказался от своего обязательства. Впоследствии он не купил ни одного экземпляра ни для школ, ни для библиотек.

Так как в Обществе никаких денег не было, то я решил издать этот очерк на свой счёт с тем, чтобы мне была представлена свобода в продаже этого выпуска. Правление на это согласилось и я без копейки денег стал печатать. Предварительную цензуру держал уполномоченный ГПУ товарищ Дмитриев. Дня в три он просмотрел рукопись и дал своё разрешение. С типографией я расплатился в то же лето: мне помог в этом деле кооператив, купивший у меня 100 экземпляров, и бойкая вначале продажа книжки. Так я и обошёлся без УОНО.

Последний проявил этой же весной к делу краеведения ещё одно свинство. По постановлению учительской конференции, бывшей зимой 1921 года, я должен был подготовить группу руководителей экскурсиями по городу Переславлю. Было постановлено, чтобы будущим летом каждая уездная школа побывала в Переславле для изучения его культурно-исторических памятников. В помощь мне должна была работать группа учителей, руководителей этими экскурсиями, которых я добросовестно приготовил, работая с ними по воскресеньям. В течение января—марта мною теоретически пройден был полный обзор Переславля в историческом отношении. Оставалось приступить к практической части с наступлением весны; но я догадался спросить себе хоть какую-нибудь оплату за труды. УОНО мне в этом отказало. А затем

---

* где?

** *Смирнов, М. И.* Переславль-Залесский уезд. Краткий краеведный очерк / М. И. Смирнов // Доклады Переславль-Залесского научно-просветительного общества. — Переславль-Залесский, 1922. — Т. 10.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

ничего для приёма экскурсантов школьников сделано не было, так всё дело и провалилось.

При полном же безразличии со стороны заведующего УОНО прошла 2-я областная конференция, созванная мною на 5—6 июня из представителей трёх уездов старой Переславской волости. Из нашего уезда приглашено было по человеку от волости и все желающие из города, явилось же 6 человек, а из Александрова и Киржача 5 человек. Кроме того, было членов Пезанпроба — 7, да от УКома товарищ Прокофьев, всего 19 человек. Негусто!

Тем не менее, конференция прошла при хорошем настроении и дружной продуктивной работе. Приезжие из других уездов учителя не скрывали своего удовлетворения.

Прежде всего конференция посвящена была докладам о том, что сделано на местах во исполнение резолюции первой конференции.

От Пезанпроба докладывал я и в организационном отношении вынужден был подчеркнуть бесплодность усилий связаться с учительскими волостными ячейками, но зато констатировал налаженную связь с другими краеведными обществами через Центральное бюро краеведения.

Из намеченных работ нашим Обществом, а вернее мною, сделано было — составление краеведного очерка «Переславль-Залесский уезд», собрана богатая коллекция программ, наставлений и инструкций по изучению природы и жизни населения края. Собраны материалы для краеведной хрестоматии, в которой я намеревался дать ряд художественных произведений из прежней литературы и новых произведений местных поэтов. Название этой книге было дано «Родное Залесье». Программа её намечена следующая:

1. «Привет родному краю».
   - стихотворение А. Романовского;
   - стихотворение Н. В. Жукова.
2. Переславль-Залесский.
   - стихотворения М. Быковского — «Переславль-Залесский», «Переславские сонеты»;
   - стихотворения М. А. Пожаровой — «Куда ни взгляну...», «Полями средь розовых кашек...», «За валами древними...», «Жестяной ангел».
3. Плещеево озеро.
   - поэма И. И. Понятовского — «Царица озера»;
   - стихотворение А. Романовского — «Древний камень»;
   - Н. И. Соловьёв — «Колыбель русского флота»;
   - А. Розов — «Первый приезд Петра I на Плещеево озеро» (рассказ крестьянки Устиньи Ароновой);
   - Письма Петра I к царице Наталье;
   - «Судное дело Ерша с Лещом».
4. Берендеево болото.
   - В. П. Семёнов-Тян-Шанский — «Заметка о Берендееве болоте»;
   - В. А. Жуковский — «Сказка о царе Берендее»;
   - А. Н. Островский — «Суд царя Берендея»;
   - «Каменная баба» (легенда);
   - А. Ф. Флёров — «Берендеево болото»;

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

- Ф. Курицын — «Берендеевский торф».

5. Залесские реки.
   - А. А. Евдокимов — «Реки Нерли»;
   - А. Антонов — «Вечер на берегу Трубежа», стих;
   - Д. И. Хвостов — «Ода реке Кубре»;
   - Д. И. Хвостов — «На разлитие реки Кубри», ода;
   - Н. И. Колоколов — «Трёхгорный ручей», стих;
   - М. Г. — «Вечер на Вёксе» стих;
   - М. Г. — «Возвращение из Усолья» стих.
6. Залесские сёла.
   - Т. Л. Щепкина-Куперник — «Село на Нерли»;
   - А. Романовский — «Ведомша» и другие;
   - Н. Жуков — «Загорье».

Хрестоматия эта составляла последнюю часть задуманной мною трилогии (первая часть «Переславщина», вторая часть краеведный очерк). О ней в журнале «Краеведение» даже замечено было, что автор её премирован, но это было не так.*

Кроме того, к конференции мною была устроена краеведная выставка библиографического и художественного характера. Главной частью её было собрание краеведной литературы, а затем картин, рисунков и фотографий о Переславском крае. Всего на выставке в Музее помещено было 233 книги и брошюры: первый отдел заключал в себе программы и справочники по изучению родного края (46), второй отдел чисто переславский (68), третий владимирский (61), четвёртый издания областных и центральных краеведных обществ и учреждений (58).

В художественном отделе я пригласил участвовать местных художников. Профессор Д. Н. Кардовский дал 9 рисунков карандашом и акварелью, О. Л. Кардовская — 13 масляных картин, В. И. Маркеллов — 7 картин и 19 рисунков, Б. И. Покровский — 5 масляных картин, И. И. Морозов рисунки карандашом — «Уходящий Переславль». Кроме того, было выставлено значительное число фотографических снимков (всего было 173 номера).

В качестве работ будущего я предлагал устроить при обществах краеведения «школьные педагогические секции», для пропаганды краеведения составить и издать «Краеведный календарь», устроить «неделю краеведения». Разумеется, со мной согласились и все предложения вошли в резолюцию. Присутствовавший член УКома товарищ Прокофьев наговорил мне много хороших слов, обещал созвать летом съезд заведующих народными домами и избами-читальнями, чтобы через них связаться с уездом. Но почему-то съезд не состоялся.

Так как от УОНО не было никого, то я во исполнение резолюции конференции просил командировать в Музей своего представителя для обсуждения вопросов краеведения, имеющих отношение к школе. Но «ни ответа, ни привета» оттуда не последовало. На выставке в Музее из УОНО никто не был, из учителей тоже немногие только заглянули, и не было *ни одной* школьной экскурсии... Полное равнодушие.

---

* src?

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Тогда обратился от имени научного Общества в УИК с докладной запиской, в которой, изложив значение краеведения в деле строительства новой жизни и резолюции 2-й конференции, я счёл себя вынужденным отметить тот недопустимый индифферентизм к краеведению здесь со стороны УОНО. Вместе с тем предлагал ввести с начала нового учебного года краеведение как метод и как предмет преподавания в школе II ступени, организовать при Пезанпробе «школьную педагогическую секцию» и созвать съезд представителей культурно-просветительных кружков уезда.

Председатель УИК товарищ Рыбаков после мне говорил, что он задал Романову здоровую трёпку и велел делать в духе моей записки. Но увы! Тот не знал, как подойти к делу, и ему пришлось просить меня составить черновик бумаги обращения к учителям.

С 6 октября начала функционировать школьная педагогическая секция, состоящая из учителей I ступени. Так как в дело всё время мешался товарищ Романов, то работа шла с перебоями. Тем не менее, толчок был дан, и с этого времени начались правильные занятия секции по средам (в дни собраний Пезанпроба). На первую очередь был поставлен экскурсионный вопрос, и кроме того, учителя приняли участие в устроенном мною краеведном вечере в день Октябрьской революции в Музее.

Я сказал вступительное слово на тему «Краеведение и революция», затем читались стихотворения, касающиеся родного Переславского края из числа намеченных мною для краеведной хрестоматии, пелись песни, а учителя, кроме того, инсценировали «Княж обед» из сельской свадьбы Половецкого прихода.

Вечер прошёл неважно. «Артисты» играли и читали плохо и я основательно расстроился и решил с такими силами больше не выступать. Входной платы еле хватило для покрытия расходов.

Вскоре обнаружилась интрига Романова, ведённая им в новом составе УИК против Музея и, в частности, меня, что не могло способствовать правильному ходу дела в секции. Понавострившись немножко вести научно-педагогические беседы с учителями и воспользовавшись циркуляром губОНО об учреждении при УОНО научно-методической секции, Романов на одном из заседаний со своими приспешниками постановил считать школьную педагогическую секцию не при Пезанпробе, а при УОНО (17/I—1923).

«Кума пеша, куму легше».

Но ведь работа с учителями — это была только одна сторона дела. Жизнь Общества в то же время развивалась и в других направлениях. По-прежнему очень многие из членов работали в области местного фольклора. Особенно нужно отметить работы члена-соревнователя Общества Елизаветы Сергеевны Тихомировой, учительницы деревни Словеново. Она дала ряд работ по материальной стороне местного быта: «Прядильные гребни и шейки» (альбом рисунков), «Ручные и тёрочные машины для изготовления картофельной муки в деревне Словеново Переславского уезда» и другие. Второй экземпляр её работ я старался пристроить в экспедицию по обследованию железнодорожного узла Северных железных дорог. Там взяли, но оплатили так плохо, что у меня и сейчас чувство неловкости перед бедной учительницей. Мне обидно, что я втянул её в тяжёлую работу и за эту работу дал гроши.

Но зато мне удалось напечатать собранные ею старинные песни в Словенове. Эти песни в числе других этнографических записей ещё по уговору

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

с Н. А. Янчуком представлял в экспедицию. Предположено было, что по накоплении материалов они будут систематизированы и напечатана с соответствующим предисловием. Но Н. А. помер, тетради копились; вдруг в один из приездов секретарь экспедиции Мария Ивановна Румянцева говорит мне, что у ней есть для меня радостный сюрприз: напечатали две книжки этнографических записей по Переславскому уезду. От этого сюрприза со мной чуть не сделалось дурно. Янчук помер, мне систематизировать материал не давали, и я сразу почувствовал неприятность. Бранился, протестовал, но было уже поздно.

Действительно, дали две книжки. «Отчёты по обследованию придорожных районов Северной железной дороги», под редакцией профессора А. А. Ярилова, выпуск 13, «Частушки Переславль-Залесского уезда». Здесь оказалось 802 частушки, записанные в сёлах Биберевe, Романове, Боронукове, Даратниках, Любимцеве, Алферьеве и Красном. Как были они записаны в тетрадки, так и попали в печать без подбора и классификации.*

Следующий выпуск 14 носил два заголовка. На наружном листе: «Сказки и песни Переславль-Залесского уезда», на втором: «Этнографические материалы по Переславль-Залесскому уезду Владимирской губернии. Свадебные обряды и песни. Песни круговые и проходные, игры. Легенды и сказки». Сюда после предисловия А. Ярилова были введены: «Свадьба у крестьянина-середняка в селе Нагорье», свадебные песни сёл Половецкого, Шепелева, Ивановского; песни круговые и другие Словенова и Купани, затем легенды и сказки.**

После, когда остыло первое чувство досады и я успокоился, то перестал брюзжать на Румянцеву, и иногда мне кажется, что хоть и плохо, но всё же издано, лучше, чем лежать под спудом; Общество же само совершенно не в состоянии издавать.

В эту или другую из поездок в Москву я предложил экспедиции разработать тему «Культ и народное сельское хозяйство», имея в виду дать картину культового влияния на основной крестьянский труд — земледелие в Переславском уезде. Написал по этому поводу докладную записку, но ответа не получил, и вся экспедиция в это время была под знаком вопроса. Среди всяких сокращений сокращали и её. Все свои неизданные материалы я получил обратно в начале следующего 1923 года. Но мысль о разработке этой темы не оставлял, имея в виду закончить её с таким расчётом, чтобы статья поспела ко Всероссийской сельскохозяйственной выставке.

Чтобы собрать побольше материалов, а главное, охватить весь уезд, я разработал по этому вопросу анкету. Но надо было её размножить и раздать по уезду, что требовало расходов типографских и почтовых. А денег, понятно, не было. Решил я тогда попытать счастья в УКоме. Мне повезло. За счёт партии решено было её напечатать и разослать через волисполкомы. Это

**Смирнов, М. И.* Частушки Переславль-Залесского уезда / М. И. Смирнов // Отчёты по обследованию придорожных районов Северной железной дороги. — М., 1922. — Т. 13.

***Смирнов, М. И.* Этнографические материалы по Переславль-Залесскому уезду Владимирской губернии. Свадебные обряды и песни. Песни круговые и проходные, игры. Легенды и сказки / М. И. Смирнов // Отчёты по обследованию придорожных районов Северной железной дороги. — М., 1922. — Т. 14.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

было уже хорошо и обеспечивало успех делу. В декабре месяце анкеты были по местам во всех без исключения селениях.

Между тем крепла связь Пезанпроба с другими обществами, чему был дан могучий толчок Всероссийской конференцией краеведения и учреждённым ей Центральным бюро. Из центральных наше Общество связалось для обмена изданиями с Географическим институтом, Русским географическим обществом, Академией истории материальной культуры, из провинциальных — с Липецким, Вологодским, Бежецким.

В заключение очерка жизни Пезанпроба за этот год остаётся упомянуть ещё об одной регистрации нашего Общества, по счёту третьей. Она произошла общим порядком вследствие декрета от 12 августа 1922 года.[1] Так как всё это полагалось оформить на местах, то дело прошло гладко. Устав Общества, неуклюже исправленный Боровским в Акцентре, пообчистили и утвердили 5 октября.

1923 год

Начался пятый отчётный год. К этому времени окончательно определилась довольно печальная полоса в жизни нашего Общества. Из 56 членов Общества, состоявших на 1 января, десятка полтора числилось натуралистов, из которых человека 3—4 были крупными научными силами: С. С. Геммельман — хороший энтомолог по жукам, В. А. Варенцов — ботаник, Г. А. Карташевский — зоолог и ботаник. Но все они отстали от Общества и от науки. Несмотря на всякие приставания в прошлом году, я не мог добиться от них никакого толку. Наше Общество потеряло, таким образом, свою гармоническую полноту. Нэп испортил наше дело: каждый из них ударился в добывание средств к жизни, а Пезанпроб не мог ни поить, ни кормить. И лишь один С. С. Геммельман уже к самому концу года, закончив свою давнюю работу, прочитал «Варианты Anatis Ocellata L. окрестностей Переславля-Залесского Владимирской губернии (Материалы для вывода законов онтогенеза по рисунку надкрылий Anatis Ocellata)».

Уклон культурно-исторический, бывший значительным и раньше, стал господствующим и почти единственным. По обыкновению бóльшее количество докладов сделано было мною. Вследствие выдвинутого на очередь вопроса о районировании республики я в годичном собрании (21 января) выступил с докладом «Исторический очерк экономического тяготения Переславля-Залесского к Москве». По обыкновению на этом собрании из советских служащих, кого это касалось, никто не был.

Но главным образом я обработал в это время две темы, имевшие связь с культом: 1) «Переславские скудельницы», в которой на марксистской основе изложена история Данилова монастыря, 2) «Культ и крестьянское хозяйство в Переславль-Залесском уезде», составленная мною на основании анкетного материала и лично собранных фольклорных данных.

Научные собрания, на которых мною были сделаны эти доклады, проходили в партийно-рабочем клубе и имели шумный успех.

[1] □ Газета «Известия» № 180.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Последнюю тему, как срочную, я спешно после заседания обработал в статью и начал хлопотать о напечатании её в Главном выставочном комитете в одном из его органов, а вместе с тем предложил ему устроить специальную комнату, иллюстрирующую влияние культа на крестьянское хозяйство, предполагая создать ряд картин и рисунков из этой области. Но для того, чтобы этого добиться, надо было, что называется, торчать в Москве и обивать пороги в Комитете, я же ограничился подачей заявления и ждал. А там в суматохе положили моё заявление, а потом и забыли. Так я и не получил никакого ответа.

Тогда я обратился в другое место. Василий Сергеевич Кашин, бывший начальник агрослужбы Северных железных дорог, весной 1923 года был начальником ЦАГРУ (Центрального агрономического управления) Комиссариата путей сообщения. При ЦАГРУ была редакция, которая издавала журнал «Сельское хозяйство и пути сообщения», а также отдельные монографии и брошюры. Здесь я нашёл почти всех тех сотрудников, которые были раньше в закрытой экспедиции. Но М. И. Румянцева хотя и находилась в соседней комнате, но состояла на службе в Государственном колонизационном институте А. А. Ярилова.

Тема моей работы весьма заинтересовала редактора Ал. Н. Назарова, который с интересом ухватился за мою статью, прочитав её, остался доволен и мне выдали под неё аванс. Я был твёрдо убеждён, что дело кончено. Долго после этого я не был там, наконец в июле, перед самой выставкой, приезжаю и узнаю, что нет ни ЦАГРУ, ни издательства при нём. На счастье, застал тут редактора, который и объяснил мне, что мою статью напечатать и не успели и не посмели. Всё фольклорное было поставлено в вину В. С. Кашину и, между прочим, послужило одной из причин его сокращения.

В то же время в Переславле происходили также неприятности по поводу выставочных дел. Меня привлекли в комитет, но сразу же почувствовалось, что владимирские заправилы хотят эксплуатировать уездных. Под разными угрозами всё же пришлось кое-что делать, и, понятно, совершенно бесплатно, хотя кто-то деньги получил.

Но ещё скандальнее получилось тут с членом Пезанпроба врачом Николаем Алексеевичем Губиным. Он много лет работал над выработкой типа нормальной крестьянской избы и сконструировал соответствующую модель. Перед тем как отправить модель на выставку, он привёз её в Переславль. В нашем Обществе в Музее был его доклад, собравший большое число слушателей. После некоторых критических заметок модель была одобрена. Затем её потребовал к себе выставочный комитет. Тут ценили по-своему и модель забраковали... потому что надо было на отправку в Москву тратить деньги, а денег на такую пустяковину тратить жаль.

Но совершили одну оплошность. В число экскурсантов на выставку включили и Губина, который участвовал там в «суде над старой избой» и произвёл серьёзное впечатление своим докладом.[1] Из Москвы потребовали модель на выставку, но отсюда отдали её только после крупной неприятности автору. На выставке модель заслужила ряд похвал.

Летом по обыкновению я печатал 11 выпуск «Докладов» Пезанпроба, составленный из разных статей, сгруппированных в два отдела:

[1] □ // *Известия*. — 1923. — № 215/1952.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

I. С. В. Фарфоровский — «Переславщина как один из культурных центров древности»,
- В. А. Феоктистов — «Краткий словарь народных архитектурных терминов Переславль-Залесского уезда»,
- моя — «Провинциализмы Переславль-Залесского края»,
- моя с П. И. Логиновым — «Из этнографических записей по Переславль-Залесскому уезду»,

II. Г. А. Карташевский — «О способах изучения родной природы школьными коллективами»,
- его же — «Что привлекает некоторых бабочек»,
- С. С. Геммельман — «Нахождение Cantharis (Ancistronycha) violacea Payk в Переславском уезде Владимирской губернии».

В числе этнографических записей был духовный стих «Фёдор Керин», записанный мною в селе Шепелеве. Былинного склада этот стих — редкий остаток отдалённого народного творчества. Я им очень дорожил. Но из-за него местная цензура (УОНО) не разрешила к печатанию сборник. Дело в том, что там несколько раз встречается фраза «сила жидовская». Здесь это нашли недопустимым и рукопись возвратили мне для исключения духовного стиха.

В одну из поездок в Москву я взял с собой рукопись и решил попытать счастья в Главлите (Главное управление по делам печати). Поднимаюсь на седьмой этаж дома Наркомпроса, где помещается Управление, первое, что встречаю — это обилие еврейских лиц, женских и мужских... Но ничтоже сумняшеся показываю рукопись и рассказываю, в чём дело; прошу защитить народное творчество от неграмотности местных цензоров.

Еврейка, взяв рукопись, отправилась с ней к заведующему русским отделом, тот подчеркнул жирно красным карандашом все инкриминируемые места и возвратил рукопись со словами: «Это от него не зависит, надо обратиться к самому заведующему Главлитом». На моё счастье, он принял меня моментально. Я изложил ему в двух словах дело, он прочитал былинный стих, сказал, как подобает образованному человеку, что это обычный былинный оборот и ничего опасного тут нет, тем более что тираж издания ничтожный (300 экземпляров). Его санкция была дана, и через два дня, когда прочитана была вся рукопись, мне был дан разрешительный билет на печатание.

В Переславле негодовали потом на меня довольно сильно.

По обыкновению, я не переставал в то же время содействовать учительству в его краеведном образовании. Устроил 3-ю областную конференцию краеведения из учителей тех же трёх уездов, что и ранее. На этот раз собралось 27 человек, из других уездов лишь трое, остальные местные, в их числе заведующий УОНО и секретарь УКома. Как и раньше, я составлял основу дела. Открывая конференцию, говорил о значении краеведения, возросшего в революцию в колоссальную культурную силу, и затем во втором докладе сообщил, что сделано было в Переславле во исполнение резолюций 2-й конференции.

Интересно отметить, что доклады местных школьных работников свидетельствовали о том, что краеведение в школе пустило свои корни. Явный прогресс за эти три года. Резолюция по этому вопросу гласила: «Признать, что краеведение делает успехи в школе, считать его основой школьного пре-

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

подавания в качестве метода, ввести его как предмет преподавания, особенно в педтехникумах, организовать при школах кружки краеведов, поставить их в связь с местным музеем и научным обществом».

Эта конференция имела для наших учителей два реальных последствия.

Во-первых, так как за всё время революции они не совершили ни одной экскурсии ни в центр, ни в другие города, ни с учениками, ни отдельно от них, то этот пробел был восполнен мною. Я объявил на конференции, что могу взять группу в 15 человек в Москву в Экскурсионную базу, где благодаря знакомству с Артёмом Яковлевичем Заксом и штатом его служащих я записался на июль с группой учителей. Но взял я, кроме них, ещё несколько учеников, в том числе своих детей. Съездили мы преотлично, на обратном пути заезжали в Сергиев. Там были в музее (бывшая лавра).

Во-вторых, пропагандировал «Сборник программ школьных наблюдений над природой», составленный Петроградской комиссией при Гидрологическом институте. Об этих программах я вёл речь ещё осенью на заседаниях школьной секции. УОНО взялся сам выписать это издание, но, по обыкновению, ничего не сделал. В этот раз я собрал среди учителей деньги и выписал несколько экземпляров для каждой школы города, а позднее и в уездные.

Вся эта моя работа с учителями была неприятна заведующему УОНО товарищу Романову, который в этом году делал ряд попыток не только причинить мне служебную неприятность, но и выгнать меня. Весной было получено от Губмузея предложение о том, чтобы музеи организовали к себе экскурсии из школ и образовал из школьников кружки краеведов. Товарищ Романов постарался сорвать это дело. Когда я просил его официальной бумагой пригласить учителей в Музей для совместной выработки тем и плана экскурсий, он мне отказал, требуя, чтобы я один выбирал темы, и, пользуясь правами цензора, а также ещё какими-то неведомыми мне распоряжениями, усиленно наседал на Общество. Видимо, от него же среди учительства стали циркулировать слухи, что тех учителей, которые состоят в Пезанпробе, будут изгонять. Робкие стали подавать заявления о выходе из членов Общества. Очевидно, эти слухи так были тверды, что брат одной из учительниц, студент 1 МГУ, ранее один из учредителей Общества и энергичных его членов, убоялся, как бы не набросило тени на его репутацию нахождение в нашем Обществе, и тоже подал заявление о выходе.*

Тем не менее, без меня дело не обошлось. Учителя, видя беспомощное состояние секции, решили сами помимо УОНО просить меня взять руководство их кружком по изучению родного края,[1] а затем через несколько времени обратились с новой просьбой, чтобы заседания Пезанпроба происходили в помещение горместкома. И то и другое было исполнено, но последнее скоро оказалось неудобным, поэтому заседания Общества после двух докладов снова делались в музее.

Что касается кружка, то таковой начал работать в количестве 14 человек учителей I-й ступени и одного II-й. Для них я выработал программу, в основу

[1]Отношение горместкома 11 сентября 1923 года № 75.

*Это был Алексей Павлович Романовский. Его сестра Н. П. Романовская-Розанова была учительницей в деревне Свечино, состояла членом Пезанпроба только в 1922 году.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

которой положил: 1) мой краеведный очерк Переславского уезда, 2) дополнял тот или иной вопрос литературой по «Переславщине», и, наконец, 3) по изучении вопроса знакомил с методико-краеведной литературой, преследуя таким образом как академическую сторону дела, так и школьную.

Собирались еженедельно, но учителей часто отвлекали разными делами и они не всегда были аккуратны. В горместкоме именно наш кружок первый заговорил о программах ГУСа* с применении их на практике в школах. Доклады делал я и некоторые из членов моего кружка. Эти занятия шли весь 1923/24 учебный год до весны.

Я забыл упомянуть, что в числе научных задач Общества я поставил собирание биографических материалов о декабристе Михаиле Матвеевиче Спиридове, переславском уроженце из села Нагорья. Так как все материалы о нём на его родине сгорели во время пожара, то собирать их по центральным архивам дело нелёгкое. Требовались разъезды и расходы на переписку. Поэтому, поставив вопрос о декабристе и издании по случаю предстоящего юбилея сборника в его честь, я обратился от имени Пезанпроба в местный УИК о субсидии, хотя бы небольшой, полагая, что история первого переславского революционера дорога ему. Но я горько ошибся. УИК отказал в этом *два раза*, подчеркнув этим твёрдость своего решения.

Удачнее по финансовым делам были отношения Общества к Главнауке. Пришлось довольно неожиданно получить оттуда субсидию, которой достало, чтобы оплатить типографские расходы по печатанию выпуска № 11, так взволновавшего наш УОНО. Даже несколько осталось, чтобы оплатить авторский гонорар, но чтобы сэкономить на декабриста — это было невозможно. Так и не пришлось поставить этот вопрос правлению, а урывками щипать то тут, то там, насколько это было возможно. И история декабриста Спиридова пока подвинулась очень мало.

Доложив об этом в одном из заседаний Центрального бюро краеведения, я получил очень ценное указание, что Евгений Евгеньевич Якушкин, служащий в Историческом музее, имеет письма Спиридова. Этого было достаточно, чтобы я познакомился с ним с этой целью. Мне была предоставлена возможность снять копии с этих писем, их было четыре, все они были адресованы Ивану Ивановичу Пущину.

Потом в Петрограде уже в январе я собрал некоторые сведения, а затем узнал от Бориса Евгеньевича Сыроечковского, что в редакции «Голос минувшего» оказалось перепечатанное на машинке дело о декабристе Спиридове, которое потом попало в Центрархив. Трудная теперь задача воспользоваться им там...

Центральное бюро краеведения, о котором я упомянул, со второй половины 1922 года стало работать удовлетворительно и, отдать ему справедливость, действительно объединило краеведные общества и организации. Оно зорко следило, между прочим, и за работой Пезанпроба, старалось его ободрить и помочь ему в глазах местных властей. Оно ценило нашу работу, давая ей чёткую характеристику. Заслушав мой доклад о деятельности Пезанпроба, ЦБК постановило (28 февраля 1923 года):

*Государственный учёный совет предложил в 1923—1925 годах комплексные учебные программы для школы. Они строились не по учебным предметам, а по комплексным темам, взятым из практической жизни.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

1) Приветствовать высокоплодотворную и энергичную работу Переславль-Залесского научно-просветительного общества и отметить особо работу председателя Общества М. И. Смирнова.

2) Просить М. И. Смирнова дать заметку в журнал «Краеведение» о проделанном Обществом опыте с распространением анкеты «Культ и народное сельское хозяйство» и о её результатах.

3) Поручить секретарю отделения дать заметку в журнал «Краеведение» о работах Переславль-Залесского научного общества.

Требуемую заметку я им написал и она была напечатана,[1] но из 1 и 3 пунктов практически ничего не вышло. Хотели меня премировать. Предприняты были в этом направлении некоторые шаги. Профессору Ю. В. Готье были даны на просмотр мои краеведные работы. Он дал о них блестящий отзыв. Кроме того, предполагалось, что такой отзыв согласен был дать профессор Ю. М. Соколов и В. В. Богданов. Эти отзывы с ходатайством ЦБК должны были направиться в ЦЕКУБУ, но всё дело ограничилось обещаниями. Так у меня мимо носа и проехали две премии.

Зато персонально вызвали меня на 4-ю сессию краеведения (27—30 марта). По обыкновению я встретился там со своим костромским братом Василием Ивановичем. Место остановки был Арбат в экскурсионной базе А. Я. Закса. Обстановка спартанская. Раньше нас приехали украинские учёные: Лобода, Птуха и другие. Первое время держались особняком и всё балакали по-украиньски. Но с течением времени лёд растаял и они, забув свою мову, говорили по-русски. На этой сессии я впервые увидел С. Ф. Ольденбурга, этого знаменитейшего учёного и великого общественного деятеля. Сессия походила на конференцию по выступившим научным силам и затронутым вопросам. В заключение были выборы членов-корреспондентов. В их число попал и я.

Петроградское отделение под впечатлением 4-й сессии и ознакомившись с деятельностью Пезанпроба, отправило в наш УИК следующую бумагу:

Петроградское отделение ЦБК, ознакомившись с деятельностью Переславль-Залесского научно-просветительного общества и его активного руководителя М. И. Смирнова, находит их работу по изучению местного края имеющей не только чисто местное, но и государственное значение в связи с работами Госплана по районированию. Выражая своё удовлетворение по этому вопросу, Бюро краеведения вместе с тем обращается к Вашему просвещённому содействию в деле всемерной и всесторонней поддержки в предпринимаемых работах Пезанпроба.

Практического толку из этой бумаги, конечно, никакого не вышло: Обществу отказали в мелочи даже на декабриста. Но тем не менее, даже и там, я полагаю, они производили впечатление.

В журнале «Краеведение» отмечено было о работе Пезанпроба,[2] причём обо мне было сказано по поводу изданий Общества, что «из этих работ львиная доля принадлежит неутомимому местному деятелю М. И. Смирнову».

[1] *Смирнов, М. И.* Культ и народное сельское хозяйство. Из практики Переславль-Залесского научно-просветительного общества (К вопросу о собирании краеведных материалов анкетным путём) / М. И. Смирнов // *Краеведение*. — 1923. — № 2. — С. 150—153.

[2] Хроника // *Краеведение*. — 1923. — № 1. — С. 66—67.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Так среди успехов и огорчений шла моя работа в Обществе в этом году. Остаётся в заключение сказать, что понадобилась новая, четвёртая регистрация Общества. Об этом спешной бумажкой уведомила нас Главнаука (19/IX № 7683). Оказывается, мы пропустили все сроки и должны были зарегистрироваться применительно к нормальному уставу, распубликованному в № 12 бюллетеня Наркомвнудела. Едва мы разыскали этот номер в УИКе, спешно переделали устав и послали в Главнауку, как она требовала. Там потом при поездке в этом году я несколько раз справлялся о судьбе устава, но дело всё ещё лежало и лежало без движения, а меня всё успокаивали, что всё это будет сделано в Наркомвнуделе.

1924 год

Новый год начался необычно. На 10 января назначена была во Владимире конференция по изучению производительных сил губернии, на 15—18 января в Петрограде 5-я сессия краеведения, на 2—11 февраля в Москве при Госплане 1-я конференция по изучению производительных сил Центральной промышленной области.

На все эти конференции я получил персональные вызовы и, разумеется, поехал. Приехав во Владимир, я узнал, что конференция отложена на 15—18 января, то есть на те же числа, что и петроградская сессия. Это меня не устраивало. Повидав во Владимире всех, кого мне было нужно, и оставив записку о работе Пезанпроба, я поехал в Петроград.

Здесь дело началось с того, что в трамвае у меня подрезали внутренний карман в пиджаке, но там были бумаги, а не деньги, и поэтому никакой потери не произошло. Вслед за этим я был глубоко обрадован тем, что остановка мне была приготовлена у секретаря ЦБК милейшего Даниила Осиповича Святского. Такая честь была исключительной — там приглашены были ещё московский секретарь Николай Алексеевич Дорогутин, мой костромской брат Василий Иванович и Е. М. Юшкин из Краснодара.

Заседания сессии происходили в малом конференц-зале Академии наук. Участие в работе таких лиц, как С. Ф. Ольденбург, А. Е. Ферсман, В. П. Семёнов-Тян-Шанский, придавало сессии особый интерес и на нас, провинциальных работников, действовало чарующе.

Самый ход работ сессии подробно изложен в 3-й книжке «Краеведения» (с. 270—281).*

Пользуясь пребыванием в Петрограде, я провёл ещё несколько дел краеведного характера.

а) В Академии истории материальной культуры познакомился с профессором А. А. Спицыным и получил от него подлинный дневник П. С. Савельева

Библиография. Литература по краеведению за последние годы // *Краеведение*. — 1923. — № 1. — С. 76—77.

Смирнов, М. И. Культ и народное сельское хозяйство. Из практики Переславль-Залесского научно-просветительного общества (К вопросу о собирании краеведных материалов анкетным путём) / М. И. Смирнов // *Краеведение*. — 1923. — № 2. — С. 150—151.

*

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

раскопок 1853—54 годов в Переславском уезде. Прочитав его весь, я сделал из него все необходимые выписки.

б) Производил розыски материалов о декабристе М. М. Спиридове. Здесь мне удалось использовать печатную литературу, но дела тут я не нашёл. Очень просил об этом члена нашего Общества Георгия Петровича Альбицкого, но тот ничего не сделал.

в) От профессора А. И. Андреева получил несколько выпусков «Летописи занятий Археографической комиссии», где, между прочим, оказались описи старинных грамот, касающихся нашего края.

Очарованный гостеприимством Святского и всей обстановкой сессии, я проехал обратно домой через Ярославль отдать визит ярославским музейщикам, бывшим у меня в ноябре предыдущего года из Ростова с юбилея.

Отдохнув дома несколько дней, я отправился на конференцию Госплана. Это была тяжёлая штука. Целых десять дней утром и вечером пичкали нас докладами о производительных силах ЦПО. Много было любопытного, но слишком много. В кулуарах завязывались знакомства, особенно ценное было с Михаилом Михайловичем Пришвиным. При Госплане образована была ассоциация научных обществ, устроенная с целью свалить ЦБК, из-за неё вышли потом неприятности. Для нашего Общества это совершенно безразличное учреждение.

Во время пребывания в Москве я добился утверждения в Главнауке устава нашего Общества, экстренно вытребованного в сентябре. Он всё ещё лежал. 4 февраля наконец соответствующие надписи были сделаны. Обещались далее послать его в Наркомвнудел, но когда послали, я уже не дождался.

21 февраля был съезд заведующих избами-читальнями Переславского уезда. Меня пригласили выступить там с докладом, но вышло так, что весь съезд к концу первого дня пришёл в Музей, где я горячо говорил им об изучении родного края и рекомендовал в этой части их культурной работы связаться с Обществом и Музеем. Те живо откликнулись на это и 14 человек крестьянской передовой молодёжи по коллективному заявлению стали членами-соревнователями Пезанпроба. Вместе с ранее вступившими они составили группу около 20 человек. По поводу таких членов из народа я писал (по поводу анкеты) в журнале «Краеведение»:

> Нашлись и новые работники. Общество приобрело несколько новых членов сотрудников из числа своих корреспондентов по этой анкете. Ответы их настолько подробны, дельны и дышат желанием сотрудничать, что было бы непростительной ошибкой не принять их в Общество.*

За этот год самым плодовитым и энергичным членом Пезанпроба оказался крестьянин деревни Маурино Михаил Иванович Николаев, представивший Обществу около десятка тетрадей с материалами и статьями по быту деревни.

Так само собой намечается сдвиг нашего Общества. Начавшись интеллигентским составом, с распылением интеллигенции из Переславля оно

**Смирнов, М. И.* Культ и народное сельское хозяйство. Из практики Переславль-Залесского научно-просветительного общества (К вопросу о собирании краеведных материалов анкетным путём) / М. И. Смирнов // *Краеведение*. — 1923. — № 2.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

приближается к народу с тем, чтобы в дальнейшем слиться с ним окончательно.

Годичное собрание Общества прошло в деловой обстановке. Мы решили отметить пятилетний юбилей 30 марта, день первого собрания Пезанпроба. В. Елховский прочитал очерк о деятельности Пезанпроба за пять лет, а А. Ф. Дюбюк обстоятельную статью о климате Переславского уезда по данным музейной метеорологической станции. В заключение был дан концерт на скрипках и рояле, а затем скромный товарищеский чай.

Как бы своего рода наградой за нашу пятилетнюю работу было полученное потом постановление ЦБК (14/V № 5781), рассмотревшего отчёт за минувший год:

> Постановлено:
>
> 1. Выразить особое удовлетворение широко развивающейся краеведной деятельности Общества. — Сообщить, что представленный отчёт о работе за 1923 год снова подтверждает то же положение, каковое было известно отделению и ранее, о том, что Переславль-Залесское Общество по энергичной работе, им проводимой, стоит в первых рядах уездных краеведных учреждений СССР. — Отметить выдающуюся в этом отношении деятельность Председателя Общества М. И. Смирнова, имя которого ныне пользуется почётной известностью среди имён русских краеведов.
>
> 2. Выразить надежду, что Общество снова сумеет преодолеть с такой же энергией, как и раньше, все препятствия, стоящие на пути его издательской деятельности, и что 1924 год не будет в этом отношении являться исключением в сравнении с другими годами в этой деятельности Общества.
>
> 3. Выразить удовлетворение намеченной работе по привлечению к краеведческой деятельности педагогов уезда.
>
> 4. Высказать пожелание, что экономическое положение края тоже найдёт должное отражение в работе Общества в 1924 году.
>
> 5. Признать желательным, чтобы Общество в программу своих дальнейших работ ввело бы изучение материальной культуры населения края.
>
> 6. Обратить внимание Общества на желательность не только составления научной описи многочисленных рукописных материалов, поступающих в Общество, но чтобы такие описания, хотя бы с кратким изложением и перечнем содержания, печатались в приложениях к «Докладам» Общества.
>
> 7. О высокоплодотворной деятельности Общества, за развитием которой с большим уважением и вниманием следят центральные и местные научные учреждения СССР, поставить в известность Переславль-Залесский Уисполком, высказав надежду, что он окажет моральную и материальную поддержку Обществу, особенно в его издательской деятельности.

Весенние работы мои по Обществу и Музею носили определённо школьный уклон. Мною совместно с учителями города и уезда разработаны были темы экскурсий в Музей. Я ознакомил их с краеведно-методической литературой, необходимой для применения новых программ ГУСа, помог приобрести таковую литературу (особенно «Сборник программ школьных наблюдений над природой», последний в Петрограде был куплен мною для Владимирского губОНО).

Доклады Общества в это время были приноровлены к моменту:

- профессор Ю. М. Соколов — «Изучение деревни силами школы»,

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

- М. А. Рыбникова — «Изучение родного языка в школе»,
- С. С. Смирнов — «Научно-исследовательские кружки юных натуралистов СССР».

В связи с последним докладом, сделанным моим костромским племянником, организовался при Пезанпробе кружок юных краеведов, распадающийся на две секции: натуралистов и гуманистов.

Восемь человек из первых летом предприняли научную поездку по реке Большой Нерли до её впадения в Волгу. Маловато они подготовились, тем не менее привезли интересный материал, характеризующий Нерль. Их рассказы, не всегда ясные, побудили и меня проехать потом по Нерли до границы Тверской губернии. На Вёксе я сделал важное археологическое открытие — стоянку неолитической эпохи. Затем обследовал озеро Сомино, там на Селятине Торговище и близ речки Бароновской нашёл приблизительно то же, а вероятнее бронзовый век.*

Потом с одним из студентов проделал пешком экскурсию вёрст в 70 [75 км] на север уезда с фольклорной и диалектической целью.**

Мои научные доклады касались следующих тем:

- 6 марта, «Археологические раскопки П. С. Савельева в Переславле-Залесском и его окрестностях в 1853—54 годах»,
- 13 апреля, «Переславские духовные феодалы XVIII века»,
- 26 октября, «Феодальные владения Троице-Сергиева монастыря в Переславль-Залесском уезде».***

Кроме того, я возобновил свою давнишнюю работу «Очерки по истории алкоголизма в России», переделал много, но далеко ещё не окончил.

Разработал анкету «Хулиганство как социальное зло» и наметил другую: «Культ и народное пьянство во Владимирской губернии».

Издал номер 12 «Докладов» со своей работой «Указатель рукописных и изданных документов Переславского края. Часть 1. Акты XIV—XVI веков».

Для покрытия расходов по совету членов нашего Общества устроили весной концерт, но он дал жалкие сборы. После того как летом приехали в Музей на дачу артисты художественной студии (2 МХАТ), то решили устроить вечер. Но случилось так, что его пришлось делать на паях с секретарём УКома Михаилом Георгиевичем Пустынновым, так что Общество в конце концов не получило ничего. Выручил из беды А. И. Острецов, юрисконсульт вышивальных фабрик. Ему удалось устроить что-то вроде шефства, и вот понемногу даёт в кассу Общества на расплату с типографией.****

Я полагал, что УКом, так ревностно агитирующий за идеи атеизма, поможет издать две мои работы, имеющие антирелигиозный уклон: «Культ и крестьянское хозяйство» и «Переславские скудельницы». Но из этого ничего не вышло, средств и на это не оказалось.

---

*Смотри об этом 109 страницу.

**Студент Рубен Иванович Аванесов (смотри с. 110).

***К тому же 29 августа был доклад «Неолитическая стоянка на реке Вёксе в урочище Польцо».

****Смотри об этом 109 страницу.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

В середине лета едва не было закрыто наше Общество за нерегистрацию. Так как утверждённого устава ни одного экземпляра Главнаука не удосужилась прислать, а от нас экстренно потребовали таковой, то нам оставалось одно: снова переписать нормальный устав и послать его через местное административное управление во Владимир, и проделать ещё ряд формальностей. Дело как будто уладили.

Но я недавно узнал в Москве, что Наркомвнудел давно вернул устав в Главнауку с надписью, что регистрация уездных обществ не его дело, для сего существуют местные власти. А из Главнауки об этом ни звука. Вот положение-то! И оказалось наше Общество между небом и землёй. Что же делать?

30 октября был во Владимире по вызову Губпроса на собрании секции научных работников. Это было первое организационное собрание. Довольно неважное получилось впечатление: беден учёными силами город Владимир.

Приехав оттуда, я нашёл у себя письмо М. М. Пришвина, который, между прочим, пишет мне:

> Я помню Вы увлекли меня рассказами о Ваших местах. И вот я держу план приехать к Вам и работать над Вашими материалами. Я пробовал здесь (в Талдоме) устроить общество изучения края, но у меня ничего не вышло, потому что я хорошо умею писать и наблюдать, но люди за мной как-то не идут. Не сужу их: сам плох! Мне хочется прислониться к серьёзному краеведу и помогать не по обязанности, а самим фактом работы моей в литературе над местными материалами. Знаю, как Вы любите свой предмет, и уверен, что обрадуетесь: как-то все краеведы ко мне прекрасно относятся...

Если он приедет сюда, то жизнь Общества пойдёт при участии крупного человека. Хорошо, как бы это сделалось!

8 ноября 1924 г..
ГАЯО. Ф. Р-913. Оп. 1. Д. 1. С. 112—182.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Воспоминания и заметки

1924 год

Покончив со своими воспоминаниями, имеющими личный и общественный характер, я перехожу к дневнику. Крайне сожалею, что решился вести его поздно. Многие из воспоминаний носило бы, думаю, иную окраску. И не потому, что я намеренно искажал, а потому, что в перспективе прошлого детали слились и не выделяются так отчётливо, как при ежедневной записи.

Итак, начну, не обещаю быть ежедневным, но всё же настолько аккуратным, чтобы интересные моменты моей деятельности и жизни отражались здесь возможно полнее.

1924. Ноября 10 дня. Сегодня было заседание Музейного совета.

В пояснение его нужно сказать, что это моё творение с начала до конца. Цель его — информация власть имущих о делах Музея и договорённость с ними о тех или иных мерах охраны памятников истории, быта и природы. В основу деятельности совета положена составленная мною инструкция, исправленная в Музейном отделе и утверждённая 31/X сего года Н. И. Троцкой. Главная черта инструкции та, что председатель Совета заведующий Музеем, члены его (от УИК, РКП, упроса, от Пезанпроба и других) утверждаются Главнаукой и все их решения, вносящие изменения в установленный план работы и управления имуществом, представляются на утверждение Главнауки.

Явились на заседание от УИК — секретарь его товарищ Лукьянов, от УКОМа РКП — товарищ Плеськов заведующий УОНО; от Пезанпроба были Жданов, Дюбюк и Елховский.

Собрание было организационное, хотя перед этим было пять музейных заседаний на основании одной лишь бумаги Главмузея. Наметили 17 человек в совет, в том числе от комсомола. Заслушали ещё инструкцию (7/VII сего года) Наркомпроса об охране памятников. В ответ на неё постановили поручить мне составить полный список их, а кроме того, разработать план классификации памятников искусства (архитектурных) и выделить из них те, которые можно было бы ликвидировать и эксплуатировать как материал для поддержания памятников I категории.

В связи с предстоящей передачей Музею монастырей Фёдоровского и Никольского с квартирами и не музейным имуществом, а также 5 приходских церквей города Переславля со всем их имуществом, я предложил учредить должность заведующего хозяйственной частью, что и было принято.

14. Получил от Рыбниковой Марии Александровны следующее письмо от 11/XI: «Вчера в Академии мы делали доклад о поездке в Переславль. Всё время вспоминаем и поминаем Вас. И мне хочется сказать Вам об этом, и ещё

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

раз поблагодарить Вас. И не без корыстных целей: хочется ещё раз побывать у Вас, ещё послушать и посмотреть. Ваш Горицкий монастырь, старик Сумин, а главное Вы, Михаил Иванович, это одно из лучших воспоминаний моих прошлого лета».

Это отзвуки фольклорной экспедиции Ю. М. Соколова со студентами, бывшей весной.

19. Получил предложение от Организационного Бюро 2-ой Всесоюзной конференции краеведения выступить с кратким докладом о положении школьного краеведения в Переславском уезде.

23. Получил от Михаила Михайловича Пришвина письмо ответное:

> Дорогой Михаил Иванович, очень Вы обрадовали меня Вашим письмом, которое было совершенно в духе моих отношений с Василием Ивановичем и особенно с покойным Сергеем Ивановичем. Итак, условия все подходящие, через какую-нибудь неделю или того меньше я буду у Вас на разведке. У нас теперь в семье только и разговоров, что о Переславле. Все изучили Вашу книжку прекрасно и теперь уже не напишут Переяславль, как он начертался до XV века (а почему-то тянет выговорить с *я*).
>
> Большое Вам спасибо за предложение комнат в музее. Я надеюсь, однако, что это не понадобится, раз в городе можно найти себе какую-нибудь берлогу.
>
> Из-за чего не еду сразу? А вот что: чтение Вашей книги и повторение слова Залесье вернуло меня к постоянной моей думе о борьбе нашего крестьянина с лесом. Это чувство леса, как беса, давно утрачено европейцем и вот хорошо бы на этом построить сочинение...
>
> Ну, вот и сижу с этим дома, из опасения, что в Москве беготня по редакциям вышибет из головы новую затею. Я несколько дней думаю, укреплюсь и прямо к Вам.
>
> Всего доброго, до свидания.

26. Решил сделать в составе своих сослуживцев перемену. Библиотека более или менее приведена в порядок, а другие отделы стоят. Так как содержание сотрудника наладилось теперь нормально (27 рублей, а то получали 12, 15 и так далее), то полагаю, что на эти деньги найду более ценного человека, чем библиотекарь М. О. Альтнер. Поэтому заявил ей, чтобы оканчивала свои дела к 1 января 25 года, должность её упраздняется, а будет взят сотрудник-натуралист.

Иду сегодня по делам в Никитский монастырь и встречаю С. С. Геммельмана. Любопытный это человек. По образованию межевик, в юности поэт, потом публицист, купец (торговал шорным товаром, потом мануфактурой), энтомолог и коллекционер. Со своей торговлей прогорел и снова попал в полосу бедности. Сидит без работы. Разговорились о его положении. Я предложил ему быть сотрудником. Его это заинтересовало. Буду ждать окончательного ответа. Если пойдёт — это будет для Музея хорошее приобретение, он двинет отдел с насекомыми, а может быть, и экономический.

30. Был Геммельман и дал своё согласие на занятие места сотрудника Музея. Очень хорошо. Теперь остаётся исполнить всякие формальности. Думаю, что тут препятствий не должно быть.

5 сентября 1926 года. Нет, не могу я вести дневника. Для того, чтобы писать ежедневно, нужно уметь себя настроить к этому, а у меня не выходит.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Снова приходится продолжать в форме воспоминаний.

Я закончил Геммельманом и очень неосторожно заметил, что «препятствий не должно быть». А тут разыгралась целая история.

Заведывал в это время УОНО некий Плеськов Иван Алексеевич, коммунист, из тех захолустных коммунистов, которые только и делают, что гадят в советское дело.

9 января 1925 года, то есть через девять всего дней после вступления его в должность, я получил от УОНО нескладную, но строгую бумагу, в которой запрашивался я, почему принят на службу «Геммельман, недавно прекративший торговлю». Далее прибавляется: «В этом случае Ваши действия заставили меня обратиться через Губмузей и Главмузей об отводе Вас как заведующего из Переславского Музея».

На это я ответил, что специалист-энтомолог С. С. Геммельман, имеющий научные труды и служивший ранее в Музее, вновь принят на службу научным сотрудником с согласия инспектора труда и с уведомлением Губмузея.

Казалось бы, что на этом можно было бы и кончить этот вопрос. Но в начале февраля я получил из того же УОНО бумагу срочного характера «об устранении от должности Геммельмана, как бывшего торговца», бумага основывалась на распоряжении ГубОНО.

Нечего было делать, я «устранил» его временно, но не уволил, а сам поехал в Музейный отдел в Москву. Н. И. Троцкой не было, заведовал отделом А. В. Григорьев. Он был нездоров и принял меня на квартире. Благодаря этому (ибо никто не мешал) я высказал ему всё обстоятельно. Он дал мне распоряжение к товарищу Коху, бывшему тогда на ревизии в Сергиевском музее, чтобы он срочно поехал в Переславль и разрешил дело по партийной линии.

Спасибо ему, согласился немедленно со мной отправиться, когда я заехал в Сергиев, и явился в Переславль. Поговорил с Геммельманом, убедился, что он действительно ценный работник, и отправился в Уком.

Как он обрабатывал наших молодцов — не знаю. Но через какой-нибудь час возвратился и сказал, что всё *благополучно* окончено. Наши с ним согласились, что Геммельман должен остаться в Музее. В этом смысле Кох дал Музею разрешение снова допустить С. С. Г. к работе.

Вскоре Главнаука утвердила его научным работником, и таким образом дело о его назначении было закончено.

Теперь, казалось, легко будет провести его в наш профсоюз. Но тут новая история. Там же Плеськов ощетинился всеми колючками и вёл линию непримиримую. Из заведующих УОНО он уже был переброшен в Уком заведующим агитпроп отделом. В правлении Упроса играл самую первую скрипку и учителей держал в великом страхе и повиновении.

Сначала долго заявление Геммельмана не рассматривалось, потом наконец было поставлено на повестку. Я явился на это собрание Горместкома и выступил на защиту Геммельмана.

Любопытно, что среди заявлений о вступлении в число членов профсоюза были от неграмотных сторожей и вопреки устава их приняли. А когда самым последним было зачитано заявление научного работника Геммельмана, Плеськов закричал «*отказать*».

Я несколько раз говорил в пользу Геммельмана и достиг своего. Несмотря на то, что очень многие струсили и побоялись идти против своего командира,

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

всё же отважились, а главное, почему-то поддержали технические служащие. Тремя или четырьмя голосами Геммельман был принят; Плеськов остался со своими сторонниками в меньшинстве.

И тем не менее Геммельман в профсоюз не попал. Наутро из милиции взята была справка, что он как бывший купец, да вдобавок ещё бывший городской голова, в списках избирателей не числится, и следовательно, как лишённый избирательных прав, принят быть не может.

Так до сих пор и не принят и в правах не восстановлен.[1]

А обо мне по городу вслед за этим пронёсся «слух ужасный» (впрочем, уже не в первый раз), что меня Уком решил выгнать.

Но об этом расскажу ниже. Я и то забежал далеко вперёд. Постараюсь дальше придерживаться хронологии.

В декабре 1924 года (а именно 9—14/XII) была 2-я всесоюзная конференция краеведения. Так же как и на первой, я был выбран секретарём, но на этот раз не один и фактической работы не вёл. Это был почётный титул.

Конференция эта носила совершенно необычайный характер. Дело в том, что она сделалась ареной открытой борьбы Центрального бюро краеведения с одной стороны и Главнауки с другой; иначе говоря — общественного движения и правительственного режима.

Ни та ни другая сторона раньше не договорилась, и потому поневоле всё это вышло наружу на пленарном заседании. Самое открытие не могло произойти в назначенный час из-за недоговорённости о составе президиума (беспартийных и партийных).

Наконец открылось заседание. Начальник Главнауки выступил с критикой названия конференции (Всесоюзной), её программы и прочего.

Говорили затем М. Н. Покровский и А. В. Луначарский.

Первые два дня были необычайно обострённые и казалось, вот-вот конференция будет закрыта. Главная атака велась против Центрального бюро краеведения, находящегося при Российской академии наук. Решено было сделать из него *стол* при Главнауке.

Но этого не удалось. Во главе ЦБК стояли такие люди, как академик С. Ф. Ольденбург, А. Е. Ферсман, Н. Я. Марр. Эти лица и спасли всё дело.

ЦБК в конце концов решено было устроить одно в Ленинграде, не при Российской академии наук, а в здании Академии материальной культуры. В состав бюро введены были партийные.

Все разъехались по домам с тяжёлым чувством. Приехав домой, я узнал, что 10 декабря местное ГПУ произвело у меня обыск. Любопытное совпадение...

Во время конференции я вошёл в сношение с редакцией «Атеист». Дал туда свою рукопись «Культ и крестьянское хозяйство». Она там страшно понравилась. Шпицберг по секрету сказал об этом Д. О. Святскому, напечатавшему там свою работу астрономического характера о видении пророка Даниила.

[1]Геммельман отплатил мне за это самой гнусной подлостью. Заделался доносчиком и шпионом в подлежащие учреждения, писал периодически туда записки и доклады, чем заработал себе восстановление в правах, переведён был в Ярославский музей, где и умер в 1938 году, а я в 1930 году отправлен в ссылку в Нарым.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Под убаюкиванием льстивого редактора я согласился напечатать свою статью, взял аванс, но приглядевшись ближе, не мог вынести той атмосферы, какая там царила. Это не была научная среда, а карьерная кумпанщина на атеизме. Изданьишки плохие. И я передал свою работу в Госиздат, там она перебывала у нескольких редакторов и наконец попала к Богораз-Тану. Он выпускает серию этнографического характера под заголовком: «Религиозные верования русской деревни первой четверти XX века», там она пойдёт в 1 выпуске... Но тоже ещё не вошла. С «Атеистом» я разделался начистую, возвратил ему всё до копейки. Это уже было весною следующего года.

1925 год

Собственно, из пережитого за этот год я передам несколько эпизодов: это история с С. С. Геммельманом и моей рукописью «Культ и народное хозяйство».

Дальше было вот что. В феврале, после переписки с М. М. Пришвиным, я ждал его приезда. На разведку он приехал ко мне 16—17 февраля. Первое впечатление моей жены и других было самое неблагоприятное: много самопреклонения и эгоизма, невоспитанность и какая-то жестокость. Я защищал его, хотя, признаться, моя первая встреча с ним в Госплане на конференции тоже была не в его пользу. Меня поразили его наглые глаза и цыганский тип. Я отнёсся тогда к нему с недоверием. И только когда мой костромской брат Василий Иванович похвалил его и сказал, что он был хорошо знаком с братом Сергеем, тогда я старался глядеть на него как на большой талант, пренебрегая разными мелочами его характера и первым впечатлением.

Мы были с ним на Ботике. Я показал ему, где предполагаю его поместить. Ему, понятно, квартира понравилась. После деревенской избы талдомской деревни — бывший дворец с четырьмя великолепными комнатами на юг его прямо поразили. Соседство озера и леса добавило веса и вопрос был решён: он переезжает в Переславль.

Приехал он со своей женой, простой и малограмотной крестьянской, но разумной и симпатичной женщиной, 1-го апреля. Я встретил его как родного брата, принял его с самой сердечной любовью и был удивлён тем холодком, который сквозил во всех его отношениях ко мне. Мне казалось, что на мою предупредительность он как-то странно сдерживался.

Быстро устроил я его на Ботике. Отвёл лучшие комнаты в доме, дал мебели, ибо знаменитый писатель привёз с собой убогий стол и плетёное кресло. Я дал ему столы, диван, комод, шкаф и прочее. Но как-то так вышло, что он не только не устроил маленького новоселья, видимо, тяготился даже угостить чаем. Я приписывал это его стеснённым обстоятельствам.

Перетянув такого писателя к себе, я втайне мечтал устроить в Переславле Барбизон. Мне хотелось вдохнуть в своего квартиранта любовь к Переславскому краю и вдохновить его на большую художественную работу. Научного материала, думал я, добыто достаточно, пора обработать его художественно.

Кроме того, меня тянуло к Пришвину одиночество. Постоянная война с предержащими властями и разного рода неприятности, а также духовный голод по культурному человеку. Я продолжал у него часто бывать. Он также заходил ко мне. Выспрашивал о нашем крае, и я без всякого ограничения открывал ему добытые мною долголетним трудом сведения о Переславщине.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Он предложил мне установить связь моих юных краеведов с биостанцией юных натуралистов в Сокольниках. Выписали мы оттуда бюнов и приехало три «бандита», как обозвал их Лёвка Пришвин. Все они оказались комсомольцами развинченными и издёрганными, малообразованными, но с большими претензиями.

Устроил я такое заседание нашего Пезанпроба, где выступали они. Потешили нас на славу. Разумеется, почти полное отрицание прежней науки. Надо уметь работать и глядеть самому, а знать труды старых профессоров не стоит. «Подумают десяток ребят, — говорил один, — и сделают то же, что старый учёный. И дело будет крепче, потому что добыто самими». Другой поведал нам, что «материализм — это не фунт изюму». Прожили бюны несколько дней и нам надоели смертельно. Один бывший матрос всё прыгал и плясал. Разбил от этого лампу. На прощание прострелили они стекло в комнате для приезжающих и уехали. На этом всё дело и окончилось.

Пришвин, набравшись от меня лично и из моих книжек сведений о нашем крае, начал писать о Переславле. Это — то, что впоследствии им названо было: «Родники Берендея. Фенологические записки биостанции Ботик».

Весной приезжал к нему молодой писатель из народа и большой его поклонник Александр Борисович Руднев. Вместе с ними я устроил большую экскурсию по Переславлю. Были сначала у меня в Горицком, прошли по валу к Старому собору, затем в Никитский монастырь, оттуда на Клещино городище и Александрову гору. Близ Никитского видели вылет комаров, а в самом Никитском свиней во фруктовом саду, выкармливавшихся агропунктом.

Мои спутники были в громком восторге от того, что я им показал и что говорил. Потом многое из этого вошло в «Родники Берендея».

Несколько позднее приезжал в Переславль Александр Васильевич Чаянов,* известный экономист, и писатель Александр Степанович Яковлев. Оба они были пленены Переславлем. Яковлев потом приезжал сюда несколько раз.

Между тем мною была затеяна большая экспедиция на лодках по Переславскому краю по рекам Нерли и Кубре. Сюда вошли, кроме меня и Пришвина, научный сотрудник С. С. Геммельман. Кроме нас троих ещё девять юных краеведов и хозяин лодки пан Константин по фамилии Никольский, женатый на моей сестре. Эта экспедиция описана Пришвиным в журнале «Красная Новь»,[1] а мною в 15 номере Пезанпроба под заглавием: «По забытым путям Залесья». Поэтому останавливаться на ней не буду. Ограничусь только тем, что дождливая и холодная погода отравляла дело. Многое было сделано наспех. Но тем не менее, достижения были любопытные. Особенно поразили нас обряд в деревне Лихарево — «Крапивное заговенье», древлянское гнездо Ведомша, а кроме того, прелестны были сами окрестности рек, особенно Кубри.

[1] *Пришвин, М. М.* Родники Берендея: Из записок фенолога с биостанции Ботик / М. М. Пришвин // *Красная новь*. — 1925. — № 8.

Пришвин, М. М. Весна человека / М. М. Пришвин // *Красная новь*. — 1925. — № 9.

*Знающие люди понимают наши причины.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Доехав до села Нового, следовательно, вёрст 150 водой, [160 км] поставили мы лодки на волока и отправили их в Переславль по шоссе, а сами пешком с пением краеведного гимна, сочинённого С. С. Геммельманом, отшагали 21 версту. [22 км]

Вперёд, краеведы,
До полной победы!
Все тайны откроют
Нам Нерль и Кубря.

запевала наша молодёжь в каждом селении по дороге. Народ высыпал на улицу и не понимал: пелось что-то революционное, на мотив «Варшавянки», и тут же шёл поп.

Но ещё раньше этой экспедиции мне пришлось быть на двух краеведных совещаниях. Первое было по инициативе Иваново-Воскресенского краеведного общества, предложившего выработать инструкции и программы по разным отраслям краеведения. Я послал туда: 1) анкету о пьянстве, 2) о хулиганстве и 3) наставление к изучению хорографической номенклатуры. На совещании 1—4 мая мне пришлось председательствовать на заседаниях культурно-исторической секции. Заседания носили чрезвычайно хороший характер. Это без громких слов были чисто деловые совещания. Проработано было в двух секциях 44 программы и инструкции. Кроме того, был заслушан наш совместный труд «Материалы по библиографии краеведения», составленный М. и В. Смирновыми и Н. А. Королёвым. Нас кормили в только что пущенном в ход «Нарпите», кухонной фабрике. Всё было очень хорошо. Поили пивцом и только. Гостеприимство было отменное.

Так как работа проведена была только вчерне, то решили ещё раз собраться в Костроме. Туда я поехал после неудачной поездки во Владимир на 2-ю конференцию [по изучению] производительных сил Владимирской губернии и пробыл в Костроме 28—30 мая. Сюда приезжал секретарь ЦБК милейший Даниил Осипович Святский. Программы получили дальнейшее продвижение, причём мне поручили составить ещё одну: «Культ в народном быту». Гостеприимство было ещё лучше: пили водку, и пили здорово. Но я воздерживался, ибо пил усиленно *kalii iodati*. Дело в том, что с января со мной примерно раз в месяц или раз в два месяца делалось головокружение и тошнота. Что-то странное, не отгаданное врачами. После усиленного режима на йоде это прошло и давно со мной не повторялось.

В июле я был обрадован приездом члена Академии материальной культуры добрейшего Александра Андреевича Спицына. Он заехал ко мне из Костромы и пробыл три дня (17—19 июля). Так как Пришвин никогда не видел археологических раскопок и мечтал написать какой-то археологический роман, то я пригласил его с сыновьями. Поехали мы на неолитические стоянки Вёксы и Сомина озера. Александр Андреевич подтвердил мой диагноз стоянок и дал мне много ценных указаний по их раскопкам. Далее за Соминым озером близ деревни Хмельники по моему предложению обследовано было место жальничных погребений Новгородского типа и на Стуловой горе груды камней с всхолмлениями. И то и другое плохо удавалось в смысле находок. Груды, как можно думать, следы построек. Не очаги ли были на них устроены в избах? А среди жальничных могил оказался один курган. Разрывание его было мучительно и заняло слишком много времени. В конце концов найден

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

был на большой глубине костяк. Странный какой-то, возможно, близкого сравнительно времени, примерно эпохи Грозного. Находок при нём никаких. Но мне важно было видеть приёмы работы лучшего мастера в России, и я их видел.

В том же июле работал на Переславском озере гидробиолог профессор Д. А. Ласточкин со своей неизменной сотрудницей Н. В. Кордэ. Поселил я их в бывшем Данилове монастыре, а на Ботике в Ротонде я устроил московского профессора Владимира Феликсовича Пиотровского с группой студентов географического института 1 МГУ. Работа этих профессоров для нашего Музея — находка. И тот и другой за любезность по предоставлению помещений дают Музею новые экспонаты, а кроме того, подучивают наших юных краеведов новым, неведомым им отраслям знания. Ребятишки любили валандаться с ними.

В то же время своих юных краеведов я начал обучать фотографированию. Пригласил одну любительницу Марию Петровну урождённую Альбицкую, которая и преподала им начальные приёмы фотографирования. Сразу выделился мой Сева, чему я был очень рад, что у меня всегда есть под рукой дешёвый, но верный фотограф. А то в экспедиции я попал впросак. Для фотографирования был приглашён один учитель — любитель Б. В. Иванов, но он взял да и надул нас, не приехал к этому времени из Москвы. Мне кое-что зарисовал Б. И. Покровский, но до сих пор почти ничего не дал. Так мне предстоит ещё раз из-за этого пройти по тем же местам, чтобы сфотографировать крестьянские постройки в Заозёрице.

В конце июля вышел выпуск №13 Пезанпроба. В нём сплошь был юбилейный материал. Сначала моя статья о декабристе М. Спиридове, потом Е. Е. Якушкина — четыре письма Спиридова к И. И. Пущину, затем шли три статьи В. Е. Елховского: а) пятилетие музея, б) пятилетие Пезанпроба и в) к 25-летию моей краеведно-общественной деятельности со списком моих работ.

В августе я экскурсировал по уезду, сначала прошёл пешком верховье Кубри от деревни Городище до деревни Половецкое; затем копал курган у деревни Киучер в урочище Грачки. Так как погода была крайне дождливая, то удалось вскрыть только три кургана. Все с находками славянского времени (половина X века); найдены бронза, железо и горшки. Как любопытную черту можно отметить, что в одном погребении сохранились на бронзовой браслетке чёрные шерстяные нитки, которыми она была прикреплена к поясу.

В сентябре я был жестоко поражён в своей краеведческой работе со стороны губернского архивного ведомства. Нужно сказать, что во всех помещичьих усадьбах, монастырях, церквах я собирал все бумаги самым тщательным образом, и в то время как товарищи из Собеза, например, осматривали и вывёртывали ящики, а я собирал во всех углах бумаги. Спас несколько, думаю, тысяч писем Бектышева, Самсоновых, из Семендяйки, Повалишиных, из Загорья — документы Нарышкиных. Особую ценность для прошлого края представляли собою приходно-расходные книги Фёдоровского монастыря с 1616 года по 1923 год с пропуском каких-нибудь 5—6 лет. Я всё собирался извлечь из них разный материал, но не успел в этом.

Довольно нежданно-негаданно приехала ко мне из Владимира девица Робустова с бумагой от Губмузея, чтобы я отдал ей все имеющиеся при Музее архивы. Я спешно написал в Музейный отдел письмо Сергею Павло-

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

вичу Григорьеву, послал его с оказией, но ответа не получил. Так у меня и вырвали все архивы. Без всякого учёта вязали их в вязки и валили на подводы, а на станции Берендеево в вагоны. Нагружено было полтора вагона хранившимися у меня бумагами. Что приехало во Владимир? В каком виде? Ведает только аллах.

После я хватился, что вместе с бектышевскими письмами Робустова увезла четыре ящика из шкапчиков карельской берёзы. Так не возвращены они до сих пор.

Начатые мною работы оборваны. Надо ехать продолжать их во Владимир. Но на какие деньги?

С горя уехал в Ростов, чтобы хоть немного забыться от этого удара. Там встретил Владимира Владимировича Богданова и Николая Алексеевича Дорогутина. Они уехали в тот же вечер, наговорив мне кучу любезностей, и, начитавшись № 13 Пезанпроба, советовали праздновать юбилей. Потом, как я узнал, повели дело через ЦБК, послали приглашение в Переславль УИКу, УПросу, УОНО. Что из этого вышло, я напишу ниже. А из Ростова я отправился на станцию Рязанцево в село Славитино осмотреть курную избу и побывать у хорошего человека, инженера из крестьян Прохора Савиновича Лёзова. Он произвёл на меня самое хорошее впечатление своими желаниями служить родному селу. В его окрестностях в урочище Городище он нашёл торф в вымершем озерке, а в нижнем слое, как думал, кальций, под ними белую глину. Начал её добывать и сработал для образца кирпичики. Хотел даже формировать черепицу. Как инженер хотел бесплатно разделить крестьянские поля на участки. Мужики сначала согласились на это, а потом пошли на попятную и в конце концов оскорбили его. Пришлось дело бросить. Когда я пришёл тёмной ночью, его не было; он отправился в Переславль отвозить землемерные инструменты.

Наутро я пошёл глядеть курную избу. Это был канун Сергиева дня, местного престольного праздника. В утреннем тумане всё село было подёрнуто дымом. Мой спутник, младший брат Лёзова, засмеялся на мой вопрос о дыме и указал мне, что он валит не только из труб, а из огородов и задворок. Варили самогон. Владелец курной избы проделал это за несколько дней ранее, прямо перед домом, на улице.

Отсюда я ушёл пешком через Будовское, где осмотрел церковь, — там есть старина. В деревне Ониково осмотрел другую курную избу. Потом погода испортилась и в страшный дождик я добрался до Перцева, и только наутро попал в Переславль.

Здесь меня ждало радостное известие. Наталья Викторовна, моя жена, получила вторичное уведомление об американском наследстве, весьма окрылившее нас. Дело в том, что ещё в октябре 1923 года было сообщено, что в Америке, в штате Аризона в пятидесятых годах прошлого столетия умер Иоган Лудвиг фон-Лоде, оставивший после себя 16 миллионов долларов. Этот «американский дядюшка» приходился отцу моей тёщи, Софии Алексеевны Мещерской, урождённой фон-Лоде, Алексею Егоровичу двоюродным дедом. Сумма оставленного им капитала возросла до баснословных размеров (говорят, до 100 миллионов). Наследниками являются: Лоде и Рауши; от Лоде — Мещерские и Петровы; всего 16—17 человек. Сначала взялся за это дело какой-то предприимчивый янки, разыскавший наследников и желавший получить с них 50% с общей суммы наследства. Доверители наши не со-

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

гласились. Нашли другого очень влиятельного человека, члена Верховного суда в Вашингтоне, говорят, зятя Кулиджа. Он взялся вести дело из 35 процентов.

Наташа ездила в Москву, писала доверенность у московского нотариуса и отправила её воздушной почтой.* Вот если бы хоть что-нибудь получить, как бы я раздвинул здесь рамки краеведной и музейной работы.

В Москве в это время начала учиться во ВХУТЕМАСе (в Высших художественно-технических мастерских) моя девочка Соня, окончившая весною II ступень. Как одна из лучших учениц она подлежала командировке от школы, что и было сделано преподавателями. Но сие не понравилось товарищу Плеськову. Явившись на педагогический совет со своими комсомольцами, он её забраковал как мою дочь. Бедная Соня дома плакала от этой несправедливости, а меня эти слёзы обжигали. Я выхлопотал ей командировку в секции Московских научных работников. Её назначили кандидаткой к командированным. Аттестационную комиссию она проходила в МОНО. А затем экзамены в ВХТМ. При приёме страшно строжили, провалили 56%. А моя милая девочка прошла второй по первому списку. Когда приехала к ней в Москву мама, то моя Соня переживала пору самого радостного увлечения своим учебным заведением и потом писала нам домой: «Нет лучше вуза в мире, как наш ВХУТЕМАС».

С 1 по 6 ноября во Владимире наконец-то после оттяжек, долгих и чудных, происходила 2-я конференция по изучению производительных сил губернии. Нужно отдать справедливость, организовано было хорошо. Прежде всего для нас, интеллигентов, было то хорошо, что к нам было установлено самое внимательное отношение. В журнале «Наше хозяйство» один из виднейших членов партии И. Я. Рыбаков поместил статью, где говорилось о тесном союзе труда и науки, причём указывалась большая роль интеллигенции в деле советского строительства.**

Я был избран в президиум пленарных заседаний и в краеведной секции. Программа была составлена обширная и разносторонняя. Много было дельных сообщений. Большинство из них напечатано в журнале «Наше хозяйство» за 1926 год и отдельными оттисками.

Я выступал три раза: 1) на тему — «Культ и народное пьянство» (анкета), 2) хорографическая номенклатура как краеведный источник, и 3) доклад с места о краеведной работе в Переславле-Залесском.

Нас поместили в гостинице, а довольствовали в клубе, бывшем дворянском собрании. Устроено всё было на широкую ногу. Утром мы вместе с чаем получали завтрак, затем превосходный обед из двух блюд и бутылку пива, а на ночь ужин из одного блюда. Подкормились на славу.

Меня, да и других интеллигентов поразило вот какое обстоятельство. Малицкий, Иванов и, очевидно, некоторые другие обедали и столовались целый день со своими жёнами. При этом мы наблюдали за женой заведующего Губмузеем Ивановой: каждый день она меняла костюмы и в последний день была одета прямо великолепно. Чёрный суконный костюм её был

*Черновики доверенностей и переписку с Димитрием Викторовичем Мещерским по этому делу между ноябрём 1923 и апрелем 1924 года смотри: Государственный архив Ярославской области. Фонд Р-913. Опись 1. Дело 27. Листы 45—51.

** статья?

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

отделан великолепным мехом. Прямо диву даёшься: оборотистый этот парень Иванов — и дом купил, и жену куколкой одевает. А мы никак новых штанов не заведём.

В заключение был избран постоянный комитет по изучению производительных сил губернии. Оказался я избранным в него в качестве члена. Но до сих пор это мертворождённое дитя — никакого от него действия не слышно, и как-то неловко быть бездействующим членом бездействующего аппарата.

В заключение остаётся отметить плохо скрываемую зависть губернских интеллигентов к нам. Не то они боятся конкуренции, не то уж у них натура такая злая и недоброжелательная. И Малицкий и Иванов, где могли, замалчивали или умаляли наши заслуги в области краеведения. Странные и чужие они какие-то люди. Не краеведы по душе, а подделываются под их марку.

После приезда из Владимира я узнал, что ЦБК приглашало на мой юбилей местные власти и организации. А это был момент острого негодования на меня отовсюду. В УИКе не могли мне простить того, что в августе текущего года он должен был сдать Музею по постановлению Центральной междуведомственной комиссии все пять переславских монастырей. Как ни протестовали наши власти во Владимире, ГИК приказал и баста. Гневались на меня, а виноваты были сами. Музей просил только три монастыря: Горицкий, Данилов и Никитский, но здесь решили ничего не давать и прогорели. Во Владимире в Губплане и ГИКе дали и остальные два, так как в каждом из них были памятники старины. «Юпитер сердится — значит, он не прав», — как нельзя более применимо в данном случае. Меня на дух не принимали и я должен был избегать УИКа.

В профсоюзе царил Плеськов, обиженный мной в вопросе о Геммельмане. Он ничего не забыл и не простил мне.* А от этого начали бранить и лаять на меня и другие, особенно усердствовали беспартийные, чтобы выслужиться. Слухи о моём увольнении то и дело циркулировали по городу. Казалось, юбилей мой примирить нас и вывести меня из положения «доктора Штокмана» на более мирную позицию. Ведь нужно же попасть в такие условия. С одной стороны, меня ругают все бабы и попы как разрушителя православия (по моей-де вине закрыты монастыри и церкви), с другой стороны, не угодил товарищам. Прямо хоть беги... И только немногие, кто понимает мою службу родному краю, одобряли и защищали меня.

Между тем Главнаука на отношение правления Пезанпроба о праздновании моего юбилея отнеслась в высшей степени благожелательно. Разрешила израсходовать 100 рублей на юбилей из спецсредств, дала мне спецставку в 135 рублей в месяц и предложила представить на премию мои печатные работы. Юбилей за поздним получением бумаги Главнауки вместо 14 ноября пришлось отнести на 29 ноября.

Стояли сильные морозы. Утром в день празднования приехали дорогие мои гости: из Ленинграда Даниил Осипович Святский от ЦБК, из Москвы профессор Борис Матвеевич Соколов, Михаил Яковлевич Феноменов, писатели А. С. Яковлев, А. Б. Руднев, от Главнауки А. Н. Тришевский, из Иваново-Вознесенска — четверо: профессор Д. А. Ласточкин, Н. А. Королёв

*Смотри страницу 155.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

и другие, из Ярославля — Н. Г. Первухин и А. И. Малыгин, из Костромы — В. И. Смирнов, мой брат, из Нерехты — Невский, далее приехали днём из Ростова — Д. А. Ушаков и ещё двое, из Дмитрова — К. А. Соловьёв, из Сергиева — В. Д. Дервиз* и А. Д. Шаховская** и другие. Всего свыше 20 человек, все известнейшие краеведы.

Самое заседание назначено было на 12 часов. Пришли из Переславля мои приятели по Пезанпробу: А. Ф. Дюбюк и В. Е. Елховский, а далее разная публика.[1] Народу набралось человек 70, но среди них ни одного из наших официальных представителей. Подождали до 1 часа и открыли собрание, полагая, что это не случайность, а намеренность.

Из партийцев явился мой завхоз Ефимов, глупый и подлый человечишко, подосланный наблюдать за нами. Открыл собрание Андрей Иванович Острецов, заместитель председателя Пезанпроба. В президиум были избраны от ЦБК — Д. О. Святский, Б. М. Соколов, от Главнауки А. Н. Тришевский, от Пезанпроба — И. А. Жданов.

Собрание происходило в музейной аудитории, стол президиума на эстраде, покрыт красным сукном. О моей научно-общественной деятельности говорил А. И. Острецов, и, отдать ему справедливость, говорил очень нудно и долго. Но кончил удачно, хорошими словами, что Переславский край меня усыновляет как лучшего научного исследователя и краеведа. Начались приветствия. Начал Д. О. Святский — от ЦБК, подписанное С. Ф. Ольденбургом:

> ЦБК с глубоким интересом внимательно следило и следит за Вашей краеведческой деятельностью в Переславщине.
>
> Происходя из талантливой семьи, давшей русской науке несколько полезных деятелей, имея солидную научную подготовку, принялись Вы за дело краеведения с глубокой любовью к своему родному краю, болея его нуждами, но в то же время прозревая неистощимые источники его богатства; сознавая, что в краеведении верный путь к поднятию производительных сил страны, по которому она должна выйти из тяжёлого положения к лучшей жизни, из темноты к свету.
>
> Ваши многочисленные учёные работы о Переславщине, по справедливому отзыву специалистов, представляют собой «выдающееся явление в области русского краеведения».

[1]Елховский — интриган и двурушник, он именно сагитировал против меня в УИКе и профсоюзе, также предатель и осведомитель одного учреждения. Потом вместе с Гемельманом доносили обо мне.

*Владимир Дмитриевич Дервиз (1859—1937) окончил Училище правоведения в Петербурге и Академию художеств, акварелист. С 1886 года гласный Тверского земства, затем председатель уездной, губернской земской управы. В 1920—1928 годах жил в Сергиевом Посаде. Председатель Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, один из создателей Сергиевского историко-художественного музея, первый директор, потом заместитель директора и главный хранитель. (*Смирнова, Т. В.* Первый директор Сергиевского историко-художественного музея-заповедника / Т. В. Смирнова // *Московский журнал*. — 2003. — №7. — С. 17—20.)

**Анна Дмитриевна Шаховская — кто? работала в конце 1920-х гг. в Музее местного края в Сергиеве. см: ТВ Смирнова "...под покров Преподобного".

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Вами в 1918 году был собран и организован местный Музей. При Вашем энергичном участии открыто местное Научно-просветительное общество, издавшее целый ряд сочинений по изучению Переславщины, природы и производительных сил.

Знаменитый когда-то как столица удельного княжества, Переславль-Залесский, пришедший потом в упадок, безвестный уездный город, теперь снова становится широко известным в своём прошлом и настоящем благодаря своему богатому и благоустроенному Музею и Научно-просветительному обществу, работающему с примерной энергией и добросовестностью и с большим успехом.

Далее следовали пожелания здоровья и сил на долгие годы работы.

Б. М. Соколов приветствовал от Московского отделения ЦБК и от Центрального музея народоведения. Упомянув вначале об академических торжествах и выставке Главнауки как о двух смотрах русской науки, поразивших иностранцев, особенно в отношении охраны памятников искусства и старины, Борис Матвеевич говорил далее, что эта работа базировалась на том мощном движении, созданном революцией, имя которому «краеведение». Анализ наших краеведных учреждений показывает, что они обычно создавались при наличии живого, энергичного и преданного делу инициатора и вдохновителя, горячо преданного делу изучения местного края. Таким ярким и одушевлённым деятелем оратор считал меня, имя же моё вписанным золотыми буквами в историю нашего краеведения, и известность — распространённою среди всех краеведных деятелей Союза. Далее он подчеркнул всю трудность работы краеведа в старинных городах со множеством памятников церковной старины, как, например, в Переславле-Залесском. Но на местах не всегда понимают эту работу и смешивают понятия и принципы. Борис Матвеевич желал мне, чтобы меня везде хорошо понимали, и здесь, и в центре.

Это было сказано в сторону отсутствующих товарищей.

Затем Даниил Осипович прочитал приветствие от Ленинградского общества изучения местного края, подписанное Н. Н. Павловым-Сильванским. В нём, между прочим, говорилось, что «только при деятельности людей моего типа возможно успешное и скорое возрождение нашей страны и строительство её на рациональных началах». Далее в приветствии от Академии художественных наук, прочитанном Борисом Матвеевичем, отмечены были мои заслуги («крупные») в области собирания переславского фольклора и в деле организации фольклорных работ.

От Костромского музея Василий Иванович Смирнов сказал, что я часто служил примером для работников Костромы и во многих трудных вопросах они прикидывали, как бы в данном случае поступил я; а в заключение привёл цитату из жития великих славянских учителей Кирилла и Мефодия, смысл которой сводился к тому, чтобы в плуг моей общественно-краеведной работы впряглись новые молодые силы и облегчили мой тяжёлый труд.

Ивановцы отметили ту особенность, что мне дороги интересы всех отраслей краеведения и что конечной целью краеведения я ставлю познание края как нечто целого.

Н. Г. Первухин отметил, что я выполнил за переславцев тот долг, который наложила на нас история устами Петра I, писавшего воеводам переславским беречь остатки своего славного прошлого, «а буде опустите, то взыскано будет на вас и на потомках ваших».

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Отличились ростовцы. Приехав втроём, они привезли с собой разного рода подношения: Д. А. Ушаков адрес, исполненный довольно художественно, от Музея; Д. А. Иванов — от краеведного общества; Г. К. Шляков — от сотрудников музея.

Очень сердечно и хорошо говорил К. А. Соловьёв от Дмитровского музея:

> Ваша краеведная деятельность в области научно-исследовательской и в общественной работе создала Вам ту заслуженную известность, которой мы, уездные краеведы, всегда гордились.
>
> Мы каждый раз с радостью получали Ваши синенькие книжки «Пезанпроб», ибо знали, что раскроют нам многостороннюю и яркую деятельность Переславского общества, душой которого были Вы, и дадут нам ту отправную точку работы, которая поможет нам легче ориентироваться в широком поле краеведческой работы.

Далее было прочитано около сотни всяких приветствий. Из них особенно выделяется письмо А. А. Спицына:

> Высоко ценю дарования М. И. Смирнова, много более значительные, чем он сам о них думает.
>
> Высоко ценю его практическую дальнозоркость, которая могла бы иметь и более широкий размах.
>
> Считаю единственными, образцовыми и лучшими нашими краеведческими работами его главные труды: «Переславщина» и «Переславский уезд».
>
> Очень ценю его историческую монографию о питейном деле в старой Руси.
>
> Как археолог, обрадован и удивлён его счастливой находке двух богатейших стоянок каменного века в окрестностях Переславля, обнаруженных не случайно, а путём применения определённого краеведческого приёма.[1]

Холодный и брюзгливый В. В. Богданов прислал мне на редкость сердечные приветы от Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и от Музея центрально-промышленной области. В своём приветствии он писал:

> Ваш юбилей отраден прежде всего потому, что Вы за эти 25 лет неизмеримо много дали для изучения нашей родины, и особенно потому, что Вашу покрытую седыми веками Переславщину раскрыли в Ваших трудах во всём богатстве и разнообразии её исторических переживаний.
>
> Ваш юбилей близок нам ещё и потому, что Вы являетесь одним из замечательных краеведов, крепко стоите за право науки в провинции, и везде, где только идёт борьба или спор за эти права, Вы в первых рядах.

А в своём личном письме он высказался ещё сердечнее: «Большое Вам спасибо за всё, сделанное Вами для России, для науки, для народа и для русской интеллигенции. Живите же хорошо и долго. Работайте на счастье себе и всем. Ваша трудовая жизнь наполнена не только делами Вашей удивительной энергии, но и красотой».

[1] Находки в двух местах: на Вёксе одна, на Сомине озере три. Кроме того, на реке Трубеже в самом Переславле на Большой Песочнице 22 августа открыта пятая стоянка, о чём Александр Андреевич не знал.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Много было ещё хороших и дорогих мне приветствий со стороны краеведных обществ, музеев и отдельных лиц. Но я не в состоянии привести здесь их всех, отмечу лишь местные. Прежде всего от кружка «Юных краеведов», Нагорьевского месткома Рабпроса, от общего собрания крестьян деревни Стаищ и села Петрищева, от крестьянина деревни Маурина М. И. Николаева. Постановили крестьяне: «Почтить уважаемого юбиляра вставанием и за понесённые четверть века его научные труды протокольно выразить юбиляру тёплое спасибо и просьбу ещё потрудиться на научном поприще для нашего Переславского уезда ещё много, много лет».

А крестьянин Николаев прислал стихи:

Четверть века для Музея,
Это к вечности ступень.
Чувством радостным согреты,
Мы встречаем этот день.

Сердце радостно забилось.
Торжествует юбиляр.
Вот пришёл наш день желанный,
Волю знаньям своим дай.

Всё родное, всё былое,
Что записано тобой,
Ты принёс в тетради скромной
В этот угол, в дом родной.

Этот угол дом Музея,
Это знания дворец,
Там истории хранятся,
Как живал наш дед, отец.

Дедов нет, прошли уж годы,
За годами шли века,
Но истории хранятся,
Вот чем Муза велика.

Там художества палата,
Там палата старины,
Там Петровская эпоха,
Там и нынешние дни.

Четверть века миновала,
Это вечности ступень...

Меня удивило отсутствие М. М. Пришвина, приславшего записку жене, что он лично не может быть, так как едет на волчью облаву, и вместе с тем вот какое поздравление:

> У Вас меня трогает неиссякаемая любовь к родному краю, переходящая в дело служения и воскрешения лучшего, пережитого русским народом.
>
> И особенно меня удивляет Ваша деятельность в наши дни, когда жизнь ставит перед русскими гражданами цивилизаторские задачи, подобные пионерам Америки. В это время ломки и устремления краеведов в производство, понимаемое часто поверхностно, Вы сосредотачиваете своё внимание на главном производственном факторе России — человеке Центрально-Промышленного района.
>
> Обнимаю Вас и желаю дальше собирать на Руси человека с таким же успехом, как землю собирали цари.

Царей, разумеется, пришлось при чтении пропустить, и отсутствие писателя, для которого мной было так много сделано, стало истолковываться присутствующими как факт наших неладов. Мне это было крайне обидно. Пришвин оказался солидарен вместе с «товарищами». Почему он отсутствовал, хорошенько не знаю. Писатель Яковлев говорил, что он страдает народобоязнью.*

*Эти письма Пришвина смотри: ГАЯО, фонд Р-913, дело 35, листы 52—55.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

С. С. Геммельман, бывший секретарём собрания, закончил серию приветствий такими стихами:

Четверть века Вы, терпенья
И любовию полны,
Посвятили изученью
Переславской старины.

Вам была одна отрада:
Кропотливо проследить
Всех судеб родного края
Историческую нить.

Книга жизни Вам открыта,
Перечли со всех сторон
Вы её от неолита
И до нынешних времён.

Как из хвои, из соринок,
Из коры сухих ветвей
Целый домик воздвигает
Хлопотливый муравей,

Так с истлевших хартий смело
Отряхнув седую пыль,
Выбирали Вы умело
Лет минувших миф и быль.

И легенды и сказанья
Не рукою, а умом
В историческое зданье
Вы слагали день за днём.

И заслуженно, конечно,
Столько дружных, тёплых слов
Посылают Вам сердечно
От различных городов.

Я от всей души желаю,
Чтобы труд свой много лет
Продолжал на благо краю
Знаменитый краевед.

В своём ответном слове я благодарил Главнауку и Музейный отдел, затем всех гостей; при этом отметил, что вместо скромного юбилея, на который я рассчитывал, они устроили мне блестящий краеведный съезд, в котором приняли участие все слои краеведческого дела, начиная с Центрального бюро краеведения от Ленинграда и Москвы, губернские — от Москвы, Костромы, Иваново-Вознесенска и Ярославля, уездные — от Ростова, Дмитрова, Сергиева, Нерехты и других. Считая подвигом их приезд в захолустный Переславль-Залесский, я отметил ту особенность этого редкого собрания, что вызвано оно, в отличие от программных деловых съездов, чувством солидарности краеведов, их духовными сродством и, в частности, необычайной добротой, вниманием и снисходительностью ко мне. Те же чувства сквозят во всех приветствиях присутствующих и отсутствующих краеведов, вследствие этого очерченный ими облик вышел ярче оригинала и будет принят мною как идеал для дальнейшей своей работы.

В заключение я подчеркнул дружную работу моих сотрудников по Пезанпробу — Елховского, Дюбюка и других, которым я много обязан своим успехом...

Заседание тянулось более трёх часов, народу набралась полна аудитория. И я по окончании должен был выслушать ещё много приветствий и поздравлений. Попили потом чаю и пошли на небольшую прогулку. Было холодно, скоро вернулись. Ушли все лишние (в том числе товарищ Ефимов) и мы остались одни... интеллигенты. Село нас за обед с нашими семействами (мы и Геммельманы) человек сорок. Всё было устроено великолепно. Весело ели, пили и, разумеется, говорили тосты. Чувствовалось так хорошо и мило, что все были настроены прекрасно. Спасибо «товарищам», что не испортили дня.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

За обедом из рассказов наших переславцев выяснилось, что заправилы решили сорвать мой юбилей и с этой целью повели атаку по всем углам нашего города. УИК вынес постановление:

> Высоко ценя науку и искусство на пользу трудящихся, УИК, к сожалению, не может взять на себя инициативы по организации юбилейного чествования гражданина Смирнова, так как последний в пределах Переславского уезда в общественной работе никакого участия не принимает и о гражданине Смирнове, как об учёном, ни УИК, ни широкие слои крестьянских масс никаких сведений не имеют.
>
> УИК при всём своём желании в лице гражданина Смирнова не может от имени рабочих и крестьян Переславского уезда приветствовать единение науки и труда, так как этого единения нет, гражданина Смирнова, как заведующего Музеем, знают весьма и весьма немногие рабочие и крестьяне, а об учёности его все они слышат впервые.

Понятно, что и профессиональные организации, и зависевшие от УИКа учреждения могли только тоже брыкаться копытами по моему адресу и бранить, насколько можно. Упрофбюро постановило: «От посылки представителей воздержаться ввиду того, что научная деятельность товарища Смирнова нам неизвестна». Но лучше всего отличилось правление УПроса, где играл первую скрипку товарищ Плеськов. Он пошёл ещё дальше. Вынесено было постановление, что я не учёный, а компилятор и плагиатор, заимствовавший свои труды у Карташевского и Елховского, а потому от посылки представителей воздержаться. Бумажку от профбюро прислали мне с кем-то в тот же вечер, а об остальном пока были неясные слухи. Но то, что было, сильно разобидело моих гостей. Они справедливо полагали, что не только по мне хлещут товарищи, но и по ним: кто же они и кого они чествуют?

Решили написать протест и послать его в Губпрофсоюз. Особенно обиделся Д. О. Святский и решил по приезде в Ленинград сделать об этом доклад и написать от ЦБК во Владимир в ГИК.

Легли спать довольно поздно. Большую часть краеведов я устроил в библиотеке, там мною были сооружены нары, настлано сено и покрыто войлоками и коврами. Другие размещены были в комнате для приезжающих.

Наутро пытались сделать экскурсию по Переславлю, были на Ботике, но поднялась такая стужа, что прекратили скоро и возвратились в Музей. После обеда было деловое совещание о программах — продолжение Иваново-Вознесенского и Костромского совещаний.

30/XI проводил я всех своих гостей, всколыхнувших мою тихую трудовую жизнь, и снова остался один. Но теперь я чувствовал себя иначе.

Я послал бумагу в УПрос, чтобы дали мне копию постановления о моём юбилее. Там струсили, долго не давали, а потом прислали один конец, без мотивировки. Я обратился в № 3 Горместком, где я числюсь вместе с Музеем и детколонией. Было общее собрание. Председатель зачитал мою бумажку и хотел прочитать постановление УПроса в ответ на неё. В это время к нему бросается член правления УПроса коммунистка Семёнова и при всём честном народе (а народу было человек 30) вырывает её и не даёт читать. Она сказала, что ей в Упросе давно велели её отобрать от месткома, но она всё забывала. Скандал получился полный.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Потом я узнал, что был строгий приказ, чтобы никто не смел являться на юбилей под страхом увольнения. Местком выбрал было представителей, но ввиду такой резвости не пошёл против, забоялся. Не правда ли, хорош профсоюз! И это называется организацией, ограждающей права её членов!.. Так и плюнул бы всем в харю. В сущности, я это и сделал, я почти никогда не бывал на собраниях, а на разные требования общественной работы отвечал предложением, чтобы сначала правление Упроса извинилось предо мной, тогда и я исполню ту или иную работу. Меня оставили в покое. И не знаю, за что и для чего я ежемесячно всё же плачу взносы свыше 5 рублей.

Собрав этот материал, я послал жалобу в Губернское правление нашего Союза. Из этого ничего не вышло, те не придали этому никакого значения. Я в ЦЕКУБУ — тоже ничего не получил.* Вот вам наши профсоюзные организации. Мерзко и гадко...

Спасибо ЦБК. Приехав в Ленинград, Д. О. Святский доложил на первом же заседании о моём юбилее. Он говорил:

> Юбилей прошёл очень тепло и оживлённо. Присутствовали представители центральных учреждений и краеведческих организаций, получено много письменных приветствий, в том числе от Владимирского губернского отдела Наробраза и отделения Союза Рабпроса. Совершенно не приняли участия в праздновании уездные власти и уездный Отдел союза, причём на сделанные им со стороны Московского центрального музея и ЦБК предложения взять в свои руки инициативу праздника, прислали мотивированные отказы, основанные на запротоколированных постановлениях, где указывается на неизвестность юбиляра широким массам населения.

Вследствие этого было постановлено протестовать перед Губисполкомом и Губпросом.

В УИК от ЦБК было написано следующее:

> ЦБК не может не выразить крайнего своего сожаления по поводу того, что научные и краеведческие труды выдающегося исследователя Переславского края, так хорошо известные Главнауке, ЦБК, ряду научных и советских учреждений и организаций, остаются до сего времени неизвестными местному УИКу. Факт широкого распространения среди местного населения и школ его популярного труда о Переславском крае, его широкая просветительная деятельность через созданный им местный музей совершенно не согласуется с категорическими заявлениями УИКа.

В декабре месяце мною сделаны были в Пезанпробе два доклада: 1) о революционном движении в Переславле в 1905 году (к 20-летнему юбилею) на основе газетных корреспонденций и 2) о декабристе М. Спиридове.

По Музею тоже была новость. С 16/XII я открыл в бывшем Данилове монастыре местную реставрационную мастерскую для расчистки памятников древнерусского искусства (икон). Собственно с 23 октября Государственные реставрационные мастерские приняли к себе для прохождения стажа моего реставратора Ивана Ивановича Тюлина, бывшего мстерского иконописца, и только теперь выпустила его. С ним прислана была икона «Царь Царем»,

*Центральная комиссия по улучшению быта учёных при Совете народных комиссаров.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

расчищенная наполовину. Это за два года! А икону XII века «Преображение», очевидно, хотят зажилить.

Из Горицкого Музея отправил все иконы в Данилов в настоятельские покои, чтобы развернуть там специальный отдел, а в Горицком на этом месте — отдел социально-экономический.

1926 год

Новый год почему-то вздумалось Геммельманам встретить в Музее всем служащим, пригласив сюда Пришвина. Насилу дождались его, они шли пешком и запоздали. За столом, после того как выпили по рюмке, Михаил Михайлович стал хвастать своими «Родниками Берендея».

В ответ на это его «Родники» я разнёс в самой жестокой форме. Дело в том, что в тех местах, где говорится о людях, это произведение представляет собою ряд плохо продуманных фельетонов. Выведенные лица раскарикатурены, очевидно, для «красного словца», особенно поп Филимон, мельник и прочие. Я указал ему, что с точки зрения этической это некрасиво, а с точки зрения краеведной — это неправильно. Беллетристика, если она желает служить краеведению, должна быть благородной и точной. Между тем вся его работа, наспех написанная, главным образом с моих слов, под мою, можно сказать, диктовку полна неточностей, местами слащава и в общем требует пересмотра, особенно в отношении введённых им лиц, которым приписаны преувеличенные дурные черты. Самыми лучшими людьми там оттенены автором — это он сам да его Лёва...

Итак, новый год начался ссорой. Пришвин мне этого не простил и при встречах перестал мне кланяться. Задуманный нами после экспедиции сборник со статьями: моей «По забытым путям Залесья», С. С. Геммельмана и самого Пришвина, не мог состояться. Дело в том, что он хотел непременно взять на себя роль руководителя, написать какое-то предисловие, я не пошёл на это. Ибо сей великий писатель дожил до такого самообожания и самозабвения, что может только самовосхвалять и всё приписать себе. Мне думается, что он со временем напишет, что и Ботик и наше озеро — всё это создал он... Я было потом хотел, чтобы предисловие написал Ю. М. Соколов, но он только провёл время и ничего не сделал. Так у нас ничего и не вышло.

Пришвин остался верен себе. Он как Каин блуждает по свету. Находит в разных его углах прекраснодушных людей, эксплуатирует их, пока они ему нужны, а затем устраивает им свинства и перебирается в другой край. Я уже только от Руднева узнал, что из Талдома он уехал после большой неприятности с поэтом Сергеем Клычковым, который много сделал для него там в революцию...

С тех пор я с Пришвиным больше не имел близкого дела, он остался для меня как квартирант. Но квартирант довольно любопытный. Ещё когда мы были в самых лучших отношениях, он постарался заключить договор на квартиру сроком на пять лет. Когда мельничиха заметила, зачем же вам договор, то он ответил ей, а чтобы я его не выгнал, что, очевидно, с ним бывало уже не раз. Платить за квартиру ему назначено было до смешного немного (по 8 рублей 50 копеек), но ему не хотелось давать и эту ничтожную сумму. Вот что он мне писал по этому поводу:

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

> Что касается платы за помещение во время производства моей краеведческой работы, отрывки которой я читал в последнем заседании «Пезанпроба», то я прошу пересмотреть вопрос о плате, потому что при подобных моих исследованиях на всём пространстве России, от Архангельска до Каракалинска, ни одно государственное учреждение никогда не брало с меня платы.

Я с крайним смущением должен был ему писать, что краеведческую работу мы все делаем бесплатно, а его книга продана за хорошие деньги в несколько мест, а кроме того, его финансовые дела настолько хороши, что плата его не обременит. И действительно, живя на Ботике, он был, что называется, как у Христа за пазушкой, огребал гонорар лопатой и впоследствии купил себе дом в Сергиеве, куда и уехал потом окончательно с 1 сентября.

Но я забежал далеко вперёд. В январе была сессия ЦБ Краеведения (10—12 числа), происходила она в Москве в помещении 2 МГУ на Девичьем Поле. Со всего Союза собралось большое число депутатов, человек до ста. На этот раз тон заседаний и взаимоотношение слоёв краеведения были благожелательные. Никаких шероховатостей, повеяло возвратом к прошлому, то есть к тому, что было до 2-й конференции. Этот благоприятный поворот был констатирован потом нами за обедом у Михаила Яковлевича Феноменова в тесном кругу краеведов — Д. О. Святского, В. И. Смирнова, меня и ещё кого-то.

Я забыл отметить, что после 2-й конференции у него же на Остоженке был по окончании всего любопытный ужин. Там были три академика: Сергей Фёдорович Ольденбург, Александр Евгеньевич Ферсман, Николай Яковлевич Марр, затем три пары братьев-краеведов: профессора Борис и Юрий Соколовы, Золотарёвы Давид и Алексей Алексеевичи, Смирновы Михаил и Василий, затем ещё несколько лиц. Было интересно и оживлённо. Вблизи академики оказались премилыми людьми, алкоголя не приемлют.

Сюда на сессию привезена была из Ленинграда только что вышедшая очередная книжка «Краеведения» (1925 год, том 2, № 1—2). Там оказались две рецензии обо мне и обе похвальные, особенно А. А. Спицына. Он дал отзыв о моём краеведном очерке Переславского уезда и в заключение назвал его «мудрой и золотой книжкой».*

Другой рецензент «Н. Е. О.», как мне сказали, этнограф Ончуков, коснулся всех моих работ и тоже в самом благожелательном смысле. Обе эти рецензии, появившиеся вскоре после юбилея, были продолжением тех похвал, которых я наслушался на нём.**

На сессии был директор Шадринского музея Владимир Павлович Бирюков. Он писал мне к юбилею, что с сессии думает проехать ко мне и в Кострому, чтобы посмотреть, что делается в других краеведных гнёздах. Я ему в ответ писал, что каждый из нас по-своему любит свой край и по-своему ему служит. Просил заехать. Из Москвы мы поехали вместе и завернули на несколько часов в Сергиев в музей. Это нужно было мне побывать в бывшей академической библиотеке и взять книг-пособий по истории русского

**Спицын, А. А.* Рецензия на «Краткий краеведный очерк» М. И. Смирнова / А. А. Спицын // *Краеведение.* — 1925. — № 1—2.

***Ончуков, Н. Е.* Рецензия на «Доклады Пезанпроб» / Н. Е. Ончуков // *Краеведение.* — 1925. — № 1—2.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

пьянства. Музейщики были на краеведном собрании и нам пришлось зайти туда.

Наше появление было отмечено пространным приветствием В. Н. Мордвиновой, сказавшей нам обоим похвальное слово. Было как-то неловко. Благодарили мы оба, говорили о своих делах по ихнему желанию. В конце концов секретарю-учительнице я высказал, что чувствую неловкость от похвал, а она мне на это: «Да, чай, Вы привыкли к этому».*

Владимир Павлович Бирюков величайший подвижник краеведения. Отказывая себе во всём и не щадя, что называется, живота, он создал в Шадринске большой хороший музей и втянул в просветительную работу всю приезжающую в Шадринск массу крестьян. Музей расположен в центре города, открыт ежедневно, народ валит толпами, входной платы нет. В год перебывает у него в Музее до 40 000 человек. Издаёт на свои трудовые гроши краеведные сборники, где пишет исключительно сам. Владимир Павлович известен в музейных и краеведных кругах с самой лучшей стороны. Был он у меня только одни сутки и увидел, что здесь другой край и другие приёмы. Был он потом в Костроме и хотел написать свои впечатления. Не знаю, что скажет.

Между тем приближалось время годовой отчётности по Пезанпробу. Назначено было общее собрание, но членов собралось очень мало, а явились товарищ Плеськов и другие, чтобы, как оказалось, провалить меня и не допустить быть председателем. Злобная компания шла с этой стороны вовсю, а тут вдруг повёл интригу член Пезанпроба Иван Алексеевич Жданов, инвалид из педагогов. Довольно даровитый человек, был здесь учителем духовного училища, шибко пил, интриговал против училищной администрации и как-то так глупо прожил жизнь, что у него, несмотря на его потуги, в результате не было ни научных, ни каких других осязательных трудов его работы. Вечно кидался из стороны в сторону. Считал себя социалистом и в своей семье в этом духе воспитывал детей. В революцию был инспектором УОНО, а потом от недоедания, а главное, от прежнего пьянства нажил себе язву желудка. Году в 1920—21 выбыл из строя, жестоко хворал и месяцами валялся на печке.

Мне было его жаль и я провёл его в члены правления Пезанпроба и музейного совета. Каждое заседание было для него настоящим удовольствием и развлечением. Еле приходил он, а затем, полный впечатлениями, отправлялся, опираясь на палку, снова к себе на печку. Часто меня благодарил за это и считалось, что болезнь выбила из него несимпатичные черты его характера.

Но зимой, ещё во время моего юбилея, он несколько выздоровел. И... позавидовал моим краеведным лаврам. Мало того, что позавидовал, а высказал это вслух. Его приветствие на юбилее по моему адресу было диссонансом. Он закончил его тем, чтобы моя деятельность носила общественный характер!.. (?)

Он выпросил в Пезанпробе денег под свою статью (а затем продал её куда-то в Москве в редакцию) и был на сессии ЦБК. Стал там снова свидете-

*Валентина Николаевна Мордвинова (1888—1938) была заведующей Музея Сергиевского края с 1927 по 1928 годы, затем выслана в Семипалатинск.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

лем моего триумфа, читал отзывы о моих работах в журнале «Краеведение», и окончательно лукавый его попутал.

Возвратившись из Москвы, на первом же собрании правления Пезанпроба он высказал, к общему удивлению, предложение, чтобы наше Общество переменило своё название. Понятно, это не прошло. Ему дали отпор и указали на недавний юбилей и рецензии. Пезанпроб — это крупное краеведное имя. Зачем его изменять? Оказывается, что во враждебных мне сферах он начал проводить мысль, чтобы открыть в Переславле филиальное отделение Владимирского губернского общества краеведения. Цель была, видимо, та, чтобы оставить меня с небольшой группой или же почти одного, а открыть другое общество, где бы, очевидно, он стал играть первую скрипку. Он так напугал этим моих друзей, что они пришли и советовали мне быть настороже. В том лагере стали раздувать ждановское предложение.

Чтобы спасти Пезанпроб, я решил отказаться от председательства и провести в правление полезных для дела лиц. На вторичном общем собрании (13/II 1926) так и проделано было. Я отказался от председательства, хотел даже выбыть из членов правления, но меня упросили остаться. Тогда же вышли из правления А. И. Острецов и С. С. Геммельман.

А Жданов к этому времени заболел снова и так сильно, что несколько месяцев провалялся в постели. Снова ему не повезло. И, должно быть, передо мною стало неловко: с тех пор не бывал он в Музее ни разу.

Председателем правления был избран Анатолий Фёдорович Дюбюк, хороший математик, работающий в области метеорологии и статистики нашего края. Милый и симпатичный человек. Секретарём Владимир Елховский. Вместе с тем правление перенесено было в центр города в дом бывшей городской управы, а научные собрания в клуб (бывшее городское училище), так как обычно про музейную аудиторию кричали, что она слишком удалена от рабочих масс. И оказалось, что из рабочих масс и сюда никто не идёт. В клубе всегда толкалось много народу, преимущественно молодёжи, которая на минутку заходила в аудиторию, быстро выходила, находя для себя неинтересными наши доклады, а так как дверь скрипела, то получался постоянный стук и скрип. Работать прямо было нельзя. На докладе о первой текстильной фабрике в Переславле нас было четверо. Из текстилей «Красного эха» не было никого, хотя это касалось этой именно фабрики.

К марту я закончил большую работу «История нашего пьянства и борьбы с ним». Задумана она была давно, ещё в Нижнем Новгороде, вслед за изданной мною монографией «Нижегородские казённые кабаки XVII века».* Я очень увлечён был этой темой, собрал тщательно и много материала, но упустил настроение и не докончил работы. С оживлением в революцию самогона и реставрацией казённой продажи питей, я решил снова заняться этой темой. Работал по собиранию материалов в Публичной библиотеке в Москве, в Сергиеве и довёл дело изложения до конца. Но думаю поработать над ней ещё и посоветоваться с М. М. Богословским и С. В. Бахрушиным.

Тем не менее, в нашем Пензанпробе вполне было возможно выступить с докладом. Так как работа вышла очень велика (около 9—10 листов), то

**Смирнов, М. И.* Нижегородские казённые кабаки и кружечные дворы XVII в. / М. И. Смирнов // Действия Нижегородской учёной архивной комиссии. — Н. Новгород, 1913. — Т. 16, вып. 2.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

я в сокращении изложил её перед аудиторией, на этот раз многолюдной, ибо рядом был буфет и приходили меня слушать достаточно нагруженные обыватели. Большинство было из учительской среды.

Тем временем сменился старый состав УИКа. Ещё в январе происходил съезд советов в Переславле, делегаты которого in corpore на подводах посещали Музей. Для них я наспех открыл социально-экономический отдел. Задолго до этого съезда я был у здешнего помощника прокурора и высказал ему свою беду: расхождение с УИКом из-за владений и проделку Плеськова перед моим юбилеем. Я просил его помочь мне и он обещал, что новый состав меня выслушает в особом докладе и дело тогда уладится. Я ушёл от него успокоенный.

Действительно, получил я предложение представить отчётный доклад, спешно написал его и стал ждать дня, когда мне придётся выступать. Несколько раз это откладывалось, наконец мне пришлось выступить в конце марта. На заседание, смотрю, явился Плеськов и начал меня хвалить. Доклад прошёл ничего себе, но новый секретарь, переведённый из Владимира, в конце концов выкинул хулиганскую выходку по отношению ко мне, в то время как все другие были корректны. Тут я пригласил председателя и ответственного секретаря в Музей, чтобы они познакомились на месте с положением дела. Хвать, с ними приехал опять Плеськов и опять хвалил музей и прочее. Чудеса, да и только. Очевидно, эти чудеса не дороги: «знает кошка, чьё мясо съела». Даже когда я по приглашению учителей прочитал лекцию краеведения и говорил там о том, что меня обесславили в их среде как несамостоятельного автора, то и тогда он был краток и промолчал про это. Хвалил мою книжку «Переславль-Залесский уезд» и только указал на некоторые недостатки, чтобы, устранив их, я сделал книжку вполне пригодной для школы. Я с этим не согласился и предложил коллективно составить сборник. Таким образом, дело отношений с властями и членами профсоюза стало налаживаться.

При таком положении вещей я в течение остатка зимы произвёл целый ряд поездок по сёлам нашего уезда для осмотра памятников старины в церквах. Всего побывал в церквах тридцати, то есть, иначе сказать, объехал добрую половину. Редко где бы не было старины, особенно древних икон, как можно судить по доскам, но непременно записанных в недавнее время, а вероятно, и в давнее. Там, где есть при церквах каменные ризницы и кладовки, непременно оказывались любопытные вещи: деревянная скульптура, иконы, ткани и тому подобное. Из таких сёл особенно выделились Скоблево (оттуда резная икона Николы Можайского), Михалёво, Будовское, Даратники.

В некоторых деревенских часовнях тоже оказалась старина. Но самое любопытное, что я встретил — это в Вечёслове — «Симеона Столпника». Отворяю часовню и вижу столп белого камня, четырёхугольная колонка высотою $1^3/_4$ аршина примерно [1,2 м] и толщиною в 7 вершков. [31 см] Наверху её вышитая холщовая салфеточки, спереди два крестика, повешенные на гвоздике — один медный, другой железный, с правого верхнего бока камень имеет ясные следы скобления.

Оказывается, что этот камень чудотворный, с него скачивают водицу при болезнях детей и скота. И помогает... Раньше этот камень имел будто бы «ручки и ножки», его выпахал один ефимьевский мужик и непочтительно к нему отнёсся: привязал пахавшего жеребёнка, а тот от этого и сдох... С тех

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

пор (а это было когда-то давно) за камнем и утвердилась чудодейственная слава.

При поездках несколько раз приходилось ночевать у священников. До того почти все они плохо живут, что совестно было у них останавливаться. Местами вопиющая нищета.

Той же зимой ещё в марте я побывал в Ростове по делу «смычки» с музеем. Осенью мы хлопотали об унии, а нам вместо этого предложили устроить связь научно-хозяйственную. На всякий случай мы это сделали. Ростов обязался сделать нам витрину или две, а мы даём Геммельмана для выучки ростовцев «жуковому делу» и прочему.

В апреле, когда начало быстро таять, я взялся за сад. Дело в том, что ещё с осени я заложил в пустовавшем огороде бывшего Горицкого монастыря большой фруктовый сад. Было подготовлено до 200 ям для яблоней, груш, вишен и прочего. В некоторых местах оказался один щебень и работа была нелёгкая. На счастье мне попался бывший сапёр, у которого оказалась мотыга, употребляемая в каменноугольных копях. Он мне и надолбил ям. С осени же подготовлено было и в бывшем Никольском монастыре в так называемом молодом саду свыше 20 яблонь в возрасте от 10—18 лет. Сад этот насажен так густо, что разрядка его была необходима. Кроме того, от известного Ивана Владимировича Мичурина из Козлова выписано было около сотни однолеток и двухлеток яблоней и груш, а из Владимира — вишни.

С началом весны в готовые ямы надо было быстро перевезти и посадить большие яблони из Никольского монастыря. Перевезли их сначала на санях, а потом на колёсах. Всего взято было 25 штук. С *30 апреля* началась их посадка. Эту дату следует отметить, так как в этот день положено начало большому культурному делу в нашем краю, весьма бедном садами. Особенно важно отметить то, что введены в дело новые, до того времени неведомые здесь сорта от Мичурина. И по своим размерам, и по качеству посадочного материала сад обещает быть лучшим в уезде.

Это обстоятельство отчётливо оценено было простым народом. Мне некоторые из крестьян говорили: «Ты словно Ленин после себя память оставляешь — сад посадил да Музей устроил». Многие, увидав яблони, высланные из питомника Мичурина, и сравнивая их с яблонями Никитского агропункта, стали просить меня выписать оттуда же и для них.

Пересадку и посадку я поручил новому для Музея человеку — Николаю Павловичу Дарьину, которого я прочил в завхозы вместо никчёмного Ефимова. Между делом в детколонии он насадил мне около 150 яблоней, 10 груш, 50 вишен, много смородины и прочего.

Но оказалось, что мой сад пришёлся не по вкусу агрономам. С земельным отделом в это время у Музея шли переговоры об аренде помещения для Никитского агропункта и, кстати, об аренде сада в Никитском.

А нужно сказать, что Никитский сад старейший и лучший в Переславском уезде. Его посадил в 1864 году архимандрит Наум, практичный и деловой человек, понимавший толк в садоводстве. Он выписал яблони из Смоленской губернии и вывел в конце концов сад на славу.

В революцию ловкие ребята из агрономов устроили в бывшем монастыре агропункт, а в сущности пристроились к этому саду и доили его, сколько могли. Этот сад с передачей монастырей переходил теперь к Музею. Жалко,

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

конечно, было расставаться с ним, и земельный отдел при благосклонном участии УИКа решил отнять его у Музея. В числе мотивов выставлено было: 1) что этот сад как маточный нужен для питомника, заключавшего будто бы 10 тысяч яблонь, 2) что у Музея нет «опытных садовников, могущих справиться с садовым хозяйством, что подтверждается попыткой Музея перевезти 25-летний сад из Данилова и Никитского (?) монастырей, попытка, при которой, согласно единодушного мнения специалистов УЗУ, до 90% пересаживаемого материала уже погублено».

Пришлось обжаловать это постановление и бороться за обладание Никитским садом. Помощник прокурора стал на сторону Музея и УИК должен был отменить своё постановление. Но агропункт не отдавал сада, пас в нём коров и лошадь. Я писал об этом и здесь властям и в Главнауку. Но сделать ничего не мог.

Это ухудшило мои едва-едва налаженные связи с УИКом. А тут ещё выплыл вопрос о перемене завхоза. С посадкой сада надо было безотлагательно решить вопрос о том, чтобы Ефимов был взят, и на его место назначен Дарьин. Первого я добился, но вдруг вместо второго подсунули мне человека малограмотного и неподходящего, разумеется, партийного. Я взял его на испытание и затем забраковал в течение двух недель, как это полагается.

На это взъелся секретарь УИКа товарищ Романов и написал мне грозную бумагу, что «если товарищ Смирнов уведомил УИК, что Архипов в исполнении обязанностей завхоза неспособен, то это не есть согласованность по линии УИсполкома и президиум УИКа считает товарища Архипова состоящим на должности завхоза Музея». Я не внял и этому, продолжая вести свою линию. Относительно Дарьина послал в Главнауку на утверждение и вскоре получил его утверждение в должности.

Тут случилось ещё одно обстоятельство, которому я вначале не придал никакого значения. Врач Карташевский, заведующий здравотделом, проживал в Никольском монастыре и решил развести там огородик с лекарственными растениями. Я на это согласился и предложил ему на письменное обращение письменно же взять участок на три года. В ответ на это он прислал мне суровую отповедь, что многолетние растения требуют срока 8—10 лет и моё предложение разбивает его планы. Я предложил тогда обратиться ему в Главнауку. На этом дело и закончилось.

Всё это происходило в первых числах мая, во время посадки фруктовых деревьев. С 6 по 18 мая посажены были мичуринские и другие яблони, 19-го вишни.

Между тем в Переславле снова распространился «слух ужасный», что меня решено уволить. Об этом мне передавали несколько человек, другие подсмеиваясь говорили мне, что, должно быть, я снова насолил кому-то, а слухам этим мы уже не верим. Я тоже не придал этому особого значения и делал свои дела.

Сначала отправился в экскурсию около Берендеева болота. Взял с собой своего сотрудника Петю Панова. До Берендеева доехали с Поросятниковым, а далее пошли пешком. Были на Берендеевом городке (24/V), причём не доходя его на речке Чернухе (так называется исток реки Трубежа) я остановился на урочище Бурлаки для разыскивания и осмотрения черепков, о которых я узнал ещё зимой. Я думал, неолит; а нашёл гладкие чёрные

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

черепки несомненно русского времени. Очевидно, это горшки бурлаков, перевозивших лодки, когда Берендеево болото было озером.

Далее прошли до села Черницкого. Здесь я пытался разыскать каменную бабу, о которой везде есть легенды и предания. Здесь мне сказали, что на речке Каменке был камень «Баба-яга», но когда строили железнодорожный мост против деревни Василисино, то увезли его туда. В селе Больших Вёсках ничего по этому поводу я не добился.

На самом болоте мы были утром 26/V после ночёвки в Берендеевской школе. Осматривали работы на торфоразработке. Залежи могучие, прямо подавляют своей массивностью. Разработка — дрянь. Машины плохие, больше гадят, чем делают дело. Так, снимают только пенки и обесценивают залежи. Решил откомандировать сюда Геммельмана с ботаниками, чтобы они собрали для Музея экспонаты по этому вопросу. Они потом съездили и что-то сделали, но мало.

В начале июня совершенно неожиданно для меня был приезд из месткома Главнауки НКП товарища Фёдора Григорьевича Шмыгова по устройству дома отдыха в бывших настоятельских покоях Никитского монастыря. Я, разумеется, пошёл навстречу этому и дело было за месткомом. Приезжал затем после него Николай Сергеевич Змиев, составил смету, дал деньжонок и пошла работа. Ждём московских гостей.

Раньше всего приехал гость нежданный (24/VI). Утром я был по делу в Фёдоровском монастыре, а С. С. Геммельман в экскурсии на Берендееве болоте, завхоз в Никитском и только П. Панов в Музее. Подкатывает сюда на милицейской бричке с заведующим УОНО товарищем Тихоновым какой-то рыжеватый еврей с портфелем. Едут меня разыскивать, не находят, наконец я возвращаюсь.

Оказывается — это товарищ Абрам Яковлевич Вайнер, служит в Наркомпросе, исполняет обязанности главным образом по разным инцидентам со служащими Главнауки на местах. Я его никогда не видал и он меня тоже.

Он начал разговор со мной с того, что заявил мне о цели своего приезда: «решить вопрос, уволить меня или оставлять на месте». Приехал по жалобе УИКа. Оказывается, слухи были справедливы, товарищи решили-таки меня уволить. Я обиделся на его тон и манеру и ответил ему довольно определённо, что увольняют обычно за проступки, а их у меня нет, а не умеют жить, может быть, другие со мной как научным работником, то пусть он разберёт моё дело.

Тогда он дал мне переписку, присланную УИКом в Наркомпрос, на 16 листах. Было три основных пункта обвинения: 1) не отдаю агропункту Никитского сада, 2) не взял в завхозы Архипова, а Дарьина, и 3) не дал участка под плантацию лекарственных растений.

Пока я читал переписку, Вайнер поехал по моему совету в Никитский. Затем в 1 час дня было назначено заседание президиума, куда надлежало явиться и мне. Явился я, приехал Вайнер, пока-то собрались остальные. Вайнер до тех пор стал беседовать со мной и мне стало ясно, что моё дело в шляпе. Там он застал в саду коров, их доила баба и на его вопрос, давно ли они их пасут здесь, ответила, не отрывая рук от вымени: «Постоянно!»

Агроному Чистову, бывшему тут, он заметил, что по его понятию этого не следовало делать. Тот оправдывался и высказал такую сентенцию:

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

«Это полезно: 1) коровы удобряют сад, 2) почёсываясь, соскабливают лишайники с деревьев...» Тот его утешил, сказав, что эти способы просятся в «Крокодил».

А дальше, как материал для того же «Крокодила», он прочитал из бумаги УИКа, что на плантации, как лекарственное растение, они предполагали разводить — «*рейнвейн*». Несколько раз смаковал он это и разъяснял товарищам, что рейнвейн — вино, а они, может быть, хотели сажать ревень.

Наконец собрался кворум. Ещё поругали меня, потом дали мне говорить и я высказал всё, что наболело на душе. Сначала по пунктам обвинения, затем вообще об условиях моей работы здесь за последние годы после передачи владений Музею, о моём юбилее, о подлости, устроенной Упросом. Сравнивал своё положение с доктором Штокманом и в заключение сказал, что действительно, может быть, лучше быть уволенным, чем служить при таких условиях.*

Вайнер, выслушав всё, сказал, что увольнять меня не за что, так как не указано ни одного преступления, а есть лишь некоторая негибкость с моей стороны, но есть вина и со стороны товарищей, не ценящих меня как спеца, устроившего Музей и прочее. Одним словом, конфуз получился изрядный. В заключение предложил нам взаимно идти рука об руку и помириться, что мы и сделали. Атмосфера разрядилась и наружно установились хорошие отношения.

Они ещё больше окрепли от следующего предпринятого мною шага. Ещё давно, в продолжении годов трёх я рассказывал товарищам при посещении Музея, что в Ленинском его уголке мечтаю поместить большую картину «Ленин в Горках у А. Ганшина». Нужно сказать, что в этом уголке мною поставлен бюст и барельеф. Картина же была бы прекрасным дополнением.[1] С этою целью я обратился к одному молодому художнику, но он дал неудовлетворительный эскиз, а когда на лето приехал Д. Н. Кардовский, я предложил ему. Он согласился на приемлемых для Музея условиях.

УКОМ в лице товарища Д. А. Конторина охотно пошёл навстречу моим начинаниям, дали мне 40 рублей денег и подводу; я взял Кардовского и фотографа В. И. Маркеллова и поехали в усадьбу Горки (7/VII). Там, нужно сказать, я был осенью предшествовавшего года, в доме проживал сын владельца Ганшина, парк был в полной сохранности.

Приехав туда, мы нашли другую картину. Дом как-то осунулся, в нём жил крестьянин. От парка жалкие остатки: оказывается, Берендеевский ВИК решил вырубить его. Любопытно, что зимою жил, как оказывается, тут другой крестьянин, он два раза попадался в изготовлении самогона, который варил в этом историческом доме. Внутри дома хаос. На закопчённой изразцовой печке в комнате, соседней с той, где тайно печаталась книга

[1]Смотри: *Смирнов, М. И.* Ленин в Горках на реке Шахе Переславль-Залесского уезда / М. И. Смирнов // *Призыв*. — 1926. — 29 августа (№ 197).

*Доктор Томас Штокман, герой пьесы Генрика Ибсена «Враг народа». Врач обнаруживает, что целебные воды курорта отравлены канализацией, и предлагает проект ремонта. Закрытие курорта на ремонт означает большие проблемы для города, поэтому с точки зрения горожан доктор Штокман становится врагом.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Ленина «Что такое „друзья народа“», пальцем было начерчено слово в три буквы...

Художник сделал несколько нужных ему зарисовок, я с фотографом ходил по разным углам и сделали несколько снимков, а кроме того, я расспрашивал бывшего учителя, родом крестьянина села Петрищево, об А. А. Ганшине и Ленине. Из его слов и сына первого выходило, что Владимир Ильич бывал здесь в революцию. Слухи об этом были, но достоверно никто не знал. Всё только слухи.

Выходило, что надо было съездить в Бельково к владельцу усадьбы Алексею Александровичу Ганшину. Я и поехал прямо из Горок, не заезжая в Переславль. На фабрике «Свобода» он состоит техническим директором. В его физиономии, седой и достаточно старой (родился в 1869 году), есть что-то еврейское. Принял меня хорошо, но страшно занят. Разговаривать пришлось мало. На мой вопрос о Ленине он дал определённый ответ: был два-три раза в Горках в 1894 году, а в революцию только собирался, но приехать не удалось. Дал мне две редкие фотографии и № 14 «Пролетарской революции». Одобрил проект картины: Ленин и он в парке у любимой скамеечки.

Теперь всё было выверено и всё налажено, стало возможно писать. Д. Н. Кардовский, получив от меня все эти данные, принялся за работу. Картина исполнялась на фанере в два тона.

А в семье в это время у меня было нехорошо. Ещё весной захворала у меня в Москве Соня. После ангины у неё оказался ревматизм в суставах, повторный уже, так как она болела им в детстве. Затем летом у Севы тоже была лёгкая ангина, затем он сходил в Самарово фотографировать в церкви, что-то сбил себе ногу, потом у него опухли железы и затем появился ревматизм, как и у Сони. Он поправился скоро. Оба лечились укусами пчёл, особенно Сева, и он чувствовал сразу большое облегчение от этого лечения. У обоих моих ребяток неважные сердца...

Летом, как обычно, июнь-июль самые оживлённые у меня месяцы. Комната для приезжающих бывает почти всегда занята любопытными гостями. Приезжал из Музейного отдела Александр Иванович Анисимов, специалист по иконам. Его приезд был для Музея очень полезен, в реставрационной он поставил работу в настоящие рамки.

Затем был из ВХУТЕМАСа профессор Н. Н. Соболев, фотографировал некоторые из тканей Музея. Потом гостил несколько дней Сергей Владимирович Бахрушин, историк-бытовик. На Ботик приехал профессор Ласточкин с семьёй и ассистенткой Кордэ, а потом туда же профессор Владимир Феликсович Пиотровский — географ. К нему приезжало немало членов Географического института, из них был довольно долго художник Матвей Алексеевич Долгов, брат геолога. Кстати отмечу приезд иностранцев. На своём автомобиле приехали члены финляндского посольства, пробыли в Музее часа полтора и уехали. А затем с письмом Н. И. Троцкой был довольно долго немец Розентфелд из Берлина для изучения захолустной России. Присматривался, шельма, пристально. Чего бы не набухвостил потом.

Я был на раскопках, когда он приехал. По примеру прошлого года мне выдан был открытый лист, и я воспользовался свободным временем, взяв с собой П. Панова, отправился в Киучер. Там на старом месте в Грачках начал дело, а затем в другом соседнем урочище Бутриха. Последнее основательно

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

разрыто было помещиком П. Е. Самсоновым и осталось мало целых курганов. Грачковские курганы куда интереснее по находкам: там, кроме железных топоров, горшков и браслет, найдены два хороших наплечных знака, под которыми сохранились вместе с ключицами часть одежды, у одного меховой, у другого лыковой.

Через несколько времени посетил неолитические стоянки на реке Вёксе и озере Сомине. На первой подобрал черепки и орудия в воде, прямо на дне реки. А на Соминских сделал разведки — причём у речки Барановской среди черепков дьякова типа нашёл каменную обожжённую из глины ложку-льячек. На реке Трубеже в самом Переславле, на так называемой Большой Песочнице снова ребята ловили мне черепки с ямочным орнаментом, кости и прочее. Но большой работы в этом направлении не предпринимал.

В августе было два торжественных открытия: одно на Ботике (12/VIII) — географической станции 1 МГУ, второе Ленинского уголка в Музее (29/VIII). На то и другое я приглашал УКОМ и УИК, и тут и там от того и другого представители были и всё прошло с большим успехом.

Погода была хорошая, на Ботик собралось много народа. Я открыл собрание. Здесь говорил Пиотровский о задачах станции, а особенно хорошо и интересно Ласточкин. Все были довольны.

С особой помпой открывался Ленинский уголок. Главным центром его была написанная Д. Н. Кардовским картина: «Ленин в Переславских Горках в 1894 году». Написана она в два тона, сработана необычайно быстро, недели в три, и вышла очень эффектно. Кроме того, составлена была мною из фотографий витрина деревни и усадьбы Горки, куда вошли снимки прежние, полученные от Ганшина, и новые. Председательствовал секретарь УКОМа Д. А. Конторин, были предуик С. В. Бобров и другие, народу очень много. Я говорил о ясно и точно установленном факте из жизни В. И. Ленина, до сего времени неизвестном, и о значении этого события для нас. Была музыка. После всего был чай с никитскими яблоками и печеньем для «смычки» с товарищами. В тот же день в газете «Призыв» была напечатана моя статейка о пребывании Ленина в здешних Горках,[1] а на другой день в той же газете снимок с нашей картины. Заместитель председателя ГИКа Иван Яковлевич Рыбаков прислал своё приветствие мне и Музею по поводу торжества.

Это было хорошо: улучшились отношения с теми элементами, которые не вполне примирились с моей работой и положением. Один из остряков, указывая на картину, наедине сказал мне: «С этим чудотворным образом Вам нечего бояться»...

В августе и сентябре спешно работала партия Центральной торфяной станции Наркомзема по обследованию переславских болот, расположенных главным образом в Заозёрье и на Севере. Оказывается, для Москвы понадобилась вторая Шатурка и решено было обследовать болота в трёх местах: у нас, в Тверской губернии Осташковское и в Иваново-Вознесенской губернии. Шла конкуренция, но дело замерло, ибо конкурентом явился дешёвый тульский уголь, которому отдано предпочтение. В ближайшее время нечего думать об эксплуатации этих втуне лежащих богатств, но на всякий случай нашим

[1]См.: *Смирнов, М. И.* Ленин в Горках на реке Шахе Переславль-Залесского уезда / М. И. Смирнов // *Призыв*. — 1926. — 29 августа (№ 197).

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

хозяевам не мешает записать, что у нас имеется до трёх миллиардов пудов сухого торфяного топлива. Авось когда-нибудь да пригодится.

С членами партии пришлось перезнакомиться, они сами побывали в Музее, и с тех пор с ними завязались отношения, очень полезные для нас. Впоследствии они дали Музею составленную ими карту болот и обещали выслать к ней свой отчёт с подробными расчётами.

Октябрь почти весь прошёл в командировках. Прежде всего (5—12/X) побывал в Москве и Владимире, где работал в Губархиве по истории революции в нашем крае, затем проехал в Суздаль за грушами, вишнями и прочим. Привёз их к себе перед самыми заморозками и великолепно прикопал на зиму, а вскоре уехал в Ленинград в Центральное Бюро Краеведения на очередное дежурство (с 20/X по 14/XI) по вызову ЦБК.

Приятно было пожить там после долгого перерыва. Остановился в Доме учёных, в бывшем дворце великого князя Владимира Александровича. Прекрасная обстановка, чудный вид на Неву. ЦБК в другом дворце по той же набережной — в Мраморном. Там поразил меня кабинет академика Н. Я. Марра, представляющий собой громадный зал, обитый по стенам красным штофом, со множеством люстр и большими зеркалами! Всё это необычно, ново.

В ЦБК, откровенно говоря, я мало делал. Собирал материал для указателя краеведной литературы: программ, инструкций и прочего, что мною было начато ещё гораздо ранее вместе с Василием Ивановичем, моим братом, и Н. А. Королёвым. Бывал на разных заседаниях и прочем.

Но главное, делал свои разные дела. Основным моим делом было выбрать в Государственном художественном фонде (дворец Николая Михайловича, дом №18) материал для Петровской комнаты музея. Это мне удалось. Я отобрал прекрасные гравюры петровских судов, крашеные чудные гравюры сражений, портрет Петра I, бюсты и прочее. Хуже было дело в Морском музее. Заведующий им моряк-коммунист отнёсся ко мне холодно, формально. Был в Русском музее с целью отборки картин для пополнения музейной галереи. Пётр Иванович Нерадовский, заведующий художественным отделом, показал мне те картины, которые он назначил. Всё было очень хорошо. И через несколько месяцев после этого и то и другое, всё это поступило в Музей. Тут были очень ценные: Бенуа — «Лувр», Юон — «Переправа через Оку», Коровин — «Весна в деревне», Петровичев — «Осенний пейзаж» и другие.

Несколько дней работал в Археографической комиссии при Академии наук по части изыскания материалов по истории нашего родного края. И оказалось здесь много актов Фёдоровского монастыря, ещё не разобранных.*

Работал в Публичной библиотеке по истории революции. В отделе иностранной литературы по вечерам можно было сидеть до 10 часов вечера и читать русские книги.

Посещал без конца ленинградские музеи. Особенно сильное впечатление произвели на меня дворцы, обращённые в музеи: Зимний, Эрмитаж, Аничков. В последнем можно было от души потешаться музеем Александра III. Такого бессистемного сумбура выдумать трудно: смесь французского с нижегородским на каждом шагу, прекрасные заграничные вещи и рядом кустарная

* где?

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

русская игрушка и так далее. Осмотрел академические музеи — зоологический, антропологический и прочие, и, откровенно говоря, переутомился и был подавлен колоссальными размерами и материалом.

Мы со своими захолустными музеями как мухи перед слонами. Там есть чему учиться, там есть высшее знание и средства, а мы не имеем ни того ни другого, но зато любим свой край и заначаливаем как можем. И у нас ведь всё-таки что-то выходит.

Но об этом речь ниже. А мне хочется отметить из ленинградских впечатлений празднование 9-й годовщины Октябрьской революции.

В белом зале Мраморного дворца было накануне собрание месткома. Меня поразило полное отсутствие учёных и обилие технических. Говорили два коммуниста, оба еле грамотные. Первый пёр такой высокопарщиной, что прямо было смешно: «революция как огненный дуб покрыла своими ветвями страну», «наше строительство — гора, в подножии которой копаются червяки, неспособные дать надлежащую оценку». Технический служащий, пояснявший первого, был прямо великолепен своею безграмотностью. Если бы это было в другом месте, я бы этого отмечать не стал. Но тут — это было диссонансом.

Наутро тысячные толпы демонстрантов со знамёнами шли по Невскому и площади Урицкого. Я сел в трамвай и доехал до Александро-Невской лавры. Вся дорога была занята процессией демонстрантов, тысячи знамён. Зашёл в собор Лавры. Там много народа, есть молодёжь и даже в военных шинелях. Отсюда проехал по другому пути, и когда шёл по Миллионной, то был поражён, как октябрята, утомлённые шествием, очевидно, для поднятия настроения пели: «сошьём Дуне, сошьём Дуне сарафан, сарафан». Это перед самым Марсовым полем, где погребены жертвы революции.

Столовался это время сначала в образцовой столовой на Невском, но там было всё мясное и я было захворал от него, потом перебрался на Садовую в вегетарианскую столовую, бывшую Толстовскую. Здесь пришлось по вкусу. Частенько затаскивал к себе на обед Даниил Осипович Святский, а я покупал к этому выпивочки, и так-то мы хорошо с ним обычно беседовали.

В Ленинград я привёз написанную мною статью «Краеведная беллетристика», в которой разделал под орех писателя-краеведа М. Пришвина по случаю выпуска в свет его книжки «Родники Берендея». Ставил ему в вину довольно резко вольные и невольные искажения и извращения, оказавшиеся там. Протестовал против его творчества и настаивал на том, что он не краевед, и беллетрист невысокой марки. Мои друзья Д. О. Святский и Александр Андреевич Спицын мне отсоветовали печатать её. Поразил меня А. А. своим проницательным взглядом на Пришвина. Он сразу понял его как хищника и холодно ответил на заискивания. Свою работу я отдал Николаю Павловичу Анциферову, и он положил её в основу своей статьи «Беллетристы-краеведы», где очень тонко и мастерски доказал Пришвину, что он не краевед, а брехунец.

Из дому я получил неприятное письмо, назначена ревизия по учёту госфондового имущества, что в сущности началось ещё ранее, до моей командировки в Ленинград. Под этим неприятным чувством я поспешил выехать отсюда раньше (вместо 20/XI — 14/XI).

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

В Москве, покупая газету в первом киоске, заглянул в «Красную Ниву» и нашёл (в №47) напечатанную мою статью с иллюстрациями «Ленин в Переславских Горках».*

Дома вместо ревизоров ко мне в Музей пожаловал сам набольший всей губернии — ответственный секретарь губкома Александр Николаевич Асаткин с женой Верой Владимировной и заместителем председателя ГИКа Михаилом Ивановичем Гусевым. Так как в Музее телефона не было, то извещение об этом дано было самым «товарищеским» способом. Из соседней больницы прибежала сиделка с запиской, в которой было написано фельдшерицей, что по телефону приказано было мне явиться в УИК к секретарю к 12 часам дня.

Я только что утром приехал, а это было в начале двенадцатого, попросил С. С. Геммельмана сходить туда. А была страшная грязь и шёл снег и дождь. Пройти три версты туда и три обратно — история не из приятных. Секретарь УИКа Романов сообщил С. С. Геммельману, что дня через два или через три приедет к нам в Музей товарищ Асаткин. Такое «товарищеское» начало не обещало ничего хорошего. Отчего бы не прислать записку с рассыльным или же прямо известить по телефону. Нет, нужно было показать своё ослиное копыто.

Не видя ни разу Асаткина и зная о нём только одно, что это необычайно властный человек, пред волей которого склоняется целая губерния, я ожидал встретить товарища-командира и своего рода советского губернатора со всеми его претензиями. Смотрим, выезжает в усадьбу Музея четырёхместная коляска, в дышле пара вороных, на козлах фабричный кучер, парадно одетый. В коляске на заднем сиденье черноватый в пенсне товарищ в серой папахе и дама, впереди маленького роста другой товарищ. Входят, здороваются, регистрируются в книге посетителей. Вижу по записи — то самое начальство, о котором меня предупреждали таким милым способом.

В Музее ведём беседу о разных вещах. Мой посетитель, оказывается, интеллигентный человек, во многом знает толк, любит историю, и через какие-нибудь полчаса я почувствовал сродство душ. Он много расспрашивал меня о моих краеведных работах, о моих помощниках членах Пезанпроба, встретил в Музее в момент приезда Варенцова, интересовался им.

Вера Владимировна Асаткина во время осмотра Музея расточала мне множество похвал и вела себя шаловливо: очень хотела нарядить своих спутников в камергерскую треуголку.

К концу осмотра создалась хорошая взаимная настроенность и доверие. Музей им понравился и нами, музейными работниками, они остались довольны. Товарищ Асаткин попросил меня поехать с ними на Ботик, причём проявил необычайную изысканность и любезность: посадил меня на заднее сиденье с Верой Владимировной, а сам сел на переднюю скамейку. Так мы и ехали туда и обратно.

Ботик и озеро, посещённые им в первый раз, очень понравились. Мы много оживлённо говорили и, прощаясь, товарищ Асаткин сказал, что он ещё раз побывает у меня. И действительно, через день (17 и 19/XI) без всяких предупреждений приехал вечером вдвоём с женой, вместо кучера был

*Смотри в 19 томе нашего издания.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

милиционер. Было темно, ворота заперты и его моя сторожиха не пустила без моего разрешения. Вера Владимировна посердилась на это, а он не подал виду. Пробыл около двух часов и вёл беседу исключительно по краеведному делу. Приглашал меня и других переславцев работать в губернском масштабе с переездом во Владимир. Мне предлагал должность учёного секретаря КИПС,* с любым окладом, квартирой и приёмом Севы в техникум. Он говорил, что у них нет организатора, нужен таковой. Это правда. Я поблагодарил за честь и отказался за себя, а о других обещал написать.

Вместе с тем он выспрашивал меня о том, какие работы, написанные нами, не могут быть напечатаны по недостатку средств. Я назвал ему целый список своих и местных краеведов. Обещал дать средства.

Когда в разговоре узнал, что я напечатал первый вариант указателя документов по истории нашего края, то предложил мне составить то же по всей губернии. Я указал ему на трудность и сложность этого дела, но в конце концов согласился. Кроме того, он поручил мне составить указатель к журналам земства и думы. Обещал дать на это средства.

Прощаясь, он пожелал мне дальнейшей плодотворной работы. А я ему ответил на это: «Не велите мешать», и рассказал ему о проделках товарища Романова, действовавшего, как я потом узнал, по указке товарища Неофита Малицкого, стремившегося выбросить меня из Переславля. Асаткин успокоил меня: «Я скажу, чтобы Вам не мешали».

После этого почти тотчас же Романов был убран и отношение ко мне во всех местах изменилось чудодейственно. Все стали милы и любезны. Асаткин меня нахвалил там самым хорошим образом и сказал при всех: «Если бы мне во Владимир найти если не Смирнова, то хоть пол-Смирнова».

Правду говорил мой знакомый: чудотворный образ ведь помог-таки.

После этого о ревизии как-то само собой все забыли. И мне в начале декабря пришлось ехать по предложению УКОМа к Алексею Александровичу Ганшину с предложением товарища Асаткина перейти на службу красным директором во Владимир. Доехал до станции Бельково, а там пешком. Обратно ушёл ночью, заплутался и набрался страхов. Шёл снег, и я мог простудиться. Из предложения ничего не вышло. Ганшин отказался.

Во Владимире я поработал несколько дней в архиве по истории революции, товарища Асаткина не видел, а встретил Веру Владимировну, которая уже после моего отъезда заходила в Музей за мной. В архиве встретил Неофита Малицкого, которого нарочно позлил, рассказав ему некоторые из предложений Асаткина. Для него, всем твердившего во Владимире по моему адресу: «Его дни сочтены», — это был нож острый.

С 11 по 16 декабря происходил областной музейный съезд в Ярославле. Я выступал с докладом на тему: «Роль архивных материалов в музейном деле». Было страшно неудобно. Ночевали в одном месте, чай пили в другом, обедали в третьем. От этого я потом простудился. Неразбериха и бестолковщина была большая. Я не стерпел и Нила Григорьевича Первухина, заведующего губмузеем, назвал Ненилой.

Героем съезда был Владимирский завгубмузея Фёдор Яковлевич Селезнёв, любопытный тип. По происхождению раскольник, вначале начётчик,

*КИПС — Комиссия по изучению племенного состава России.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

потом перешёл в православие, окончил церковно-приходскую второклассную школу и был учителем. Отсюда попал в учительский институт и преподавал в Нижнем Новгороде в городской школе. Когда здесь открылось отделение Московского археологического института, то прошёл и эту премудрость. Перебрался в Муром и давай там копать знаменитую Волосовскую стоянку, а потом и другие места. Ясно, что стал коммунистом и назначен во Владимир вместо зазнавшегося Иванова. Прославил себя на первых порах тем, что напечатал во владимирской газете «Призыв» хулиганскую заметку о Дмитровском соборе, затем о мощах. Последние, по его учёным соображениям, сушили в печах при Петре I!!!

Его выступление заключало в себе: 1) оскорбление по адресу музейных работников, якобы не понимающих советского строительства, и 2) изложение методов музейной работы, сводящихся к антирелигиозной пропаганде. Форма — ничто, главное — содержание, а это содержание неизбежно у него антирелигиозное.

Этот выпад был настолько дик, что президиум не разрешил никаких прений по нему и забраковал его полностью. На другой уже потом день московский заведующий губмузеем Иван Григорьевич Клабуновский, коммунист, дал ему разумную отповедь.

Отсюда из Ярославля я должен был поехать в Кострому к своему брату Василию Ивановичу, который захворал и лежал в то время в больнице. У него было малокровие и переутомление. Музейный отдел принял в нём участие и выхлопотал потом ему место в санатории в Крыму, уже летом, во время землетрясения.*

Наступающий новый год встретил в постели.

Без даты..
ГАЯО. Ф. Р-913. Оп. 1. Д. 1. С. 183—243.

1927 год

Январь начался нашей серебряной свадьбой. Прожили мы с Натальей Викторовной, что называется, душа в душу 25 лет и благодарим судьбу за выпавшее на нашу долю счастье. Мы вынули счастливый жребий. Встретились мы в добрый час и берегли семейный очаг от всяких соблазнов. Вырастили хороших ребят, радующих нас своими успехами. Я в своей работе и краеведных делах и успехах всегда находил в своём домашнем очаге помощь и полное содействие. Будь иная семейная жизнь, неизвестно ещё, что было бы.

Спасибо моему другу-жене, устроившей тихий и милый уют семейный, давший нам удовлетворение. Она полна веры в свою счастливую звезду. Это было всегда, и эта вера успокаивает меня. Ещё на первых годах нашего супружества читали мы с ней Метерлинка «Судьба». Там было, между прочим, что при соединении двух лиц с разной судьбой в результате даёт перевес та из них, которая имеет за собой больше счастья: оно с одного распространяется на другого. Так оно или нет, но я чувствую что-то новое и готов признать в своей жизни оправдание этого.

*26 июня 1927 года Южный берег Крыма пережил землетрясение силой 6 баллов.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Жаль, что нет этой статьи под руками, хотелось бы её перечитать вновь и передумать.

Как из рога изобилия посыпались на меня благодеяния всё в том же январе, но, кажется, благодаря не семейной ????, а больше владимирской губкомской. Оттуда по почте было переведено лично мне 300 рублей субсидии от А. Н. Асаткина на краеведные работы, а местные фракции УИКа совершенно неожиданно выставили меня кандидатом в члены горсовета... Так что я сначала был несколько месяцев кандидатом, затем членом, что, откровенно говоря, меня только обременяло, а толку от этого никакого не было.

Удобовая ко всему этому Главнаука премировала меня за научные работы. Узнал об этом я из газет и поздравлений моих приятелей. Сначала в «Вечерней Москве», потом в «Правде» и «Известиях»[1] появилась заметка: «Премии за научные работы». ???? профессоров там обо мне отмечено: «Краеведу М. И. Смирнову за работу о декабристе Спиридове и исследования о Переславском уезде» — 200 рублей. «Не дорог твой подарок, а дорога твоя любовь» — смешны, конечно, такие премии, но имеют свою цену, особенно если принять во внимание, что я *единственный* премированный краевед на весь СССР. Несмотря на всю свою бедность, Главнаука выделила из своего до чрезвычайности тощего бюджета несчастные две сотни рублей. И, как я узнал потом, случилось это после долгих трений и задержек, ибо все в Главнауке имеют научные труды и все хотели получить хотя бы и 200 рублей.

Дело о моём премировании начато было с юбилея. Главнаука затребовала от меня те мои труды, которые я нахожу нужными и достойными премирования, а также рецензии на них. Всё это я сделал ещё в конце 1925 года, а в следующем году прибавились новые отзывы, я выслал и их.

Но, оказывается, все мои печатные труды вновь отдавались иным лицам (кому, не знаю), и те снова писали отзывы. Говорят, что все без исключения были благоприятными. И в конце концов пришлось-таки дать премию. Но в этом непонятно мне одно, почему это на первом месте поставлена моя маленькая и, на мой взгляд, слабенькая работа о декабристе Спиридове. Куда серьёзнее мои такие книжки, как «Переславщина», «Переславль-Залесский уезд. Краткий краеведный очерк», указатели исторических документов Переславль-Залесского края.

Настоящей ложкой дёгтя пахнуло на меня и надолго отравило мне настроение прочтение в «Красной Ниве» рассказа М. Пришвина «Образование».[2] Мстя, очевидно, мне, этот злой человек не постеснялся очернить память моей матери, священную для нас, её детей, память мученицы в жизни и страдалицы от пьяного отца. По его изображению, основанному якобы на рассказе крестьянина села Большой Бремболы, я и мои братья, получившие высшее образование, содержались на средства, добывавшиеся нашей матерью путём связи с каким-то соседом-вдовцом, богатым человеком. Наше «образование», таким образом, куплено ценой позора. Эта гнусная клевета сначала расстроила меня настолько, что я хотел ехать в Сергиев со специальной

[1] □ вечерняя москва 1927 9
□ правда 1927 354
Премии за научные работы // *Известия*. — 1927. — 21 января (№ 17).

[2] *Пришвин, М. М.* Образование / М. М. Пришвин // *Красная Нива*. — 1926. — № 42.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

целью избить морду этому писателю. Но отговорил меня от этого, а равно от судебного процесса мой костромской брат. Действительно, как специалист по мерзостным письмам, Пришвин составил свой рассказ так хитро, что прижать его к стенке трудно. И, таким образом, ???? могло быть истолковано в его пользу. Надо бороться с ним его оружием. Отчасти мне это удалось — статья Анциферова в «Краеведении» развенчала его как краеведа.* А дальше я думаю собрать скандальный материал о нём в Ленинске (Талдоме), где он отравил жизнь поэту Сергею Клычкову и обокрал краеведное общество.

Последнее в своём журнале «Башмачная страна»[1] решилось прямо опубликовать следующее: «Давший идею нашего общества писатель М. Пришвин весь собранный им материал, а также чужой труд других работников общества увёз с собой и ничего не оставил обществу».

У меня есть характерные его письма по денежным делам, в которых он выявляет своё барышничество накануне покупки дома в Сергиеве и получения 10 000 рублей за продажу полного собрания своих знаменитых трудов. Можно будет всё это опубликовать: «да ведают потомки православных», какие бывают мерзавцы из наших писателей.

Тем временем в музее мною велась усиленная работа по переустройству экспозиции историко-художественного отдела и частично социально-экономического. Первый я сгруппировал в старом здании XVII века, часть комнат его заново выбелил и перекрасил. Вновь устроил археологический отдел и архитектурную выставку. Все отделы получили строгую последовательность и систему.

При входе карта исторических границ Переславского края, из коридора налево небольшая комната с археологическими экспозициями — неолит и славянские курганы, археологическая карта уезда. Направо — Петровский отдел. Заново отремонтированы внутри стены фисташкового цвета, подлинные слюдовые оконицы Петра, его орудия труда, вещи из дворца на Ботике, грандиозная картина Д. Н. Кардовского «Петровская флотилия на Переславском озере», подлинные гравюры судов петровского времени, из них необычайной ценности гравюры раскрашенные. Статуэтка, портрет Петра I, его письма матери, указ и прочее. В общем, вышла очень красочная и исторически полная картина. Далее по коридору направо и налево две дворянские бытовые комнаты со множеством портретов шитых, мебелью карельской берёзы и красного дерева.

Следующий отдел — архитектурная выставка, заключающая в себе виды, снимки и планы старого Переславля, церковной каменной архитектуры, гражданской каменной крепости, деревянная архитектура города и деревни.

Непосредственно вслед за ним церковный отдел с его многочисленными коллекциями: шитья, тканей, металлической утвари, деревянной скульптуры, финифти, эмали, гравюр, рукописей. Наконец картинная галерея, значительно пополненная присылкой картин из Русского музея Ленинграда.

[1] □ Башмачная страна (альманах?), Ленинск, 1925, номер 1 — С. 3.

Анциферов, Н. П. Беллетристы-краеведы / Н. П. Анциферов // *Краеведение*. — 1927. — № 1.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

В общем, этот отдел составил одно целое, систематически связанное между собой.

К естественно-историческому отделу мною был поставлен в связи и сгруппирован экономический отдел: рыболовство на Плещееве озере, гончарное дело и скипидарно-смолокуренное.

В связи с такой реорганизацией музейных отделов весной было устроено нами в музее 19 лекций учителям с демонстрацией обновлённых экспозиций.

Вечерами я усиленно работал над историей революции в Переславском крае. Мне было интересно как историку установить: было ли в прошлом революционное у нас, или только «угодники». Мне хотелось проследить это на всём протяжении истории края и свою работу закончить заблаговременно, чтобы напечатать её к десятилетнему юбилею революции.

Сделал это довольно легко и в начале апреля рукопись была готова. Она носила общее заглавие «Очерки из истории революции в Переславль-Залесском крае». Составлена из следующих статей:

1) Из истории революционных движений в XII веке (убиение Андрея Боголюбского), XVI—XVII веков (Смутное время), крестьянские волнения XVII, XVIII и XIX веков.

2) Переславское «вольнодумие» и революционность от XVII века (князь Иван Андреевич Хворостинин, еретик), от XVIII века (Ефимий, основатель секты бегунов), от XIX века (декабристы).

1928 год

В начале нового года было закончено устройство в музее новых отделов из материалов юбилейной выставки: сельскохозяйственного и промышленного. Витрины для первого были взяты от киот Фёдоровского собора с большими прекрасными стёклами. Монтировку делал завхоз Дарьин, великий мастер на малые дела. Вышло очень хорошо. Добавился также ленинский уголок с подобными же застеклёнными ???? с печатной литературой 1917—1919 годов. Из материалов, собранных геологом Герасимовым, составлен геологический отдел, и таким образом к предстоящему сезону музей будет пополнен значительно.

Внемузейная работа начата была мною с методического бюро УОНО. Там была речь, между прочим, о школьной краеведной книге, и я предлагал выработать сообща её план, а далее даже дать в моё распоряжение пяток учеников, которые ходили бы по праздникам в музей, я рассказывал бы им отдел за отделом, а они, усвоив сказанное или прочитанное, писали бы потом в самостоятельном изложении отдел за отделом. Таким образом получился бы богатый материал, который впоследствии можно было бы легко обработать в книгу для школьного чтения. Одним словом, я рекомендовал способ Л. Н. Толстого, практикованный им в яснополянской школе. На словах согласились, на деле не шевельнули пальцем, всё осталось невыполненным.

Через несколько дней после этого была конференция учителей. Я докладывал — «Краеведная работа музея в отношении её к школе». В прениях пришлось констатировать любопытный факт отношения к музейной краеведной работе со стороны местной школы. Второй выпуск трудов музея начинается статьёй профессора Ласточкина об изучении Переславского озера,

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

написанной специально для второй ступени. Я задал вопрос о том, насколько эта работа удовлетворила школу. И оказалось, что никто из учителей этой школы не имел понятия о программе Ласточкина, хотя книга вышла из печати 7—8 месяцев тому назад, находилась в продаже, выставлена в музее, о ней были хорошие рецензии в журнале «Наше хозяйство».*

Через месяц (19—21 февраля) происходила первая Переславская уездная конференция по изучению производительных сил. Это было крупное событие, речь о котором тянулась много месяцев, даже больше года. В организации её после упомянутого выше инцидента никакого участия принимать мне не пришлось, Елховский и Дюбюк постарались сделать всё, чтобы оттеснить меня на задний план. Я едва попал в президиум конференции и из двух моих докладов пропущен был один: «Изучение производительных сил Переславль-Залесского края в прошлом и настоящем». Но всё же мне, как руководителю самостоятельного краеведного учреждения и уполномоченному КИПС, поручено было пригласить на неё иногородних гостей. По моему зову откликнулись на это из Иваново-Вознесенского Д. А. Ласточкин, сделавший доклад об изучении Плещеева озера, с ним была Кордэ, из Москвы — М. И. Нейштадт, выступивший с докладом о методах изучения торфяных болот Переславского края, а кроме того, заведующий музейным подотделом МОНО Иван Григорьевич Клабуновский, инспектор его по музейной части Николай Сергеевич Елагин. Все они, а также Даниил Осипович Святский, учёный секретарь Ленинградского отделения, остановились в музее и пробыли первые два дня.

Конференция была многолюдной, ещё по моему совету приглашены были на неё из волостей представители крестьян, были некоторые учителя, местная городская интеллигенция. Можно считать, что число присутствующих меньше 60 человек не было, доходило до 100 человек и более. Открывал конференцию предУИК т. Бобров; президиум составлен был из представителей от Владимира — Шаханова и Игнатьева, от Ленинграда — Святского и местных краеведов.

Мой доклад стоял на повестке первым и содержал в себе исторический очерк переславского краеведения, начатого в центре Академией наук, продолженного во Владимире после образования губернии и перешедшего затем в Переславль в революцию с образованием музея и научного общества. Доклад имел шумный успех. Сильное впечатление на моих московских коллег произвели наши достижения в познании родного края со стороны музея и общества. Так как Елагин участвовал потом в составлении резолюции по моему докладу, то это отразилось на ней и им была подчёркнута мысль, что сделано много, но на месте это совсем не использовано. В общем, напоминали бисер, который не везде можно метать...

Всех докладов было около двадцати, на их прочтение двух дней не хватило. Пришлось прибавить третий. И нужно отдать справедливость, за небольшими исключениями (Камай о лесах Переславского уезда) были хороши и содержательны. В общем, конференция удалась, и, казалось бы, следовало в интересах края поощрять это дело. Доклады отпечатать и издать особой

Малицкий, Н. В. Рецензия на 2 том «Трудов» Переславского музея / Н. В. Малицкий // *Наше хозяйство*. — 1927. — Сентябрь. — С. 83—84.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

книгой. Ничуть не бывало: сначала владимирцы что-то поговорили, а затем на это не нашлось ни одного гроша. Единственной памятью остались очерки, написанные один в журнал «Известия Центрального бюро краеведения» И. Г. Клабуновским, который дал блестящий очерк о конференции и отметил крупную роль музея в деле изучения интересов края,* второй, помещённый в журнале «Наше хозяйство» агрономом Игнатьевым, одобрительно говорил о конференции, хвалил музей, но лягнул меня, откуда-то выдумав, что мои краеведные работы отдают патриархами и прочим.**

Это было ослиное копыто, проделанное по приказанию Шаханова. Дело в том, что Асаткин, бывший секретарь Владимирского губкома, дал мне тысячу рублей, как оказалось, из средств Владимирского научного общества. Шаханов, председатель его, естественно, на меня озлился как на виновника, в сущности, без вины виноватого. Но под влиянием ехидного Неофита Владимировича Малицкого, ???? на меня и угрожавшего мне много лет подряд («дни его сочтены...»), Шаханов также воспылал ко мне неистовой злобой. Это заметил я ещё на третьей конференции в Москве. В Переславль же он приехал с намерением начать историю о субсидии снова, в чём и успел великолепно. Почва была подготовлена. Несмотря на наружный мир, внутри дело было плохо. Елховский додумался содрать с музея за печатание статьи Варенцова, изданной в 16 номере «Докладов Пезанпроба», 104 р. Первоначально она была менее печатного листа, и следовательно, из субсидии губкома надо было выдать рублей 35—40. Каково же было моё удивление, когда явился ко мне в музей за деньгами сам автор и казначей Сергей Елховский. Оказывается, их уполномочило правление Пезанпроба на это. Так как это было долго спустя по утверждению сметы, в каковой по вине Пезанпроба расход на печатание варенцовской статьи не был предусмотрен, и так как расчёт типографского расхода составлен с явным преувеличением, то я отказался уплатить эту сумму. Было это до конференции. Нетрудно себе представить, как обозлились В. Елховский и Дюбюк.

Приезд Шаханова, привёзшего с собою сообщение, что субсидия была дана из губкома Обществу, а не мне, встречено было моими краеведами с нескрываемым злорадством. И неприязнь вспыхнула снова. Тут Владимир Елховский показал себя во всей красе. Как дегенерат, дальтонист, он обнаружил, не стесняясь, и свой моральный дальтонизм. С одной стороны, друг ????, с другой, член Совета безбожников, враль, спекулянт, в отношении меня он не брезговал никакими средствами, почувствовав поддержку во Владимире в лице ненавидящего меня Боброва, принявшего всё дело под особое своё усмотрение.[1]

Назначили[2] для разрешения дела общее собрание членов Пезанпроба, обработав предварительно их в тенденциозном совещании относительно

[1]Писано в Переславле-Залесском в 1928 году.

[2]Писано в Тогуре в 1933 году по памяти, поэтому коротко и, возможно, с пропусками многого.

*_Клабуновский, И. Г._ Научно-краеведческая конференция в Переславль-Залесском / И. Г. Клабуновский // _Известия Центрального бюро краеведения_. — 1928. — Февраль. — С. 26—27.

**_Игнатьев, С. Н._ Переславская конференция по изучению производительных сил Переславского края / С. Н. Игнатьев // _Наше хозяйство_. — 1928. — № 3. — С. 94—97.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

меня. И кто же был на этом собрании? Учителя и учительницы, недавние члены Общества, не принимавшие никакого участия в его научных делах, да и не могущие принимать, ибо они только ремесленники своего дела, неразвитые, некультурные. Несмотря на то, что моё объяснение дела поразило их, они не решились голосовать за меня. Я был обвинён в разложении работы Общества, в невыплате расходов по печатанию статьи Варенцова и так далее. Должно быть, копия постановления общего собрания была послана в ЦБК, по крайней мере от секретаря Гейнике я получил нелюбезную бумажку с вызовом меня в Москву для объяснения. Туда же явился В. Е. Елховский. Нас постарались помирить, но на условиях, для меня неприемлемых, и я отказался и просил для разбора дела командировать специальное лицо, которое на месте изучит положение дела и придёт к верному пониманию его.

Тут же на заседании был председатель Рыбинского научного общества Алексей Алексеевич Золотарёв. Ему и поручили дело с его любезного согласия. Пробыл в Переславле он несколько дней, вошёл в курс всей интриги, заставил моих противников умерить свой пыл и устроил нам мировую, причём с меня было снято обвинение в развале Общества, и платёж типографии за статью Варенцова снижен до действительной стоимости 75 рублей, что я и согласился выдать, чтобы закончить это надоевшее мне дело.

Любопытно впечатление, какое произвёл на Алексея Алексеевича Переславль-Залесский. Видел он его в первый раз и вот что записал на память: «Есть города-видения. Смотришь на них и не можешь налюбоваться. Взор уходит в глубину прошлого и баюкается в океане воспоминаний». Как глубоко верующий и душой всецело русский человек, он тонко понял и оценил Переславль, сохранивший в своей монументальной старине летопись прошлого. Вместе с тем он верно понял и мою роль в деле местного краеведения. В эти дни мы узнали друг друга ближе и стали друзьями.

На прощание я наградил его изданиями музея, число которых к этому времени увеличилось значительно. Этот именно год был самый рекордный. Я издал 5 выпуском «Актографию Переславль-Залесского края XVII ст.», 6—7 выпуском «Феодальные владения Троице-Сергиева монастыря в Переславль-Залесском уезде XV—XVIII вв.», 8 выпуском «Естественно-исторический сборник» со статьями Нейштадта и Ласточкина и других, 9 выпуском «Историческая усадьба „Ботик“ близ Переславля-Залесского».

К составлению последнего выпуска, намеченного к изданию по случаю юбилея Петровского музея в этой усадьбе (1803—1928), я привлёк Бориса Владимировича Иваненко, которому удалось разыскать неизданные записки князя И. М. Долгорукого с описанием открытия музея. А мною во Владимирском губархиве разысканы были любопытные дела о Ботике, которые я использовал основательно. Получилась довольно обстоятельная статья с материалами, опубликованными впервые. Благодаря же Иваненко удалось отыскать в Москве портрет князя Долгорукого в хорошей копии с портрета Левицкого и поместить его в основанном им же музее, что давным-давно заслужено было им.

В то же лето я издал иллюстрированный путеводитель и справочник по Переславлю, первый специальный путеводитель. До того времени сведения о Переславле можно было встретить только в общих или групповых путеводи-

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

телях по губернии. В иллюстрировании фотографиями пользовался советами художника Матвея Алексеевича Доброва. Получилась недурная книжка. О ней, как равно и других изданиях музея, в журнале «Наше хозяйство» (органе Владимирского губплана) дан был хороший отзыв. Путеводитель признан был образцовым и выражалось пожелание, чтобы подобное издание появилось и по другим старым городам Владимирской губернии.*

Начальник Главнауки Фёдор Николаевич Петров, проживавший летом на Ботике на даче, назвал издания музея академическими. Ознакомившись во время своих посещений с музеем, дал о нём следующий отзыв: «музей имеет правильное краеведческое и современное советское направление», далее выражал благодарность организатору и пожелания дальнейших успехов всем сотрудникам. Для меня это было большим праздником. Я глубоко верил, что моя деятельность, рассмотренная и одобренная высшей властью, есть та самая, которая и должна быть в данный момент. Этой характеристикой, записанной в книгу музейных посещений, я потом долго бряцал и преподносил её в качестве авторитетного документа в тех случаях, когда приходилось защищать постановку музейно-краеведной деятельности, развитой мной в Переславле. Прежде всего в горсовете, где я выступал с очередными докладами о музее, на который со времени председательствования т. Кондакова, человека пулемётного характера, пошли разные наскоки по вопросам охраны памятников старины и искусства в Переславле.

В сущности, весь старый Переславль со всеми его церквями и монастырями был взят мною под охрану и я ревниво, в духе господствовавшего настроения в Главнауке, защищал их от разных посягательств. В поддержку мне Главнаука в лице Николая Рудольфовича Левинсона помогла точно классифицировать их по категориям. Левинсон для этого нарочно приезжал в Переславль и прожил некоторое время, а затем выслал от имени Главнауки перечень с подробной классификацией.

Я пропагандировал его, вывесив в соответствующем отделе музея, где в это же лето молодой художник Иван Васильевич Димитров написал по моему заказу четыре картины для того же отдела, на которых сюжеты были приурочены к архитектурным памятникам. Это «Вече 1212 года», «Нападение Сапеги на Переславль-Залесский в 1611 году», «Басмановы в своей вотчине (после 1550 года)», «Собиловские часовые». Картинки вышли довольно удачные. Со своей стороны, при помощи Пети Панова, графически изобразил прошлое Переславля в зависимости от путей сообщения: 1) при речных путях, 2) на ямской дороге, 3) при железной дороге. Получилась наглядная связь экономики и политики края. Кроме того, удалось получить копии с планов города, начиная с 1754 года, и отдел старого Переславля оказался в результате этого довольно насыщенным и оформленным. Но всё же это было далеко от того, чем в действительности был и есть Переславль как культурный памятник прошлого. Недоставало общей монументальной ????. Нужно было суметь художественно скомпоновать на полотне то, что представляет наиболее характерное, саму сущность. Но для того дела требовался большой масштаб и большие деньги. Приходилось отложить до более благоприятного момента

Малицкий, Н. В. Рецензия на «Переславль-Залесский: Путеводитель и справочник» М. И. Смирнова / Н. В. Малицкий // *Наше хозяйство*. — 1928. — Август. — С. 68.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

и довольствоваться видом старого города в натуре из музейного окна или с монастырской стены.

Каждый раз этот вид в любое время года, в любые часы дня неизменно возбуждал во мне сильное ощущение прожитых веков, законченность их мировоззрения и его определённость. Отдавая им должное, я сознавал одностороннесть выступавшей картины, которая в то же время усиливала впечатление и раздвигала границы до грандиозности. Наиболее яркими моментами были ???? архитектурными памятниками: XII, XVI, XVII и XVIII век, наглядно отражавшие идеологические и тактические особенности своего времени. Сознание того, что всё это сокровище прошлого находится на моём ответственном хранении, возбуждало во мне смешанное чувство гордости и радости от выпавшей на мою долю миссии. Оно смиряло со всеми невзгодами служения родине, давало силу и уверенность на дальнейший путь. Многое прощалось ради этого.

С моей оценкой переславской старины оказался вполне согласен профессор Томас Уиттимор, посетивший этим летом Переславль. Глядя с Горицкой стены на сверкающее чудное озеро и доминирующую над жилыми постройками церковную старину, он несколько раз воскликнул: уник, уник! Но главною целью его посещения, как византолога, был осмотр серебряного потира XII века. По палеографической надписи он относил его на столетие раньше и не выразил сомнения ни в одной части относительно его древности.

О его приезде мне дали знать из Москвы телеграммой и по телефону, чтобы я ему оказал содействие по посещению Переславля и нанял для него, знатного иностранца, экипаж от Берендеево и обратно. Всё это я сделал своевременно. Главный наш ямщик Николай Петрович Поросятников обещал устроить всё как следует: выехать к ночному поезду и привезти его одного в музей. Но вернулся без него, и я решил, что он отдумал и отложил свою поездку. Но вот среди белого дня совершенно неожиданно является мой янки. И оказывается, что его следовало ждать не с московского, а с ярославского поезда. На станции Берендеево извозчиков он не нашёл, часть пути прошёл пешком, потом приехал на крестьянской подводе, за которую с него содрали большую плату. Напоил я его чаем, а к завтраку дал маринованную щуку, что заинтересовало его необыкновенно. Строгий вегетарианец, он съел в виде исключения небольшой кусочек, чтобы отведать неизвестного ему кушанья, понравившегося ему. Записал потом в свою книжку название мудрёного кушанья английскими буквами. По-русски он говорил настолько, что его можно было понять. Он осмотрел музей, ботик и старый собор. Вечером отправился в Москву, но на этот раз без приключений.

В течение того же лета работали по изучению архитектурной старины Переславля аспиранты Академии истории материальной культуры — Николай Николаевич Воронин и его жена. Он обследовал главным образом Никитский. Произвёл обмеры и продолжил открытия, сделанные в предыдущем году архитектором Пустохановым, что Грозный расширил это здание на запад и в бока, оставив часть восточной стены и придела Никиты Столпника. Жена Воронина интересовалась старым собором. Оба они зимой прислали для напечатания в «Трудах музея» по статье с чертежами и фотографиями. Я подбирал материал для художественно-исторического сборника, куда предполагал включить эти работы и дать две своих: 1) о том же старом соборе и 2) о часовнях. Первую статью — о соборе, заключавшую в себе

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

новые архивные материалы, я доложил в Пезанпробе и убедил вынести резолюцию по особо внимательной охране его, как памятника мирового значения, а попутно ознакомил с классификацией переславской старины, составленной в Главнауке. Вторая статья окончательно обработана была лишь в следующем году под влиянием разрушения ряда часовен, находящихся в разных частях города, большей частью на местах бывших храмов.

Под конец лета совершил экскурсию с Петей Пановым на Вашутинское озеро. Обошли его кругом. В разных частях в воде обнаружены были разные находки: керамика и кремни неолитического ???? времени, а сама стоянка найдена на северном берегу близ села Романово в песчаном бугорке на берегу. А в самой воде найден больших размеров каменный кремнёвый топор. Из этих находок была скомпонована особая витрина в археологическом отделении музея.

Туда же в течение зимы мной составлена археологическая карта уезда с нанесением на неё всех пунктов археологического значения. Благодаря ей стали известны и били прямо в глаза два факта: 1) нахождение кривичских курганов исключительно в хлебородной опольской стороне уезда.

К концу года стали проскальзывать тревожные знаки в виде разных обвинений музея и Пезанпроба со стороны местных партийцев и властей. Музею указывали, зачем продавал он церковные вещи, а Обществу — напечатание моей статьи «По забытым путям Залесья»,* причём критика носила совершенно нелепый характер. Разбить её не составляло труда. Но настроение создавалось не очень спокойное. Неясно было, местное ли это только недоразумение, одно из звеньев предыдущей цепи, или что-то большее. Ведь т. Ф. Н. Петров снят с должности начальника Главнауки, а его заместитель Лядов на многое смотрит по-другому. Выявилось вполне это в следующем году.

1929 год

Но не сразу. Первая половина года всё же была довольно спокойная. По-прежнему в центре забот моих было издательство. Средства для этого, хоть небольшие, были. Терять момент не приходилось. Мне думалось, что эта сторона дела прочнее и долговечнее музейной работы. Любой отдел музея, любую экспозицию можно было изменить, уничтожить. Но напечатанное, хотя бы в ограниченном количестве, всё же останется где-то по научным библиотекам и будет существовать, пока не обратится в труху бумага. Ему будет дана надлежащая оценка истории.

Кроме того, я считал это своей основной общественной работой. Никого же не было другого, кто научно работал в Переславле в этой области. Опубликование мною исторических и других материалов, тщательно разысканных мною, несомненно было вкладом в местное краеведение, и по примеру прежних работ совершенно бесплатное. Ни одной копейки за своё авторство я не брал и брать считал грехом. То был подарок моей родине, отплата за радость и счастье бытия. Но свои работы я печатал только тогда, когда

Смирнов, М. И. По забытым путям Залесья / М. И. Смирнов // Доклады Переславль-Залесского научно-просветительного общества. — Переславль-Залесский, 1926. — Т. 15.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

не было других. Всегда отдавал предпочтение другим авторам. На этот раз можно было пустить в печать геологический очерк Переславля, составленный Ю. П. Карпинским. Но приложенная к статье карта, расписанная цветными карандашами по 10-вёрстке генерального штаба, настолько была неясна, что без точных указаний автора издавать её нельзя было. Этим изданием заинтересовался горсовет и обещал субсидию, ибо задумал новый водопровод для города, а без геологического обследования делать его невозможно. Но Карпинский уехал в какую-то отдалённую командировку и на мои запросы не ответил.

Художественно-исторический сборник также не был готов. Для него не дали статьи Н. Р. Левинсон об архитектурных памятниках Переславля, С. В. Бахрушин по его истории и другие. В 10 выпуске трудов музея я напечатал «Актографию Переславль-Залесского края XVIII ст.» и в приложении к ней «Справку о Переславских архивах», а также «Краткую сводку историко-эпиграфических материалов Переславля-Залесского». В 11 выпуске «Историко-географическую (хорографическую) номенклатуру Переславль-Залесского края». В 12 выпуске «Феодальные владения переславских и иногородных монастырей в Переславль-Залесском уезде XIV—XVIII ст.»

Всего в течение трёх лет я издал около ста печатных листов, чего не удавалось сделать ни одному провинциальному музею, ни краеведу, ни областному даже. Переславский музей занял первое место в этом отношении, что отмечено было ВОКСом в его справочном издании для заграницы о музеях. По внешнему виду они производили выгодное впечатление своим шрифтом, бумагой и форматом, несмотря на то, что печатались в местной маленькой типографии. Шрифта едва хватало на восемь страниц, и корректура вследствие этого надоедала неимоверно, причём требовалось закончить её ночью, чтобы к утру была в типографии, иначе произойдёт остановка работ из-за недостатка шрифта. Для наружной оболочки выпусков мною придумана была простая рамка, придававшая ей строгий и серьёзный вид. Настолько она понравилась Пезанпробу, что Елховский без стеснения стал печатать на своих «Докладах» (которые переименовали, по примеру же музея, потом в «Труды»), чтобы не отставать от него хотя бы наружно.

Вместе с окончанием издательства прекратились мои отношения с Гублитом и его уполномоченными на местах. Это заслуживает упоминания. Несчастные то были люди: малограмотные и некультурные. Их насильно заставляли делать такое дело, как цензура учёных трудов, чего удовлетворительно сделать они не могли никак. Ещё подписать афишу, какое-нибудь объявление они были в состоянии, а разобраться в самой лёгонькой брошюре не их было дело. И вот относишь, бывало, в местный ОНО рукопись и сдаёшь её под расписку для цензуры. Уполномоченный Гублита начинает чувствовать себя нехорошо, кладёт её в стол и маринует. Приходилось напоминать по нескольку раз, просмотрена ли рукопись. И нередко кончалось дело вопросом с его стороны: а что, тут нет ничего такого?.. Под этим нужно было подразумевать все антисоветские грехи. Но так как никакой контры намеренно я не протаскивал, а писал так, как умел и считал полезным для советского строительства, то успокаивал несчастного. Он давал разрешительную визу и дело оканчивалось. Но каждый раз тяжело и тревожно было из-за этого. А вдруг я ошибаюсь! Вдруг там окажется что-то неприемлемое! Приходилось рисковать, не ожидая ни критики, ни помощи. Только в крупных центрах

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

наладился этот аппарат, а по районам из-за текучести и неподготовленности тогда его не было.

Из всех моих печатных работ, по-видимому, наибольший успех выпал на первый выпуск — «Старый быт и хозяйство Переславской деревни». Районный агроном Чистов, которому я подарил книжку, потом на музейном совете заявил, что крестьяне наперебой спрашивали её у него и она кочует из деревни в деревню. После этого в газете «Переславский рабочий» появился одобрительный отзыв.* А больше всего отметило эту книжку Русское географическое общество, наградившее меня главным образом за неё малой серебряной медалью. Правда, приняты были в расчёт и другие мои этнографические работы: «Сказки и частушки», из которых для последних я был только редактором. Ещё ранее того А. А. Спицын поместил в журнале «Краеведение» хороший отзыв как о первой книжке «Трудов», так и о последующих нескольких.** Но через некоторое время им была дана оценка совершенно иного характера.

До тех же пор меня занимали другие интересы. Прежде всего мы с Натальей Викторовной в семейном отношении переживали счастливые месяцы: наша дочь Соня, вышедшая замуж осенью прошлого года, приехала с мужем на всё лето. Окончив ВХУТЕМАС, она вышла замуж за художника-аспиранта Порфирия Никитича Крылова.

Без даты.
Без источника.

*[Рецензия на 1 том «Трудов Переславского музея»] // *Переславский рабочий*. — 1929. — 16 мая. — С. 4.

**_Спицын, А. А._ Рецензия на труды М. И. Смирнова / А. А. Спицын // *Краеведение*. — 1929. — № 1. — С. 59—60.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Загорские бумаги

📖 Государственный архив
Ярославской области.
Ф. Р-913. Оп. 1. Д. 23.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Архивная папка «Загорские бумаги» начинается с документов. Из них видно, что 24 октября 1936 года Михаил Иванович подал заявление о принятии на работу в Загорский краеведческий музей, 3 декабря музей ответил согласием, а 15 января Смирнов принят в штат как старший научный сотрудник и заместитель директора по научной части. В первой половине января ему предоставили комнату для жилья в Митрополичьих покоях Троице-Сергиевой лавры.

По справке от 20 марта видно, что Смирнов «проявил себя как честный и добросовестный работник, с большой инициативой и трудоспособностью, вполне соответствующий возложенным на него обязанностям».

Передаём слово самому историку. Он собрал документы, черновики писем, газетные статьи и дополнил их своими примечаниями.

25 мая 1937 года учёный совет Загорского музея

Раевская доложила составленные ею тезисы к отделу XIV века. Дополнительно к ним я зачитал свои в качестве поправок к исправлению исторических ошибок Баклановой и для коллективной выработки согласованного взгляда на Сергия Радонежского, вульгарно и фальшиво, а значит, вредно с антирелигиозной точки зрения трактованного музеем с чужих слов (Горева и других). Оживлённая и отрицательная критика моих предложений. Ни до чего не договорились. Решили: мои тезисы дать для ознакомления всем научным сотрудникам и на следующем совете обсудить окончательно. Тезисы в течение шестидневки перебывали у всех.

Несмотря на мои напоминания директору, Совет собрать не спешил он. Между тем Попова и Бакланова, наиболее заинтересованные в провале моих тезисов, пустили в ход извращение и клевету, чтобы напугать директора Яковлева. Хотя он и благодарил меня за постановку вопроса о Сергии, но как человек неустойчивый, в конце концов пошёл на их поводу. Так второй Совет и не был. Оценка моих тезисов, которых Яковлев не перечитал, в его словах и в тёмных слухах получила незаслуженно одиозную окраску. Я потерял уверенность и боялся подвохов со стороны его вместе с Баклановой и Поповой.

Накануне собрания актива он неожиданно приходит ко мне в служебный кабинет и задаёт вопрос: «Вы не уничтожили тезисы? Они мне нужны». Настроенный подозрительно, я ответил ему в тон: «Уничтожил», и не дал их, считая, что на активе не место разбирать специальные научно-просветительные темы. Для этого имеется Совет.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Троице-Сергиев монастырь в 1337—1447 годах. Тезисы. 1 вариант

1. Троице-Сергиев монастырь возник в 1337 году в процессе колонизации Радонежского княжества, подобно тому, как в других льготных окраинных местностях, где ставились слободы, строились многие иные монастыри XIV—XV веков.

2. В течение 110 лет (с 1337 по 1447 год) он находился в «отечестве» «под державою» радонежских князей, выпустивших его из своих рук после столкновения с троицкими властями, ставшими под защиту великого князя Московского.

3. Отношение монастыря за этот период к великому княжеству Московскому не одинаковое; при Сергии, политическом агенте Дмитрия Донского, и других его преемниках, заинтересованных в накоплении вотчины, покорное и услужливое, при игумене Досифее — враждебное. В 1446 году монастырь становится на сторону Шемяки, участвует в заговоре против Василия II и способствует его аресту в монастыре.

4. Под власть великого князя Московского монастырь переходит в качестве крупной феодальной организации, богатой вотчинами, водами, соляными и другими промыслами, выделявшейся каменным храмом и ценной утварью. Его владения своими размерами затмевают самое Радонежское княжество. Только в меньшей части его вотчины находились в нём, наибольшая же их доля была раскинута по другим княжествам: в великом княжестве Московском, Переславском, Дмитровском, Костромском, Ростовском, Угличском, в Бежецком уезде, Гороховецком, Новоторжском и так далее.

5. Процесс имущественного накопления начался при игумене Сергии, усилился при игумене Никоне и достиг особо большого размаха при игумене Зиновии. Путями накопления служили: добровольные вклады князей и бояр, купля, ростовщичество и торгово-промышленные операции.

6. Мотивы добровольных вкладов вотчинами и другими имуществами вытекали из общей идеологии того времени («душа строити») и из особого культа Сергия, фантастически описанного в «житии» Епифанием, а затем канонизированного в упрощённом порядке.

7. Действительные черты его облика скромнее созданных легенд. Правда, ему нельзя отказать в роли довольно крупного организатора значительного числа монастырей и преобразователя монашеского быта. Но сам он по себе, по отзыву Максима Грека, был «сребролюбец». Угодливо выполняя роль агента великого князя Московского (в Нижнем Новгороде и Рязани), добивался митрополичьего сана. Боярская партия, к которой он принадлежал по происхождению, усиленно выдвигала его кандидатуру. В качестве конкурента интриговал против Митяя, кандидата Дмитрия Донского, и совершенно безучастно отнёсся к опальному митрополиту Киприану.

NB. Оригинал тезисов (второй вариант) сдан Мозжухиным директору 3/VII—37 года и мне не возвращён. Дана копия, переданная мною в обком, в делах которого находится и сейчас, у меня же ничего нет.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

К характеристике Сергия. Тезисы. 3 вариант

Ключ к правильному пониманию личности Сергия надо искать не в «житии», а в фактах его жизни, которые прочно и ясно установлены исторически летописями и другими источниками, и на основании их вывести личные его черты. Факты эти следующие: 1) введение общежития и основание монастырей лично им и его последователями; 2) дипломатические поручения по делам Московского княжества; 3) кандидатура в митрополиты; 4) участие в освободительном движении от татарского ига; 5) близость к московскому великокняжескому двору.

1. Наружно религиозное движение, каким было строительство монастырей в северной Руси самим Сергием и его последователями, в основе имело политическую подкладку.

Введённое им «общинножитие» или, так сказать, коллективизация монашества открывала новые перспективы. Прежние «ктиторские» и «особножитные» монастыри не имели таких задатков роста по самой своей природе. Во-первых, получая готовый хлеб от феодала в качестве «молитвенника», монах был, в сущности, его холоп и терпел гнёт наравне со всеми. В монастырях особножитных хорошо жилось только богатым. Сергиево общинножитие демократизировало монастыри, сюда могла идти и беднота, всякий мог рассчитывать на кров и питание. Последователи Сергия в большинстве люди незнатного происхождения.

Тогда направляли в монастырь людей татарский и феодальный гнёт, с одной стороны, и ханские льготы духовенству, установленные ярлыками, с другой. Временами паника опустошительных эпидемий XIV—XV веков обращала мысль русского человека тоже к монастырю. Монастырь, таким образом, оказался единственным убежищем для русского человека, где он мог спокойно укрыться от татарской дани и феодального насилия, а кроме того, стать выше народной массы в коллективе новой феодальной единицы через владение вотчинами.

В этом секрет успеха инициативы Сергия. Восстановленный им старинный монастырский устав пришёлся как нельзя кстати. Открывшейся возможностью, как проложенной тропой, пошли так называемые «ученики и собеседники» Сергия, а потом ученики его учеников, в необозримые северные леса, и основали десятки монастырей, колонизировавших край и пропагандировавших идею московского единодержавия. Сергий, таким образом, выступает в роли родоначальника монастырского феодального крепостничества, бурно развитого его преемниками и последователями.

Чтобы создать такое именно направление, надо быть прежде по своей природе подлинным феодалом, обладать сильным и стойким характером и быть дальновидным политическим деятелем, боровшимся с задачами текущего момента. Очевидно, Сергий таким и был. Ему было около 40 лет (ввёл общинножитие в 1354 году).

2. Ещё ярче выступает он в качестве дипломата по делам великого княжества Московского в 1365 году (ему был 51 год) в Нижнем Новгороде и в 1385 году (ему был 71 год) в Рязани. Сторонник политики митрополита Алексея,

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

боровшегося за усиление Москвы своим церковным авторитетом и властью, Сергий всецело шёл по его стопам. Исполняя приказание митрополита в силу монашеской дисциплины, он тем не менее не смущался щекотливостью поручения и применял самые решительные меры церковного воздействия и репрессии.

Такие поручения даются людям умным, ловким, находчивым и оборотистым, одним словом — дипломатам.

Таким, очевидно, был Сергий — популярный игумен, облечённый правами гражданской и церковной власти.

3. В деле его кандидатуры в митрополиты Московские можно усматривать новые черты личности Сергия. Выдвинутый в 1378 году (ему было 64 года) митрополитом Алексеем и боярами, он принял назначение не по одному монашескому послушанию, а и по личному желанию, как это можно видеть из того, что он боролся с Митяем, кандидатом Дмитрия Донского, и находился в «размолвке» с самим великим князем. Вынужденно отказался от кандидатуры по необходимости: его не желал князь. Тогда он вступает в тайную переписку с митрополитом Киприаном и признаёт его главой Московской митрополии, в то время как митрополией управлял Митяй.

Отсюда вывод — Сергий был честолюбив и прибегал для достижения своих целей к интригам (инцидент с Дионисием Суздальским).

4. Его участие в освободительном движении от татарского ига несомненно, но не в такой степени и мере, как оно раздуто было впоследствии. Самое движение было массовое, народное: сбросить цепи рабства стремилась вся страна.

Но только случайность выдвинула его в 1380 году (ему было 66 лет) на первый план: в Москве не было митрополита и великому князю пришлось вместо обычного так называемого «первосвященнического благословения» обратиться за ним к популярному «молитвеннику», каким был Сергий.

5. Через брата Стефана и племянника Фёдора, служивших великокняжескими духовниками, Сергий входит в близкие отношения с митрополитом Алексеем и великим князем Дмитрием Ивановичем. Ставит для последнего обетные монастыри в 1379—1381 годах (ему было 65—67 лет), крестит великокняжеских детей: Юрия в 1374 году (ему было 60 лет) и Петра в 1385 году (ему был 71 год), свидетельствует завещание Донского и участвует в его похоронах в 1389 году (ему было 75 лет).

Утраченное родителями Сергия положение в боярской среде блестяще восстановлено им для себя, хотя и в скромном звании радонежского игумена.

Таким образом, во вторую половину своей жизни Сергий выступает довольно видной исторической личностью, оставившей сильный след в истории монастырского крепостничества. Несомненно, он обладал сильным, стойким характером (провёл общинножитие с борьбой), гибким и находчивым умом и достаточным честолюбием, вовлекавшим его в интриги.

Сергий в эту полосу жизни популярный «молитвенник», известный за пределами Московского княжества, горячий сторонник политического роста Москвы и освободительного движения от татарской неволи.

На основании этого первая половина жизни Сергия должна выясняться из особенностей его сформировавшегося и выявившегося в фактах характера

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

за вторую половину. Несомненно, что в пору юношества он носил в себе зачатки развившихся потом его особенностей.

Этот период жизни Сергия известен только из одного сомнительного в биографическом отношении источника, из его «жития», пользоваться которым крайне затруднительно, но миновать его нельзя — на нём основывается обычное представление о Сергии. Таким образом, расшифровать «житие» необходимо, и сделать это надо с большим тактом и осторожностью.

«Бороться с религиозными предрассудками, — говорит Ленин, — надо чрезвычайно осторожно; много вреда приносят те, которые вносят в эту борьбу оскорбление религиозного чувства» (том 23, с. 285).

С «житием» вполне можно согласиться, что Сергий в пору юношества сильно и искренне был захвачен религиозным чувством и господствовавшим в то время мистическим и аскетическим мировоззрением. Другого, лучшего миропонимания не было.

«Религия — это вздох угнетённой твари», писал Маркс (К. Маркс и Ф. Энгельс, сочинения, том 1, с. 399).

Семейная катастрофа, татарские и феодальные ужасы толкнули его именно в эту сторону, возможно, без всякого тогда материального расчёта. Ему надо было уйти от гнетущей действительности и забыться в мире религиозных представлений, которые он исповедует в самом крайнем понимании аскетизма.

Прежний монастырь, каким был тогда Хотьковский, его не удовлетворяет, он по-юношески жаждет подвигов и уединяется с братом в соседнем лесу. Как сильная натура, выдерживает двухлетнюю одиночную жизнь и подвергается всевозможным лишениям. Проверить достоверность этого момента одиночества, сообщаемого «житием», нет возможности, но верно то, что Сергий вместе со Стефаном положили начало новому монастырю на Маковской горе.

Новый монастырь по существу остаётся прежним по своей структуре. Как инициатор его возникновения, Сергий занимает здесь первое место, а 30 лет спустя официально становится его начальником в звании игумена, которое носит до самой смерти.

Старинная идея «общинножития», применявшаяся в Киево-Печерском и Антониевом Новгородском монастырях, пришла ему не сразу, а после того, как он познакомился с так называемым «Студийским уставом». Практически он осуществил его, как можно думать, проживя на игуменстве около десятка лет, когда был окружён книжными и образованными по тому времени монахами, державшими связь с культурными очагами.

Умело и настойчиво Сергий применил эту идею в условиях классового и политического момента, как это изложено выше в пункте 1. Это доставило ему известность и авторитет в церковном мире. Сам цареградский патриарх отмечает его присылкой золотого креста и особого послания.

С этого времени, видимо, бедный в начале Маковский монастырь привлекает богатых вкладчиков (архимандрит Симон из Смоленска и другие) и становится, по словам «жития», знатным и богатым монастырём. Но земельные владения его неясны. Ему несомненно принадлежало место, где стоял монастырь, и близлежащие к нему участки. Но владел ли вотчинами — неизвестно. Судя по близости Сергия к московскому великому князю и местному радонежскому, он мог бы выпросить себе вотчины, как это было

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

в других монастырях. Но, очевидно, можно было жить и при сложившихся условиях: текли добровольные приношения, дававшиеся монахам за их «моления» о «спасении» мирских людей, привлекались к работам богомольцы и несли оброк местные крестьяне. Накоплялись излишки, которые пускались в оборот, как приманка для богомольцев учреждается «странноприимство».

Ещё при жизни о Сергии слагаются легенды о его якобы «чудесах» и «видениях». Его галлюцинации, о которых он разглашает как о реальных фактах (особенно явление богородицы), или, быть может, сочиняет их, чему, однако, в тот век давали полную веру, придают ему необычайный ореол «святости». По смерти Сергия мифотворчество открылось с особой силой в произведения Епифания и Пахомия, как об этом сказано выше.

В конечном выводе Сергий — крупный организатор феодального монашества, родоначальник закрепощения масс, боярин в духовном сане, близкий московскому великокняжескому дому, и хотя в его деятельности есть прогрессивные моменты, всё же в целом он не может быть признан положительным культурно-историческим типом.

* * *

Троицкая лавра заливала страну потоком своих одурманивающих изданий, среди которых основное место отводилось Сергию — его «житию и чудесам».

Возникший на месте лавры музей за 18 лет своей работы до сих пор не сумел противопоставить этому хотя бы что-нибудь. Им не издано ни одной научно-исследовательской работы относительно Сергия, и надлежащей оценки его личности всё ещё не сделано.

Между тем текущий момент, наступивший вслед за принятием Сталинской конституции, настоятельно и остро требует разрешения этого вопроса. Необходимо дать биографию Сергия, написанную так, чтобы она правдиво и веско обрисовывала его подлинные черты без всяких прикрас, чтобы, свободная от вульгаризма, она читалась с интересом и доверием как неверующими, так и верующими.

Научные сотрудники музея не выработали единого и согласного понимания личности Сергия. Не ставили темою своих рефератов его на Учёном совете ни разу. Обычно следуют устарелым установлениям Горева и Костомарова, брошюры которых вышли в первые годы революции и отличаются малой убедительностью и большой бранчливостью. Самостоятельно над этой темой, очевидно, не работали и в разговоре со мной касались её неохотно, считая её скользкой.

Я позже всех начал изучать личность Сергия и в короткий срок не смог охватить её вполне. В процессе исследования менял свою точку зрения и, не закончив выработки твёрдо установившегося взгляда, внёс его в интересах дела в сыром виде на обсуждение нашего коллектива научных сотрудников. Встреченное как сенсация моё сообщение достигло цели: личность Сергия приобрела интерес и все научные сотрудники оживлённо обсуждают её.

Было бы весьма полезно для дела, чтобы они письменно изложили свои взгляды, и таким образом соберётся разносторонний материал, обработать и свести воедино который могла бы *редколлегия*, взявшая на себя это дело. Работу её представляю себе серьёзной и длительной, пока не будет установлен точный взгляд на Сергия, удовлетворяющий всем требованиям.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

12—14 июня собрание актива Загорского музея

Присутствовал на нём инспектор по делам искусств т. Ларин и весь состав служащих музея вместе с техническими служителями.

Директор Яковлев открывал собрание, в своём обращении характеризовал меня как политически отсталого и неграмотного, превозносил Бакланову и Попову, которых обычно ругал, а они его безо всякого стеснения. Эта неожиданная перемена фронта вызвала возражение со стороны кандидата партии Первовой Н. М., комсомолки Кнапской Т. Н. и предместкома Щипанова, которые решительно и смело защищали меня как научного руководителя. Попова и Бакланова, наоборот, язвили и критиковали мои тезисы.

В ответ на это я выступил со всей решимостью против главного вдохновителя интриг т. Поповой, разоблачил её склочничество, неуместные претензии на учёность и манию величия по отношению ко всем. С ней обморок и истерика: рвала на себе платье, дико кричала...

Просил я Ларина освободить меня от обязанностей заместителя директора по научной работе, но он отказал мне и говорил, чтобы хоть полгода я поработал в этой должности и в отдельных разговорах хвалил меня (при Берсе, Раевской и других) как научного работника.

Протокол вела Первова, но потом вместе с Кнапской и другими его переделывали, да так и не оформили.

Не отличаясь крепостью нервов, я был окончательно потрясён и переживал какой-то столбняк, не спал ночей и ждал беды. В отместку мне Попова надавила все пружины и по городу Загорску поползли тёмные слухи, порочившие меня и извращавшие все мои действия. Так тянулись две недели жуткого переживания.

Приказ директора Загорского историко-художественного музея от 28 июня 1937 года № 44

Научного работника Смирнова М. И. за уничтожение тезисов о фигуре и личности Сергия Радонежского, что по существу является уничтожением документа, разоблачающего его (Смирнова) как человека, не порвавшего со своим старым прошлым, враждебным нашему советскому строю, с работы уволить с 1 июля сего года.

* * *

NB. Когда писался этот приказ, тезисы были у т. Мозжухина, которому я передал их тотчас же после актива. Об этом известно было музею.

Расписка Мозжухина

Тезисы М. И. Смирнова: «Троице-Сергиев монастырь в 1337—1447 гг.», *читанные им на учёном совете 25 мая* 1937 г., передал сего числа (3 июля 1937 г.) директору музея т. Яковлеву по указанию инспектора по делам искусств при МОСХ т. Ларина.

3.7.37 г. Мозжухин.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

В Московское областное управление по делам искусств заявление

члена секции научных работников
Московской области М. И. Смирнова
(членский билет № 0722)

Письмом директора Загорского историко-художественного музея т. Яковлева от 3/XII—1936 г. № 682 я был приглашён на должность старшего научного сотрудника, а 15 января сего года состоялось назначение. Вместе с тем я стал заместителем директора по научной части. Свою работу я выполнял по 27 июня сего года, а с этого числа директор, ввиду невозможности использовать, освободил меня от обязанности заместителя, взяв на себя функции по научной части, меня же назначил научным сотрудником с окладом в 225 р. вместо 275, которые я получал раньше.

Сегодня последовал новый приказ: «Научного работника Смирнова М. И. за уничтожение тезисов о фигуре и личности Сергия Радонежского, что по существу является уничтожением документа, разоблачающего его (Смирнова) как человека, не порвавшего со своим старым прошлым, враждебным нашему советскому строю, с работы уволить с 1 июля сего года».

Хотя увольнение меня от должности заместителя по научной части формально неправильно, это дело Областного управления, но я не претендую на роль заместителя директора по научной части и не возражаю.

Что же касается приказа от 1 июля, то протестую против него категорически, как не соответствующего действительности. Можно думать, что в течение трёх дней (с 27 по 30 июня) я уничтожил тезисы о Троице-Сергиевом монастыре, доложенные мною на учёном совете музея 25 мая сего года. Они целы, переданы мною две недели тому назад т. Мозжухину и до сих пор находятся у него. Директору, а равно и всем сотрудникам музея это известно, и тем не менее выдаётся директором за криминал с моей стороны.

Мои тезисы директор считает документом, не ведая того, что они не более как лично мне принадлежащие литературные черновики, которые могли быть документами только после полного обсуждения и принятия музейным советом, чего до сих пор не сделано.

Мои тезисы, состоящие из 8 пунктов, разоблачают слабые стороны экспозиции 1-го отдела музея и вводят новые, пополняющие их исторические факты. Последний представляет собою опыт характеристики Сергия, хотя и неудачный, но во всяком случае не контрреволюционный. Пусть директор обоснует и укажет, на основании чего именно он бросает мне в лицо такое тяжкое обвинение.

Вследствие изложенного прошу Областное управление произвести расследование по настоящему делу, отменить незаслуженно позорящий меня приказ и восстановить в должности старшего научного сотрудника музея.*

М. Смирнов
1/VII—1937 г.
г. Загорск

*5 августа областное управление предложило обратиться в Загорский горсовет, которому подчиняется музей, и ответило, что считает это увольнение правильным.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

В Московское областное управление по делам искусств докладная записка

В дополнение к моему заявлению от 1/VII сего года считаю необходимым представить следующее объяснение.

Получив назначение по заместительству директора Загорского историко-художественного музея по научной части, принятому мною, нужно сказать, после колебаний и отказов, я был поставлен в качестве руководителя в крайне тяжёлые условия. Мне, новому работнику музея, недостаточно подкованному марксизмом и недостаточно знакомому с историей Троице-Сергиевой лавры, пришлось сразу же изучать то и другое, чтобы руководить, а кроме того, работать по подготовке экспозиции «Лавра во 2-й половине XIX столетия».

Первое моё знакомство с экспозицией музея и прослушанные объяснения экскурсоводов и частью научных работников оставили во мне впечатление неудовлетворённости — жёсткого экономизма и частью вещевизма, одностороннего уклона в сторону крепостничества лавры и показа её вкладов, составляющих главное существо экспозиции. Лавры в целом, бывшей мощным фактором феодализма, не оказалось нигде, везде она только эксплуататор и крепостник. Заметно влияние школы Покровского и его продолжателей.

Я взялся за конкретное изучение истории лавры по первоисточникам и пособиям, начав с момента её возникновения. По мере изучения вопроса я убедился, что первая и вторая комнаты I раздела (феодальной раздробленности) составлены слабо и с ошибками. Для меня стало ясно, что в основном они устроены по Гореву и Голубинскому, преимущественно в установках первого. Свои соображения по мере того, как выяснялась мне начальная история лавры, я формулировал в тезисы. Их составлено три варианта. Первый, начальный вариант предъявлялся автору экспозиции т. Баклановой; второй, представляющий собой следующий этап, но ещё не проработанный детально во всех частях, зачитал на музейном совете 25/V сего года, рассчитывая, что мои недочёты и промахи будут исправлены на нём; так как на совете в один день суждения по тезисам не были окончены, то на основании сделанных мне замечаний я составил третий вариант, не заслушанный в совете, хотя просил об этом в самом начале июня.

Первый тезис, доложенный мною на совете, вносит в экспозицию поправку такого рода, что Троице-Сергиев монастырь возник в процессе колонизации по личной инициативе Сергия без какого-либо участия московского великого князя.

Попутно на совете указал на сомнительность аргументации евангелием Семёна Гордого, поступившим в лавру в XVI столетии, а не в XIV, как сделано в экспозиции.

Второй тезис вносит вторую поправку, состоящую в том, что Троице-Сергиев монастырь в течение 110 лет (с 1337 по 1447 год) находился «под державою» удельных Радонежских князей до тех пор, пока великий князь Московский не взял его в своё «государство», что совершенно опущено в экспозиции.

Третий тезис выправляет экспозицию по вопросу о взаимоотношениях Троице-Сергиева монастыря и великих князей Московских.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Как на существенный пропуск указано на участие Троице-Сергиева монастыря в заговоре против Василия II, что совершенно замолчано в экспозиции.

Четвёртый тезис даёт очерк земельных богатств монастыря в момент перехода его к Московскому великому княжеству, характеризуя монастырь как значительного феодала, умело и быстро возвысившегося среди других древних монастырей.

Между тем экспозиция представляет дело обратно, что сами земельные богатства были получены благодаря Москве, что неверно: первое время монастырь много вотчин покупал на свои доходы.

Пятый тезис характеризует Троице-Сергиев монастырь как художественный пункт, богатый в архитектурном, иконографическом и других отношениях, что совпадает с экспозицией.

Шестой тезис восполняет существенный пробел экспозиции — Троице-Сергиев монастырь как пропагандистский очаг, литературно оснащённый в XV веке сильнее других монастырей и лучше их сагитировавший «святость» своего основателя.

Седьмой тезис трактует о причинах бурного роста Троице-Сергиева монастыря, перегнавшего все другие: а) общего порядка духовных феодалов, б) в частности, о политике игуменов Никона и Зиновия, пускавших в ход все средства для пропаганды Сергия как «святого», канонизированного в упрощённом порядке.

О Зиновии в экспозиции нет даже упоминания.

Восьмой тезис представляет собою опыт характеристики Сергия. В сравнении с первым вариантом, в котором я считал его владельцем-вотчинником, далее на основе первоисточников пришёл к убеждению, что нет данных признавать его таковым (см. Голубинский, с. 119), и ошибочно перенёс сюда центр своего суждения о нём, упустив из виду главное, что не рассматривал его в тесной связи с историческими условиями того времени, соотношением классов, борьбой феодалов и деятельностью на укрепление господствующего класса.

Мною подчёркнуто выдвинуты: случайная роль Сергия в деле Куликовской битвы, его интриганская роль в деле стремления получить митрополичью кафедру и его классовая принадлежность к высшему боярству.

Мною допущено мнение о его крайнем мистицизме и галлюцинировании.

Всё это как отдельные штрихи, не увязанные в одно целое. Я полагал, что при обсуждении на совете будет выправлено и получит своё место.

Но фактически произошло иное. Буквально ни один из моих тезисов не был принят. На меня обрушились все, как на дерзкого нарушителя, посягнувшего на сложившиеся музейные установки, закреплённые и не нуждающиеся в каких-либо изменениях. Если отвергнуты были бесспорные исторические факты (нахождение монастыря в Радонежском удельном княжестве, свидетельство Иосифа Волоцкого и другие), то моё суждение о Сергии, отступающее от вульгаризма Горева, хотя не заключало в себе ничего контрреволюционного, носило черты свободного понимания его личности, было выдвинуто как вредная сенсация, услужливо перенесённая затем за стены музея и создавшая легенду о протаскивании мною Сергия.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Истинная суть моего выступления была смята. Меня ошельмовали те, кому неприятны были мои поправки к экспозиции, приняли меры принять этому политический характер и отвлечь внимание от экспозиции. Она действительно отошла на второй план, а я оказался виноватым, в результате чего уволен с работы как человек, чуждый советскому строю.

На собрании актива о моей такой якобы настроенности не было и речи. В резолюции, вынесенной в результате прений, сказано:

> Учёный секретарь т. Смирнов, хотя и является солидным практиком в музейном деле, знает фактически материал по истории и за короткий срок пребывания в музее проделал значительную работу по упорядочению и систематизации документов по лавре, однако несвоевременно реагирует на недочёты в работе музея по научной части и, будучи не подкован марксистско-ленинской методологией, иногда становится в затруднение при разрешении тех или иных вопросов, касающихся научной части музея, и в части проделанной научно-исследовательской работы — в частности, в трактовке личности Сергия, которого т. Смирнов вывел безобидным мистиком, а не расценил его как фигуру, которая способствовала возвышению Московского княжества, участвуя в политической жизни его, всемерно поддерживая политику Московских князей. Всё это говорит о том, что т. Смирнов не сумел преодолеть идеалистических установок, полученных от старой школы.

В то же время резолюция отмечает те недочёты в экспозиции, которые побудили меня выступить с тезисами.

> В экспозиции, — говорится в ней, — имеет место ряд ошибок:
>
> а) Преувеличена роль личности в истории (1-й и 2-й Лжедмитрий, а также Сергий).
>
> б) Неправильно даются предпосылки для возникновения национального государства (цитата — Сергий подготовляет идею объединения вокруг Московского княжества).
>
> в) Неправильно освещены мотивы деятельности лавры в политических событиях страны (лавра в Смутное время).
>
> г) Нет цитат из классиков-марксистов, дающих материалистический взгляд в объяснении исторического процесса.
>
> В экспозиции до сих пор не преодолено влияние школы Покровского.
>
> Несмотря на вскрытие этих ошибок в построении экспозиции, руководством музея не были исправлены, всё это могло иметь место потому, что критика и самокритика в музее отсутствовала, и наконец ещё потому, что среди научных работников не было коллективной помощи друг другу и вообще в музее царила нездоровая обстановка.

Я стал жертвой этой обстановки и на моём примере ясно видно, как опасно выступать с критикой в Загорском музее на учёном совете. Нужно сказать, что мои соображения, зачитанные на нём в виде тезисов, не распространялись мною и не высказывались больше нигде: ни научным сотрудникам, ни экскурсоводам, я не говорил о них никому. Вышесказанное мною в закрытом заседании получило огласку в извращённом виде и ставится мне в вину в этом неправильном освещении. Что же такое Загорский учёный совет? О чём там можно говорить?

В заключение ещё раз прошу Областное управление расследовать дело. Я уволен за антисоветскую деятельность, но ничего антисоветского мною

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

не сделано. Конечно, у меня имеются ошибочные не марксистские взгляды на роль личности в истории, но отсюда не вытекает того, что я антисоветский элемент. Действительно, я слабо подкован марксизмом-ленинизмом, но работаю над ним и пытаюсь овладеть его методологией. Я имею право считать себя владеющим фактическим материалом истории настолько, чтобы вести научную работу в научно-исследовательских учреждениях. Не откажите дать мне эту возможность, оставив меня на работе в Загорском музее.

М. Смирнов
4/VII—1937 г.
Загорск Московской области

В Московский областной комитет союза работников политико-просветительских учреждений заявление

Прилагая при этом копию своего заявления в Московское областное управление по делам искусств от 1/VII сего года и докладную записку ему же от 4/VII сего года о моём неправильном увольнении с работы в Загорском историко-художественном музее, прошу Бюро оказать мне товарищеское содействие производством скорейшего расследования обстоятельств моего увольнения.

Не откажите выслать на место в Загорск (в бывшую Троице-Сергиеву лавру) уполномоченное лицо или комиссию, чтобы разобрать дело всесторонне в связи с собранием актива (13—16/VI сего года) и дать мне возможность реабилитировать себя.

При этом сообщаю, что тезисы о Троице-Сергиевом монастыре в 1337—1447 годах, составленные в трёх вариантах, инкриминируются мне по второму варианту, зачитанному мною на музейном совете 25/V сего года. Рукопись находится у директора музея, обратно мне не возвращена, и потому я не мог приложить её, как это требует дело.

Приложения:

1) Заявление 1/VII. 2) Докладная записка 4/VII.

7/VII—1937 г.

Директору Загорского историко-художественного музея

Тезисы о «Троице-Сергиевом монастыре в 1337—1447 гг.», зачитанные мной на музейном совете 25/V сего года, переданы Вам т. Мозжухиным 3/VII сего года, в чём имеется у меня расписка последнего.

Имея неотложную надобность в них, прошу Вас срочно возвратить мне рукопись в оригинале, оставив себе, если нужно, копию. Рукопись — моя литературная собственность, писанная вне служебного времени.

М. Смирнов.
7/VII—37 г.

* * *

NB. Мои тезисы Яковлев, несмотря на требования Ларина, не высылал в Москву числа до 20/VII. В них он вовсе не нашёл того криминала, который внушили ему. Не знал, что делать. Пустил утку, что тезисы я подменил,

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

не зная, что Мозжухин дал расписку мне, совершенно уничтожающую эту ложь. Он признал их теми именно, которые зачитаны были мной на Учёном совете музея.

NB. В другой вечер (9 июля), когда обсуждалась статья Волкова, я был в своей квартире. На собрании К. Осташков спросил, почему же меня нет? Директор ответил, что я в Москве. Тезисы у него были в кармане. Попова и Бакланова лили на меня грязь без стеснения. Прочие терроризированы и молчали. Никто из тех, кто защищал меня ранее, не посмели возразить, хотя отлично знали подкладку дела.

Руководители музея проглядели врагов народа

Волков, В. Руководители музея проглядели врагов народа / В. Волков // *Вперёд*. 1937. 8 июля. С. ?.

Антирелигиозный музей (бывшая Лавра) должен играть главную роль в проведении антирелигиозной пропаганды. Все возможности для этого у него есть, то есть в распоряжении музея находятся богатейшие материалы.

Работники музея много говорят о перестройке антирелигиозной работы в соответствии с последними решениями нашей партии. Но толку от этих разговоров нет. Вся работа музея резко расходится с требованиями, которые предъявляются сейчас антирелигиозному фронту.

Политическая беспечность, притупление бдительности привели к тому, что музей используется врагами народа в своих интересах. Это знают руководители музея, но до последних дней не тревожились. Сигналы многих работников музея директором тов. Яковлевым во внимание не принимались.

Боязнь вынести сор из избы, нежелание практически проводить в жизнь решения февральского пленума ЦК ВКП(б) и указания тов. Сталина — привели к тому, что до последних дней в совете музея в должности учёного секретаря подвизался некий Смирнов.

Используя политическую беспечность руководства музея в лице тов. Яковлева, Смирнов дошёл до такой наглости, что на учёном совете выступил с докладом, превозносящим Радонежского «чудотворца» Сергия. Воздавая «чудотворцу» хвалу и честь, «учёный муж» зашёл очень далеко и, боясь, как бы чего не вышло, сразу после доклада уничтожил свои тезисы.

Эта враждебная вылазка никого не удивила и отпора ей не дали. Сотрудники музея забыли о том, что Смирнов является бывшим воспитанником Вифанской духовной семинарии и не так давно отбывал заключение.

Также до последних дней в качестве экскурсовода музея, на покладая рук «работал» и некий Берс, который ни от кого не скрывал, что является «верующим» человеком. Об этом знал и директор тов. Яковлев. Берс в течение нескольких месяцев также вёл гнусную работу, используя музей в своих целях. Отпора он тоже ни от кого не получил, и сейчас этот сектант (как его называет сам тов. Яковлев) уволен из музея по... собственному желанию!

При таком положении в стенах музея своевременно задать тов. Яковлеву вопрос:

— Когда же музей, его руководители и все сотрудники поймут задачи, стоящие перед ними? Когда они из пошехонцев превратятся в настоящих антирелигиозных работников, выполняющих указания партии.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

По следам наших выступлений

Волков, В. По следам наших выступлений / В. Волков // *Вперёд*. 1937. 16 июля. С. ?.

Коллектив Загорского историко-художественного музея, обсудив статью, помещённую в газете «Вперёд» 8 июля под заголовком «Руководители музея проглядели врагов народа», признал её правильной.

Сотрудники музея обязуются в основу своей дальнейшей работы положить решение февральского пленума ЦК ВКП(б) и указания тов. Сталина о бдительности и овладении большевизмом. Решено немедленно развернуть политическую учёбу среди сотрудников музея.

Общее собрание даёт обязательство: беспощадно разоблачать вылазки врагов народа и при помощи партийной и профессиональной организации превратить музей в действительный центр антирелигиозной работы.

* * *

NB. Мой инцидент заставил райком обратить внимание на весь музей в целом. Началось обследование. Кнапская раскрыла фальшивые карты директора и сообщила, что тезисы целы. Их читали и ничего опасного и вредного не нашли. При помощи их открыли ошибки в экспозиции Баклановой. Собирались сведения о ней, Поповой и самом Яковлеве, сомнительном партийце и прохвосте.

Назначен замдиректора Вощилин, руководитель физкультуры с одной из местных фабрик, но говорил, что окончил Институт красной профессуры.

Он, что называется, съел потом всех. Музей закрыли. Уволили Яковлева, Бакланову и Попову.

Уничтожить все следы вредительства врагов народа в Загорском музее!

Мирский. Уничтожить все следы вредительства врагов народа в Загорском музее! / Мирский // *Вперёд*. 1937. 30 июля. С. ?.

Загорский историко-художественный музей известен многим гражданам не только нашей страны, но и за рубежом. Сюда приезжают экскурсанты из различных районов Московской области. Приезжают за тем, чтобы своими глазами увидеть роскошную и развратную жизнь «святых отцов» под покровительством святоши — развратного Сергия. Масса людей, приходящих в музей, жадно ловит каждое олово, относящееся к деятельности монастыря в прошлом, и это, понятно, неслучайно. Граждане нашей страны великолепно знают, какую гнусную роль играла церковь вместе с попами в прошлом вообще и какую роль, в частности, играл такой крупный центр реакции и мракобесия, как Сергиевская лавра.

Являясь оплотом царского самодержавия и выполняя социальный заказ помещиков и капиталистов, лавра спекулировала доверием верующих и благословляла их омерзительные дела — обрекая десятки миллионов людей на уничтожение в хищнических империалистических, захватнических войнах.

Царизм знал, какой аппарат представлял собою монастырь, и на протяжении нескольких веков задаривал своих верных слуг.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Естественно, каждый посетитель хочет знать историческую правду о монастыре, о его роли в роскошной обстановке, в которой жили «спасающие душу» проходимцы и развратники, ещё раз убедиться в правоте великих учёных, отрицающих существование бога, святых и их чудес.

Но напрасны ожидания посетителя. Первое, что бросается в глаза вошедшему в музей человеку — это полнейший развал и разрушение памятников архитектуры, как с внешней, так и с внутренней стороны, хотя средства на ремонт и реставрацию музею отпускались ежегодно.

Но если с внешней стороны музей представляет сплошные руины, то и в содержании развёрнутой экспозиции, относящейся к истории возникновения монастыря, посетителям музея навязывается неверная, вульгарная и вредная буржуазно-помещичья историография.

В экспозиции нет правильного научно-политического отражения бывшей Лавры и в связи с ней — истории русского народа. Строя эту экспозицию только на предметах, вещах, вкладах князей, царей бояр, богатых купцов и не давая марксистско-ленинского истолкования этих экспонатов — музей тем самым занимается пропагандой и восхвалением этих жертвователей.

Имеющаяся экспозиция не даёт посетителю ни политического, ни художественного, ни антирелигиозного воспитания.

Доступные для осмотра экспонаты музея в большинстве своём — в плохой сохранности, они разрушены, загрязнены, порваны и поломаны.

Экскурсоводы и научные работники не обеспечивают политически правильного объяснения экспонатов. Каждый объясняет их по-своему.

Такое положение свидетельствует о том, что в музее крепко свили себе гнездо классово-враждебные элементы.

Люди, которым вверено музейное дело, являются прямыми врагами народа.

В музее до последнего времени научными делами ведал некий Смирнов, который окончил Вифанскую духовную семинарию и ссылался за вредительство в Переславль-Залесском музее.

Старший научный сотрудник Бакланова также с весьма сомнительным научным багажом и также ссылалась за контрреволюционную работу, после чего работала в Истринском (областном) музее, где долгое время подвизался враг народа Шнейрсон.

Рябинин — бывший полковник, имеющий связь с заграницей, принят в качестве художника, а по специальности... военный топограф.

Берс — экскурсовод — бывший дворянин — сектант, толстовец.

Попова-Курбатова — хранитель фондов, ранее также работала в Истринском музее. Квартира Поповой-Курбатовой является местом явки всяких проходимцев и дельцов.

Много ещё всяких растратчиков и проходимцев нашли себе приют и покровительство под сенью монастырских стен, но остановимся на руководителе музея, его директоре — Яковлеве.

До прихода в Загорский музей он прошёл школу, как и многие другие работники Загорского музея, у врага народа Шнейрсона и при ближайшей помощи Шнейрсона и с согласия областного комитета искусств, его председателя Бисярина, назначен директором Загорского музея.

В прошлом Яковлев исключался из партии за политическую близорукость.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Вот таким-то людям и доверено творить музейную политику.

Бюро РК ВКП(б) совершенно правильно решило: за засорённость аппарата музея, за вредительство и развал его исключить Яковлева из партии.

Работникам музея — партийно-комсомольскому ядру необходимо до конца вскрыть вредительство в музее и, поднимая выше свою политическую бдительность, вывести работу музея на правильный путь.

24 июля 1937 года, письмо из Загорского краеведческого музея

Т. Смирнову М. И.

Ввиду того, что Вы уволены с работы музея, Вам предлагается освободить занимаемую квартиру (в здании Митрополичьих покоев) в 3-х дневный срок.

В противном случае дело будет передано в Нарсуд о выселении.

Комендант. Секретарь.

* * *

NB. Вощилин сейчас же занял мою квартиру, выгнав меня всякими застращиваниями. Только 30 июля мне удалось нанять автомобиль, уложить на него все вещи и переехать к тестю моего сына на дачу в Томилино.

Клевета на прошлое русского народа

Кнапская, Т. Клевета на прошлое русского народа: «научная» работа Загорского музея / Т. Кнапская // *Рабочая Москва*. 1937. 28 августа. С. ?.

Загорский исторический и художественный музей (бывшая Троице-Сергиевская лавра) находится всего в полутора часах езды от Москвы и в нескольких шагах от Загорского райкома ВКП(б). В музее открыто для посетителей два исторических отдела.

Первый из них охватывает XIV—XV века и начинается с истории возникновения монастыря.

История лавры непосредственно связана с историей Московского государства. В отделе приведены две картины: одна, иллюстрирующая начало собирания земель московскими князьями, другая — завершение этого собирания.

Как экспонированы эти картины?

Казалось бы, после опубликования замечаний тт. Сталина, Кирова, Жданова по поводу проекта учебника истории СССР, историкам должно быть ясно, что объединительная политика московских князей имела прогрессивное значение. Известно, что русский народ в битве с татарами на Куликовом поле сражался за свою независимость. Известно, что татарское иго было тягчайшим бедствием для русского народа и что борьба русского народа против татар была борьбой за независимость.

Однако об этом в экспозиции ни слова. Народ и его героическое прошлое совершенно «выпали» из экспозиции. Автор экспозиции, научный сотрудник музея Н. Бакланова, строила отдел согласно антиисторической схеме Покровского, которую поддерживали и «развивали» проникшие в ряды историков

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

враги народа — троцкисты. Нагло фальсифицируя историю русского народа, они сознательно замалчивали героическую борьбу за свою независимость, которую вёл русский народ против татарских, польских, немецких и других захватчиков.

В полном согласии с антимарксистской схемой Покровского экспонирован в музее раздел об образовании Московского государства. В тексте цитируется даже следующее высказывание Покровского: «Благодаря выгодам географического положения, союзу с татарами и поддержке церкви московский князь сделался понемногу главой всех русских князей».

Это — явное искажение исторической правды. Безусловно, выгоды географического положения способствовали возвышению Москвы, но Московское государство возникло не в союзе и при помощи татар, а в борьбе против татарско-монгольского ига. Товарищ Сталин в своей работе «Марксизм и национально-колониальный вопрос», касаясь образования Московского государства, как и других крупных государств востока Европы, пишет: «...интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия».

Именно поэтому население, особенно население городских посадов, а также мелкие феодалы поддерживали собирательную политику московских князей, о чём в экспозиции нет ни слова.

Щедро цитируя Покровского, автор экспозиции в то же время воздерживается от приведения характеризующих тот или иной исторический факт цитат из произведений классиков марксизма. В первом отделе совершенно отсутствуют высказывания Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина.

Второй отдел охватывает период в 80 лет и кончается воцарением Михаила Романова (1613 г.). Недостатки первого отдела в той или иной степени свойственны и второму. «Экономический материализм» Покровского переплетается здесь с голым субъективизмом. С одной стороны, всё пропитано экономическим фатализмом, с другой — исторические личности обладают какой-то магической силой. Отношение народа, отдельных классов и групп к политике того или иного деятеля не показано. «Народ безмолвствует».

Текст, разъясняющий обстановку в России начала XVII века, ограничивается сухим упоминанием о том, что Лжедмитрий I встретил поддержку в Польше. Ни слова о том, что он выступал как прямой агент Польши, как ставленник польских панов, начавший раздавать им русские земли ещё до вступления на престол.

А Лжедмитрий II и вовсе выведен в экспозиции в качестве... вождя крестьянского восстания. Приём известный. Подвизавшиеся на историческом фронте враги народа с помощью бесчестных подтасовок перекрашивали торговавших родиной авантюристов в революционеров.

Вражеская эта линия целиком нашла отражение в экспозиции музея, совершенно затушевавшей героическую борьбу русского народа с польскими захватчиками. А ведь экспозиция открыта через 7 месяцев после опубликования замечаний тт. Сталина, Кирова, Жданова на учебник по истории СССР, где ясно говорится, что Лжедмитрий II, как и I, были ставленниками и агентами Польши, продававшими свою родину польским панам.

Загорский музей по составу своих экспонатов должен и может быть не только историческим, но и антирелигиозным музеем. Но этого нет. За ис-

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

ключением объяснительного текста над мощами и одной цитаты о религии из работ Ленина, данной вне всякой связи с экспозицией, — не видно даже и попытки дать антирелигиозный текст.

Вещи религиозного культа экспонированы только под их церковными, поповскими названиями. Посетитель, не освободившийся от религиозного дурмана, может принять эти названия всерьёз. Вот, например, типичная надпись: «Золотые кресты-мощевики — вклад Марфы Владимировны Старицкой». Что за «мощевики» — объяснения не дано. И кому интересно, что «вклад» этот сделан благочестивой Марфой Владимировной?

Экскурсоводы музея недостаточно квалифицированы и не могут своими объяснениями восполнить пробелы в экспозиции. Большей частью они следуют слепо за текстом надписей. Чтобы судить об уровне экскурсоводов, достаточно сказать, что изданные в 1875 году «Краткие очерки русской истории» Д. Иловайского до недавних пор являлись их настольной книгой.

Многие недостатки и ошибки в экспозиции были вскрыты давно. Однако руководство музея до сих пор не приняло никаких мер к исправлению их. В музее сложилась нездоровая обстановка — круговая порука между частью старых научных сотрудников и директором музея, зажим критики и самокритики и, как естественный результат, потеря бдительности. Выдвинутое отдельными сотрудниками требование ликвидировать последствия вредительства в музее встретило решительное сопротивление со стороны научных работников музея Баклановой и Поповой, экскурсовода Белкиной и самого директора музея Яковлева.

Это не случайно. В музее в качестве научных сотрудников работают люди, не внушающие политического доверия. Среди научных сотрудников музея имеются люди, которые в недалёком прошлом высылались за контрреволюционную деятельность.

В середине июня состоялось совещание актива музея, посвящённое выполнению решений февральского Пленума ЦК ВКП(б). Директор музея тов. Яковлев в своём докладе на совещании по существу смазал крупнейшие ошибки в работе музея. Им не была подвергнута критике имеющаяся музейная экспозиция, не был даже затронут вопрос о преодолении просочившихся в музей вредительских «теорий» троцкистских «историков».

Когда же часть научных сотрудников выступила с критикой существующей экспозиции и в частности её автора — Баклановой, Яковлев встретил эту критику в «штыки». В своём заключительном слове он обрушился на критиковавших, заявив, что всем им надо учиться у Баклановой.

После опубликования решений партии и правительства от 16 мая 1934 г. о преподавании истории в школе прошло три года, после опубликования замечаний тт. Сталина, Кирова, Жданова на конспекты учебника по истории — полтора года, после решений февральского Пленума ЦК ВКП(б) — шесть месяцев. Наша школа получила одобренный жюри правительственной комиссии «Краткий курс истории СССР». И всё же до сих пор в музее ничего не изменилось. До сих пор Загорский райком не замечает, что под боком у него десяткам тысяч трудящихся преподносится искажённая, опошленная история. Ведь за год через залы музея проходит не менее ста тысяч человек. И всем им очень тонко, очень завуалированно пытаются внушить враждебные марксизму-ленинизму взгляды на исторический процесс.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Загорский райком ВКП(б) и культпросветотдел МК ВКП(б) должны немедленно вмешаться в это дело и оздоровить музей, который может и должен стать одним из центров распространения исторических знаний и антирелигиозной пропаганды.

Т. Кнапская,
научный работник музея.

* * *

NB. Но подлая Попова какими-то путями сумела реабилитироваться и снова возвращена на работу в музей. Публично заявляла, что не допустит меня в случае успеха моих хлопот в музей ни под каким видом.

Выписка из протокола заседания Московского областного бюро Секции научных работников обкома Союза работников политпросветучреждений от 16 сентября 1937 года

Слушали № 2. Доклад комиссии по расследованию дела об увольнении т. Смирнова М. И. из Загорского историко-художественного музея (т. Кизичев).

Постановили: На основании представленных комиссией материалов по делу об увольнении т. Смирнова М. И. из Загорского историко-художественного музея Бюро СНР считает, что Смирнов не является подходящим работником в Загорском музее, а потому МОБ признаёт его увольнение по существу правильным, формулировка же приказа об увольнении не является соответствующей действительности (уничтожения тезисов не было), они имеются в материале.

Московское областное бюро СНР считает, что Смирнов М. И. может нести работу по своей специальности — непропагандистского характера.

Секретарь.

* * *

NB. Председатель специальной комиссии по моему делу профессор Николай Михайлович Кизичев (Музей революции) прямо сказал мне, что в моих тезисах криминала нет и в обыкновенное время меня восстановили бы на работе, но по требованию представителя МК не могли сделать этого.

Председатель бюро секции профессор Мантейфель отнёсся к моему делу сухо, официально.

В Московский обком политпросветучреждений

от члена секции научных работников
М. И. Смирнова.

Ознакомившись с выпиской из протокола заседания Московского областного бюро Секции научных работников от 16/IX—37 года, считаю необходимым заявить:

1. Я приветствую ту часть постановления бюро, в которой говорится: «формулировка же приказа об увольнении не является соответствующей действительности (уничтожения тезисов не было)».

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Отсюда следует: приказ директора Яковлева по существу построен на ложных положениях и поводов к моему увольнению не было.

2. Отрицая эти поводы, в то же время бюро безмотивно признаёт меня неподходящим работником и моё увольнение по существу правильным, или, другими словами — вывод, неизвестно на чём построенный, находится в логическом противоречии с установленным комиссией фактом.

3. Плохо увязывается и заключительная часть постановления, в которой говорится, что я могу «нести работу по своей специальности — непропагандистского характера», то есть с ограничением моей специальности, что сделано также бездоказательно.

4. Основываясь, с одной стороны, на противоречии и на отсутствии мотивировок в постановлении бюро, с другой — на отсутствии инкриминируемого мне факта, по которому я уволен, не считаю возможным удовлетвориться этим постановлением бюро.

Прошу поэтому Обком сделать из материалов обследования комиссии выводы, соответствующие революционной законности в свете Сталинской конституции, охраняющей права советских граждан на труд: восстановить меня на работу с выплатой за вынужденный прогул, так как при таком приказе, пока не была установлена его лживость, встать на работу в другие учреждения никакой возможности не было.

При этом заявляю, что задерживаться в Загорском музее не собираюсь, — немедленно подам заявление об отставке и, получив характеристику о работе, сейчас же выйду на пенсию по возрасту: мне 70-й год.

М. Смирнов.
26/IX—37 г.

Постановление Московского обкома Союза работников политпросветучреждений

26/IX—37 г. в порядке надзора была разобрана жалоба М. И. Смирнова о неправильном снятии его с работы из Загорского историко-художественного музея, согласно приказа от 28 июня 1937 года § 7, в котором говорится, что научный работник Смирнов М. И. за уничтожение тезисов о фигуре и личности Сергия Радонежского, что по существу является уничтожением документа, разоблачающего его (Смирнова) как человека, не порвавшего со своим старым прошлым, враждебным нашему Советскому строю, с работы уволить с 1-го июня сего года.

После ознакомления с материалом и опроса сторон выяснено следующее: М. И. Смирнов в Загорском историко-художественном музее работал с 15 января 1937 года в качестве заместителя директора по научной части, 25/V сего года на музейном совете Смирнов зачитал разработанные им тезисы о Сергии Радонежском, после чего они музейным советом были признаны как антисоветскими, согласно чего был издан вышеизложенный приказ, где говорится, что после этого тезисы М. И. Смирновым были уничтожены.

Но обстоятельство дела таковое.

Тезисы уничтожены не были и по обращению М. И. Смирнова с жалобой на увольнение в обком Союза политпросветучреждений обком Союза создал комиссию из научных работников для рассмотрения тезисов, после чего

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

установлено следующее: тезисы Смирнова не были обоснованы с точки зрения марксистско-ленинской историографии, М. И. Смирнов в практической работе не проводил тех задач, которые перед нами ставит сейчас Партия и Правительство, а поэтому Смирнов ни в коем случае не может быть использован на политико-просветительной работе и на работе пропагандистского характера.

Исходя из вышеизложенного, увольнение Смирнова считать правильным, но учитывая, что увольнительная формулировка противоречит КЗОТу, предложить директору музея изменить формулировку Смирнову в пределах статьи 47 КЗОТ.

Инспектор труда (подпись) Васин.

В Московский обком Союза работников политпросветучреждений

от члена секции научных работников
М. И. Смирнова.

2 октября сего года мне объявлено инспектором труда т. Васиным постановление его от 26/IX—37 года о неправильном снятии меня с работы из Загорского историко-художественного музея.

Несмотря на то, что дело тянулось три месяца, ни бюро СНР, ни инспектор труда не успели за этот продолжительный срок ознакомиться с ним как следует и сделать правильные выводы.

Относительно противоречивости и необоснованности протокольного постановления Московского областного бюро СНР от 16/IX сего года мною изложено инспектору труда в особом заявлении, которое находится у него в моём деле.

В самом же постановлении инспектора труда содержатся следующие неправильности: 1) музейный совет, как видно из материалов моего дела, не был закончен, никакого постановления о моих тезисах не вынес и антисоветскими не считал их; 2) приказ директора Яковлева о моём увольнении был издан не согласно постановления музейного совета, а по соображениям, преследовавшим одну определённую цель: создать под видом будто бы особой бдительности своеобразную дымовую завесу для сокрытия разных компрометировавших музей ненормальностей, а не для пользы дела.

Время и обстоятельства, происшедшие после моего увольнения, оправдали меня сами: директор Яковлев смещён и исключён из партии, музей бессрочно закрыт вследствие неудовлетворительности его экспозиции, уволены те лица — Бакланова и Попова, с которыми я боролся на этой почве.

Мои тезисы «Троице-Сергиев монастырь в 1337—1447 годах» ничего антисоветского в себе не содержат, как это подтверждено и отзывами профессоров-экспертов. Эту небылицу можно было распространять только под флагом уничтожения моих тезисов, чего, как убедились все, не было.

Я работал в Загорском музее всего 5,5 месяцев и за этот небольшой срок, не получив в наследство никакого научного архива, успел создать: 1) картотеку по библиографии литературы о Сергии Радонежском и Троицкой лавре в количестве 400 карточек; 2) просмотрел лаврские описи и разные книги, документы по истории лавры за вторую половину XIX века, результаты

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

чего в виде черновых наметок и записей мною оставлены в особой папке; 3) связал музейную библиотеку с центральными — имени Ленина и имени Горького, брал оттуда необходимую историческую литературу и знакомил с ней научных сотрудников; 4) изучал начальную историю лавры по первоисточникам и в виде первого наброска изложил свой взгляд в упомянутых выше тезисах (в настоящее время обрабатываю их в исторический очерк, по окончании чего представлю свою работу на консультацию и, в случае одобрения, для печати); 5) поручил другим научным сотрудникам дать тезисы к экспозиции, что те и сделали, и на первом же заседании музейного совета 25/V сего года обнаружились недочёты и уклоны в экспозиции Баклановой, отчего и загорелся весь сыр-бор (меня как виновника всего надо было убрать, что и сделали, но себя не спасли); 6) наконец, добровольно предложил свои услуги и составил топографический инвентарь I и II разделов экспозиции, Троицкого и Успенского соборов, чего в музее не было до меня.

Очевидно, лица, которым было поручено расследование моего дела, ничего этого не сумели вскрыть, меня не вызывали ни в комиссию, ни в бюро ни разу, я ловил их поодиночке и старался информировать, но это не достигло цели: иначе не писали бы они, что я «не являюсь подходящим работником в музее». Инспектор по делам искусств т. Ларин при свидетелях аттестовал меня как ценного научного работника, а когда Яковлев уволил меня, что было для него полной неожиданностью, нашёл его действия незаконными, считая, что уволить меня могло только областное управление по делам искусств, и распорядился, чтобы я представил ему список моих печатных работ и автобиографическую записку для исходатайствования мне персональной ставки в ответ на это увольнение. Потом, испугавшись созданной обо мне шумихи, стал относиться иначе: нашёл уже «увольнение правильным».

Основываясь на изложенном выше, я не считаю возможным удовлетвориться постановлением инспектора труда и прошу обком пересмотреть дело или направить его в ЦК Союза политпросветучреждений, чтобы реабилитировать меня, как я об этом просил ранее.

При этом заявляю, что директор Загорского музея т. Вощилин, когда я ознакомил его 4/X сего года с постановлением инспектора труда, согласился лишь дать мне справку о том, что я уволен по невозможности использования на данной работе по статье 47 КЗОТа, но приказа Яковлева изменять не будет. Предместкома т. Кнапская, к которой я обратился за разъяснением, могу ли я рассчитывать получить от месткома удовлетворительную характеристику о моей работе в музее, чтобы хлопотать о пенсии, мне в этом отказала.

Таким образом, практически постановление инспектора труда сведено на нет. Пошёл четвёртый месяц, как я не могу стать на работу в другие учреждения и, что всего трагичнее для меня, не могу получить пенсию (мне 70-й год, 45-летний стаж работы). Я не собираюсь служить в Загорском музее, который в случае издания моей работы по начальной истории лавры будет пользоваться ей для реконструкции экспозиции, а сейчас же по реабилитации начну хлопоты о пенсии. Не откажите ускорить решение дела на основе революционной законности, охраняющей права советских граждан на труд и обеспечение старости, у меня иссякли последние средства к жизни.

М. Смирнов
7/X—1937 г.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

* * *

Это заявление возвратили мне и направили к юрисконсульту Рудиеву. Он нагнал на меня настоящую панику: был самый острый момент бдительности. Советовал «притаиться» и не напоминать о себе, иначе будет худо.

* * *

Январский пленум ЦК ВКП(б) о неправильных исключениях и увольнениях.

Не сразу воспользовался я этим решением, болел, колебался. Отправился в обком, председателем которого был т. Румянцев из Планетария. Успокоил меня, что дело может быть поправлено быстро. Продиктовал мне текст заявления и направил в Загорск, где меня ожидало полное разочарование.

20/II—1938.

В Московское областное управление по делам искусств заявление

В Загорском историко-художественном музее я работал 5,5 месяцев в должности заместителя директора по научной части и старшего научного сотрудника с 15 января по 1 июля 1937 года.

Не получив в наследство никакого научного архива, успел за это время — 1) создать картотеку по библиографии литературы о Сергии Радонежском и Троицкой лавре в количестве 400 карточек; 2) просмотреть лаврские описи и разные книги, документы за вторую половину XIX столетия, результаты чего в виде моих черновых заметок и записей составили особую папку; 3) связал музейную библиотеку с центральными — имени Ленина и имени Горького, брал оттуда необходимую историческую литературу и знакомил с ней научных сотрудников; 4) добровольно предложил свои услуги и составил топографический инвентарь I и II разделов экспозиции, Троицкого и Успенского соборов, чего до меня не было; 5) изучал начальную историю лавры по первоисточникам.

Моя работа встречала одобрение как со стороны директора т. Яковлева (смотри приложение 1), так и со стороны инспектора по делам искусств т. Ларина, аттестовавшего меня в присутствии сотрудников музея как ценного научного работника.

Уяснив себе основные недостатки музея, а именно, что музей, занявший место лавры, заливавшей страну потоком своих одурманивающих изданий, сам не сумел противопоставить этому ничего дельного в экспозиции и решительно ничего в литературе о Сергии Радонежском (это за 18 лет существования) и вёл антирелигиозную агитацию на дешёвом вульгаризме, я решил поставить дело научно. В надежде привлечь коллектив сотрудников к этой работе, я на четвёртом месяце своего пребывания в музее выступил с начальным эскизом на тему: «Троице-Сергиев монастырь в 1337—1447» в виде кратких тезисов.

Моё выступление вызвало эффект, но совсем не тот, на что я рассчитывал. На совете, затянувшемся в прениях, не договорились ни до чего определённого, решили, чтобы каждый сотрудник ознакомился с ними, и на следующем учёном совете вынести окончательное решение. Мои тезисы были потом

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

в руках каждого музейного сотрудника, все с ними ознакомились, но второго музейного совета директор не собрал, несмотря на мои напоминания.

Вместо этого борьба со стороны обиженного автора неудачной экспозиции о Сергии и некоторых других лиц во главе с директором была вынесена на актив (13—16 июня) в присутствии т. Ларина. Образовалось две партии: Яковлев, Бакланова и Попова, которые обвиняли меня, — кандидат партии Первова, комсомолка Кнапская, предместкома Щипанов и член месткома Раевская защищали меня.

Дальнейшая борьба со стороны первой группы была переброшена куда-то за стены лавры, превратилась в циркулировавшие по Загорску слухи, что я восхваляю «чудотворца» Сергия. Напряжённость состояния разрешилась приказом директора от 28 июня о смещении меня в младшие сотрудники, а 1 июля увольнением: «Научного работника Смирнова М. И. за уничтожение тезисов о фигуре и личности Сергия Радонежского, что по существу является уничтожением документа, разоблачающего его (Смирнова) как человека, не порвавшего со своим старым прошлым, враждебным нашему советскому строю, с работы уволить с 1 июля». (Приказ почему-то снова от 28/VI—37 года, § 7.)

Уничтожения тезисов не было, я не дал их т. Яковлеву на актив, после которого по просьбе т. Мозжухина, командированного областным управлением для инвентаризации, передал их ему, и они находились у него до 3 июля, когда он вручил их Яковлеву, а мне дал в этом расписку (приложение 2).

Для т. Ларина моё увольнение было полной неожиданностью, он нашёл действия Яковлева незаконными, считал, что уволить меня могло только областное управление по делам искусств, и распорядился, чтобы я представил ему список моих печатных работ и автобиографическую записку для исходатайствования мне персональной ставки. Потом, испугавшись созданной обо мне шумихи, переменил отношение и юлил, и 5 августа (за № 392) уведомил меня, что «для разрешения вопроса мне следует обратиться непосредственно в горсовет», а моё увольнение считает «правильным».

Ожидая решение областного управления (т. Бисярин меня не принял и не выслушал ни разу), я попал на страницы местной загорской газеты «Вперёд» (от 8/VII—37 года № 93/936), объявившей меня «врагом народа» за то, что превозносил на закрытом заседании «чудотворца» Сергия и сразу же после доклада уничтожил тезисы. На следующий день эта заметка обсуждалась на собрании служащих Загорского музея. Меня не пригласили. Несмотря на то, что тезисы были в руках Яковлева и все сотрудники знали, что они целы, все настолько были терроризованы, что никто не посмел открыть рта в мою защиту. Резолюция их гласила, что заметка составлена правильно, о чём снова были поставлены в известность все читатели газеты (от 16/VII № 98/941).

При той панике, какая создалась в музее, мне не приходилось рассчитывать на защиту месткома и потому, минуя РКК, я подал заявление в секцию научных работников. Но никак не мог получить от Яковлева тезисы. Копию их он мне отдал 19 июля, а в областное управление отослал 22 июля. Нескоро сорганизовалась специальная комиссия, нескоро приступила к делу.

Пока я ожидал её, т. Вощилин, занявший должность заместителя директора по научной части, ультимативно предложил мне в трёхдневный срок очистить квартиру и угрожал репрессией со стороны местного органа НКВД,

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

если я не подчинюсь этому. 30 июля я уехал из Загорска, не дождавшись ни от кого никакого участия. В тот же день в газете «Вперёд» (№ 106/949) появилась громовая статья: «Уничтожить все следы вредительства врагов народа в Загорском музее!», в список которых попали Бакланова, Попова и сам Яковлев, — мне инкриминировано, что я получил среднее образование в духовной семинарии, и что я отбывал ссылку, — о тезисах ни слова. В жизни Загорского музея начались трепетные дни закрытия, увольнений и так далее. Т. Ларин, не ожидая результатов расследования моего дела в секции научных работников, в ответ на моё заявление от 1/VII и докладную записку от 4/VII—1937 года уведомил меня, что «для решения вопроса мне следует обратиться непосредственно в горсовет», а моё увольнение признаёт «правильным» (от 5/VIII—37 года № 392).

16/IX—1937 года состоялось заседание Московского областного бюро секции научных работников обкома Союза политпросветучреждений по вопросу о моём увольнении. В тезисах ничего антисоветского не найдено, есть возражения исторического характера, не больше. Но под посторонним влиянием вынесено было безмотивное признание меня неподходящим работником и моё увольнение правильным, то есть сделан вывод, находящийся в логическом противоречии с установленным в отношении тезисов отзывами. В заключение бюро высказалось, что мне может быть дана работа по специальности непропагандистского характера.

26/IX—37 года состоялось постановление инспектора труда при Московском облисполкоме по делу моего увольнения. Инспектор труда т. Васин в основу его взял два не соответствующих действительности положения: 1) что мои тезисы «музейным советом были признаны как антисоветские», и 2) что «согласно сего был издан приказ» о моём увольнении. Соглашаясь далее, как и бюро секции научных работников, что тезисы не были уничтожены, тем не менее утверждает: 1) «тезисы Смирнова не были обоснованы с точки зрения марксистско-ленинской историографии» (если бы и так, то всё же в них антисоветского, значит, ничего нет); 2) «М. И. Смирнов в практической работе не проводил тех задач, которые перед нами ставит сейчас Партия и Правительство» (совершенная неправда, моя работа за 5,5 месяцев была направлена именно к выполнению этих задач); 3) «а поэтому Смирнов ни в коем случае не может быть использован на политико-просветительной работе и на работе пропагандистского характера». (Вывод, ничем не обоснованный.) Исходя из этого, считает увольнение правильным, но формулировку его, как противоречившую КЗОТу, неверной, и предлагает директору изменить в пределах статьи 47.

Так как несостоятельность этого постановления очевидна и удовлетвориться им я не мог, то я немедленно написал в обком заявление о пересмотре моего дела на президиуме, но мне не посоветовали это делать и вернули заявление обратно, рекомендуя получить в Загорском музее справку о моём увольнении по § 47 КЗОТа. 4 октября я обращался по этому вопросу к новому директору т. Вощилину, который, ссылаясь на то, что не получил от инспектора труда Васина постановления от 27/IX, в выдаче справки мне отказал и только 22 февраля 1938 года по настоянию предтрудкома такого рода справку дал, что я «уволен за невозможностью использования на данной работе согласно приказа 28/VI—37 г.»

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Таким образом, в течение семи месяцев стать на работу я никуда не мог, как человек опороченный. Мне надо было чем-то жить. К счастию, от издательства «Academia» мне причиталась часть невыплаченного авторского гонорара по договору от 1935 года. На эти средства я и жил.

Свой вынужденный досуг я употребил на дальнейшую разработку моих тезисов о начальной истории Троицкой лавры. Написал конспект размером около печатного листа под заглавием «Радонежские легенды и были XIV—XV веков». Чтобы проверить себя в отношении правильности взятой мною линии в понимании личности Сергия Радонежского, я отдал конспект на просмотр профессору А. В. Шестакову. Его отзыв от 23 ноября 1937 года содержит положительную оценку и открыл мне дорогу к последующей разработке этой темы.* Он рекомендовал Соцэкгизу заключить со мной договор на издание моей работы (приложение 3). Она включена в план издательства на текущий год. В настоящее время мною написана статья размером в семь печатных листов, в которой я даю новое объяснение начальной истории монастыря, вскрываю легендарную шелуху, окружавшую фигуру Сергия, и предоставляю его в реальных чертах человека XIV века с его феодализмом, натуральным хозяйством, религиозностью и мистикой. Считаю, что моя работа в происходящей сейчас перестройке музейной экспозиции принесёт известную пользу.

Докладывая об этом и считая моё увольнение неправильным, прошу Московское областное управление по делам искусств пересмотреть моё дело на основе революционной законности в свете Сталинской конституции, охраняющей права советских граждан на труд: восстановить меня на работу с выплатой за вынужденный прогул.

Приложения:

1) отзыв треугольника 20/III—37,
2) расписка Мозжухина 3/VII—37,
3) отзыв профессора Шестакова 23/XI—37.**

26/II—1938 г.

Начальнику Московского областного управления по делам искусств заявление

По поводу поданного мною заявления от 26 февраля сего года о пересмотре моего дела об увольнении из Загорского музея мне пришлось сделать 12 специальных поездок, из них — 11 в Мособлуправление и — 1 в Загорский музей: в феврале 2 (25 и 27 числа), в марте — 9 (2, 3, 7, 9, 16, 25, 26, 29 и 31), в апреле — 1 (4 числа). В переводе на деньги это стоило мне около 30 рублей, не считая того, что потребуется израсходовать ещё.

Хотя вопрос по существу решён и высказан мне устно т. Грачёвым, но не проведён фактически в жизнь и после моей поездки в Загорский музей (26 марта) снова попал в затяжную полосу неопределённости. Пошёл 10 месяц моей безработицы и истекает срок права на получение пенсии.

*Смотри отзыв и упомяную дальше статью в 16 томе нашего издания.

**Эти документы сохранились: Государственный архив Ярославской области, фонд Р-913, опись 1, дело 23, листы 6 и 16, дело 17, лист 1. Расписку смотри выше по тексту.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Убедительно прошу Вас поэтому положить решительный конец дальнейшей задержке и письменно ответить на моё заявление.

4 апреля 1938 г.

* * *

Хотел, но не послал. Написал вместо него письмо Грачёву.

26 марта 1938 года в Загорском музее разговор с директором Будаевым и инспектором Грачёвым в присутствии реставратора т. Ушакова. Предложение работать в Загорском музее. От постоянной работы я отказался ввиду нахождения на службе той же Поповой, но по договору работать согласился.

Расстались в лучших чувствах и обещали дать ответ через два-три дня. Но Попова пустила в ход всю мерзость, какую можно, застращала Будаева настолько, что он категорически уклонился от подписи приказа об увольнении меня по собственному желанию, а о приглашении на работу забыл и думать.

Директору Загорского историко-художественного музея заявление

Прошу Вас распорядиться выслать мне для представления в райсобес хранящийся в делах музея мой трудовой список, внеся в него отметку согласно приказа Московского областного управления по делам искусств за № 43, что я освобождён от работы в Загорском музее по собственному желанию.

М. Смирнов.
4/V—1938 г.

Письмо инспектору по делам искусств Грачёву

Уважаемый Владимир Васильевич.

Своё спешное письмо отправить мне Вы не спешите. С того времени, как обещали мне, прошла шестидневка, начался 10-й месяц моей безработицы и исполнилось 40 дней, как Вы сказали мне (25/II), что ускорите моё дело. По поводу его я специально приезжал в Управление 10 раз (в феврале 25 и 27; в марте — 2, 3, 7, 9, 16, 25, 29 и 31) и 1 раз в Загорский музей (26 марта).

Меня нервирует то, что чем дальше уходит время, тем более падают шансы на получение мною пенсии. Пенсионные комиссии собеса не любят, чтобы были большие перерывы между оставлением службы и выходом на пенсию. Поэтому прошу Вас безотлагательно осуществить отмену приказа директора Яковлева.

Что касается вопроса о дальнейшей моей работе в музее, то, быть может, решить его отдельно после того, как будет сделана редакционная оценка моей рукописи в ГАИЗе. Просмотр её может затянуться и, может быть, не удовлетворить какую-либо из сторон. Я же намерен выступить только с безукоризненно сделанной работой, и чем авторитетнее и строже будет критический анализ, и тем более будет соответствовать моему желанию.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Поэтому прошу Вас совершенно спешно уведомить меня, какого ближайшего числа апреля сего года я могу съездить в Загорск, чтобы т. Будаев оформил отмену приказа от 28/VI—37 года и выполнил разные формальности, связанные с этим.

Очень прошу Вас ознакомить с этим письмо начальника управления т. Стрельцова Н. А.

С приветом М. Смирнов.
5/IV—1938 г.

* * *

NB. Ответа на это не последовало, а вместо этого издало приказ само Областное управление по делам искусств.

Приказ № 43 по Московскому областному управлению по делам искусств от 20 апреля 1938 г.

§ 1. Отменить приказ № 44 от 28 июня 1937 г. врид директора Загорского историко-художественного музея об увольнении бывшего учёного секретаря музея т. Смирнова М. И.

§ 2. Считать освобождённым т. Смирнова М. И. от работы в музее по личному желанию с числа, указанного в приказе № 44 от 28 июня 1937 г. врид директора Загорского историко-художественного музея.

Начальник Московского областного
управления по делам искусств
Н. Стрельцов.

Исковое заявление в народный суд города Загорска

бывшего научного работника Загорского
историко-художественного музея
Смирнова Михаила Ивановича
по делу с Загорским историко-художественным музеем.
Цена иска 2720 рублей.

В январе месяце 1937 года я был приглашён директором музея на должность учёного секретаря, а затем и заместителя директора по научной части. По приказу № 44 от 28/VI 1937 года я был уволен с указанных должностей с позорящей меня формулировкой, причём основания, указанное в приказе как повод для моего увольнения, в действительности не существовали и были внесены в приказ на основании непроверенных обвинений.

Считая вышеупомянутый приказ неверным и подлежащим отмене, я обращался в Московский областной и Всесоюзный комитеты по делам искусств при СНК СССР в целях реабилитации, и вопрос этот очень затянулся разрешением благодаря той ситуации, которая создалась в самом музее и которая привела к временному его закрытию.

В связи с этим я с 1/VII 1937 года, имея на руках порочащий меня приказ об увольнении, был лишён возможности куда-либо устроиться на работу и только 20 апреля 1938 года Московское областное управление по делам

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

искусств после длительной проверки всех обстоятельств, послуживших поводом к моему увольнению, опубликовало новый приказ № 43, которым отменяется приказ врид директора Загорского музея от 28/VI 1937 года о моём увольнении с порочащей формулировкой.

На основании изложенного прошу Народный суд вынести решение и в соответствии с постановлением 59 пленума Верховного суда СССР обязать Загорский музей: а) выдать мне взамен выданной мне 22 февраля 1938 года за № 144 [справки] — новую, отвечающую указаниям этого постановления и приказу № 43 от 20/IV сего года, и б) оплатить мне за всё время вынужденного прогула, считая таковой со дня моего увольнения по приказу № 44 — до дня опубликования приказа № 43 об освобождении меня от работы «по собственному желанию», то есть в соответствии со статьёй 46 КЗОТ.

* * *

NB. Обратиться в суд заставила необходимость. Получить пенсию по старости я мог только в том случае, если буду служить после 1 августа 1937 года. Благоприятное решение суда обеспечивало меня пенсией.

Определение народного суда города Загорска

Именем Р. С. Ф. С. Р.

7 июня 1938 года Народный суд 1 участка Загорского района Московской области в составе председательствующего Абрамова, народных заседателей Халяпиной и Васильева при секретаре Лаптевой, рассмотрев в открытом судебном заседании гражданское дело № 809 по иску Смирнова М. И. к Загорскому историческому музею о взыскании 2 720 рублей. Выслушав стороны, проверив материалы дела, суд установил: истец Смирнов был уволен с работы как не соответствующий своему назначению в июле 1937 года и до 1938 года никуда не обращался, а работал частию по договорам, а в январе 1938 года обратился в Управление по делам искусств об изменении формулировок приказа, что его просьбу удовлетворили, после чего подал в суд о взыскании за вынужденный прогул, учитывая, что данное дело должно быть прекращено согласно статье 93 КЗОТ, а поэтому суд определяет:

Дело производством прекратить за пропуском исковой давности.

Определение может быть обжаловано в Московский областной суд в 10-дневный срок через народный суд.

Частная жалоба в Московский областной суд

Смирнова Михаила Ивановича
по делу с ответчиком
Загорским историко-художественным музеем.

Определением Нарсуда по настоящему делу от 7 июня 38 года, дело производством прекращено за пропуском исковой давности.

Я прошу Областной суд указанное частное определение отменить и передать настоящее дело для рассмотрения по существу в тот же Суд в другом составе, исходя из следующих соображений.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

1) Я был уволен со службы в музее с 1/VII—37 года, занимая в музее ответственную административную должность. Сроки обращения в расценочно-конфликтную комиссию, указанные в статье 93/2 КЗОТ, не относятся к моему случаю, так как обжалование приказа о моём увольнении с позорящей формулировкой я должен был произвести в порядке постановления от 18 октября 1929 года, что мною и было выполнено 1/VII—37 года, то есть через два дня после издания приказа о моём увольнении. Следовательно, в данном случае и речи быть не может о пропуске мною срока давности по трудовым делам. Не моя вина, что в течение десяти месяцев мой вопрос рассматривался в различных инстанциях и лишь 20/IV—38 года был отменён приказ от 28/VI—37 года о моём увольнении с позорящей формулировкой и я был реабилитирован.

2) Равно, совершенно не верно указание Суда в части мотивировки определения, в той части, где Суд говорит о том, что я якобы работал всё это время по договорам. В действительности я нигде не мог работать, имея позорящую, исключительную формулировку увольнения.

Документы, подтверждающие мою настоящую жалобу, находятся при судебном деле, а частью у меня.

Прошу Областной суд отменить частное определение от 7/VI—38 года и дело передать для рассмотрения по существу в тот же суд в другом составе.

* * *

NB. Подать эту жалобу не решился, так как в Загорске Попова и Ко подняли такую грязь и вой, что я снова заболел нервами и добровольно отказался от дальнейшей волокиты.

Так и остался без пенсии.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Военный дневник

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Заметки

Но хочешь не хочешь, а жить пришлось и дальше. Весной 1940 года сократили на работе Наталию Викторовну, почуствовавшую в это время большую слабость и заболевшую ленточным лишаем. Лечилась кварцевым светом в Люберецкой поликлинике, была обожжена в разных местах, а со временем сказалась вся польза лечения: она избавилась от недомоганий.

Надо было теперь добывать на хлеб мне. Нашлась для меня работа в Москве для экскурсионно-туристической станции Мосгороно (весна 1940 года) для составления памятки по маршруту через Переславль-Залесский на Волжскую Нерль и Волгу до Калязина и вторую по Клязьме от Павлова Посада до Вязников. Написал пару путёвок.

Зимой 1939 года — 1) с Ярославским областным [издательством], Иванов. 2) О популяризации местной истории Переславль-Залесским музеем.

Март и июль 1940 года отзыв в Ярославль на работу Иванова.

Приезды Василия Ивановича — 16/V, 20/XI в 39, — пимы, его письма.

Поступальская — рецензия её книжки (сентябрь 1940).

ГАИЗ — печатается Сергий; редакция «Безбожник» (список).

Летом на даче в Томилино жил Сева с Ниной и Олей.*

Мои головокружения. Лечение — врач Криницын. Уколы — не проходит. Электризия. Грибы в Тока́ревском лесу.

1941 год. В январе — ещё головокружение, а потом полное избавление.

Работа в ГАИЗе. Налаженное дело. Но Сергий в полном объёме не прошёл.

Смотри далее по «черновой тетради».

1—31 декабря 1941 года.
ГАЯО. Ф. Р-913. Оп. 1. Д. 14. Л. 16—17.

---

*Нина Николаевна Смирнова (Жукова, 1915—3.12.1997) познакомилась со Всеволодом Михайловичем во время их учёбы в техникуме, в браке с 1935 года. После свадьбы они получили две комнаты в коммунальной квартире в Москве, Гагаринский переулок, дом 23, квартира 46. В 1942—1970 она работала редактором Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС).

Ольга Всеволодовна Смирнова родилась 9 октября 1939 года, в 1963 году окончила биолого-почвенный факультет МГУ, в 1966 окончила аспирантуру МГПИ, в 1968 году защитила кандидатскую, в 1983 году докторскую диссертацию по ботанике (популяционная биология растений), с 1994 года профессор. В 1966—1992 годах работала в МГПИ в научной лаборатории «Численность популяций растений и животных и воспроизводство полезных видов», с 1993 года в Центре экологической продуктивности лесов РАН.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Дневник 1941 года

Горовский посёлок. Колхозная улица, дом № 1.

Наталия Викторовна с 10 мая — председательница уличного комитета.

Начались затемнения — пробные, прошли плохо. Студент 1 МГУ заявил, что ему нужно заниматься и затемняться не будет. Много было таких.

С 16/V угрожаемое положение. Распоряжение об устройстве «щелей».

Работаю в ГАИЗе и в ЦАДА для Института истории АН.

Холодная весна.

Июнь

Наталия Викторовна выхлопотала в Поссовете торговую палатку (воды и пиво) от ворот для оборудования «щели».

А. Н. и Зорик. Я прораб. Вышло в общем неплохо. Комиссия по приёмке одобрила.

22/VI. — **Война.**

23/VI. Митинг в Архиве. Речи начальника Архива («да здравствует война» — вернее, «победа») и другие.

На другой день прекращение занятий в архиве, — их свёртывание.

В ГАИЗе предлагаю тему «Война и церковная легенда». М. М. Шейнман* отнёсся осторожно: «Как будет вести себя духовенство, — сказал он, — пока лояльно». Понятно стало мне, что поджимают хвост и считают задираться не тактичным.

25/VI — получил деньги за Анну Кашинскую и Николая Мирликийского 540 рублей, оказавшихся последним заработком.** В дальнейшем издательство свёрнуто и книжка «Антирелигиозника» № 7 с моей набранной и корректированной статьёй не вышла.

С 26/VI запрещён въезд в Москву. ГАИЗ нужной справки мне не дал. Так я и прекратил свои поездки и сидел дома, лишившись московских библиотек.

28/VI. Изъятие радиоприёмников. Остались без трансляции и ежедневных привычных сообщений.

---

*Михаил Маркович Шейнман (1902—1977), историк, автор работ по Ватикану, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН СССР.

**_Смирнов, М. И._ История одной канонизации / М. И. Смирнов // _Безбожник_. — 1941. — 22 июня (№ 25).

Статья про Николая Мирликийского готовилась для журнала «Антирелигиозник».

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Июль

4/VII. Первая ночная тревога. Адская картина: лучи прожекторов со всех сторон, трассирующие разрывы снарядов, красные осветительные ракеты. Спокойно и с любопытством смотрели на необычную картину неба. Уличное дежурство.

5/VII. Дневная тревога, на следующий день ночная. Жара.

15/VII — вводятся хлебные карточки.

18/VII — дневная тревога.

19/VII — в очереди за хлебом с $7^1/_2$ часов до 12 часов.

21/VII — ночь провели в «щели», — странная жуть.

22—23/VII ночь — жуткие переживания в убежище-«щели».

26/VII — ночь такая же.

С 27 на 28/VII — ужаснейшая ночь. Налёт на Томилино. Близ нашей дачи на поле и в лесу 6 бомб. Наша «щель» тряслась как в лихорадке. Панову отбросило и ушибло глаз. В нашей даче вон все стёкла, изранена осколками бомб по крыше, стенам и загородке. В двух местах горело от зажигательных бомб 4 дачи. Жертв не было.

Август

4/VIII. Получил письмо от А. Ф. Дементьева после большого перерыва.*

6/VIII. Ездил в Малаховку к его жене. Дача оказалась запертой на замок, соседка сказала, что они после бомбёжки Малаховки куда-то уехали. Уехала и Полина С.

11/VIII. Неожиданный визит З. А. Дементьевой и приглашение нас к себе на постоянное жительство.

13/VIII. Ночевали у ней в Малаховке и договорились о переезде.

Малаховка

20/VIII. Выписались из Томилино.

22/VIII. Переезд на лошади добровольной пожарной дружины за 70 рублей + 15.

23/VIII. Прописка в Малаховке на 3 месяца. Неприятно и тревожно из-за временной, — не принято в расчёт, что 5-й год живу в Ухтомском районе.

Болезнь Севы с конца августа.

В лес за грибами с 6/XI по 9/XI — свинухи на соленье.

24/IX — сильная тревога, — с 9 часов до 5 часов утра в убежище.

27/IX. Сева в московской больнице.

29/IX. Первый снег.

---

*Александр Фёдорович Дементьев, родился в 1898 году в г. Кунцево, военврач 3 ранга, начальник лаборатории в 162 медсанбате 174 стрелковой дивизии. Погиб 30 декабря 1941 года. Его женой была Зоя Алексеевна Дементьева.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Октябрь

8/X — морозно (0).

10/X — −5°С.

14/X — снег −5°С.

19/X — поездка в Москву к Севе в больницу.

16/X. Наталия Викторовна на 42 км.* Перебой в поездах электрички. Не было газет. Закрыта сберкасса. Роспуск служащих. Домовые книги. Телефонный переговор с Мотей. Мороз 5°. Встреча с соседкой А. Ф. — 20 км. Сбежал в Томилино начальник почты. Закрытие школ.

17/X. Очереди за хлебом. Днём отдельные выстрелы. Мороз 4°. Второй день нет почтовой связи с Москвой — без газет, — живём слухами. Ночной нервоз — обычно. Ожидали тревоги.

NB: Так сладко удирать, отечество спасая.

18/X. Третий день нет почты и газет. Новый обман: в Малаховке в сберкассе сказали мне, что по всему району выдают вклады в Люберцах. Поехал. Движение мало-мало восстанавливается. Люберецкая сберкасса закрыта и заведующего ею отыскать нет возможности. Так и ухнули мои денежки.

Рассказ Б. А. Баташова об эвакуации дипкорпуса, Семашко, артистов Большого театра, Консерватории, театра Революции и других.**

Рассказ И. М. Фирсенкова о действиях рабочих на Балашихе — избиение рабочими администрации, осмотр и остановка автомобилей беженцев из Москвы, — завнаркома, — листовки учеников.

19/X. Поездка в Москву. Билетов не дают. Наталия Викторовна пришла на платформу. Ехали вместе.

Сева накануне перевезён на 42 км.

Иваненко хлопочет об эвакуации к Е. И. на Куйбышев.

Баташовы — фея отдала свою очередь Наталии Викторовне. Получили 3 кг белого хлеба.

Обратно доехали благополучно с билетами. Рассказы: эвакуация закончена.

Торговец-еврей в Малаховке на возу, сахар и изюм.

Разгром мясокомбината из-за директорских 2 машин с окороками, колбасами и прочим.

Слякоть — дождь и снег — 2°.

Открытый город.

Письмо Рузвельта.

20/X. Осадное положение. Ездили с Наталией Викторовной на 42 км к сыну. Выздоравливает. Его рассказ о Моте Смелянском.

---

*Людмила Николаевна Жукова (старшая сестра Нины Николаевны) жила в своём доме в рабочем посёлке Главсевморпути у плаформы 42 км Казанской железной дороги.

Николай Алексеевич и Екатерина Михайловна Жуковы (родители Нины Николаевны Смирновой) жили в служебном доме близ посёлка Томилино, Егоровский посёлок, 1 проезд, дом 5/162. В этом доме у своих сватьев Михаил Иванович и Наталия Викторовна Смирновы жили с августа 1937 года, а в августе 1941 года переехали в Малаховку к Дементьевой.

Летом 1941 года старшие Жуковы со внучками (Людмила Алексеевна Жукова и Ольга Всеволодовна Смирнова) жили в Томилино, а потом у Людмилы Николаевны на 42 км.

**15 октября принято решение об эвакуации Президиума Верховного Совета, Народного комиссариата обороны, Генерального штаба и дипломатов. Пошли слухи, что столицу сдадут немцам, и началось бегство напуганных людей. Порядок был восстановлен 18 октября.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Разрушение заводов. Позорное поведение большевиков-администраторов, их бегство. Поведение рабочих.

Пятый день нет из Москвы почты — газет и писем.

Туман.

21/X. Был в Коренёве за картофелем. Не выдают: сорвали дело спекулянты.

Пришла почта — вечерние газеты и открытка П. Кукрыникса.

Дневная стрельба зениток. Туман и сырость.

Майзак — затемнено.

22/X. Ездил на 42 км к Севе, повёз 2 кг наваги. Ему хуже. Там Н. А. Жуков — больной. Любопытны его мысли и мнения. Пил чай с сахаром.

Ночью на это число была канонада и сброшены вдали бомбы (Панки).

Пил чай с сахаром.

23/X. Канонада зениток в 6—7 часов вечера. Ночь спокойная. Рассказывают, что в Москве дневная бомбёжка автобусов и троллейбусов небольшими бомбами. Ночь там тоже тревожная.

24/X. Тревожная ночь: 2 сирены. Канонада зениток и вспышка по направлению к Люберцам.

Давно нет в продаже керосина. Иждивенцы и дети не получали муки (выдали рабочим и служащим по 1 пуду на карточку). [16 кг]

Пьём чай с остатками изюма. Сахара нет, — масла тоже.

Простудился в убежище и чувствую себя неважно.

Почта еле дышит, из Москвы получаем газеты на 2-й день.

Гроза подходит.

25/X. Наталия Викторовна поехала на 42 км. Сева с повышенной t. Начтреста предложил ему эвакуироваться в автобусе. Просил по случаю болезни отложить недели на 2.

Neron — переведена с хозяевами сюда же!!!

Вечером приехала фея с братом и Тамарой [Баташовы]. Привезли нам кураги, чай и белый хлеб, $^1/_2$ горбуши. Рассказ Бориса — о Киеве, Москве и Ворошилове. Уехали вечером на обыкновенном пассажирском поезде. Электрические провода сняты. Все поезда с паровичками. Настроение наше стало изменяться к лучшему: из тоскливой напряжённости стало радостным и спокойным, как это бывает после встречи с прекрасными людьми. Прямо как родные. Кусочек сахара в подарок.

26/X. Утром за керосином (цветом нефти), из-за дождя не достоял. Давали по 2 л.

Снята с электрических столбов железной дороги проволока. Ходят паровички.

Не доставила почта газеты. В полном неведении, что делается.

Был И. М. Фирсенков — его рассказы о судебном следователе и другие.

Ночь туманная, тёмная, — прошла спокойно.

27/X. Купили у Тоды дрова. Жиды по обыкновению надули нас.

Один таскал дрова целый день под канонаду зениток.

С почты одни газеты.

Слух об отогнании немцев от Можайска и других.

Спокойная ночь. Бегство евреев из Малаховки.

28/X. Две дневных тревоги. Хлеб не успели получить из-за них. Немец бомбил, как говорили, Перово по возводимым окопам.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Второй день таскаю купленные дрова.

Набили рюкзак самым необходимым: бельём, едой и прочим, а в чемоданчиках тоже — документы, табак и прочее.

Лунная и звёздная морозная ночь. Сирена завыла в третий раз в 8 часов вечера. Зенитная канонада до 6 часов утра. Два раза ходили в убежище. Озябли. С 3-х часов одетые лежали в постелях. Почти не спали.

Хлеб не получили из-за тревог.

29/X. Тревога вечером в 8-м часу. Мы кончили пить чай. Пробыли в убежище около часа.

Рассказы — о Большом и Малом театре и диетическом магазине на Горьковской.

Получили чёрный хлеб за вчера и сегодня, — по карточкам — сахар, а крупы за весь октябрь *ничего*.

30/X. Наталия Викторовна была у Севы. Новая беда — у него двустороннее воспаление лёгких. Бедный страдает. Послал ему свои заслуженные валяные сапоги, ездившие со мной от Переславля до Тогура и обратно. Чулки не взял. Каждый день бывает у него районный врач. Кризис миновал, пока $1—1^1/_2$ месяца потребуется на выздоровление.

С момента немецких бомбёжек я совсем отупел. Могу делать только физическую работу, для другой — нет спокойствия и настроенности, а также соответствующего уединения. Живём вместе и изолироваться не удаётся, да и нельзя.

Самый уклад дня особенный. Ещё днём можно быть спокойным, но в это время приходится околачиваться в жутких очередях, хлопотать о разных мелочах по хозяйству, торопиться отобедать, а главное — напиться чаю и закусить на ночь. На неё сряжаемся по-особенному: тепло одеваемся, приготовляем чемоданчики и самые дорогие вещи. По сирене удаляемся в «щель» — бывают ночи, что ходим не один раз. Чаще всего плохо засыпается. А наутро тоже забота о своей кормёжке. Хорошо, что теперь запаслись удачно сухими дровами и картофелем.

Страшно тоскую, что не могу продолжать свою рукопись «На Клещине озере». Ничего другого работать не могу.

31/X. Ездил к Севе — ему хуже. Плохо спит, задыхается, нельзя лежать, температура выше. Отвёз банки для леченья.

Костя в райкоме о своём заводе, — не добился толку о переводе его на военное производство в течение 5 дней

В столе на службе Сева оставил скопленные им годами папки чертежей, заметок и прочего об электрических печах. Целое богатство. Всё это без него сожгли.

Ездил в Томилино в сберкассу. К своему удивлению, она функционирует, выплатили мне остальные 400 рублей, а вообще выдавали до тысячи. Наконец-то выправились.

В Томилине красноармейцы разбирали рельсы товарного пути, развинчивали болты и гайки.

Была там сирена, когда я ещё не успел получить денег. Был страшно рад, что выплатили, несмотря на тревогу.

Железнодорожные билеты касса не выдавала, а поезда ходили. Мне удалось купить билет с рук.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Ноябрь

1/XI. Наталия Викторовна у Севы: ему она необходима.

И. Фирсенков — о разгроме здания на новом дворе и других. На Балашихе — расправа с майором и лейтенантом. Стрелки с рабочими. Разминирование. Много рабочих не эвакуируется — ждут событий. Бомба в Реутове — нефть.

Прошла ещё тихая ночь, — полураздевались.

Продмагазины по повышенным ценам переведены на карточную систему. Отпали закупки масла, сахара, белого хлеба и так далее.

С первого момента карточек здесь хлеб двух сортов: чёрный 85—1 рубль и белый 1 рубль 70 копеек.

2/XI. Ждали «фей» — не приехали, или ничего не могли купить нам, или на работах.

Наталия Викторовна ездила к Севе на ночь. Его болезнь разгорается больше. Была у него О. А. Жукова — советовала пригласить доктора из Красковской больницы Шингарёва М. Н.

Тихая ночь.

3/XI. С Зоей ходили к нему в больницу. Категорически отказался ехать к Севе и предложил направить его в больницу. Перед вечером Наталия Викторовна снова уехала к нему.

Во вторую половину дня грохот зениток.

Ночь спокойная.

4/XI. Днём одиночные выстрелы отдалённых зениток. Наталия Викторовна на 42 километре до 5 часов. Зоя была у своих, привезла нам в подарок от них кусочек сахару и конфет. Трогательно и приятно.

По газетам ожидание окончательного натиска врага. Объявлено, что празднование XXIV годовщины будет только 7-го числа.

Рассказы о злоключениях беженцев: одни бегут даже пешком, других высаживают на разных станциях, не довезя до места, и прочее.

Продолжаем держаться прежней линии — не бежать, а ждать до конца.

Спали под отдалённую бомбёжку. Раздевался под утро.

5/XI. Навещал Севу. Ужаснулся, увидя его с опухшим лицом. Ночью был сердечный припадок. Задержка мочи, — в аптеках у них нет камфары, дигитала. Его клонит ко сну — сердцебиение мешает спать. Бедный мой, неужели его участь, как Сонечки моей. Что же это? Почему мои дети такие хрупкие? Ни я, ни Наталия Викторовна не больные, а долговечные люди. Может быть, несчастный Сева несёт на себе последствия той эксплуатации, какая выпала теперь на долю всей молодёжи. Его образ преследует меня.

Наталия Викторовна уехала к нему, чтобы решить вопрос относительно больницы. Жду, ехать ли мне завтра в Люберцы к О. А. Жуковой за машиной для перевозки.

К вечеру приехал Б. А. Баташов. О разгроме Москвы: Университет новый, Манеж, Ленинская библиотека, выставка, ЦК с жертвами (70 человек) и так далее. Привёз перепечатанный по-русски 90 псалом, распространённый в Москве по бомбоубежищам.

Вечером в 7—8 часов зенитки по вражеским самолётам. Наступают жуткие дни и ночи.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Забыл отметить. Зоя получила от А. Ф. [Дементьева] три письма. В одном упоминает о моём письме к нему, которое он читал на фронте многим как образец патриотизма. Зою огорчил сообщением, что изредка пишет Т. Н. Оба мы огорошены этой неожиданностью. Что же будет, когда она вернётся сюда?

6/XI. Потрясающее известие: получил письмо от Л. С. Китицыной, что умер (21/X) от разрыва сердца мой любимый брат Василий Иванович. Невознаградимая потеря. Сколько моих планов уничтожила эта смерть. В память его подберу его письма, напишу комментарии и сброшюрую для Литературного музея. Помогу Л. С. ликвидировать его научное наследство.*

Относительно Севы Наталия Викторовна привезла утешительные вести. Спал довольно много в эту ночь, улучшилось самочувствие, t близка к нормальной. Вот если бы это был поворот к выздоровлению!..

Днём отдельные взрывы бомб где-то не очень далеко, может быть, в Быкове или Отдыхе. На рынке в магазинах страшные очереди за хлебом и костями. К празднику нет ничего, чтобы праздновать, сущий великий пост.

7/XI. Праздник XXIV годовщины. Мечтали о масле, сахаре и вообще нормальном питании.

Разговоры о бомбёжке Куйбышева, Саратова, Сталинграда.

Торжественное заседание накануне. Речь Сталина.

Малый парад.

8/XI. Не было почты два дня. Не читал газет от 5-го ноября.

Наталия Викторовна у Севы, — приехали Б. А. [Баташов] с Тамарой за картофелем. В Москве введены карточки на него (по 5 килограмм на месяц), на рынке 7 рублей килограмм, огурцы 15 рублей и так далее.

Ночь тихая. Раздевались.

9/XI. Налёты днём и ночью. Три тревоги. В убежище не ходили, спали одетые.

Наплыв из Москвы покупателей за картофелем и прочим. Цены на рынке взмыли, 1 килограмм картофеля — 5 рублей.

Пропали у сапожника Олины башмачки. Сапожника взяли на войну.

12/XI. Был у Севы, t 34,6, утром при мне 35,3. Страшная слабость. Разрывается сердце — будет ли жив? Хочет в больницу в Раменское. Что-то будет?

Не достали по карточкам хлеба. Завтра рано надо стоять в очереди, а тут холод (утром −15°С) и ветерок.

На подступах к Москве затишье, — враг остановлен. За эти дни были тревоги. Сильная была рано утром.

Ночью тревога. Сидим дома, в убежище не ходим. Но в Томилине сброшены бомбы, частью в дачи. Были жертвы.

13/XI. Проклятое 13-е число. Наталия Викторовна привезла катастрофические сведения о здоровье сына: его приговорили врачи к безнадёжности. Похоже на то, что было с бедной Соней. Неужели нам предстоит лишиться его, последней нашей опоры. Лучше самим исчезнуть и умереть, чтобы не знать этого горя.

---

*Письма сохранились: Государственный архив Ярославской области, фонд Р-913, опись 1, дело 28. В деле собрано 53 письма Василия Ивановича к Михаилу Ивановичу и фотография Василия Ивановича, снятая Лидией Сергеевной Китицыной.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Стояли с 7 часов утра до 2 часов дня за хлебом, чтобы получить 800 грамм серого. Идут разговоры, что на декабрь уменьшится выдача вдвое — по 200 грамм. Раньше выдавали хлеб на 2 дня, теперь только на один. Перерегистрировали карточки и отметили, чтобы в Малаховке получали только малаховские жители. Тощает наш продовольственный фонд из месяца в месяц. Впереди мало утешительного и в этом отношении.

Днём были слышны отдельные удары зениток, вечером ещё слабее. Что-то будет ночью. Попробую раздеться и спать без сапог и верхнего платья. На дворе мороз в 18°. Небывало ранняя зима. Всё одно к одному. Хорошо, что запаслись дровами от бежавшего Тоды. Топим и сидим в тепле. Но дом ещё не вполне утеплён на зиму: обивать двери, клеить потолок.

Вести с фронта по газетам были приятные.

Ночь спокойная.

14/XI. Утром Наталия Викторовна в $9^1/_2$ часов записалась в очереди (на ладони) под № 1092. Я получил хлеб в 4-м часу вечера. Помешала тревога. После получения была новая тревога. Она застала меня в дороге. А около булочной стояла толпа ещё в тысячу человек. Сомнительно, чтобы до 7 часов вечера, когда закрывается булочная, все они могли получить.

Очереди за всем. Сколько времени отнимают они.

Как чудо — Наталии Викторовне удалось получить 6 литров керосина не чёрного, как нефть, который недавно давали, а настоящего.

Потом она уехала к Севе на ночь, чтобы ухаживать за ним. Бедный мой. Страшусь его судьбы больше, чем немецкой бомбы: ах, кабы прихлопнула она меня...

В 10-м часу вечера опять сирена.

Ночь спокойно.

15/XI. Севу в 11 часов — 1 час отвезли в Раменскую больницу как безнадёжно больного. Подвода была от больницы. Разрешено дежурить родным день и ночь при нём. Сегодня Нина, завтра с утра на сутки Наталия Викторовна. По её словам, больница произвела хорошее впечатление своей палатой и обстановкой. Доктор сказал: только чудо может быть его выздоровление... А Сева ещё и сегодня колебался, ехать туда или нет. Бедный мой!

Только сегодня получил «Правду» за 15-е — целый месяц не могли наладить доставку газет в тот же день.

Ночь спокойная.

16/XI. Ждали фей, но никого не было. Зоя с 7 часов утра до 5 вечера стояла за хлебом: в нашем ближнем магазине в очереди № 632, у булочной № 1060. Хлеба не получила.

Откуда-то слышна отдалённая стрельба. Но тревоги не было. Газеты успокоительно пишут о контрнаступлении и начале позиционной войны.

Наталия Викторовна с утра у Севы в больнице. Я купил без неё 4 пары носков, 5 кг капусты и 1 кг сушёного луку.

Абсолютно ничего нет сладкого и нет также никакого масла. Купить негде ни за какие деньги.

В 9-м часу вечера сирена, но кроме нескольких выстрелов зениток ничего больше. Ложусь спать при тишине. Мороз меньше, темнота.

Несколько дней как привожу в порядок письма брата Василия, комментирую, намереваясь потом поместить их в Литературном музее.

Однако ночью 2 тревоги.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

17/XI. В 6½ часов пошёл в очередь за хлебом: в булочной занял № 1200, в железнодорожном № 606 и в ближнем № 855. Хлеба ещё нигде нет. В 10 часов сирена и грохот выстрелов.

Страшная весть. Наталия Викторовна возвратилась во 2-м часу и заплакав склонилась на моё плечо со словами невыразимой утраты: милый Сева умер сегодня в 8 часов утра на её руках. Она продежурила у него всю ночь и приняла последний его вздох. Бедный мой мальчик. Помер 31 года. Талантливый работник, любимец товарищей и начальников умер так рано, не видав, в сущности, жизни. Он был единственной опорой нашей жизни. Зачем живём теперь мы, старики, осиротелые, бездетные и никому не нужные?!.. Зажились. Долголетие тоже наказание, как ясно из нашего примера.

Ночью три тревоги. Не уходили из дому.

18/XI. Слёзы снова душат меня. Только потерял любимого брата и друга, как эта беда. Нет моего единственного сына Севы — нашей опоры и надежды, луча нашей старческой жизни.

Моя жизнь, как предсказала когда-то питерская хиромантка, должна окончиться печально. Действительно, до 30-го года я был счастлив своей работой в Переславском музее и своими прекрасными детьми. С 1930 года я потерпел за счастливые 12 лет в Переславле ссылкой, после же в промежуток с 1933 года по 1941 год я безвозвратно потерял дочь и сына, единственных моих детей. Соня в Новодевичьем кладбище, Сева в Раменском. Какую кару готовит мне ещё судьба?

Сегодня ездил в это Раменское, был в загсе, похоронном бюро и на кладбище. Оно захолустное, но не расхулиганенное. Там есть сторожка, оберегается довольно исправно, — расположено под взрослыми деревьями и сохранило порядок и ряды могил, в большинстве оправленных. Отыскал для могилы место под сосной вблизи берёз.

На кладбище встретил Нину с сестрой [Людмилой] и пешком возвратился с ними на 42 километр. В 3 часа привезли гроб, цветы, венок. Помог уложить его в гроб. Нина искренне и глубоко любит его, делает всё, чтобы украсить и обставить печальный обряд наилучшим образом, ничего не жалея для него.

Возвращаясь к себе, на платформе 42 километр слушали рассказ неизвестного рабочего о налёте на близлежащий аэродром. Немец сбросил на пустую площадку его (ни одного самолёта не было) шесть фугасных бомб, из них две громадной силы. Он же говорил о вчерашней бомбёжке Сортировочной станции в Москве и Люберецкой. Как ни странно, верит в непобедимость немца и думает, что тот окопался на зиму, будет нас бомбить, дождётся тепла и снова начнёт громить Москву. Неужели так думает масса рабочих? Никаких признаков патриотизма. На фронте этого нет. Там верят в победу и дадут её. Пусть сгинут трусы и малодушные.

Ночь тревоги и гром орудий.

19/XI. Наталия Викторовна на 42 километре, я дома по хозяйственным мелочам.

Приехала фея Над. А., по обыкновению привезла, что можно было достать. Но достать в московских магазинах, в сущности, нечего. Коробочку зелёного горошка и витамин С с глюкозой, да оторвала от себя кусочек сахарку, а Э. О. — одну папироску. Ещё месяца полтора назад обычный приезд был

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

обильнее и разнообразнее. Идём ко дну относительно продовольствия. Это ясно.

Сегодня до 10 часов вечера было уже 5 тревог. Враг не даёт покоя. Торговля прерывается, очереди страшные, все выбиваются из сил, чтобы добыть по карточке хлеб. Слухи о сокращении норм хлеба с декабря, мрачное настроение у людей — на пороге голода.

Ночь прошла спокойно.

20/XI. Роковой день: похороны Севы. С утра отправились на 42 километр. В том же поезде приехал приятель его Константин Алексеевич Антонов, как представитель треста, а от квартиры по Гагаринскому переулку — Клавдия Ивановна.* Катафалк, запряжённый в лошадь с сеткой, стоял у ворот. Долго ожидали Жуковых сестёр, но они не приехали.

Нина сделала всё, что можно сделать в таком случае, с любовью самой глубокой и нежной, украсила его в гробу цветами, хвоей, он лежал окружённый ими, сохранившись без всякого тления, даже лучше, чем в первый день. Но лицо, милое и дорогое, потемнело, сохранив обычное его выражение.

Только в половину первого тронулись в печальный путь. Его провожало нас 8 человек. Шли пешком до самого кладбища (около 4 километров) и обратно. Отдали последнее целование и опустили в песчаную могилу. Украсили её цветами, хвоей, венком, — поставили временную дощечку с надписью. Весной сделаю загородку со скамеечкой и хотя бы каким-либо памятником.

Дорогой я благодарил Нину за её заботливые и сердечные хлопоты. Она призналась, что положила ему в гроб самые любимые его вещи: карманный портфельчик, фотографию Оли и их в первые моменты супружества. Всё это трогательно и мило.

По возвращении было что-то вроде поминок. Ухитрилась достать Люда селёдок, колбасы, грибов и даже зубровки.

Дорогою Константин Алексеевич рассказал мне о Севе как трестовском работнике. Оказывается, недаром был он выдвинут на пост главного конструктора проектного отдела Треста электропечей. Он был выдающимся специалистом в этой области и руководил самым ответственным отделом. Он был душой технического дела. Ему подчинено было более двух десятков инженеров, дипломированных вузами, немало из них пожилых, и целый штат техников.

По своей скромности Сева никогда не говорил мне об этом, о своих успехах. Я знал только одно, что он жадно и заботливо изучал свою специальность. А оказывается, в ней он стоял головой выше целого штата инженеров. Не любил выделяться и браться за администрирование. Последним занимались жиды. Они использовали его знания (М. Смелянский и М. Байчер) и пользовались им во всех ответственных случаях. Куда только они ни направляли его: в Закавказье (Зестафони и другие), в Ростов на Дону, Днепропетровск, Челябинск, Магнитогорск, Кузнецк, Сталинск, Ленинград, Мончегорск, Горький и другие.

Оборвалась высококвалифицированная сила. Угробили его условия современной работы. Вечно напряжение через силу, до изнурения и истощения.

*Клавдия Ивановна Мельжан — соседка Всеволода Михайловича Смирнова по коммунальной квартире в Гагаринском переулке, дом 23, квартира 46.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Отказ от курортов и домов отдыха. Щепетильная добросовестность к делу и переоценка своего здоровья.

Милый мой, ты один из действительных героев, работавших с честью на своём посту. Ты прожил только 1/2 жизни и умер, не успев сформироваться в крупную величину. Но твоё дело не пропало, оно будет служить родине и после тебя.

В заключение сегодняшних происшествий нечто необычное. Получили по карточкам 200 грамм сахара. Нанимаем с Зоей соседнюю прислугу добывать нам хлеб и прочее в очередях. Платим ей по 3 рубля за день. Но что удивительно, Клавдия Ивановна подарила нам в память Севы 1 кг сахара. Теперь мы богачи. Уж много дней пили с посоленным хлебом. Теперь снова по-буржуйному...

Ночь спокойная.

21/XI. Тихо: немец занят на фронтах и подступах к Москве пока ещё довольно отдалённых. Решающие дни. Если не пропадём от немцев, то сгинем от голода. Он стоит у дверей...

Страдаю не от этого. Вражеская бомба, брошенная в меня, будет моим избавлением от гнетущей тоски. Как перед глазами стоит у меня могила Севы под сосной на запущенном кладбище. Только бы не осквернили её. Так и тянет меня к ней, чтобы обратиться в прах, исчезнуть, не жить больше на опостылом свете.

Наталия Викторовна отвезла на 42 километр справку, заверенную поселковым советом, о нахождении нас на иждивении Севы. По совету К. А. Антонова следует подать её в трест, чтобы нам дали пенсионное пособие. Едва ли дело выйдет в этой разрухе. Хотя бы дали Нине на похороны мужа и на Олю.

Был Сем. Игн., возвратившийся из Уфы через Куйбышев. Пораженческие разговоры, — противно слушать о неубранных полях и так далее.

Намеревался писать о смерти Севы, но совсем не мог. Разбитый физически и морально, я не в состоянии взять в руки перо. Оставляю до завтраго.

22/XI. Писал о Севе — сестре Лизе, двоюродной сестре А. Песковой, Л. С. Китицыной и Н. К. Ржевскому. Больше не одолел.

Тихо. Значит, на фронте занят немец до отказа.

23/XI. Воскресенье. Тихо. «Ничесоже бысть» со стороны врага. Наталия Викторовна стояла в очереди за пшённой кашей и простудилась до окоченения. Какая удача, что соседка Лиза за 3 рубля отбывает за нас хлебные очереди и аккуратно снабжает хлебом.

24/XI. Прописаны милицией на постоянное жительство. Водворились в Малаховке, значит, основательно. Теперь дело за военными событиями — вышибут немцы нас отсюда или нет. Мы давно решили ожидать здесь и никуда не двигаться.

Тихо.

25/XI. Третий день нездоровится Наталии Викторовне. Угнетённое настроение, ревматические боли.

Тихо.

В школе № 1 учительницы получили по мешку картофеля из колхоза, где работали ученики, которым ничего не дали. Когда мы везли мешок, мальчики язвили: «Это тот картофель, что Вы копали?»

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Учительница Белгородская (еврейка) продала картофель по 4 рубля 50 за килограмм и, забрав сдачу с денег учителей всего рублей 200, уехала с ними в эвакуацию.

26/XI. 7-й день не слышно ближних зениток. Тихо, спим раздетые. Немец занят на подступах. Пока ему не до нас.

Сегодня в газете фотография английского танка на нашем фронте. Приятная новость. Если бы их было достаточно много, вот бы это была действительная помощь.

Ходил в здешнюю баню. Нет дров — нетопленная.

27/XI. Ездил в Раменское на кладбище к могилке Севы. Бедный мой, какое чувство грусти и скорби вызывает его ранняя смерть. Поправил доску с надписью. Всё цело — цветы и венок: охрана есть.

Сторож, его ровесник, в разговоре оказался Фомой неверным, не доверяет газетным сведениям ни на грош — отрицает жестокость немцев, цифры потерь и прочее.

Утром должны были дать хлебные карточки на декабрь, но ночью и утром уличкомы бегали по дачам, чтобы нарядить 250 человек на трудовой фронт в Люберцы.

Получил известие о наших историках. С. В. Бахрушин и Ю. В. Готье уехали в Ташкент; С. Б. Веселовский, Греков, Петрушевский и другие — в Казань. Отсюда все направляются в Ташкент, где будет весь институт истории АН.

Умерли от рака А. И. Заозерский в Ярославской области, Е. А. Мороховец — в Боровске.

С. Б. Веселовский бросил на произвол судьбы свои рукописи в Новогирееве и теперь шлёт мольбы спасти их. Но что можно сделать?! Зря струсил, не ожидал.

После недельного затишья, сегодня было вечером уже две тревоги. Относимся к ним наплевательски. В убежище совсем не ходим. Спим спокойно до тех пор, пока не начнётся вблизи артиллерийская пальба.

28/XI. Банщик в прошлый раз сказал, что в пятницу баня будет для мужчин. Поверив ему, пошёл с бельём, но дров нет, баня на замке. Мылся дома при +12°С и боюсь, что простудился.

Но сходил недаром. По дороге зашёл в поссовет и получил хлебные карточки на декабрь. Норма прежняя 400 грамм, а были толки об уменьшении её наполовину. Сегодня хлеба здесь не было и, проторчав целый день, Лиза, которую мы нанимаем, не пришла совсем к нам. Питание ухудшается. Мы худеем и теряем силы. До войны я съедал 1 кг масла сливочного и 1 кг сахара, не считая сыра, колбас, ветчины и прочего, теперь ни масла, ни сахара. Чувствую себя ослабленным и малосильным.

Ночью две тревоги. Сильная в 1 час — взорвалась бомба по направлению к станции Люберцы-2, а может быть, и в другом месте.

29/XI. Вчера остались без хлеба. Сегодня Лиза получила только за настоящий день. Простояв вчера без толку с 4-х часов до ночи, сегодня получила около 5 вечера. Мы обедали с сухарями.

Дневная тревога по вражескому самолёту, — без грома и стрельбы.

Успокоительные сообщения с ближнего фронта по газетам. Возмутительны и чудовищны зверства немцев в Киеве (52 тысячи убитых).

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Наталия Викторовна видела поезд на Москву с танками и пулемётами. Очень хорошо! Ах, как бы побольше.

Бандитизм в дачных посёлках. В Егоровском, по словам Рождественской, ограблены сплошь все дачи. У Жуковых — начистую. Мало кто остался в посёлке, но не избавлены от воровства и те дачи, где остались жители. У Рождественских — уворовали ульи, — след по снегу вёл к определённой даче, но содействия никем не оказано. Воровство остаётся безнаказанным, несмотря на осадное положение!

Вечером неожиданно приехали москвичи Б.+Г. с ошеломляющими вестями, что враг на Сходне, что из Москвы слышна артиллерийская пальба. Называли знакомых, которые, уехав туда к себе на дачу (в Поварово), неделю как не возвратились. Считают, что захвачены немцами.

Но что очень странно: им только путём особых уловок удалось получить разрешение на поездку. Москвичей не пускают из Москвы. Нас в Москву не пускают, а их к нам. Что это такое? Наталии Викторовне так было нужно съездить за продуктами к Клавдии Ивановне, значит, о поездке и думать нечего.

В Москве магазины пустые, торговля только по карточкам, даже и керосин. На рынках дороговь: картофель и другие овощи по 10 рублей килограмм, свинина 100 рублей и так далее. Масла нет и по карточкам — по крайней мере они не получали.

Всё же, думаю, пессимизм преждевременный. Трудности неимоверные, но даже если падёт Москва, как это и бывало, но жива Россия.

Ночь спокойная.

30/XI. Наталии Викторовне желательно было отслужить панихиду по Севе. Ходили пешком в Удельную. В здешней церкви, оказалось, служит живоцерковник, стриженый седой старик без ризы в одном подризнике с епитрахилью и набедренником и протоиерейским крестом. Пришли к «отче наш», наблюдали общую исповедь и причащение.

Церковь дачная, вокзального типа, самой последней буржуазной манеры в архитектуре и внутреннем убранстве.

Народу было много, но больше пожилого. После обедни сначала общий молебен — много поминаний о здравии за воинов, потом общая панихида — масса же поминаний о упокоении, в том числе и наше за новопреставленного Всеволода. Оплата за труд священника тут же больше серебряные гривенники, несколько рублёвок, я дал пятёрку из любви к сыну. Бедный, ему следовало отслужить панихиду по мне, а не наоборот. Но что поделаешь?!..

Усталые до крайности добрелись до Малаховки. Здесь давали по последним ноябрьским талонам печенье. Наталия Викторовна, несмотря на усталость, стала в очередь, но ей не досталось.

16 мая — 30 ноября 1941 года.
ГАЯО. Ф. Р-913. Оп. 1. Д. 14. Л. 1—29.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Декабрь

1/XII. В виде исключения Наталии Викторовне удалось самой получить чёрный хлеб на завтра. Днём стрельба по вражеским самолётам, усилившаяся к вечеру. Ночь, полная тревоги, спали в одежде и обуви.

2/XII. Наталия Викторовна поехала на 42 километр навестить внучку. Днём полёты вражеских самолётов. Брошена где-то бомба, затрясся весь дом. Разговоры о беженцах из Солнечногорска и Сходни. Никаких новостей Наталия Викторовна оттуда не привезла, ни военных, ни семейных. Нина в меланхолии, была раз в Москве по поводу пенсии и прочего. От нас потребовали: 1) справку о годах и 2) о нахождении на иждивении Севы.

Тихо ночью.

3/XII. Получил в поссовете справки о годах. Тихо. Ночь спокойная.

4/XII. Справлялся по телефону на службе Б. В. Иваненко. Сказали, уехал и до сих пор не написал никому. Адреса его не знают. Просили сообщить, если получу о нём известие. Уж не погиб ли он дорогой, когда ехал к Е. И. на Куйбышев?

С 25/XI связался со здешней библиотекой. Беру книги, найду что-нибудь, — но в общем плоховато. Всё же что-нибудь находится. И то ладно, — заполняет мои вынужденные досуги.

По газете успокоительные вести с западного фронта. Враг ослабил нажимы на флангах. На 17-й день пошёл на убыль.

Тихо. Ночь спали спокойно, но говорят, в 1 час была тревога.

5/XII. Мороз 27°. Была Нина и привезла немного белья Севы. Взяла наши бумаги, чтобы хлопотать в Москве о пенсии. Здесь болтали, как слышала З., будто занята станция Яхрома. По газете обстановка фронта стойкая и врага держат в отдалённых подступах.

Тихо. Забываем о беде и суетимся в своих домашних заботах: нашли пильщика дров, ищем колодезника, чтобы утеплить колодец, З. стегает очёс на рядно, чтобы обить изнутри входную дверь.

Прекрасна речь Сикорского по радио. По нашей железной дороге ежедневно идут к Москве всё новые и новые партии танков. Ликуем и верим, что они улучшат дело и сомнут врага.*

6/XII. Проснулись в $6^1/_2$ часов от разорвавшейся где-то бомбы. Никаких других выстрелов не последовало. Снова безмятежно лежали в кроватях.

Была Елена Викторовна за дровами. Наполнена оптимизмом, что немцы отогнаны от Москвы. Со слов командира, читавшего «Красную звезду» (она только для военных, другим не даётся, как секрет), дела наши окрепли. Немцев отогнали почти от Воробьёвых гор, Наро-Фоминск очищен от неприятеля. Хочется верить и быть покойным за Малаховку. В последнюю, говорят, эвакуируют рабочих и других из Раменского. Здесь множество пустых, главным образом еврейских дач.

Стужа отменная — 25°С. Пусть наддаст подольше и покрепче наш метеорологический русский союзник, леденит и цепенит подлого врага.

Читаю С. Ниринга и Д. Фримена — «Дипломатия доллара». Прекрасно освещена финансовая экспансия САШ в Азии. Так удачно попалась мне

*4 декабря 1941 года польский генерал Владислав Сикорский выступил по московскому радио и заявил, что польские солдаты будут сражаться вместе с советскими войсками.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

на глаза эта книга. Конфликт Америки и Японии в полном разгаре. Это уяснит мне положение дела.

Две обычные темы наших разговоров: война и питание. Относительно первой настроены оптимистически, а по второму вопросу неисправимо пессимистически. Едим много, хлеба не хватает, постоянное ощущение голода. Ни жиров, ни сладкого. Нет давно табаку и спичек. За последние платят по 3—10 рублей за 1 коробку. Часто разговариваем про прежнее питание в духе чеховской «Сирены». Ждём худшего. Душат очереди, да при таком морозе (–22°С).

В 11-м часу ночи три бомбы, брошенные довольно далеко. Но сотрясение в доме заметное. Наших зениток не слышно. Спали спокойно.

7/XII. Так же морозно. Газеты ободряют: на ближайших фронтах к нам наносят врагу удары. Крепнет уверенность, что Москва не будет отдана.

Праздновали именины А. Фёд. общим обедом: 1) горох, 2) запеканка из картошки с моими грибами. Зоя напекла пышек и купила (за 10 рублей) «фруктового вина», оказавшегося безалкогольным сиропом, отдававшим уксусом.

В полученном от А. Ф. письме — твёрдое его наблюдение, что армия того фронта переходит в наступление. Радуемся этому и жаждем успеха.

Отвратительно работает почта. Ни откуда не получаю ответных писем, посланных месяц тому назад.

На рынке цены: гусь 1 кг 100 рублей, картофель 7—8 рублей, свёкла — 6 рублей, козёл — 1 кг 100 рублей, говядина — 1,5 кг — 135 рублей, молоко — 9 рублей, но предпочитают менять на хлеб, а не на деньги. — Ночь спокойная.

8/XII. Безобразные очереди за хлебом и трудность его получения в Малаховке заставили Наталию Викторовну попробовать съездить в Люберцы, что многие и проделывают. Действительно, там без особого затруднения ей выдали по карточкам хлеб, но только на один день. Хлеб серый в 1 рубль. Приходится его съедать с расчётом и оглядкой. Без масла и сахара, да ещё с экономным пайком чувствуется постоянно состояние голодовки. Что же будет со мной, когда докурю последний табачишко? Ни табаку, ни спичек нет.

Теперь очень любят вспоминать великих русских патриотов и между ними Минина и Пожарского. Славословят их в газетах вовсю. А посмотрите на деле. Прах Минина, находившийся в усыпальнице Нижегородского собора, осквернён. Разрушив собор, построили на его месте дом советов и, может быть, на могиле Минина устроена уборная.* Что теперь с могилой Пожарского, неизвестно. Она под семью замками в бывшем Спасо-Ефимьевском монастыре города Суздаля. Цела ли?

Болтать и при случае пофорсить предками, строившими великую Русь, можем, но реально и вещественно выразить чувство уважения и действительного преклонения не делаем по своей некультурности. Любопытно, что так же поступают с революционными памятниками (дом Ганшина в Переславских Горках и другие). Наши кладбища — в забросе и поругании. Не пора ли

*В 1930 году Спасо-Преображенский собор был разобран, прах Кузьмы Минина передан в музей, в 1962 году перенесён в Михайло-Архангельский собор Нижегородского кремля.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

заняться некрополями, а не надругаться над ними? В них строители Русской земли.

В 2 часа дня была тревога, без последствий.

10/XII. Сегодня князя Всеволода Псковского, день именин нашего Севы. Наталия Викторовна ездила на 42 километр, на кладбище не пройти из-за глубокого снега. Получила через Нину прекрасный презент от Клавдии Ивановны Мельжан в память нашего сына, которого очень почитала. В её посылке: чай, сахар, пшено, рис, мука и продельная крупа, — всего более 3 кг. По нашему времени целое богатство. Радуйся, наше голодное чрево. Есть же добрые люди на свете. Подобное было со мной в одиночке.

Нина передала тёплые кальсоны и фуфайку, фуражку.

Хорошие вести по случаю отвоевания Тихвина. Напор на Москву немцев всё ещё силён, но, по-видимому, безнадёжен для них. Сидим в тишине и забываем о войне.

Напоминает лишь рынок: курица 100 рублей, 1 кг мёду 150 рублей.

11/XII. Открытка из Нижнего сообщает о вражеских налётах «с последствиями». Спят не раздеваясь. Наплыв народа и дезорганизация рынка.

Газета принесла вести о новой нашей победе: взят Елец и разгромлены немцы. Ясно, что начался перелом в исходе войны: наши усиливаются, немцы слабеют. Это только начало — первые признаки.

Днём была тревога, слышен был какой-то гул и пулемёт, очень недолго. Дальше тихо. В общем, стало гораздо спокойнее.

Наталия Викторовна ездила за хлебом в Люберцы, получила белый и чёрный на два дня. Там небольшие очереди, а у нас сущее наказание. Зоя купила без карточки килограмм студня и половину уступила нам. С её стороны это было большое самопожертвование. Ели за обедом его и, таким образом, после большого перерыва лакомились жирами...

Ночью опять шёл снег, — насыпало его много.

12/XII. И днём и ночью стрельба по вражеским самолётам. Прожекторы, разрывные с освещением снаряды в небе. Отдельные взрывы бомб где-то неблизко.

Оттепель +3°С. Вечером ветер и мороз, ясное небо и продолжительные налёты.

В газетах подсчёт трофеев в Тихвине.

13/XII. Днём взрыв бомбы.

Наталия Викторовна принесла с рынка хорошие вести по трансляции: отогнали немцев из Каширы, Можайска и Клина, обратно взят Таганрог. Ура! Начали дальше гнать подлых захватчиков. Перелом выясняется день ото дня.

Несмотря на только что начавшуюся войну с Японией — САШ и Англия торжественно и успокоительно заявили об исполнении договора о помощи нам. Верю, ибо это в их интересах.

Не придётся ли и нам воевать с Японией? Что-то очень похоже на это...

Мороз 18°С. Снегопад.

Газета принесла полное подтверждение провала немецкого натиска на окружение и взятие Москвы. Враг, находившийся по местам в десятках вёрст от столицы, отброшен со страшным уроном и преследуется нашими бойцами. Можно теперь вздохнуть свободно и считать опасность устранённой.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Где врагу взять ещё сил, особенно машин, когда погибла их здесь основная масса. Действительно, Москва спасена и беда миновала.

14/XII. Осталась экономическая разруха, связанная с войной. Сегодня Зоя возвратилась из Москвы. Удалось ей купить несколько пакетов дешёвого кофе, чтобы подбавлять в корм Дружку, да флакон *гематогена* и *касторку* вместо жиров. Все магазины пусты — купить что-либо съестное нет никакой возможности. Очевидно, все запасы ввиду бывшей угрозы держались в минимальных количествах. Теперь в связи с отброской врага, понятно, подвезут. Есть слух, что с 20 декабря откроют коммерческие магазины. Сегодня в Малаховке хлеб продавался без очередей: ясно, начался подвоз муки и правильное функционирование хлебозаводов. Большая очередь за получением жидкого мыла для стирки, но на наших карточках нет штампа нашего поссовета, — два раза были в нём, но не застали наш уличком. А бельевого мыла у нас очень мало.

15/XII. Привычка лгать наших всяких редакторов неискоренима и до смешного напориста. Несмотря на то, что с месяц стоят здесь морозы в среднем 20—25°С, иногда 27°С, информбюро ничтоже сумняшеся объявило, что не было морозов свыше 3—5°С. Не стыдно врать так нахально. Все смеются и осуждают. Это очень показательно. Вот и верь информбюро. В этом пункте насчёт метеорологии можно проверить и сказать, что дикое враньё. Как же можно верить в остальном? Неудивительно, что заметно сильное недоверие даже в таких слоях, как рабочие и крестьяне. Пожалуй, интеллигенция более доверчива.

Любопытны с точки зрения переживаемого момента наши домашние разговоры. Всё больше о еде. Часто вспоминаем прошлое, или сообщаются рецепты, как готовить то или иное кушанье без масла и других жиров. Наталия Викторовна сегодня видела сон, что получила 150 кг муки в $2^1/_2$ мешках, затем какую-то прибавку. Одним словом: «голодной куме всё хлеб на уме», и неудивительно: всё время голодны.

Ночь спокойная. Шёл снег.

16/XII. Снова валит снег, а немцы летают. Была сирена, слышна стрельба. Не мирятся, проклятые, с поражением, опять лезут, хоть и по воздуху.

Ждём Нину с вестями о нашей пенсии.

17/XII. Не дождавшись её, поехал на 42 километр. Она сказала мне, что пенсия Фрунзенским отделом собеза назначена: по 54 рубля каждому, Оле, мне и Наталии Викторовне. Следовательно, мы с Наталией Викторовной будем ежемесячно получать половину того, что давал нам Сева. Это его посмертный дар. Он даёт теперь нам новое юридическое лицо и открывает некоторые перспективы на работу. Полагаю вступить в союз пенсионеров — научных работников и находить там время от времени заработок. Кроме того, легче получить его и в других местах.

Сегодня ровно месяц, как помер Сева. Клавдия Ивановна, его квартирная почитательница, прислала с Ниной нам сухарей и мыла, что очень кстати, ибо хлеба по карточкам едва нам хватает, — едим и пьём в день раз 5—6 и всё не сыты.

За пенсионными книжками поеду в Люберцы в понедельник.

На улице темно. Видели отдельные выстрелы. Враг не хочет расстаться с нашими местами.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

18/XII. Перед вечером лес нашей Пушкинской улицы усиленно расчищался бойцами, а как стало темно, осветился фарами грузовых машин. Их стоит множество и на других прилегающих участках среди деревьев.*

Наш день прошёл за добыванием необходимого. Наталия Викторовна простояла за хлебом с половины восьмого до половины первого, то есть пять часов. Дали, как обычно, на 1 день 800 грамм. Я с половины восьмого по половину четвёртого три раза ходил за керосином, то есть потратил в общем 8 часов и керосина не получил, ибо его не привозили.

Безобразная постановка с получением продуктов вошла в быт задолго до войны. Госторговля удобна для фиска, слов нет. Безо всякого согласия законодательных органов кто-то повышает цены, то есть взимаются дополнительные налоги. С этим люди мирятся. Но необычайно удручает всех безалаберщина и недисциплинированность постановки дела. Население измучено, страдает из-за его чудовищно дикой постановки. Всё время уходит на стояние в очередях и рысканье по магазинам. Сколько непроизводительной затраты сил на самое элементарное дело, о чём при прежнем способе торговли никто ничего подобного не испытывал. Не пора ли снять с населения эту тяжесть и найти более пригодный способ снабжения. Всем надоело, все ждут перемены.

19/XII. Приходил греться шофёр из расположившегося против наших окон обозного парка. Татарин, и все грузовики из Татреспублики. Рассказывал, что в Казани дешевизна: свинина 30 рублей, баранина 12 рублей и так далее, и крайне удивлялся здешним ценам на рынке. Одет по-зимнему прекрасно, но пока валенок ему нет, в ботинках. Хвалил кормёжку — 900 грамм хлеба, суп иногда с мясом, рыба (селёдка), 20 грамм сахара ежедневно. Здесь работы много. Курсируют на фронт и обратно.

В качестве суррогатов здесь в ходу «морс» (не столько кулинарное, сколько парфюмерно-малярное произведение) и такого же вкуса и красного цвета кисель. Морс 1 кружка 50 копеек, кило киселя 8 рублей 66 копеек. Так как чем-то подслащено, то за отсутствием сахара берут нарасхват. Оказывается, здешнее, должно быть, производство, нигде в других местах его нет.

Выступает на сцену определённо здешнее произведение: соевый кисель. Тоже сладковатый и неплохого вкуса. Цена 4 рубля кило. Берут в драку.

20/XII. Всю неделю ходил за керосином каждый день. Ушёл домой в 3 часа, не получив ничего. Очевидно, с Люберецкой базы берут на фронт.

Мы всё считали, что живём в полной безопасности, и не подозревали, что враг был в Мячкове, очевидно, какой-то передовой отряд, своевременно ликвидированный, — в расстоянии от нас километров 13, можно сказать, на пороге к Малаховке.

Вечером приехала Тамара. Вести от артистов из Ташкента: миллион эвакуированных, свирепствует тиф брюшной (от загрязнённых арыков) и сыпняк, малярия, теснота в квартирах. Пишут с оказиями отчаянные письма.

Подробности о панике 16/X: мужья бросали на произвол судьбы жён с детьми, писатель Франк — отца с матерью обманул, тайно от них сел

*Смирновы жили в Малаховке на улице Пушкина, дом 10.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

в вагон, — толкотня и нахальство сильных мужчин, с бою захватывавших места в поезде. Воровство и пропажа чемоданов. Психиатр Кромвель †.*

В Москве тихо от вражеских налётов, зияют разрушения МГУ и Манежа. В магазинах пустота, — продажи по коммерческим ценам нет, о чём здесь идут легенды, но ждут с нового года.

21/XII. Последние дни подписки на газеты. В объявлениях напечатано, что на газету могут подписаться учреждения и отдельные граждане. Последним почта и другие категорически отказывают. И вот что получается. Зоя подписана на «Московский большевик» через школьную библиотеку, а другая жена врача подписалась на «Правду», дав взятку в 20 рублей письмоносице. Вот как делается дело. Есть объявления о выходе в свет табель-календарей, но в продаже их нет, а новый год на носу.

Днём отдалённая стрельба. Ночью тихо.

22/XII. Наталия Викторовна ездила на 42 километр. Нина уже получила пенсионную книжку для Олечки, но денег ещё не дано. Бедной внучке назначили 1/3, тогда как ей следовало бы больше. Должно быть, ввиду военных расходов всю сумму пенсии исчислили в 162 рубля не из зарплаты Севы в 1 100 рублей, а из высшей пенсионной в 300 рублей.

23/XII. Ездил в Люберцы райсобез. Тоже получил на себя и Наталию Викторовну книжку без всяких затруднений. Вот история. Сколько я мучался, чтобы получить за свою долголетнюю службу пенсионное пособие, и на пути этого ставили всякие заковырки: то одно не так, то другое. В конце концов мне, служащему с 1889 года и в революцию доказавшему свою полезность, предложили проработать по крайней мере ещё полгода. Это было в 1938 году. Я плюнул по совету с Севой и решил воздержаться. Наталия Викторовна тогда работала на Пехорской фабрике,** а когда оставила её, то я связался с ГАИЗом и мы при своих скромных потребностях и бережливости жили неплохо. Должен оговориться, что субсидия Севы была основной, а остальное носило не очень прочный характер. С редакциями трудно ладить.

С чувством умиления вспоминали сегодня с Наталией Викторовной, что милый Сева был настолько щепетилен и точен в выплате своей субсидии нам, что за четыре дня до своей смерти спрашивал её, не задолжал ли он нам в своей выдаче, а за два дня до этого момента прибавил на поездки Наталии Викторовны ещё 50 рублей к месячному платежу в ноябре. Теперь мы получаем от казны с 17/XI по 17 число ежемесячно по 108 рублей 10 копеек. Это посмертный дар нашего мальчика, ценный не только в денежном отношении, но и в юридическом. Мы оформились по-советски. Спасибо тебе, наш бесценный. Тоска и горе гложет о твоей безвременной утрате. Чтим с любовью твою память.

24/XII. В несколько дней растаял татарский грузовой парк, переброшен куда-то в другое место. Пред нашими окнами 2—3 грузовика, на других улицах пусто.

25/XII. Изредка слышим какие-то удары, может быть, бомбы, но в сущности забыли всякую опасность. В убежище не были с сентября, спим последние недели раздеваясь, как в мирное время.

---

*Немецкий психиатр профессор Артур Кронфельд выехал в СССР в 1936 году. Во время паники 16 октября 1941 года отравился снотворным, не найдя себя в списках на эвакуацию.

**Текстильная фабрика в посёлке Томилино.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

26/XII. Сегодня 40 дней со смерти дорогого Севы. Ездили с Наталией Викторовной в Раменское на кладбище. Застали там Нину, которая до нашего приезда расчистила могилку, обложенную хвоей. Поплакали и склонились пред ней. Навсегда закрыла она его от нас и стала местом нашего паломничества.

Перед своим внутренним взором я восстановил всю его жизнь с самого начала и до конца. Вот мы в Нижнем Новгороде, он родился 19/VII старого стиля 1910 года. Я помню его с первого момента. Идут года, он живой весёлый мальчик, растёт вместе с Соней. Мы в Личадееве, потом в Переславле. Здесь Сева учится в школе, со мной в голодные годы на Смоленскую ферму (масло, дождь), в Новосёлку-Гору (лиса и ез), поездка на лодках с Пришвиным. Смотри «Родники Берендея». Сева в Москве учится и работает. Помогает мне в тюрьме и ссылке. К нему, не зная его положения, я был слишком требователен и несправедлив, в чём потом упрекал себя. Мы возвратились. Он субсидировал нас, а в то же время пробивал себе дорогу своим талантом и способностями. Его ценили. Умер, не успев сделать и половины того, что бы мог. Всего он проработал 13 лет.

Нина поразила нас своей любезностью и отзывчивостью. Даже предлагала, что, поступив на работу, будет денежно помогать нам. Разумеется, это было отклонено, но что продуктами и припасами будем рады. Подарила нам банку настоящего кофе, кусок сыра и прочее. В то же время передали от той же Клавдии Ивановны — баранье сало, сухари, пшено и прочее. Вот уже поистине феи самые рождественские и положительно неожиданные. Есть же добрые люди на свете! Не все, оказывается, волки лютые. Приехав домой, получил от Лидии Сергеевны из Архангельска письмо. Та при всей своей бедности тоже предлагает мне денежную помощь. Разумеется, я ей не воспользуюсь. Совесть не позволит.

Забыл отметить. В поездке на Раменское по вагонам милиция проверяла у всех документы. У нас, к счастию, были с собой паспорта, а некоторые были арестованы и отведены в Раменском в отделение милиции. Что это? Может быть, искали дезертиров, но той же участи подвергались и женщины.

27/XII. Начали с Зоей оклеивать потолок белыми обоями. Против окон по Пушкинской улице бойцы расчищают дорогу. Вечером приехали актёры, чтобы наутро купить на рынке картофеля и прочего, что в Москве вдвое дороже. Рассказали, что коммерческих магазинов не будет, ибо запасы продуктов небольшие, нахлынут и растащат вмиг. Будто бы увеличат нормы по карточкам.

Безбедно живут люди, причастные торговле и пищевой промышленности. Тащат не только себе, но и знакомым. В ходу поговорка: «не ищи брата, а ищи блата».

28/XII. Табаку только на несколько дней. Поневоле приходится отставать. Но боюсь, чтобы не навредить себе этим. Нужна постепенность и подкормка сердца по рецепту врача.

Сегодня курил 7 раз, маленькими дозами.

29/XII. Стоят тяжёлые морозы и глубокие снега. У нас тепло и уютно. Слышны звуки выстрелов или бомб.

30/XII. «Знойко» от мороза свыше 20°С. Днём и к вечеру отдалённые выстрелы. Враг всё ещё не унимается.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Сократил куренье до 5 раз в день. Принимаю валерианку с камфарой. Помогает переносить тяжесть привычного куренья. Наталия Викторовна купила ещё пузырёчек этого лекарства, а далее оказалось, что аптека перестала отпускать его, заподозрив что-то совершенно напрасно. Там разбирают нарасхват все травы (ромашку, шалфей и другие) и курят. Патентованные лекарства: гематоген, глицерофосфат и другие тоже идут не по назначению. Витамин D идёт вместо растительного масла.

Закрыта школа №1 для размещения прибывающих отрядов. Ученье перенесено в другую школу. Сегодня прибыли бойцы, но для них питание не было приготовлено. Кроме красного киселя нечем было угоститься. Что это?..

31/XII. Последний день старого печального для нас года. Первая его половина была неплохой. До самой войны я работал и жили мы неплохо, — с первых же дней войны и редакции и архив закрылись, прекращён въезд в Москву и я оказался безработным. Вроде улыбки судьбы было нам приглашение З. А. Дементьевой переехать к ней в Малаховку. Одновременно с этим заболел Сева, чему не было придано особое значение и внимание. А далее роковой его конец, нанёсший нам кровоточащую и сейчас рану. Да, наша старость — не радость.

Какая разница со встречей наступающего и того года. Оставались мы с Наталией Викторовной вдвоём и вдвоём встречали его. У нас было вино, закуски, масло, торт и прочее. А теперь одна печёная картошка. Буквально нет ничего из жиров, о вине и табаке и говорить нечего. Нищета.

Получил по почте первую выплату пенсии за 17/XI—17/XII.

Что-то таит в себе наступающий год? Встречать его нечем и незачем. Ложимся спать в обычное время.

1—31 декабря 1941 года.
ГАЯО. Ф. Р-913. Оп. 1. Д. 15. Л. 1—16.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Дневник 1942 года

Январь

1/I. Письмо от А. И. Яковлева от 23/XII. Шло от Москвы 9 дней. Кроме сердечного сочувствия по поводу смерти Севы дружеское предложение заработка путём участия в сборнике «Великие предки». Сердечно этому рад, — написал ответ и отправил через соседа в Москву, чтобы дошло скорее. Но дойдёт ли к 7-му числу? Предложение обусловлено этим сроком.

2/I. Ездил в Томилино платить за электрическое освещение. Осматривал разгром рынка, учинённый немецкой бомбой. Сейчас слышна из нашей малаховской квартиры стрельба.

Не доверяя почте, решил завтра поехать в Москву на авось.

Вечером три тревоги.

3/I. Вместо этого послал утром телеграмму А. И., но далее взяло сомнение — быть может, она попадёт на несколько дней в цензуру и всё пойдёт насмарку. Снова стал думать о поездке, тем более что мороз с 34° пал до 27°. Был в милиции, но не застал начальника, было около 4-х часов. Пришлось отложить до понедельника.

4/I. С 42 километра Наталия Викторовна привезла известие, что 2-го числа в 9 часов вечера немец бросил бомбу в дом на Гагаринском переулке, где находится квартира Севы. Убит завхоз и мальчик, выбиты стёкла со двора, попорчено отопление. Комната Севы не пострадала.

Докурил последний табачишко. Страдаю сильно, но курить больше не собираюсь. Пора отказаться от курения совершенно, лишь бы это не ухудшило состояние моего здоровья. Принимаю валерьянку с камфарой.

5/I. Утром в 10 часов отправился в милицию, чтобы получить разрешение на проезд в Москву. Здесь сказали, что выдача с 10 часов. Отправился в поссовет к секретарю за тем же. «Больше трёх месяцев, как поссовет не выдаёт разрешений», — было сказано мне. «Следует обратиться в милицию». Посидел, подождал и к 10 часам был в милиции. Принимала некая молодая особа, безапелляционно объявившая мне и другим, что разрешение даётся районной милицией в Люберцах, а не здесь. Поехал в Люберцы, отыскал помещение, в котором томился народ, всё больше женщины, ожидавшие разрешения на проезд. Было 11 часов, а выдачи не начиналось, вышла из двери высокая женщина-служащая с пачкой документов в руке (должно быть, она ведёт это дело), её обступили и требовали, чтобы отпустила томившихся людей. Она раздражённо кричала и, указывая на документы, говорила, что была занята проверкой их. А нам, малаховцам, объявила, чтобы ехали обратно в Малаховку и получали разрешение там. Вместе с одной пожилой женщиной поехали обратно и приехав долго ждали начальника паспортного стола, который ведает разрешениями. Изложил я ему дело и упомянул, что нас

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

прогоняли напрасно в Люберцы. Он, защищая свою сотрудницу, сказал, что якобы он не знал, выдача до сего дня будто бы была в Люберцах. Потребовал от меня официального вызова от редакции «Великие предки», а в конце концов отказал, дав мне совет ехать зайцем до Перово или Сортировочной.

Итак, паршивые советские бюрократишки-шкурники отравляют жизнь, затрудняя её на каждом шагу. Нет ни просвета, ни отдыха. Как вши на немецком фронте, точат и точат они нашу и без того постылую жизнь. Некуда от них деваться.

Тяжёлый день — первый без табаку. Одолевали лёгкие позывы к головокружению всё время. Дома за обедом совсем было плохо. После кофе стало лучше и к вечеру несколько оправился.

6/I. Второй день без табаку. Сегодня легче. Меньше позывов и болей. Много ем целый день и чувствую сравнительно хорошо. Пил валерианку с камфарой.

Ходил в библиотеку читать газеты за 4 и 5 января.

7/I. Поехал без билета в Москву, заплатил, как водится, 10 рублей штрафа и благополучно сошёл на Сортировочной. Отсюда трамваями (24 и Б или 45) до Белорусского вокзала к Яковлевым. На пересадке у Аптекарского переулка встретил художника А. П. Хотулёва, сиявшего персональной пенсией.

Яковлевы встретили сердечно, по-родственному. Много расспрашивали о Севе. А. Ив. [Яковлев], переходя к делу, о котором писал, предупредил меня, что я, в сущности, опоздал — всё роздано ГИЗом. Сам он, как единственный академический историк, состоит редактором серии «Великие предки». Но всё дело зависит от Льва Израилевича Лазаревского, к которому и направил меня с отредактированными статьями.

Лазаревский поручил мне составить краткий план брошюр об Иване Сусанине и генерале Скобелеве.

Из ГИЗа поехал на Поварскую к Баташовым, чтобы уладить неприятный счёт с Зоей, а затем на квартиру Севы, где его почитательницы насыпали мне в сумку сухарей, соли, крупы, хлопкового масла и так далее. Спасибо бабам.

Вечер и ночь у Яковлевых. Штудировал биографический словарь и составлял план брошюр.

8/I. Утром окончательно отредактировал и, получив одобрение А. И. [Яковлева], отправился в ГИЗ. По дороге был в Скатертном у Повалишина и подал заявление о принятии в Союз пенсионеров — научных работников. В. А. обещал всё уладить.

В ГИЗе мне не удалось ускорить дела и получить вызов для поездки. Лазаревский сказал, что планы будут рассмотрены и результаты сообщены почтой.

Обратно ехал домой опять с Сортировочной. По паспорту сразу получил билет и в начале 5-го был дома с подарками севиных почитательниц.

9/I. Меньше месяца назад потребовали от нас домовую книгу в милицию. Было раньше распоряжение уничтожить их, что и проводилось неукоснительно. Идя в библиотеку, увидел на двери поссовета объявление, чтобы к 10-му января везде и всеми должны быть заведены домовые книги, хотя бы в виде простых разграфлённых тетрадей. Ясно, что тут не логика, а «диалектика»...

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

10/I. Весь день дома. Штудировал неплохую книжку А. Козаченко — «Разгром польской интервенции в начале XVII века» (ОГИЗ, 1939 год), разыскивал в ней материалы для статьи о Сусанине.

Наталия Викторовна была на 42 километре. Смогла купить лишь кружку молока за 10 рублей. У бедной Нины в поезде украли из портфеля документы и деньги.

12/I. Получено письмо из Астрахани от С. В. Подольской. Цензура замазала с пяток строк о неимении в продаже картофеля, масла и прочего, о дороговизне и трудности жизни. Везде одно и то же, — редко где живут люди по-людски. Везде недохватки.

13/I. Говорил по телефону с Л. И. Лазаревским, директором серии «Великие предки», о своих темах — Сусанин и Скобелев. Ещё не рассматривались. Окончательный ответ в понедельник 19/I.

14/I. Ставили самовар и поили чаем двух шоферов, просившихся погреться. Через несколько часов идут в рейс на фронт. Возят бойцов, коней, оружие, боеприпасы и так далее. Пробыли в рейсе 19 дней за Калининым, были под Торжком, не доезжая 7 км до фронта. На обратном пути их обстрелял из пулемёта немецкий лётчик. Им прошло благополучно, а один шофёр был убит и двое ранено.

Оба из Бугульмы, русские, один колхозник. Выпил 8 стаканов сладкого чая и съел ковригу хлеба, оставив к обеду небольшой кусок. Клал в иной стакан по 3 ложки сахарного песку и съел всю порцию по 20/I. Такова русская натура — не может выдержать по норме.

15/I. Сокращена выдача хлеба по рабочим карточкам на 200 грамм, вместо 800 всего лишь 600 грамм.

17/I. Два месяца, как помер наш Сева. Сегодня же получено извещение о смерти А. Ф. Дементьева, моего друга. В октябре-декабре минувшего года я, значит, потерял брата, сына и друга. Для кого я буду жить?..

Подробности о смерти А. Ф. слишком официальные: «Командование 162 медико-санитарного батальона с прискорбием извещает, что Ваш муж, верный патриот нашей родины, военный врач 3 ранга Дементьев А. Ф. 30.12.41 года во время бомбардировки вражескими самолётами был убит при выполнении боевой задачи. Труп похоронен с почестями в могиле северо-восточнее окраины деревни Дмитрово Высоковского района Калининской области». Подписали: командир батальона военный врач 3 ранга Груздев; военком батальона политрук Волков; за начальника штаба старшина Овчинников.

С Зоей истерика часа на полтора. Немного успокоившись, послала телеграмму родным в Москву, а вечером поехала сама к ним и ночевала три ночи.

18/I. Заходил греться красноармеец, мальчишка 18-ти лет, комсомолец. На улице около 30°, а он обут в кожаные ботинки. Жаловался, что скудно кормят.

19/I. Три раза ходил на почту к телефону, чтобы переговорить с ГИЗом о судьбе моих работ. Оказывается, переменили номер телефона, А. И. Яковлев обещался перезвонить сам — Лазаревского не было и он не добился толка.

20/I. Юбилейный день: 40 лет нашей свадьбы. Печальное напоминанье. Нечем угостить ни себя, ни других.

Приехала из Москвы Зоя, — поуспокоилась. Сослуживцы-учителя прислали ей коллективное сочувственное письмо, написанное очень неплохо.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Ночью исполняется 8 лет со дня смерти нашей милой Сони.

Вопрос о моём участии в серии «Великие предки» не выяснен и сегодня. А. И. Яковлев сказал мне по телефону, что подозревает очередную административную перемену и от секретаря не мог ничего добиться определённого. Отложили разговор об этом до завтра.

21/I. А. И. сказал, что мои темы (Сусанин и Скобелев) отклонены. Так ничего и не вышло из его желания помочь мне.

Купил 3 кг «соевого супа» в виде густого киселя по 4 рубля 50 копеек. Довольно вкусно и в жидком и в твёрдом виде. Страшный холод (около 40°), ознобил до боли пальцы.

Трагическое письмо от Лидии Сергеевны. Лучше её не изобразишь переживаемую ею голодовку. Смехотворный запас продовольствия. Три пачки овсяного кофе, 400 грамм хлеба и тарелка супа на троих. Таня тает, сама она болезненная. Едва ли долго протянет, тем более что квартира старая сырая. Бедные люди!

26/I. Продлили паспорт (срок ему вчера истёк) ещё на год.

Был писатель А. А. Ильинский, редактор сочинений В. Брюсова, — звал к себе (Коренёвское шоссе, 71).

Наталия Викторовна ездила на 42 километр, поезда шли с нарушением расписания. Поздно приехала обратно (в 8 вечера).

28/I. С липовой командировкой ездил в Москву, беспрепятственно получил билет туда и обратно, поезд, к удивлению, пришёл вовремя, народу тьма, контроля не было, в вагоне холодища.

Направился первым делом в Государственную историческую библиотеку, возобновил входной билет и по случаю отсутствия контроля на месте прошёл прямо в читальный зал СССР. Заказал книги о Сусанине и Скобелеве. О первом что-то нашлось, а о втором из фонда оказалось упакованным и, как мне разъяснили, будет распаковано только по восстановлении мирного времени. Значит, работать ещё нельзя.

А на другой день обнаружилось ещё важное качество: контролёриха, проверяя пропуска, потребовала у меня паспорт и командировку. Выходит, ловушка для неосторожных.

Пришлось поскорее отрясти прах от ног своих и забыть думать, что можно что-то сейчас работать литературно. Требуется совсем другое поприще.

Другая в этом же роде неожиданность оказалась в Литературном музее. Бонч-Бруевича давно отставили от директорства, а весь рукописный материал забран Центрархивом, даже взяты из библиотеки книги с надписями авторов. Никаких покупок у авторов, как это было раньше, музей не производит. Ударило это меня в двух направлениях. Нельзя пристроить рукописи и письма Василия Ивановича, а потом мои. Я надеялся, что всё неизданное будет после моей смерти продано сюда и всё будет цело, всё со временем использовано для науки.*

Советуют с этим делом обождать и ничего не предпринимать. Самое бы лучшее хранить дома. — Но у меня ни кола ни двора и нет наследников, способных хранить мои рукописи. Возможно, что суждено пропасть всему...

*Эти материалы в 1951 году поступили в Государственную публичную историческую библиотеку, а в 1971 году переданы в Государственный архив Ярославской области.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Нужно узнать — не оставлены ли архивы библиотекам и Историческому музею?

Гораздо счастливее я был в Кассе взаимопомощи пенсионеров научных работников. Туда мои приятели устроили беспрепятственный приём. Мне оставалось только внести вступительный взнос и членские, что я и сделал. Получил членскую книжку, надеюсь, последнюю в сей жизни.

Отсюда направился к Балашовым, где угостили обедом из одного блюда (овсянки). Ночевал у старушки Песковой.

29/I. Ехал обратно домой. Сначала пытался сесть в вагон с Сортировочной, но не смог: так набит был поезд, — поехал трамваем обратно в Москву на Казанский. Ждал 2 часа, но в тепле, а на Сортировочной издрог от пронзительного ветра.

30/I. Простудился дорогой. Оглох на левое ухо. Оказала помощь Галина Алекс. Был Ильинский.

31/I. Сегодня слышу несколько яснее и лучше.

Февраль

1/II. Неблагополучно с электрическим освещением: то бывает, то нет. Пока сидим с керосиновой лампой. Но керосин много месяцев не дают. Свечей нет. Придётся перейти на самодельный ночничок. Объясняют нехваткой каменного угля. По той же причине, считают, перебои в железнодорожном движении, ухудшающемся на глазах.

2/II. Электричества нет, как говорят, до 15 марта. Сидим с ночничком, при котором с трудом можно писать.

Были с Зоей у писателя А. А. Ильинского. Оказались общие знакомые по Нижнему Новгороду: А. Я. Садовский, Макс Соколов и другие. Учился в Лазаревском институте, близок был с Марром. Редактирует сочинения В. Брюсова, читал письма его вдовы. Показывает его книгу о Ломоносове и так далее.

3/II. Из Архангельска пишет Лидия Сергеевна. Голодает с исключительным стоицизмом. Живёт только на хлебном пайке. Как редкость купила 1 кг мороженой редьки. Таня сохнет и тает.

Прислала недоконченное письмо брата и его фотокарточку.*

4/II. Продолжаем гоняться за январским сахаром. Ездили даже в Люберцы. Но толку нет: должно быть, так и не получим его.

С 6 часов до 10 часов с ночником. Читать трудно. Спим с 10 до 8 часов, ночь в 10 часов.

Выдавали жидкую массу — из сухого кваса и солода. Не пробовали. Соевого супа больше нет, к сожалению.

7/II. Совершенно неожиданно Лиза получила в Быкове по январским карточкам вместо сахара печенье. На нашу долю целое богатство 1,2 кг. «Радуйся, наше подполье!» Остальное плохо: упорная стужа, скорый переход на 1 кушанье, то есть постоянную полуголодовку. Как с таким тылом победить немца, совершенно не представляю себе. Но должны победить.

*Фотография сохранилась: ГАЯО. Ф. Р-913. Оп. 1. Д. 28. Л. 121.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

10—11/II. Поездка в Москву, разумеется, по «командировке». Прекрасно и без затруднений в оба конца. Прежде всего был у П. Н. Миллера. Теперь сидит в редакции «Гражданской войны» (Воздвиженка, 9). Сразу же предложил мне работу, рассказав, что Моссовет ищет культурного человека для управления Пятницким кладбищем. В принципе согласен, ибо пора мне именно на кладбище по-настоящему. А здесь и умрешь, да не похоронят. Сегодня Наталии Викторовне рассказывал в очереди старик, что 7-й день как умерла его старуха, нет возможности вырыть могилу и она до сих пор не погребена. Так здесь обстоит дело с похоронами.

Разумеется, от коменданта кладбища потребуется не одна культурность, нужна хозяйственность и администрирование. Кроме того, неизвестен размер зарплаты, есть ли квартира и прочее. Миллер обещался изложить письменно мне. Буду ждать. Но войду только при том условии, если всё будет стоить того, чтобы менять на Малаховку.

В Кассе взаимопомощи сдал 15 книг и брошюр для фронта. От Перелешина получил задание: составить проект музея производственной деятельности Кассы. Но так как ему некогда было дать мне подробные сведения по этому вопросу, то пришлось дело отложить. Относительно работы что-то водит за нос. Узнал, что через него можно получать табак, — но он отвертелся тем, что внёс в список, пошёл к Тараеву (22 Мерз.[ляковский] переулок), тот направил к Афанасьеву (Машков переулок, 15). Но туда не дошёл.

Был в читальном зале Литературного музея (у Синебрюхова), рассказал об архивах брата и моих рукописях. Обещали посредничество и советовали обождать. Может быть, снова будут покупать.

Ночевал в квартире Севы. Мои бабы снова — патронессы. В память его надавали муки, круп, масла, мясо и немного сахара. Так не делают и родные, как эти простые женщины. Хорошо кормили меня ужином с обедом. Это в наше-то голодное время. Есть же добрые люди на земле. Возвратился домой с добычей. Наталия Викторовна была очень довольна. В сущности, она отчасти заработала подарок: связала Клавдии Ивановне чулки.

12/II. Был А. Ильинский. Я пенял ему на судьбу, что унесла в могилу все мои планы. Полагал, что мои рукописи после смерти устроит брат, сын или мой друг Дементьев. Всё разлетелось прахом. А с последним я мечтал написать историческую повесть о роли Переславля в истории Москвы и художественную биографию Переславль-Залесского края. Спрашиваю его: нет ли среди знакомых ему писателей, склонных заняться этой темой? — Он мне в ответ: «А почему Вы не хотите взять меня?» Поговорили и решили составить товарищество совместной работы. На днях приедет договориться, а главное, вплотную познакомиться и познать друг друга с творческой стороны.

13/II. Праздновали масленицу (бабы в очереди уверяют, что это масляная неделя): был мясной суп! Знай наших.

Выкопал из убежища свои и А. Ф. [Дементьева] рукописи. Малость отволгли, но и только.

14/II. Кололи дрова пильщики, чохом за 2 слишком кубометра 70 рублей и две коробки спичек. Работали с 10 до 6 часов, по существу 2 мужчины заработали по $1^1/_2$ кг картофеля.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

15/II. Перешли на мороженые овощи. Наталия Викторовна купила мороженой капусты аккордно килограмма три, остаток у крестьянина, за 15 рублей. Считаем большой удачей. Борщ вышел прекрасный.

Картофеля осталось мало. Будем покупать только мороженый, — рыночные цены от 6 до 15 рублей и выше.

18/II. Получено письмо от главного врача 162 медсанбата, в котором работал А. Ф. Дементьев. Оказывается, 30/XII часов в 9—10 на деревню Дмитриевскую, где был расквартирован бат, налетели два немецких бомбардировщика. Врачи и другие служащие разбежались в разные стороны. А. Ф. вышел из дому и стал у стены. Бомба разметала этот дом и ранила его в голову, или же придавило ему голову бревном. Был извлечён из-под обломков мёртвым, очевидно, помер мгновенно. Никаких вещей после него в разрушенном доме не разыскано, — должно быть, уничтожены взрывом.

20—21/II. Кушанья из мороженых овощей: котлеты из картофеля и соус из брюквы. То и другое полная безвкусица, но сдобренные горчицей, хреном, свёклой в уксусе можно есть. Неприятная отрыжка, но других неприятностей нет пока.

Толки о прибавке хлебного пайка с 1 марта на 200 грамм всем категориям едоков.

Началась выдача стандартных справок для получения продовольственных карточек на март. При этом вручаются лотерейные билеты и взимается сбор на армию.

Вечера без электричества с коптилками. В некоторых районах посёлка подают энергию, а у нас всё ещё нет. Тоска: нельзя ни читать, ни писать.

Настроение поганое: всё хочется есть. Чувствую, как слабеют силы и старость завладевает мною не шутя. За мороженую жратву приходится отдавать последние сбережения. Всё должно окончиться очень печально: медленным умиранием, то есть худшим видом смерти.

22/II. Ездил на 42 километр. Нина была на Севиной могиле. Так же тепло относится. Пил у них кофе с конфетой и сливочным маслом, чего не видел давным-давно. В их магазине купил на 10 копеек соли, но узнав, что у наших нет, отдал, а взамен получил 5 стаканов ржаной муки и пачку витаминов «С». На обратном пути в Малаховке толпа направлявшихся в Москву так хлынула в вагон, что не дала мне выйти и столкнула на низ, — еле смог выбраться после того, как кто-то подал мне руку и вытащил меня из-под вагона на платформу. Хорошо, что всё кончилось до отхода поезда. Иначе плохо бы мне было.

24/II. Был в милиции за пропуском в Москву. Командировка, написанная мне как члену Кассы взаимопомощи академических пенсионеров, имеет полный успех. Тут же был написан пропуск, хотя я не взял с собой паспорта, а продиктовал его серию и номер по памяти.

По возвращении домой получил ужасное письмо из Архангельска от Лидии Сергеевны. Называет его «последним письмом», так как с голода настолько расстроила своё некрепкое здоровье, что нажила декомпенсированный порок сердца, опухла, — и пишет об этом с эпическим спокойствием, как покорная индусская вдова. Ни капельки протеста и возмущения. Удивляюсь ей, — ведь у ней две заботы: на руках 7-летняя Таня и литературное наследство брата. Куда всё это попадёт и какова будет судьба той и другого? Бедный Вася: на нём только всё держалось и с ним вместе помирает. Кровью

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

обливается сердце при таких вестях, и как скованный не можешь шевельнуть рукой, чтобы помочь им. Море страданий в тылу, вдали от фронта. А там?!..

25/II. Москва. Начал с Кукрыниксов. По вызову возвратились из Алма-Аты, где прожили с августа по начало февраля. Мой внук Андрюша вырос, прекрасно учится и увлекается скульптурой в виде резьбы по дереву.

Н. А. Соколов рассказал мне про знакомого, который недавно был в Переславле. Видел в Усолье Пришвина, который сказал ему, что я умер. Навестил Кардовского и ещё кого-то. От них или других слышал обо мне хорошие воспоминания, как о человеке культурном. Значит, не все ещё ругают меня там...

К вечеру поехал я к А. И. Яковлеву. Попал на его именины. В обычно гостеприимном доме, где никогда не скупились на угощение, на этот раз угостили меня чайком без сахара с маленькими ломтиками хлеба. О. А. привезла при мне обед из дома учёных, ибо у себя готовить не из чего. К обеду, понятно, меня не пригласили, как делали это раньше. Явное оскудение. Дом не топят. Электрического освещения нет. Принимали в кухне, как самой тёплой комнате, где подтапливают плиту. В ответ на мои рассказы о Лидии Сергеевне узнал о множестве смертей от голода в Ленинграде, о мучениях знакомой русской, вышедшей замуж за немца Поволжья, и так далее.

О. Ан. получила от Богданова Л. С. письмо, посвящённое главным образом мне. Надо будет на днях написать ему.

С А. Ив. [Яковлевым] в этот день был обычный приступ его болезни. Но затем прошёл и он пригласил меня к себе, чтобы порадовать о своей победе над Лазаревским. Убеждён, что мой план о Скобелеве будет принят и мне дадут 1—1$^1/_2$ листа для статьи о нём. Удивительная энергия у человека, редкая и счастливая способность. Без него пропало бы дело. Особенно рад он, что протащил в Москву Черепнина. Сообщил мне о смерти Николая Владимировича Голицына, скончавшегося от голода.* В последнее время выпрашивали у Яковлевых по кусочку хлеба. Так-то кончил дни бывший директор государственного архива.

26/II. После ночёвки в Москве в квартире Севы, где Фрося и Клава накормили меня ужином, утром я поехал в село Коломенское, чтобы навестить своих знакомых и колхозников с целью поразведать насчёт приобретения овощей и особенно семян огородных овощей, каковых в продаже в московских магазинах нет (только репа и... арбузы). Ездить туда стало удобнее трамваем до самого села. Навестил прежде всего Барщевских.** Оказалось — старики живы и здоровы. Ему 91-й год, а пилит дровишки и мастерит. Оба обрадовались мне и поплакали, когда я рассказал о своих горестях. Она угостила меня чаем с яблочным вареньем и ломтиками чёрного хлеба.

Выходя от Барщевских, встретил местного почтальона В. И. Волохова, который сразу ввёл меня в курс событий Штатной слободы. Все мужчины

*Николай Владимирович Голицын (18 октября 1874—24 февраля 1942), историк, в 1916—1917 годах был директором Государственного и Петроградского Главного архивов Министерства иностранных дел. В советское время переводчик.

**Иван Фёдорович Барщевский (16 апреля 1851 — 11 марта 1948) фотограф и писатель, автор трёх тысяч фотографий архитектуры. С 1933 года хранитель в музее Коломенское, заслуженный деятель искусств.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

мобилизованы, за исключением пожилых и стариков, — у председателя колхоза умерла жена накануне, и так далее. Зашёл на прежнюю квартиру к Молочкову С. И. От него с фронта нет вестей 5 месяцев, сама месит лепёшки из отрубей на картофеле, приготовила чугун картофеля и другой моркови. Это обед. Хлеба получают по 200 грамм на человека.

Колхозного счетовода увидел мельком на улице. Так неудачно всё сложилось, что мои планы все расстроились и потребовалась новая поездка.

Музей свёрнут, — церковь с мая закрыта, — прохода по аллее нет, стоит часовой, — сады яблонные вырублены, одни почти пни и редко уцелевшие деревья, — новых посадок не видно.

28/II. Дома по-прежнему холодно, голодно, темно и безотрадно.

Удивительно устойчиво стоят морозы, — правда, днём на солнце тает, но ночью морозно. Дрова экономим и живём при вольной температуре; по утрам одеваемся в пальто и шарф.

Все толки, очень напряжённые, о прибавке к хлебному пайку оказались иллюзорными: нормы выдачи хлеба прежние, явно недостаточные; рынок неистовствует: картошка дошла до 40 рублей. Как мы вывернемся дальше? — Берёт жуть.

По вечерам продолжаем сидеть с ночником. Ни читать, ни писать нельзя. Тоска смертная. Жизнь безотрадная и бесцельная. Позавидуешь умершим, убитым от бомб...

Март

1/III. С утра был на рынке. Вакханалия цен: картофель — 35 рублей кг, мороженый — 17 рублей, зелёные помидоры — 18 рублей, редька — 20 рублей. Купил $^1/_2$ кг редьки и озябший возвратился с нею домой.

Говорил по телефону с А. И. Яковлевым. Вопрос о Скобелеве ещё не решён. Ответит во вторник.

В сберкассе всё ещё нет тиражной таблицы 10 февраля на заём 1938 года. «В своё время будет выслана», — сказали мне. А раньше публиковалась через 4—5 дней.

Приходил А. Ильинский, — принёс мне читать своего «Михайла Ломоносова» и снова подтвердить о его желании сотрудничать со мной по истории Переславля. Настаивал, чтобы наши взаимоотношения были оформлены договором на основе полного равноправия того и другого. Я ознакомил его с собой, дав ему список своих работ и академические отзывы обо мне. Буду у него во вторник, чтобы ознакомиться с его художественным творчеством.

3/III. Был у Ильинского. Оказывается, это материнская его фамилия, а по отце он — Блюментау. Показывал свои художественные творения. Багаж небольшой и жанр особый: стихи — «Amores», поэма «Фрол Скобеев» в стихах a la Ершовский «Конёк-горбунок» и какие-то советского характера пьеса и сказки. Ни повестей, ни рассказов. Решил проэкзаменовать его и дать ему написать художественный рассказ из истории Переславля.

5/III. М. Ломоносов Ильинского произвёл на меня в общем хорошее впечатление, но художественного здесь мало. Та же кроха, что и у меня. Стиль местами тяжёл, — в корректуре немало пропусков. Почему-то Мюллер, а не Миллер историограф.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Продолжал знакомить Ильинского, пришедшего ко мне по уговору, с моими работами о Переславле. Давал читать проспект с резолюцией издательства «Academia», показывал самую рукопись, принятую и оплаченную, но не напечатанную.* Читал две начальные статьи из новой моей думы о родине — «На Клещине озере» и дал ему на дом мои попытки на художественность: «Братья Покропаевы» и «О Даниеле Заточнике».

Пока ещё не договорились. Но как будто спеваемся. Мне он нужен. У него есть ход в редакцию «Художественная литература».

6/III. Тревожная ночь. После длительного перерыва слышались взрывы бомб и несколько раз поднималась зенитная канонада по вражеским самолётам. Этого ещё не хватало. Ночь жутко морозная (около 30°), голодно, без света, а тут ещё враг. Всё сразу...

10—11/III. Был в Москве, понятно, с командировочным удостоверением, но паспорт захватил по ошибке Наталии Викторовны. Прошло без задоринки. Смотрели милиционеры обложку, а не самую суть.

А. И. Яковлев, старавшийся протащить статью о Скобелеве, в конце концов получил отказ. Так моя работа в ОГИЗе и рухнула окончательно. Обычно у Яковлева всегда угощали меня щедро, а на этот раз 2 картошки и 1 чашечку кофе без всего. Явное оскудение и страх за завтрашний день. Проще у Баташовых. Попал к обеду и меня накормили лапшой, составляющей единственное блюдо обеда. Лучше всего у моих почитательниц в квартире Севы, — в память его они угостили меня сытным ужином, а на другой день Клавдия Ивановна дала пшена, белого хлеба и сахарина.

В. А. Перелешин, управделами Кассы взаимопомощи, направил меня в учебно-курсовой институт, рекомендуя в Люберецкий и Раменский филиал в качестве преподавателя истории СССР. Что выйдет из этого, буду знать в воскресенье.

Из Москвы проехал в Коломенское. Видел председателя колхоза «Труженик» и бухгалтера «Огородный гигант». По их словам, война обессилила колхозы. Ликвидированы животноводческие фермы, нет мужчин и запасов овощей, кроме семенных. Обменять мой парусиновый плащ поэтому не удалось. На мыло и спички наменял немного картофеля, моркови и капусты. Обещали приготовить огородные семена к 25/III.

17/III. Собачья жизнь. Целый день погоня за куском хлеба. Подвозят его мало. Отсюда страшные очереди. Некоторые по 3 дня не получают его. Поезда уже несколько дней выбыли из расписания и ходят редко: нет угля.

Подходит конец запасу картофеля. Буду менять кожаные сапоги и парусиновое пальто.

Встаю в половине шестого и бегу записаться в хлебные очереди. Наталия Викторовна стоит потом часами, чтобы получить хлеб на руки. Дают на один день. Тогда же записался в очередь на гороховый суп (по 2 рубля 30 копеек литр), — пришёл в 10 часов, суп давали, но кто-то изорвал первый список и мне пришлось уйти ни с чем, — приходил потом сюда с соседкой по даче, которая хотела взять себе и мне, но опоздала, её очередь прошла. После завтрака ходила за тем же Наталия Викторовна, тоже не получила. Так

*Речь о монографии «Переславль-Залесский», написанной в 1934 году по заказу издательства «Academia».

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

большая часть дня уходит на бесплодные усилия прокормить себя. И больше никакой думы. В полном разгаре мешочничество, как это переживали мы в 1918—1919 годах. Но тогда было легче: у нас были вещи и в деревне были зажиточные.

Что-то дальше будет? Стоит ли жить и переносить навязанные страдания?..

20/III. Самая трудная задача дня — получить по карточке хлеб. Встаю рано и записываюсь в очередь в 2—3 местах, а Наталия Викторовна потом идёт позднее получать. Были с ней на рынке, чтобы выменять на сапоги и парусиновый плащ картофеля. Неудачно, — вернулись домой ни с чем.

24/III. Вчера из подполья выгребена последняя картошка. Сегодня отправлялся в поход за ней в деревню. В рюкзак положил сапоги, туфли и калоши Наталии Викторовны, немного ниток, туалетного мыла и спичек. Нарядился в парусиновый плащ сверх пальто и отправился на станцию Коренёво Казанской железной дороги, чтобы ехать в Гжель. Сошёл я в станции Григорово вместе со многими москвичами, тоже мешочниками. Село Гжель оказалось впереди, а вблизи справа и слева 4 деревни. Я пошёл в Григорово и Минино. Больше всего блуждал по Минину, где колхозники заработали по 8 кг картофеля на трудодень. Заходил во много домов, разговаривал и выяснил, что цены малаховского рынка, которые, в сущности, устанавливают москвичи, здесь прекрасно известны, — всему цены знает каждая колхозница. Везде набрали на картофель массу вещей и склонны снижать стоимость предлагаемого голодными людьми материала ещё более. За новые женские калоши давали мне сначала 6 кг, потом 7 и одна самая щедрая 8 кг, за 3 катушки ниток 1 кг и так далее. Сапоги не подходили по размеру. За парусиновое пальто 10 кг, — за 1 метр любой материи, как говорили мне в деревне, 1 кг картофеля. Решил, после долгого хождения, отправиться на железнодорожную станцию. Идя через Григорово, по указанию девочки зашёл в один дом, где после долгих переговоров сменял за 2 ведра картофеля туфли и калоши. Мокрый пришёл на станцию, ждал поезда часа полтора под ветрами и боялся простуды. Народу набралось достаточно. Насколько хорошо было ехать сюда, настолько плохо отсюда: поезд военизированный, только на нескольких вывески о посадке колхозников. Кое-как успел втиснуться на площадку, где и ехал всю дорогу до Коренёва. Возвратился домой в 7 часов, выйдя в 8 часов утра, следовательно, пропутешествовал 11 часов. Дома меня одобрили, что я неплохо наменял, во всяком случае выгоднее, чем на здешнем рынке. И ладно. Пока жранитва есть...

Деревня богатеет. Очевидно, чтобы не выросли колхозники в кулаков, с них здорово стригут: снято по 1 кг с трудодня в пользу государства, увеличенная поставка мясом, по 50 яиц, военный налог, снятие с хлебного пайка на месяц...

И всё-таки хуже всего служащим, интеллигенции и рабочим. Живут сытно только избранные...

26—27/III. Ездил в Москву, понятно, с паспортом и командировочным удостоверением. Мои документы смотрели в железнодорожной кассе, в метро при входе, а обратно при выходе. Всё сошло в лучшем виде. А оказывается, по ошибке я взял не свой паспорт, а Наталии Викторовны...

Первым делом с разрешения Нины взял мои книги по старорусском искусству и понёс к букинистам. Каково же было моё удивление: запрещено

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

начальством брать издания о городах, чтобы не скупили их немецкие шпионы и не использовали в целях войны. Поистине, премудры, как будто немцы не знают наших городов. Но от меня не взяли альбом кафлей и другие. Так ничего и не вышло из моей торговли.

У Балашовых угощали меня стаканом «какавеллы». Это не какао, а, должно быть, только мука растения, не сладко и не очень вкусно. А вслед за тем предложили «морской капусты», купленной в аптеке и обработанной домашним образом с прибавлением овощных приправ. Что-то оригинальное по вкусу, но нельзя сказать, чтобы очень заманчивое. Выдумано с голодовки.

При мне готовили свой обед на троих, состоявший из одного блюда — 4 картошки и 2 морковки. И больше ничего.

Проведал Себенцовых, о которых не имел сведений с начала самой войны. Застал М.[арию] М.[ихайловну] С ней беда: сломала правую руку настолько сильно, что без памяти была отвезена в больницу, хворала долго и срослись поломанные кости неудачно — не может писать, работать ею. Хотели эвакуировать её и Б.[ориса] М.[ихайловича], но удалось отвертеться. Была очень рада и звала к себе вновь.

Ночевал у А. Песковой. Разговоры о войне, — опасения за её исход.

Утром заходил в семенной магазин. В газетах кричали, что семян много. Там аншлаг: 27 марта, овощных семян в магазине нет...

Домой привёз альбом Оружейной палаты, чтобы заинтересовать им А. Ильинского разными подробностями старинного быта.

30/III. Спастись от голода и недоедания проще всего в колхозе. Я уже дважды был счетоводом сельскохозяйственной артели. Надо попытать в третий раз. Поехал с этой мыслью в Люберцы в райзо к старшему агроному. На моей записке он пометил: «т. Зусман (бухгалтеру). Человек очень подходящий. Нужно использовать в Машково или Мотяково». Зусман написала несколько строк председателю Машковского колхоза, с которыми отправляюсь к нему послезавтра.

На обратном пути сошёл в Томилине, посмотрел на прежнее жильё и прошёл на Пехорку, чтобы узнать об условиях вязанья носков для армии. Оказалось, что завидного ничего нет, и Наталия Викторовна оставила мысль об этом.

Ночью сильная бомбёжка несколько раз.

Апрель

1/IV. Был в деревне Машково, виделся с председателем колхоза товарищем Новиковым, человеком интересным из людей новой формации. Молодой (лет 35), умный, деловой, — просто очаровал меня своей любовью и преданностью к колхозному делу, о котором долго и пространно мне рассказывал. Парень инициативный и деловой. Предложил мне, узнав, что двойной бухгалтерии я не знаю, пробыть месяц на испытании, — оплату труда трудоднями. Я не решился сразу согласиться и обещал окончательно сказать 3—4/IV.

3/IV. Подал заявление в правление Машковского колхоза о зачислении в счетоводы. Принят с месячным стажем испытания, 30 трудоднями на первое время и авансированием по 150 рублей в месяц с тем, чтобы при окончательном расчёте сумма была погашена из трудодней, — за успешное ведение

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

дела — премия и так далее. Но плохо, что до июля (когда будет ранний картофель) я ничего не получу из колхоза: нет ни картофеля, ни молока. Не знаю, как вывернусь: надо пробыть 8 часов, туда и обратно на дорогу 2 часа, перерыв 2 часа равно 12 часов. Необходима кормёжка в середине дня. Но как она устроится, ещё не знаю.

5/IV. Пасхальное воскресенье. За всю мою долгую жизнь единственное как архинищенское. Никогда ничего подобного не переживал. Решительно ничего пасхального праздничного, но даже простого нормального стола и обычного питания прежнего времени. Ни яиц, ни куличей и прочего. Чёрный хлеб в 400 грамм, суп из свёклы, каша и кисель из фруктового кваса. Считаем, что и это хорошо. Подходит момент: один хлеб и вода...

6—7/IV. Оба ездили в Москву на целый день, чтобы подкормиться у знакомых и сэкономить на хлебе день для себя. Наталия Викторовна даже ела что-то вроде творожной пасхи и суп со свининой. Моя удача скромнее, но был сыт по горло.

Ездил в Коломенское: там не так давно немцы разбомбили в Садовой слободе два дома, 8 человек убито, 9 ранено. Семян всё ещё не достал, но двинул дело. Наталии Викторовне придётся съездить числа 19-го.

Совсем иное отношение встретил я к себе в Кассе взаимопомощи: узнав о моём счетоводстве в колхозе, В. А. Перелешин сразу сказал мне, что есть для меня место кассира в Москве, я поблагодарил, смеясь в душе, он даёт новое предложение — торговать в деревне книгами без отрыва от счетоводства, ведёт к самому главному по этой части, рекомендует, затем к фотографу, чтобы оценить имевшийся у меня через плечо фотоаппарат. Вот что значит в перспективе картошка и прочие колхозные блага.

До чего дошла скудость наша: нигде не мог найти в Москве себе очки № 2,75. Ни у бывшего Ферейна, ни в оптике на Покровке нет и подобия, а у меня раздавлено одно стекло в одних очках, а другие погнуты в оправе.

Ни в одной аптеке нет пантокрина. В магазине «Семена» никаких огородных семян.

8/IV. Машково. Первый день службы в колхозе имени Крупской.

13/IV. Нудное вживание в колхозную счетоводческую работу. Не составлен ещё отчёт за прошлый год. Счетоводила окончившая семилетку и шестимесячные курсы девушка К. И. Волкова, довольно легкомысленно относившаяся к своим обязанностям. Дело запущено. Ей помогает спец, прежний счетовод, знаток своего дела.

По делам колхоза приходила председательница Марусинского сельсовета Пелагея Андреевна Переселенцева, пожилая женщина, работает предисполкома седьмой год. На меня произвела самое лучшее впечатление: её любят, ценят и уважают, а колхозного преда, оказывается, недолюбливают: считают его мастером говорить, а не делать.

Хожу пешком, по прямому пути километра 4, иду час с несколькими минутами. Работа в конторе с 9 часов до 6 часов вечера, — следовательно, с проходом минимально 9 часов, а с заседаниями и того больше.

Стараюсь теоретически познать двойную бухгалтерию и понемногу вживаюсь в неё. Но овладею не раньше, как поведу дело сам, когда после годового отчёта получу документы и книги для ведения.

Хозяйство подорвано войной, или, точнее говоря, 15—17 октября минувшего года. Эвакуировали скот, дорогой он заболел ящуром, прирезали. Теперь

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

во дворе только несколько телят. Лошади от бескормицы плохие. Кормами перебиваются. Надворные постройки хорошие. Всех хозяйств около 40. Мужчин мало, — большинство на фронте.

На скорые блага от колхоза ждать не приходится: нет ни молока, ни мяса; картошка забронирована под семена. Есть конина, но продают её по 100 рублей килограмм. Делать нечего, взял 2 кг, оказалась очень вкусной. Затрачивая теперь больше сил на ходьбу и работу, я нуждаюсь в более обильном питании. Авось как-нибудь дотяну до посева картофеля. Может быть, дадут из остатков или подкинут немного муки, на которую меняют сено.

14—19/IV. Всё те же нудные дни вживания. Наблюдаю обычную колхозную сутолоку. К весеннему севу предъявлены чрезвычайные требования, вводится железная дисциплина, но прививается она туго. Обнародовали новый закон «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» и «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы трудоспособного населения городов и сельских местностей». Основной удар на картофель. В 4-й раз увеличен план его посева, теперь за счёт многолетних трав — 32 гектара.

Мучаюсь получить хлебную карточку служащего, чтобы с 400 грамм перейти на 500. Я ли не так понял, или так бюрократически заражён адмперсонал, но воз и ныне там. Хорошо, что с разрешения предисполкома стали прибавлять мне 100 грамм ежедневно. Вчера получил 1 200 и с восторгом нёс её домой: к обеду хлеба не было и бедная моя Наталия Викторовна, голодавшая до меня, была в этот вечер сыта. Наутро осталось к чаю, на дорогу Наталии Викторовне (поехала в Коломенское и Москву) и мне на завтрак и обед. А на сегодня уже есть хлеб. Прорыв пополнен...

15/IV. Телефонограмма через Марусино: «Всем предколхозов. На период весенней посевной устанавливается следующий распорядок дня в правлениях колхозов: работа начинается с $7^1/_2$, обеденный перерыв с 13 до 14 часов, окончание работ в 20 часов, с 20 часов до $7^1/_2$ должен быть дежурный. Выходные отменяются, выезд из колхоза председателя и счетовода без разрешения райзо запрещается».

Прибавилось число часов моей работы в колхозе, — не выдержать. Хорошо, что мой пред разрешил мне уходить в 7 часов вечера, игнорировав остальное.

29/IV. Наталия Викторовна ездила в Москву в Кассу взаимопомощи, чтобы получить для меня книги на продажу, как было мне обещано. Перелешин болен. Книг не получила, а дали ей работу по оформлению детской сказки «о двух зайчиках» по 30 копеек с книжки.

Была в Новодевичьем на Сониной могилке. Она в полном порядке. Заходила к Б. А. Садовскому, от которого узнала про Ильинского то, что тот тщательно скрывает. Был судим за гомосексуализм и находился в ссылке. Считает его плохоньким писакой и человеком подозрительным, пронырой. Советует порвать с ним дело.

30/IV. Получил от сестры Лизы из Куйбышева потрясающее известие: ещё в феврале померли от голода в Ленинграде два моих племянника — Сергей Сергеевич Смирнов, профессор-гидробиолог, и Николай Сергеевич Смирнов, профессор-математик.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Май

1/V. В колхозе рабочий день.

Ещё в апреле начал копать целину в усадьбе под гряды. Посадил клубнику и разделывал гряды под морковь и прочее. Точно по числам записано Наталией Викторовной о посадках в её приходо-расходной книге. Никогда ещё так много я не огородничал, как этой весной. Прямо невыносимая нагрузка в дополнение к колхозной работе. Как-то выдержу?..

В самом колхозе, куда хожу всё ещё как в чужое место, с которым не сроднился, разглядел пристальнее порядки и людей. Постепенно исчезло первое благоприятное впечатление о председателе. Краснобай на словах, на деле оказался совсем иным. Властный и настойчивый, даже жестокий, он ласков только на словах. Прижимист и груб при расчётах. Несмотря на договор с кузнецом, не хотел давать ему муку; одному колхознику выдал принадлежавший ему картофель после бесчисленных просьб и стычек. Чтобы получить мне 10 кг ржаной муки и 10 кг картофеля, понадобилось несколько раз обращаться к нему и затем в правление. Между тем как в тех колхозах, где счетоводствовал я раньше, всё делалось легко и быстро и предупредительно, а здесь свысока и с прижимом. Все замашки Новикова директорские. Любит помпу и обстановку директорского кабинета. Хочет пролезть в партию. Подходящий: болтать умеет, а дело лезет вразнос из-за его кулацких приёмов, нетактичности и непонимания.

В правлении нет людей, которые могли бы оппонировать ему, поэтому он диктаторствует. Его не любят, но заменить некем. Мужчины на фронте, а женщины среднего сорта и не в состоянии справиться с делом.

Мало с кем из них поближе познакомился я. Есть у них всякие: больше противные жадные бабы, но оказалась добрая старушка, мать Кати, моей сотрудницы по счетоводству, умной и способной девушки. Елизавета Егоровна Волкова кормила трактористов и раз принесла в правление чёрствый хлеб для них во время их отсутствия, чтобы проверить вес. Смотрю, отрезала хороший кусок и предложила мне. Так это поразило меня, что я даже растерялся. Так неожиданно было для меня её сочувствие ко мне. Видимо, от Кати она знала о моём положении и ценила моё отношение к ней. Потом дала мне на посадку картофеля, не хотела взять денег, и я подарил Кате шёлковые носочки, а затем ей старые свои очки.

По счетоводству я долго возился с составлением приходо-расходной сметы, с производственным планом работ и приступил к ведению книг и отчётности по двойной бухгалтерии, которую предстояло мне освоить, как в середине мая заболел гриппом. Долго крепился, переносил его на ногах, а затем свалился. Истощённый и обессиленный, я заболел жестоко и оплошал физически до крайности, угасал. Был у меня доктор Михаил Николаевич Шингарёв из Красковской больницы, дал мне бюллетень и сочувственно отнёсся ко мне. Осложнений не нашёл, но констатировал сильнейшее истощение. Прохворал я больше двух недель, всю вторую половину мая.

Июнь

Передо мной встал вопрос: как быть дальше? Чтобы набраться сил, нужно было время и питание. Вступить снова в колхозную работу, это

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

значило угробить себя: далеко ходить я не в состоянии, с успехом работать не мог. Председатель отказал мне в выдаче в счёт моих трудодней картофеля и авансовых денег по 150 рублей за два месяца. Пришлось отказаться.

8/VI. Сегодня последний раз был в колхозе. По окончательному расчёту оказалось, что я заработал $57^1/_2$ трудодней. По бумажным исчислениям это немало: по 9 кг картофеля, по $1^1/_2$ капусты и так далее. Но что и когда будет реально, неизвестно и гадательно в зависимости от урожая и времени составления раздаточных ведомостей.

10—17/VI. Вздохнул с облегчением, что избавился от нудной и непосильной работы. Но вместе с тем оказался в катастрофическом положении: нет ни продуктов, ни денег, а надо было поправляться и оживать. Однообразное питание хлебом, крупами и вообще белками плохо помогало делу. Но какое чудодейственное действие оказывают жиры даже в небольших количествах. В воскресенье мы ездили с Наталией Викторовной в Раменское на могилу милого Севы, на обратном пути купили кружку молока и зашли ко внучке на «42 километре». Сватья напоила меня крепким кофе с этим молоком и я сразу почувствовал себя лучше.

В качестве курьёза отмечу, что во время колхозной работы я пользовался в качестве жира касторкой: ветеринарный фельдшер выписывал мне её «для новорождённых поросят», а председатель пришлёпывал свою печать и аптека отпускала по 100 грамм, а затем перестала за отсутствием её в продаже.

Обратился за содействием к своей двоюродной сестре Александре Михайловне Песковой, чтобы её дочери и зять помогли нам продать вещи: старинный штоф XVII века, золотую брошь Наталии Викторовны и кашгарский ковёр. Штоф облюбовал себе её зять В. В. Арцышевский, физкультурник. В ликвидации остального приняла родственное участие его жена, моя племянница Соня, ловкая и наторелая дама в современной купле-продаже. В счёт платежа дала 100 грамм американского сала. Ну, что за прелесть и что за чудодейственное питание. Намазываем понемногу на чёрный хлеб и едим за чаем. Я стал крепнуть и самочувствие моё в связи с физическим улучшением стало лучше.

Нам нужны жиры, во что бы то ни стало. Но вещи не проданы, и как вывернемся, покажет будущее...

За время работы в колхозе я снова закурил. Там манера — угощайся табачком, особенно щедро председатель, получающий какими-то тайными путями от приятеля из НКВД. А дома меня угощала мать Зои. За штоф мне прислали тоже табачку. Привык снова. Это возбуждает и поддерживает. Но противно перебиваться и клянчить...

18/VI. За время моей болезни и теперь измучилась бедная Наталия Викторовна, добывая хлеб по карточкам и другое продовольствие. Выдавали здесь крупу на июнь, без толку стоял я до головокружения. Наталия Викторовна мучается третий день, выстаивала в очередях здесь, ездила в Удельную, где выдавали яйца, крупу, но безуспешно. Сегодня опять поехала на «42 км» и Быково. Ежедневно уходит почти по целому дню на эту бестолковщину.

Сегодня первый раз ели грибы. Ходил я в лес и брал всякие грибы, чтобы дома разобрать их. Нашёл три берёзовика, много молочников и ещё что то. Тщательно вываренные были съедены в виде соуса с салатом. Ничего себе, можно есть: всё же новое питание.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Ждали Соню Арцышевскую. Второй час, а её нет. Завтра буду говорить с ней по телефону. Очевидно, что-то не ладится у ней для нас...

В огороде хорошие всходы, лучше на целине, чем в Полинином брошенном огороде. Посадил картошку — лорх (среднего поспевания) и раннюю срезками. На последние не надеялся, но вышли почти все. Хороша морковь, особенно капуста, плохи огурцы. Помидорную рассаду выводил сам, вышла неплохая, но низкорослая. Плоды будут поздние.

Зоя недовольна, что мои всходы лучше её. Она и раньше опасалась: «А что, если у Вас будет лучше, чем у меня?» — говорила она мне, а тут обвинила меня в том, что я валил много её торфу и, пользуясь неопытностью в Полинином огороде, выделил ей затенённые гряды. Всё это несправедливо, но по снятии урожая, чтобы внести мир в домашнюю жизнь, предложу ей часть своих овощей.

Начинаю томиться бездеятельностью. Злюсь на Ильинского, у которого, видимо, ничего не клеится. Избегает меня, обманывает, назначая дни. Не был у меня с марта, а я заходил к нему несколько раз. Хочу пойти к нему с Зоей, чтобы выяснить отношения окончательно. Прав был Садовский в оценке его личности.

Была-таки Соня Арцышевская, заехала из Раменского и привезла мне в расчёт за стклянницу XVII века жиров, крупки, табачку и прочего. Утешила и удовлетворила. Спасибо ей.

19—20/VI. Чтобы получить по карточкам на июнь крупу, жиры и прочее, Наталия Викторовна измучилась до упаду. Здесь «не дают», ездила в Люберцы, 42 км, Быково и Удельную, и всё напрасно. Снова вставала рано и становилась в очереди и попусту. Вот мука...

21/VI. Снова был в лесу за грибами. Вышел в 6 часов утра, но застал в лесу людей, набравших грибов до меня. Всё же был счастливее на этот раз, чем раньше. Появились все виды грибов: больше всего подберёзовиков, есть немного маслюшек, свинушек, достаточно опёнков и других. Стоит дождливая погода, но нет настоящего тепла. Возвратился домой в $1^1/_2$ часа, проходив $7^1/_2$ часа. Выдержал отлично и возвращался бодро.

22/VI. Сегодня, в годовщину войны, торговал вразнос, чтобы добыть хоть сколько-нибудь на еду денег. Погода прохладная, дождит. Понёс своё парусиновое пальто, купленное в начале революции, и не ошибся. Спрос на него оказался оживлённый, но выручил за него всего лишь 300 рублей. Наталия Викторовна продавала белого металла вилки, ложку и другое — тоже на 80 рублей. И что же на эти деньги можно купить? Нам нужны больше всего жиры. Оказывается, что 250 грамм подсолнечного масла стоят около 125 рублей, русского топлёного — 200 рублей. Удалось купить лишь картофелю и молока. Но и то ладно: давно сидели без картошки. Всё же стало полегче и потянем дальше к урожаю своего огорода. Пока лакомимся только салатом, немного редиской, — последняя не удалась без хорошего удобрения. Ох, долго ещё до своей моркови и картофеля!.. Живут сытно только те, кто умеет спекулировать. Ездят с вещами в хлебородные места (Тамбов, Ряжск и многие другие), меняют на крупы, муку, масло, табак и так далее. Дома перепродают, снова покупают вещи и опять едут. У таких всё есть с избытком. Встретил я в лесу такого типа. Разговорились. Жалуется, что болит голова: вчера выпил три четвертинки и дома есть, чтобы опохмелиться. Одиннадцать раз ездил он в Ряжск.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

23/VI. У многих нет дров, нет керосина, нет электричества, и всё же люди готовят себе пищу. Нашли такой выход: варят супы в самоварах, которые заряжают щепочками, еловыми и сосновыми шишками. Поистине «хитёр наш брат-мастеровой». Голод всему выучит. А сколько изобретено новых кушаний, не перечтёшь, и все они малопитательные, иные из мороженых или из плохих овощей. Я сбирал все без исключения грибы, и подозрительные были отварены двукратно, пока не перестали горчить. Соус, сделанный из них, был съеден благополучно без дурных последствий. Только и разговора и заботы, что о еде. Зоология. И всё кругом представляется своеобразным зоопарком.

Сегодня после значительного перерыва завтракали картошкой и блаженствовали. Съели по четыре штуки, сваренные в мундире. Помяли её и полили, как обычно, горчицей, разведённой в уксусе. Впридачу салат. Главные моменты в течение дня, по которым распределяется время и основной интерес жизни — кормёжки. Начало — утренний чай с куском хлеба по расчёту наличного, изредка с молоком по ложечке — по две на стакан. Как исключение с сахаром или чем-либо сладким в минимальных долях. В 7-м или 8-м часу утра. В 12 часов завтрак, чаще остатком вчерашнего супа, тоже с кусочком хлеба. Кофе. В 4 часа обед из одного блюда, иногда второе — пшеничная каша. Кофе или чай. В 8 часов вечера — чай (то есть напиток, хотя бы и не чайный) с кусочком хлеба. В общем, чрезмерно много воды и некоторое количество белков. Однообразие и односторонность, не давая надлежащего питания, всё же поддерживает. Ноги не пухнут, но сил даёт мало. Всё никак ещё не окрепну. Белого хлеба не получаем, выдаётся один чёрный, к нему привыкли и он удовлетворяет нас во вкусовом отношении.

24/VI. Был в Москве в Кассе взаимопомощи, чтобы получить работу. Имел я в виду хлопотать об открытии филиала в Малаховке, но вышло другое, а главное, так быстро, что я и не ожидал. Повёл меня Перелешин в отделение продажи книг к Сергею Владимировичу Тейс, у которого я уже был раньше, но толку не добился. И теперь он стал жаловаться, что дают мало изданий, и задал мне вопрос: «не имею ли я связи с редакциями, чтобы добиться более живого притока?» Я ответил ему, что надеюсь на успех чрез Кукрыниксов. Это решило дело. Собственно, Тейс хотел сначала использовать меня в качестве бесплатного агента по добыванию книг и только впоследствии принять на должность продавца, или, как у них зовётся, «книгоноши». Последние работают из 12%. Но заместитель председателя (последний болел) не согласился с Тейсом и назначил меня прямо книгоношей по приказу этого же числа.

Итак, я снова на работе. Всё же что-то заработаю (некоторые выгоняют до 600 рублей) и получаю карточку на хлеб и продукты служащего, а тем более по Москве. Это уже хорошо.

Отправился к Кукрыниксам и к своему благополучию застал всех вместе за работой. Рассказал им, в чём дело, и получил с их стороны согласие. Они дали мне два письма: одно в Детиздат, второе Гослитиздат. Был в обеих редакциях и оказалось, что все их издания покупаются на корню КОГИЗом, а в распоряжении их остаётся незначительное число книг для собственных надобностей. Но тут и там написали в КОГИЗ, чтобы тот усилил снабжение академических пенсионеров. Будет ли из этого толк, увидим.

25/VI. Ходил в лес за грибами в 5-м часу утра. Прекрасное солнечное утро. Начал с известных мне местечек Лукьяновского леса и сразу же

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

был обрадован, как и в прошлом году. На тех же местах нашёл несколько десятков свинух, достаточно больших, но берёзовиков мало и в общем рост грибов переменился. Может быть, от дождей. Везде стоят лужи и болотечки превратились в озерки. На суходолах потом нашёл только опёнки. Но в общем принёс достаточно на суп и соус. При нашей бедности это неплохо: будем питаться два дня ими.

26/VI. Сегодня удачливый день. Прежде всего потому, что солнечный, горячий, настоящий летний, сменивший собою долгое ненастье.

Далее окончились мученья по получению крупы (пшеницы), но остались невыданными за июнь сахар и жиры.

Наконец, получили по карточкам второй раз керосин.

«Радуйся, наше подполье!»

27/VI. Москва. Первая получка книг в Кассе взаимопомощи. Дана ходовая детская книжка: про двух зайчиков, три медведя и так далее. Всё издание в картинках, игры, картины. В общем, больше чем на тысячу рублей.

Прежде всего приехали к двоюродной сестре А. М. Песковой с её дочерьми и внучками. Тут расхватали у меня больше чем на сто рублей. Предварительно каждой девочке подарил по книжке. И следовало: нас тут постоянно подкармливают. На этот раз была селёдка и чай. Вечером к Себенцовым — профессорам, моим приятелям, по приглашению. Угощали макаронами в масле и чаем с большим количеством [сахара] и сливочным маслом. Чу́дное разговенье, устроенное добрыми людьми специально для нас с Наталией Викторовной. Пока были у них, хлынул дождь. Дали нам на дорогу свои пальто, издания довезли благополучно.

По поручению Б. В. Иваненко Наталия Викторовна была в их квартире, чтобы видеть их зятя. Но со смертью жены он чуждается их. Жил у сестры в том же дворе и забывает свою дочку, спихнув её на руки деда с бабой. Я заезжал в его сектор, где работает, но тоже безотрадно: вытащить его сюда едва ли смогут. Зря уезжал он и вернётся ли?..

28/VI. Ходил пешком в Егорьевский посёлок за колясочкой Оли. Привёз её с остатками разного барахла и складным стульчиком. То и другое мне нужно для торговли, а также, может быть, для перевозки картофеля и других овощей из Машкова.

29/VI. Москва. Ездил, чтобы получить хлебную карточку служащего по Москве. Получил после долгих часов ожидания, и то благодаря любезности В. А. Перелешина. А Наталия Викторовна у себя получила карточку рабочего. Открылись новые питательные перспективы. И хлеба станет больше, и других продуктов, если будут выдавать полностью.

В МОГИЗе директор Соловьёв дал согласие на торговлю своими изданиями на проценте по договору, но непременно в киосках. Так завершилось дело, которое я начал у Кукрыниксов.

30/VI. Малаховка. В управлении детгородка, с которого я начал сегодня продажу, сообщили, что детские дома детских книжек не покупают, а в управлении наличных нет. Откланялся и пошёл со своим товаром к рынку. У его ворот разложил чемоданчик и до завтрака за два часа торговал более чем на сто рублей, а после завтрака за полтора [часа] более чем на 150 рублей. В общем, заработал легко и без натуги 25 рублей. Для начала совсем не плохо...

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Июль

1/VII. Бойкая торговля детскими книжками. Главные покупатели колхозные ребята и их матери.

2/VII. Москва. Сдал первые деньги (630 рублей) и отчёт о продаже. Установлен прекрасный порядок: тут же отчисляют процент и выдают деньги. Мой первый заработок исчислили в 75 рублей, за удержаниями я получил на руки 69 рублей.

Заболел С. В. Тейс, заведующий книжным складом кассы. И отчёт и переписку с МОГИЗом отдал Дютелю, заведующему отделом трудоснабжения. Наслушался от него комплиментов относительно моей отчётности и работы по изысканию новых изданий.

Вместо Тейса за время болезни книжным складом будет заведовать В. А. Перелешин. Он позавидовал моим успехам и обещал снабдить залежавшимися изданиями. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!..

3/VII. До завтрака торговал, озяб и в какие-то два часа получил сто рублей. После завтрака ездил в Томилино в баню, где прекрасно вымылся. На меня голого страшно смотреть: так похудел. Пухнет левая нога.

4/VII. В лесу за грибами. Вышел в 4 часа утра и до народа собрал на близких местах грибов на суп и соус. Заработал гораздо больше, чем продажей книжек. На рынке надо было бы заплатить не меньше 40—50 рублей. На два дня обеспечены горячим и жарким. Лес потом оказался переполненным людьми, всех гонит в него голод, как и меня. Нет времени, чтобы грибы выросли. Ходят целый день, а наутро рано снова волна грибовиков.

Заходил в лесничество за колышками для помидоров. Оказывается, по 40 копеек, да ещё надо самому заготовить в дальних кварталах. А нам нужно до сотни, следовательно, 40 рублей. Совсем не подходящее дело.

Наталия Викторовна в Москве за хлебом по моей карточке и по своим делам в Кассе взаимопомощи. Навестила Яковлевых, принявших её с прежним гостеприимством. Питательные ресурсы их улучшились и Наталия Викторовна получила тарелку супа, кушала селёдку и пила чай с обилием хлеба. Мне прислали несколько кусочков селёдки и целую банку килек. Подарок по нашему времени чрезвычайный.

5/VII. Воскресенье. Переполненный до отказа рынок. Около ворот его, где торгую обычно, давка, — меня затискали, торговал слабо и решил в выходные дни не торговать.

6/VII. Москва. В Кассе взаимопомощи получил небольшую партию изданий для продажи. Получил хлеб по моей московской карточке. Обедал у Песковых и получил от Сони обратно брошки Наталии Викторовны непроданными. Драгоценности теперь никого не интересуют, как потерявшие своё значение: нужно питание, а не украшение. Песковы накануне отъезда в Углицкие края на длительное проживание.

Зашёл к Кукрыниксам, получившим звание «заслуженных деятелей искусства», чтобы рассказать о результатах их писем в редакцию Детиздата и Гослитиздата. Оказывается, что они только что возвратились с фронта. Ждал, пока не возвратились с обеда. На столе три пачки табаку, три коробки консервов, сухари и сахар. Возвратился один Порфирий. Осторожно и скупо рассказывал, что были в армии генерала Белова южнее Калуги, что положение напряжённое. Немец накопил силу и снова прёт со своими

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

полчищами. Проклятие. Наступают решительные дни с их ожесточёнными боями. Москве, говорил он, бояться нечего, но колеблется, выписывать ли семью из Алма-Аты. По обычаю сух и формален. Ждать от него какой-либо помощи в память милой Сонечки нечего. На прощанье неожиданно подарил мне четвертинку водки, очевидно, из запасов на торжество поздравления с наградой. Но пачки табаку и прочего пожался. Всё же некоторую надежду на дальнейшее подал.

Вечером дома выпил под килечку две рюмочки, подействоваших на меня поразительно хорошо: поздоровел и окреп. Так давно не хватало организму алкоголя.

7/VII. Торговал с большим успехом: в два приёма в течение менее 4-х часов продал детских изданий на сумму около 300 рублей.

Вечером обрывал пасынки у помидоров, прекрасно растущих, и окучивал картофель. Заедает мошкара, — надел сибирскую сетку и смог окончить работу.

8/VII. До завтрака бойко торговал детскими книжками, играми и картинками. Продал два альбома узоров по 25 рублей каждый. Расторговался начистую.

Ждал между 2—4 часами Ильинского, обещавшегося Наталии Викторовне быть сегодня непременно. По обыкновению обманул. Вот подлый тип. Решили, что Наталия Викторовна пойдёт к нему и отберёт у него все мои материалы: книги и рукописи.

После длительного перерыва пред вечером сильная стрельба зениток и беспокойное курсирование аэропланов.

Погода наконец установилась тёплая, действительно летняя.

Съел первую морковку и репку, выросшую у себя в огороде. Скоро при такой жаре овощи станут поспевать и подкармливать нас, чего ждём не дождёмся.

9/VII. Москва. Ездил за изданиями, но ходовых детских книжек не оказалось. Набрал таких, что бойкой торговли ожидать нечего. Мои переговоры с МОГИЗом всё ещё не реализованы, ибо болен Тейс.

Вечером Наталия Викторовна была у Ильинского, чтобы ликвидировать с ним дело. Получила от него мои книги и некоторые рукописи. Но он оставил у себя мой рассказ «Под властью хана» с записками, уверяя, что «вдохновился» темой (о Даниеле Заточнике и времени князя Ярослава) и будет работать, но чему всё ещё мешают какие-то его переживания. По обыкновению обещался скоро свидеться со мной. Полагаю, что обманет.

10/VII. Чтобы внести разнообразие в питание, в очередном порядке бродил в лес за грибами. Вышел из дому в три часа утра, было немного пасмурно, а в лесу попал под дождь. Промочил ноги и колени. Чувствуя себя бодрым, увлёкся, долго ходил из-за слабого урожая грибов. Принёс больше всего сыроежек и белянок, немного берёзовиков, свинушек, валуёв и так далее. Хватит на суп (на два дня), соус, жаркое и на солку в баночке. Но так натрудил себе правую ногу или простудил, что должен был лечь. А из КВ получил по почте приглашение от Комиссии патронирования явиться 10/VII с документами для утверждения в учёном звании или учёной степени. Поневоле из-за этого и других поводов (стандартная карточка, табак и карточка Наталии Викторовны) придётся ехать в Москву. Некстати я изуродовал себя

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

и опасаюсь, как бы не слечь. «Волка ноги кормят», а оказывается, и старого пенсионера кормят они же.

1 января—10 июля 1942 года.
ГАЯО. Ф. Р-913. Оп. 1. Д. 15. Л. 17—50.

11/VII. Москва. Комиссия патронирования при Кассе взаимопомощи. Очень внимательный приём и готовность помочь. Так как я получаю пенсию не академическую, а социального обеспечения, то речи об учёных степенях не велось. Но пространный список моих работ произвёл впечатление, тем более что предо мной был некто, представивший тощую брошюрку, заключающую в себе какую-то речь, напечатанную в 1905 году. Бывший учитель техникума, где проработал пять лет. Как это он попал в научные работники и члены нашей кассы, непонятно.

Мне обещано ходатайство о снабжении меня карточкой «служащего», даже если бы я оставил работу по продаже книг, и отпуск продуктов из закрытого распределителя, а также снабжение дровами на зиму. Дело пойдёт через наркомат и выяснится недели через две.

Несмотря на то, что патронирование продолжается несколько дней, я оказался 49-м. Не так-то и много нас.

Узнал, что Наталию Викторовну можно перевести по питанию также на Москву. Нужно согласие начальника её отдела, и её карточка малаховская будет без задержки обменена на московскую. Это будет большой выигрыш: избавимся от здешних безобразий и тяжёлых выстаиваний.

12/VII. Отбился от торговли. Сегодня выходил и хотя боевых книжек имел мало, всё же продал более чем на сто рублей.

Не благополучно на фронте. Нервит и смущает успех немца на юге. Полагаю, что это успех тактический и едва ли надолго.

13/VII. Чёртова дюжина. Многие недолюбливают это число, суеверно боясь его, а я, наоборот, всегда жду от него чего-либо удачного. Так и в этот раз. Поехали мы в Москву и получили всё намеченное в КВ: Наталия Викторовна московскую карточку, а я пачку табаку, которого добивался тщетно ранее, и отдал в Комиссию патронирования отзыв профессора А. И. Яковлева о моих напечатанных работах. Он систематизировал их по категориям (библиография, фольклор и история, последнюю по отделам — материалы и монографии) и признал меня заслуживающим учёной степени кандидата исторических наук.

Яковлевы в питательном отношении благополучны. Есть излишки. Меня кормили супом с большим куском хлеба, чему был очень рад и что было очень кстати, ибо потом в КВ пришлось пробыть долго.

14/VII. Вчера вечером полол свёклу и рыхлил междурядья. Немилосердно ела меня мошкара до боли, надевал сетку, но и под сетку набивалась она и кусала. И раньше от её укусов появлялась у меня небольшая опухоль, а тут за одну ночь лицо раздуло настолько, что я стал толст с кадыком и заплывшими щеками, как ожиревший толстяк. Прямо не похож на себя. Раньше от укуса пчёл случалось мне носить опухоль, но подобной никогда не было. Это что-то невероятное.

С таким рылом торговал на обычном месте книжками очень бойко и продал их более чем на двести рублей в течение четырёх часов.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Начал было вечером работать в огороде, но снова набросилась на меня мошкара и пришлось прекратить.

15/VII. С утра дождь, перепадавший и в течение дня. Торговать мне не дал. Поставил колышки к помидорам, затем штудировал и закончил чтение о том, как работали Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой. Поистине — муки творчества. «Страшная вещь — наша работа, — говорит Л. Н. — Кроме нас, никто этого не знает». Это верно, но и всякий другой, кто хоть что-то творил и писал, знает это, хотя бы в слабой степени. Гениальные произведения того и другого связаны с величайшим трудом и подвижничеством. Исполать им.

Наталия Викторовна изнывала полдня в очереди, чтобы получить мясо, рыбу и масло. Получилась обычная плутня и надругательство. За май ничего не выдали, а теперь за июнь с величайшим трудом удалось получить 1/2 кило плавленого сыра, — остальное всё «аннулировано». Карточки есть, а продуктов нет. С переходом в Москву, где выдаётся всё, наконец-то избавимся от произвола наших заправил.

16/VII. Снова дождь с утра, но дальше прояснилось и моя торговля остатками изданий прошла успешно: хорошо брали картинки под целлофаном и, по обычаю, про двух зайчиков. Вечер полка в огороде, — ели мошки и снова обезобразили лицо. Распухли ноги, может быть, от их укусов в связи с истощением организма.

17/VII. За грибами в лесу. Пошёл рано, в 4-м часу, но на этот раз столько было попутчиков мне, что сразу лес ожил голосами и встречами с другими грибовщиками. Грибов мало и сортом они неценные: больше сыроежки и белянки. Но соус из них оказался ароматным и вкусным — так что стоит ходить за ними. Разнообразят стол, скрашивая наше меню, состоящее из супа щавелевого или другого овощного. Переживаем тяжёлый период: ни картофеля, ни жиров всё не имеем, денег мало, оба слабеем и временами ноги, как деревянные, еле бредут.

18/VII. Москва. Сдал очередную выручку в Кассу взаимопомощи и получил 50 рублей процента. Случайно в трамвае узнал, что в амбулатории можно получать мне, как ослабевшему и опухлому, рецепт на овощи, — для этого есть специльные палатки. Займусь этим в понедельник. Проехал на Сонину могилку в Новодевичий монастырь. Кругом неё валяется скошенная прелая трава, все цветы, посаженные на ней Наталией Викторовной, скошены вместе с травой. Не безобразие ли это?.. А ещё образцовое кладбище. Купил новых цветов, посадил и полил.

Зашёл к Б. А. Садовскому, — всё такой же оригинальный и своеобразный, как и раньше.

19/VII. Воскресенье. На 42 км у Нины и Олиньки. Праздновали рождение первой и предстоящие именины внучки. «Пир» был горой: завтрак с грибами, салатом, хлеб со сливочным маслом и творожным тестом, — кофе с молоком и за неимением сахара с пряниками. Масса ягод чудесной клубники. Были сыты по горло.

Привезли деткам подарки (картинки под целлофаном) и починенные Наталией Викторовной туфельки. Ходили в лес за шишками для самовара и набрали два мешка и корзину, взятые потом нами домой.

Сытый обед: зелёный суп, каша пшеница с рожью и кукуруза, всё со сливочным маслом, — после чай с сахаром, полученным после завтрака,

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

и с конфетами. Среди нашей бескормицы явление феноменальное для нас, изголодавшихся стариков.

Сердечно жаль Нины, весь день в хлопотах, а после обеда отправилась на могилу Севы, где делают ограждение. Олинька прелестна: сытый и ласковый ребёнок. Мои сватья [Жуковы] любезны и гостеприимны. Пробыли весь день в родственной обстановке. Старое забыто.

20/VII. Москва. Ездил за книжками и картинками, — получил мало, но всё же стало возможно чем-то торговать. Выздоровел завскладом С. В. Тейс и пополнит склад, а главное, договорится с МОГИЗом, где я наладил дело.

Был у красковского врача М. Н. Шингарёва, чтобы показать ему безобразно распухшие ноги. Сказал он мне, что это от укуса мошек и что без особого леченья пройдёт. Советовал меньше ходить и прописал буровую примочку.

Вечером мелкие работы по огороду, где от тепла и влаги всё растёт успешно, — так по крайней мере снаружи, а что в земле с картофелем и другими, пока ещё гадательно.

21/VII. Торговал. Заходил к коменданту рынка, чтобы узнать, на каких условиях мог бы я производить мою торговлю. Под навесом на прилавке отказал, предложил в разнос, чтобы я выбрал место на открытой площадке с уплатой за день по три рубля. Разъяснил ему, что для меня это невыгодно. Тогда он сказал, что два-три дня могу торговать бесплатно. Я не воспользовался этим разрешением и по-прежнему торгую вне рынка при входе.

22/VII. Событие большой важности: поспевает розовый картофель, выращенный из срезов, на которые я смотрел с недоверием — так они были тонки и ненадёжны. Под цветущими ветвями оказались по прощупыванию четыре довольно крупных картошки. Больше чем кстати, ибо в запасе ни одной. На рынке цена свежего 60—70 рублей килограмм. Итак, наши супы с этих пор будут заправляться своим картофелем, но на большее рассчитывать рано.

Одолело хулиганьё — мальчишки: грабят в огороде клубнику и малину, уничтожая и вытаптывая ягодники. Лезут и утром и днём, хотя сторожим, но бывают моменты, что в усадьбе никого не бывает. Пройдут ягоды, и тогда в опасности будут наши овощи. Немало огорчений ожидает нас с этой стороны. Не устережёшь.

Торговал, и довольно успешно.

23/VII. С утра то же до завтрака. Пришла ко мне Наталия Викторовна и порадовала получкой печенья вместо сахара по карточкам за июнь. Целых кило 200 грамм, что очень кстати, так как хлеба дома мало, — пришлось ей испечь лепёшки из сухого кваса.

После завтрака, закончившегося тремя стаканами какавеллы, поехал в Люберцы в Собез, чтобы разузнать о районной кассе взаимопомощи пенсионеров. Оказалось жалкое учреждение, дающее крошечное пособие беднякам, получающим пенсию в 30—40 рублей. Ничего существенного: ни продуктов, ни топлива, ни достаточного пособия на похороны.

24/VII. В лесу за грибами с 3-х часов утра до 11 часов дня. Ходил в Коренёвский лес и остался доволен им: нашёл несколько белых, больше десятка подберёзовиков и прочие. Принёс довольно много на суп, жаркое на два дня.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Наталия Викторовна в Москве за хлебом и горохом, а кстати навестить именинниц Яковлевых (Ольги), — повезла в презент баночку клубники, — обедала у них и страшно запоздала домой. А я сидел без хлеба до 11 часов ночи, собрался идти на телефон, чтобы узнать, в чём дело: не случилось ли с ней несчастья, но всё обошлось одними моими страхами.

25/VII. Юбилейный день — Наталии Викторовне 70 лет. Из них мы прошли с ней в браке полных сорок лет. Лучший друг и самый родной человек для меня — это она. Мне выпал счастливый жребий. Её характер, такт, любовь и преданность ко мне были основой нашей жизни. Мы, в сущности, одно. Без неё я пропаду. В ней так ещё много энергии и уменья жить в наших условиях. Лучше всего умереть мне раньше её.

Сегодня ездил в Москву за изданиями, привёз новые детские книжки (Кто это? и другие). А главное, в КВ получил согласие на получение дополнительного снабжения. Обещана рассрочка взноса и пая, а также пропуск в склад, начиная с августа. Большое достижение. Сегодня всё удалось — редкий удачливый день, должно быть, ради юбилея, отметить который решительно нечем.

Заезжал в квартиру Севы. Клавдия Ивановна устроила мне завтрак и чай с молоком и белым хлебом. Оказалась любительницей грибов. Обещал ей привезти через неделю: она стоит этого. На прощанье дала немного картофеля, сухарей и соли. Теперь мы не самолюбивы и не горды, берём без стеснения.

26/VII. Воскресенье. С утра торговал до тех пор, пока рынок не заполнился до отказа нахлынувшими москвичами. Пошёл домой и в нашем проулке встретил брата Владимира, мобилизованного в начале войны. Работал казначеем дивизии и затем по инвалидности освобождён. Приехал сюда из Куйбышева, где остались его жена и дочь. Хотя из-за его Зои мы редко виделись и не бывали один у другого, но я рад был ему, — лично у нас с ним счетов не было. Привёз бутылочку какого-то 3° крепости красного винца, выпили и закусили галетами. Пробыл недолго, торопился в Москву обедать в военной столовой. Просил к себе и обещал дать привезённой из Куйбышева муки. Прямо-таки «пассаж неожиданный».

27/VII. После торговли ездил в Москву, — был у Володи. Квартира в полном забросе и хламу́ как по поводу ремонта, так и по небрежности, и, возможно, нездоровью его. Оказывается, у него ухудшилось дело с грыжей, а более всего очень серьёзно испорчено сердце. На фронте выпивал ежедневно и в довольном количестве. Стал развалиной, хуже меня. Не может взять работу с продолжительным ежедневным напряжением труда, — по силам только лёгкая вроде моей. Мне жаль его, — может окончить жизнь так же внезапно, как Вася, совершенно внезапно, «в одночасье», как говорят в деревне.

Получил от него обещанную муку, немного соли и табаку и ушёл встревоженный, решив помочь ему привести в порядок квартиру и держать связь, следя за его здоровьем.

Себенцовым профессорам завёз их пальто, пил кофе с молоком, сыром и пряниками. Сам Борис Михайлович стирал бельё и от всякой работы был нервно настроенный. Марья Михайловна обычно любезна и мила.

28/VII. Торговал, но пошёл дождь и пришлось спешно закрыть в чемодане мой товар. Писал письма, между прочим, в Архангельск Лидии Сергеевне,

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

от которой недавно получил письмо. Истинная великомученица. Болела цингой и теперь ещё не вполне здорова. Тоже кончит плохо.

Хулиганка девчонка, повадившаяся к нам в огород, выдрала сегодня, пока пили вечерний чай, гряду моркови.

Жиров по карточкам всё ещё нет. Покупаем в Москве по рецепту касторку и ею заправляем кушанья.

Подходят к концу спички, а выдачи тоже пока нет. Их недостаток способствует построению бесклассового общества. На улицах все без стестения подходят один к другому, прикуривают от дымящихся папиросок и никто не отказывает. Значит, нет худа без добра.

29/VII. В Москве по делам торговли. Получил немного детских книг, а главное, включился в число пайщиков по дополнительному снабжению. Был на базе, где выдавали бульон в этот день. Заехал к Любе бывшей Песковой, попал к обеду и возвратился домой сытый.

Вечером, пока пили чай, хулиганы выдрали целую гряду прекрасной моркови. Огородное хищение развивается широко повсюду и становится социальным бедствием. Ни помощи, ни защиты ждать не от кого. Трепещем за остальное, во что положено столько труда и возлагалось столько надежд.

30/VII. Наталия Викторовна получила в Москве на базе комиссии содействия улучшению быта научных работников 4 кг гороховых отходов, в сущности шелухи. Сварили кашу, вышла мокрая мякина без вкуса. Но ничего не поделаешь, ел и буду есть, ибо другого пока нет.

Торговал с 9 до 1 часа довольно бойко детскими изданиями.

Среди дня новое огорчение: бандиты подростки выдрали большую гряду свёклы и всё унесли с собой.

Вот что я ел сегодня: за завтраком посоленные грибы (несъедобные), за обедом суп из грубых листьев капусты (из которых делают силос), а вечером гороховую кашу, о которой пишу выше. Сдобрено касторовым маслом. В заключение кисель из кваса.

С сегодняшнего дня прекращена подача электричества. Переходим на керосин, а его жалкий запас, еле хватит на ночники с фитильками. Вот это беда так беда. А виноват немец, захвативший Донбасс.

31/VII. Сырая погода, сильный ночной дождь. Утром в 5-м часу отправился в лес за грибами. Вместо обычного направления с Малаховской дороги на Шатурскую просеку направился налево в Коренёвский лес. Шёл новыми местами и остался доволен ими, — собрал довольно много грибов, главным образом белянок и сыроежек. Грибов больше, очевидно, настала их пора.

Прошёл лесами до Машкова, где требуется выяснить свою долю в сенокосе. Её хотел купить один колхозник для своей коровы. Хотя мою долю уже скосили, но обещано выделить мне в другом месте. Бригадир советовал мне просить с покупателя за траву $1^1/_2$ тысячи рублей. Посмотрим, если удастся так продать, я неожиданно разбогатею, что более чем кстати. Столько всяких нужд. Пуд сена стоит 200 рублей.

Август

1/VIII. С утра торговал. Наталия Викторовна в Москве за хлебом и с тем, чтобы передать Клавдии Ивановне, нашей доброй фее, баночку посоленных

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

грибов, до которых она великая охотница. Тут же в присутствии Наталии Викторовны сразу съела полбанки. Но угостить Наталию Викторовну, кроме чая, ничем не могла на этот раз, что её не огорчило, ибо в прошлом она именно снабдила нас та́к после смерти Севы, в его память, как никто. Помним это и отплачиваем, чем можем.

2—3/VIII. Воскресенье. Праздничная торговля обычно короткая, часа на два. Туча москвичей заполняет не только всю площадь рынка, но и прилегающие к входам и выходам пространства. Меня вытесняют и я прекращаю торговлю.

Говорил с братом отсюда с Москвой по телефону, условились видеться наутро в его квартире. Застал готовым идти в Московский городской пединститут, куда поступил помдиректора по хозчасти. Он сообщил мне важное сведение: у него есть «рука» или, как говорят теперь, «блат» в Московском горсобезе, и притом очень влиятельный. Решили действовать, чтобы через него устроиться в дом инвалидов.

В Кассе взаимопомощи получил новый запас изданий, внёс паевый взнос. Из склада, куда дан мне пропуск, стали получать дополнительное снабжение, — пока гороховые отходы и картофель 1 кг за 20 рублей.

4/VIII. Торговал до завтрака. Во втором часу пошёл в лес за грибами. По окраинам чисто выбрано, но в глухих местах набрал несколько. Торопился домой к 7-ми часам. Пришёл в срок и принёс очень любопытные грибы, очень похожие на свинух сверху, но с белой подкладкой под шляпкой. Никто здесь не знает их названия. Ими облеплен был кругом большой пень. Часть грибов пошла на жарево, остальные в солку.

5/VIII. Неожиданный дождик прервал мою торговлю, не дав мне доторговать до завтрака. Подготовили деревянное ведро, обварив его кипятком с можжевельником. Начали солить впрок.

Пародируя Наполеона, сказавшего, что «от великого до смешного один шаг», смело можно говорить, что от цивилизации до варварства тоже один шаг. Наглядный факт этого — фашистская война, отбросившая тыл также в условия варварства. Подобно первобытным людям, обременённым постоянной заботой и неуверенностью в питании, мы напрягаем все помыслы на добывание пропитания. Мои грибы — звено из этого порядка, — небольшое подспорье в общей сумме заготовок в виде картофеля и других овощей, которые надеюсь получить с колхоза и хоть что-то с огорода, если последний не разворуют подростки для еды и продажи на нашем рынке, что делается сейчас безнаказанно в ужасающих размерах. Вот вам и индивидуальное огородничество, которое поощряется правительством, оградившим его строгими законами, и срывается разнузданной молодёжью.

6/VIII. Первый опыт торговли в Раменском на фабричном рынке, или точнее, около рынка недалеко от входа. Пристроился на выставленных для ремонта десятичных весах, на самом пути с платформы. Получился неожиданный эффект. Требование на детскую книжку колоссальное. Я оказался в настоящей осаде и не успевал удовлетворять покупателей. В полтора часа распродал все детские книжки, какие взял.

С облегчённым чемоданом ходил на кладбище на могилу милого Севы. Сторож по заказу Нины устроил нелепую и грубую загородку, обезобразившую могилу. Зря брошенные деньги. Металлический венок украден. Хорошо, что хоть самая могла не разворочена.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Отсюда пешком до «42 километра». Устал. Сватья угостила завтраком: картошкой с луком и напоила хорошим кофе. На этот раз ни масла, ни сахара. Завтракал с детьми. Милая внучка была необыкновенно приветлива и нежна со мною.

7/VIII. В лесу за грибами. В 5-м часу дорога и лес кишели грибниками. Но много схлынуло потом куда-то вдаль, а я пошёл по направлению к Коренёву и потом ходил один. Набрал довольно много и на суп, а особенно на солку.

Прошёл в Машково, чтобы продать покос. Договорился со столяром колхоза, согласного взять его, но цена должна быть установлена после осмотра от 400 до 600 рублей (а не $1^1/_2$ тысячи, как бухнул бригадир). Председатель колхоза о других выдачах говорил, что после сдачи государству и не сразу, а когда накопится, чтобы дать лошадь. Если не обманет в последнем, то будет ладно. По-прежнему от него так и несёт хамом.

У колхозницы Волковой, которой продал очки, в обилии угостился прекрасным картофелем (лорхом) и, подкрепившись, дошёл до дому. В общем же страшно устал.

Наталия Викторовна привезла из Москвы растительное масло, выданное по карточке. Хотя и прогорклое, оно составило эпоху в нашем питании. Это — первая выдача жиров, и наперебой стали маслить суп и кашу, поджаривать на нём чёрный хлеб. Одним словом, обрадовались как «манне небесной». Считаем, что с этого времени пойдёт эта полоса, правда, скудного и недостаточного количества жиров, но всё же без особых перебоев, как это было в течение ряда месяцев.

8/VIII. Москва. Начал с брата Володи. Еле застал, он торопился на работу. На вторник (11/VIII) устроил мне свидание с Петровым в Мосгорсобезе. Интересно — что-то из этого получится. Боюсь обольщать себя несбыточными мечтами. Нам с Наталией Викторовной нужна комната в доме инвалидов. Возможно ли это?..

В Кассе взаимопомощи сдал деньги, получил новый материал для торговли и отправился на Земляной вал. Не застал Любы, чтобы расспросить о Саше Песковой, уехавшей в Углицкий район, зато застал Кукрыниксов. Порфирий говорил обо мне лауреату Бородину, заинтересовавшемуся мной. Во вторник же иду в Гослитиздат, где или увижу его, или свяжусь по телефону. Второе приятное известие за день.

По примеру Порфирия Никс после моего поздравления вручил мне четвертинку пшеничной. Так славно выпили мы Наталией Викторовной по рюмочке под грибки, что прелесть.

9/VIII. Фабричный рынок в Раменском. Снова бойкая торговля. Оттуда пешком на «42 километр». Нина и внучка милы и нежны со мной. Угощали завтраком: картофель и кофе с молоком, хлеба жалкие кусочки. По приезде домой ходил в Красково ко врачу Шингарёву М. Н., отнёс ему роман Бородина «Дмитрий Донской» и кстати показать красноту на опухших ногах.

10/VIII. Торговля в Малаховке по-прежнему у ворот рынка с очень средним успехом.

11/VIII. Москва. Познакомился с С. В. Петровым в Мосгорсобезе. Очень мило принял меня, внимательно выслушал, чего я хотел. А хотел я вследствие нашей одинокости в смысле близких родных, которые могли бы содержать нас (дети померли, друг убит на войне), и грядущей инвалидности, а также неустойчивости характера Зои, получить комнату в инвалидном доме, чтобы

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

нам жить там с Наталией Викторовной вместе. Он обещал всё узнать к следующему понедельнику.

В кассе сдал деньги и получил пачку табаку и другое за Наталию Викторовну.

Разыскивал адрес лауреата Бородина и разыскать не мог. В Гослитиздате знает его один человек, но его не было налицо. В союзе писателей в отделе личного учёта было занято. Оставил записку в столовой клуба, чтобы он назначил мне время и место встречи.

12/VIII. Утром неплохо торговал. После раннего обеда пошёл в Коренёво, чтобы узнать в квартире Варлашиных о покосе. Жена столяра ничего не знает, но обещалась зайти наутро ко мне в квартиру и уплатить деньги. Отправился потом в лес и набрал достаточно грибов и шишек для самовара. Пришёл поздно, устал.

13/VIII. Варлашина не зашла: значит, и тут колхозники нагадили. Мой покос сорван. Торговал плохо. Вечером повёз Себенцовым их пальто, ещё весной взятое нами у них от дождя. Повёз им в подарок зелёных помидоров, а получил свежих окуней и плотвы на уху. Полная неожиданность. Ночевал у брата Володи. Тот на славу угощал меня картофелем, жаренным в сливочном масле, и пшённой кашей с тем же маслом. Жаль, не достал он водки, а какую-то кислятину под именем пива. Я нажрался до отвала. Говорили по душам и решили держаться ближе друг к другу.

14/VIII. С утра в протезной поликлинике. Мне надели две женщины двусторонний бандаж и научили, как его носить. Потом в союзе писателей узнал адрес С. П. Бородина, но дома не застал его. Всё же в писательской столовой мне сказали, что мою записку он получил и написал ответ мне в Малаховку. Выходит как по-писаному: «скоро сказка говорится, да не скоро делается».

Дома узнал, что вчера без меня был Шингарёв и Рыбникова. Досадно, что не видел их.

15/VIII. Нездоровится. Обычно в жару я простужаюсь от сквозняков в вагонах и особенно в метро. Что-то вроде гриппа с насморком и общей слабостью. Не торговал. Написал лишь в земельный отдел и в Марусинский сельсовет, чтобы в Машковской сельскохозяйственной артели выдали мне по трудодням не травой, а сеном, как старику, освобождённому от физической работы и бестолковщины в распределении покоса.

Читал роман Т. Богданович «Холоп-ополченец». Видно, что автор не знаком с работами Нижегородской учёной архивной комиссии, иначе бы не стал величать Минина Сухоруким. То были другие Минины, как это доказано покойным А. Я. Садовским.

16/VIII. Торговал довольно небойко: рынок насыщен всё теми же и теми детскими книжками, да и те подходят к концу. Пора в Москву, особенно к Бородину и Петрову.

17/VIII. В 9 часов утра был в Горсобезе у С. В. Петрова, — результат неблагоприятный: оказывается, домов инвалидов смешанных нет. Устроиться нам с Наталией Викторовной, как мы мечтали, в одной комнате не придётся. Мужчины отдельно, женщины отдельно, а может быть, даже в разных по местности домах. Для нас это неприемлемо.

Неудачно вышло и с Бородиным. Стучался к нему в начале 11-го и не достучался. Оставил записку, что ещё раз буду часа через два, но задержался

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

и снова был в 3 часа. Его уже не было, оставил мне записку, что рад будет видеть меня между 11 и 2 часами дня.

В Кассе взаимопомощи получил три новые серии детских изданий и так нагрузил себя ими, что еле допёр до дому, — на левой ноге снова выступили яркие красные пятна (кровоизлияния).

18/VIII. Насколько рынок чуток к новинкам, это показала моя торговля. Покупали больше комплектами и я продал втрое больше, чем в предыдущий торговый день.

По обыкновению ел всего помногу, — а к вечеру, почувствовав изжогу, принял соды, как мне показалось, какого-то странного вкуса. А ночью просыпаюсь от неприятного ощущения мокроты: оказывается, подобно младенцу, я пустил под себя, — затем оправился, заснул и вторично со мной случилось то же. Скандал. Совестно перед Наталией Викторовной, которой пришлось замывать потом бельё. Очевидно, злоупотребление желудком, в который пихал я без счёту всё, приходится быть внимательным и оберегать его.

19/VIII. Постился и выправлял желудок. Торговал средне до завтрака-обеда. Отправился в лес за грибами, заморил себя, но грибов набрал мало. Возвратился усталый до крайности.

20/VIII. Торговал недурно. Чувствовал недомогание, кашель, насморк и вообще признаки гриппа.

21/VIII. Москва. Свидание с лауреатом Сергеем Петровичем Бородиным. Оказывается, он знает меня. Был в Переславле с фольклорной группой Ю. М. Соколова в 1924 году. Принял радушно и пригласил сотрудничать с ним в новом его романе «Андрей Рублёв». Просил быть для этого после 1 сентября. Подарил свою книгу с надписью о возобновлении знакомства и кстати коробку папирос «Люкс».

Зашёл к Володе на службу. Ему принесли обед. Он отдал его мне, а себе заказал новый. Протелефонировал Любе. Оказалась дома и кормила меня тарелкой борща, поила чаем с сахаром. Прямо-таки повезло в этот день. Саша в Углицком районе в хороших условиях и добром здоровьи. Писала мне, но её письмо не дошло.

Был у Кукрыниксов. Советовали мне ввиду интереса к «Сергию Радонежскому» показать свою монографию в Гослитиздате Чагину и дали к нему письмо.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ

ЧЛЕНУ КАССЫ т. Смирнову М. И.

Дорогой тов. Оргбюро Кассы Взаимопомощи Персональных и Академических Пенсионеров Научных Работников приглашает Вас на отчётно-выборное собрание Правления Кассы, имеющее быть 24/VIII в 17 час. 30 мин. по адресу: Дом Союза Советских Писателей, ул. Воровского 52.

ПОВЕСТКА ДНЯ:

1. Отчет Оргбюро кассы за 1941 и 1942 гг.
2. Отчет Ревизионной Комиссии
3. Утверждение Устава кассы
4. Выборы Правления Кассы
5. Выборы Ревизионной Комиссии

Члены Кассы допускаются на собрание только по предъявлению членской книжки.

В случае отсутствия надлежащего кворума данного собрания, вторичное собрание созывается на 25/VIII в те же часы, которое будет действительно при любом количестве собравшихся членов Кассы.

ОРГБЮРО

Л31275 Типография МГУ, Моховая, 9

23/VIII. Накануне и сегодня нездоровилось. Торговал через силу. Неожиданно приехал С. В. Тейс продавать свои вещи и купить картофеля. Ни того ни другого не достиг и поехал обратно с тем же. Кормил его я картофелем и поил кофе.

К вечеру я так разнемогся, что лёг в постель.

24/VIII. Намечено было мною сдать сегодня деньги и быть на общем собрании членов нашей кассы, но вместо этого пролежал больной в постели.

25/VIII. Почувствовав себя бодрее, поехал в Москву. Первым делом побывал в Гослитиздате с рукописями: 1) «Сергий Радонежский в жизни и легендах» и 2) «Колыбель Москвы». Обе темы актуальные. Первая с момента выхода в свет романа Бородина о Дмитрии Донском, вторая как патриотическая. П. И. Чагин принял их на просмотр охотно, пришпилив к ним записку Кукрыниксов. Без блата теперь нельзя. Обещался дать ответ через 5 дней.

Когда приехал к Никитским воротам, было $12^1/_2$ часов, в кассу к Тейсу идти было бесполезно: должен был уйти на обед. Зашёл в Гранатный к Володе. Снова накормил меня тарелкой супа и оладьишками. Очень кстати. Внутренности нахально требовали еды. Спасибо ему.

В $5^1/_2$ часов поехал на общее собрание, продолженное и на этот день. Главный интерес — выборы. Председательствовал молодой коммунист от Собеза, куда перечислена теперь касса, ловкий, умный товарищ Рыбаков. Но, несмотря на всю его ловкость, председателем избран прежний — Деев-Хомяковский, беспартийный писатель, а не коммунист. (Маркевич — революционер агроном, не имеющий печатных работ.) При избрании членов правления и ревкомиссии из кратких сообщений некоторых из них мне выяснилась линия Собеза ввести сюда своих, не считаясь с общим характером состава

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

кассы. Оказались и прежние ловчаки: персональные пенсионеры и другие, не имевшие прямого отношения к науке. Касса поэтому переименована: «КВП работников науки, искусства и техники».

Встретясь на собрании с Меженной, обратил её внимание на то, что Тейс, такой же старый музейный работник, как и я, пользуется спецснабжением. Договорились, что Тейс завтра составит мне соответствующую бумажку, которую она пустит в ход.

Ночевал у Володи. Сварили принесённую мною картошку и кашу с маслом, — поели сытно.

26/VIII. Встал рано и поехал домой за необходимыми бумагами, — заверил выписки из трудовой книжки в поселковом совете, снова в Москву. Долго ждал Тейса, застрявшего в нашей столовой из-за получаемого на дом обеда. Составил он в двух экземплярах и сам перепечатал на машинке, а надо в четырёх экземплярах. Было уже 5 часов вечера. Всё будет сделано С. В. завтра, Гетманенко даст к подписи Дееву, и меня освободили от поездки на завтра. Приехал домой еле живой от усталости.

27/VIII. Торговал мало: накрапывал мелкий дождик. Отдыхал и справлял некоторые делишки по дому и огороду, освободив бедную Наталию Викторовну от тяжёлых работ, которые она делала за меня.

После мрачных известий с южного фронта сегодня радостное сообщение об успехах на Западном и Калининском фронте. Очевидно наше наступление по направлению к Пруссии. Вот радость, если бы это удалось и сбылось.

Сентябрь

2/IX. Москва. Главной целью поездки было видеть П. И. Чагина в Гослитиздате и лауреата С. П. Бородина. И то и другое неудачно: первый болен и относительно моих рукописей о Сергии Радонежском и Москве секретарь не знает, — видимо, лежат в его кабинете; второго не мог достучаться. Но встретил его приятеля черногорского поэта Раделе-С..., который, несмотря на совместную работу, не может увидеть Бородина третий день.

В КВ сдал деньги и получил партию новых книжек. Совершенно неожиданно встретил на улице свою прежнюю техническую служащую по Переславскому музею — Пуляеву Клавдию Александровну, бывшую послушницу Фёдоровского монастыря, а теперь медсестру военного лазарета в Сокольниках. Обрадовались как родные. Позвала к себе и радушно покормила обедом и поила кофе с хлебом и шоколадом. Честная, привязчивая, домовничает в квартире эвакуированных военных. Несмотря на скромный заработок, запасливая и бережливая, — предложила свои услуги по покупке разных мелочей, — Наталии Викторовне послала подарок — какавеллу. Звал к себе и сношения с ней теперь наладим регулярно.

3/IX. Торговля слабеет: насытил рынок детизданиями сильно. Подходят и спрашивают новинок, а их пока нет. Придётся или несколько раз съездить в Раменское, или попробовать торговать у задних ворот нашего рынка.

После длинного перерыва получил письмо из Архангельска от Лидии Сергеевны. Слава богу, жива, — беспокоит немец, Таня — в детдоме. Борьба за жизнь отчаянная, — долго ли выдержит, сердечная?

4/IX. Без толку проходил с утра по лесу. Не было давно дождей, не оказалось и грибов.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Первый раз за год выпили по чашке молока. Обычно изредка покупали по кружке (20—25 рублей), а сегодня целый литр на деньги, занятые мною под Бородина и Чагина у Порфирия. Так оба изветшали без жиров, что давно пора подкармливаться.

Вечером из-за недостатка хлеба Наталия Викторовна пекла на таганке в саду лепёшки из тёртой картошки с морковью и мукой, — жарились в растительном прогорклом масле. В общем, неплохо и питательно.

6 и 8/IX. Торговал в Томилине на рынке. Сразу почувствовался новый состав покупателей. Детская книжка здесь редкость. Спрос большой и торговал неплохо. Опыт продолжу до предела.

Именинница Наталия Викторовна. Жалкие именины, но всё же были дополнительно пшеничные лепёшки и какао (без молока, но с ложечкой сахарного песка).

9/IX. В Москве. Начал с Чагина. Мои рукописи ещё не прочитал. Зашёл к Бородину. Застал и просил меня заходить с 12 до 3 часов. «Буду очень рад видеть вас, когда заглянете», — сказал мне несколько раз. Спрашивал меня об Епифании и иконописи. Обещал дать справки и что помнил, сказал.

Сдал деньги в КВ и получил новые книги. Зашёл к Володе на службу, — обедал, а затем к нему на квартиру, где Наталия Викторовна пекла пирожки для празднования именин Наташи и своих. У Володи оказалась выдача из закрытого распределителя: масло сливочное, сыр, консервы, сахар, рис. На ужин был наш жареный на сале картофель, помидоры красные и жареные зелёные, пирожки с рисом и чай с сахаром. Поели на славу.

Ночевали. На прощанье Володя дал нам 50%, как он назначил, некоторых продуктов и мелочей. На другой день после подкормки я чувствовал себя прекрасно. Вечером продал в детдоме «Игротеку» за 200 рублей и без труда заработал свой процент.

11—12/IX. В пятницу торговал в Томилине, всё так же бойко, — но с убытком: просчёт около 15 рублей — может быть, украли у меня несколько картинок колхозные бабы, или же неправильно разменял деньги, — а несколько раз приходилось менять по 50 и 30 рублей.

Возвратился домой усталый и ослабевший, — лежал и не мог ни носить воды, ни колоть дров. Проснулся в субботу совсем расслабленным. Торговать не поехал. Отлёживался.

14/IX. Москва. Всё та же волокита: Чагин не просмотрел ещё рукописи, Бородина не достучался и не мог вручить ему библиографию об Епифании и по истории иконописи.

Поразил меня брат Владимир. Я застал его на службе за обедом. Ему только что подали второе блюдо — гороховое пюре и редьку с маслом. Он удовольствовался горячим, а второе уступил мне, зная, что я голоден. Поел вкусно и сытно, а главное, такой братский делёж действительно был братским. Заехал к Любе, та угостила борщом и винегретом из овощей, полученным по талону в магазине. Дома ужинал. И таким образом выпал сытный день. Обычно от этого чувствую себя бодрым; а затем эта бодрость постепенно снижается и я дышу ртом, слабею и проклинаю своё долголетие...

15/IX. Средне торговал в Томилине. Холодно и ветрено. Меня измучило мочеизлияние: чуть ли не десяток раз бегал в уголок.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Доктор прописал уротропин с беладонной, для усиления сердечной деятельности — валерианку со строфантом и от склероза — йод-гиперсол. Начал глотать всё это, — авось и поможет.

16/IX. В Томилине простудился и провалялся целый день. Надо было пойти в детские дома, так и не пошёл.

17/IX. Попробовал торговать в Люберцах. Там книжная торговля МОГИЗа и успех оказался незначительный, — ездить туда не стоит.

Телефонировал П. И. Чагину. Ответил, что «рукописи уже просмотрены», и просил прийти в субботу часам к двум.

19/IX. Приехал я и застал у него совещание. Просил он меня приехать в понедельник к тем же часам. Бородина не застал. В КВ получил партию книжек и уехал домой.

Беспросветна домашняя жизнь. Жуткую тоску нагоняют вечера. Ночник еле теплит и брезжит. Ни читать, ни писать нельзя. Пробовали с Наталией Викторовной играть в преферанс, как это любили делать в Егорьевском посёлке, не интересно, бросаем на 2—3 игре. Тоска. Беспросветность. Отчаянное чувство никчёмности существования. Так бы хотелось перестать жить, чтобы перестать чувствовать свою старческую немощь, прогрессирующую с каждым месяцем, не чувствовать голодных позывов и перестать думать о жранье. Вместо мыслящего существа зоологический субъект.

21/IX. Москва. У Чагина опять та же история: в 2 часа совещание и просьба ко мне заехать в вторник утром. Недурна советская волокита...

Отправился к Володе в Гранатный. Как и раньше, накормил меня обедом и сообщил о приезде Наташи. Оказывается, не правительственная телеграмма, а еврейский блат устроил ей это. Встретила в Куйбышеве товарища-еврея по московской школе, он пристроил её к какой-то труппе, состряпали ей липовую командировку и беспрепятственно достигла она Москвы. Вот что делает кагал и его члены. Удивительно ли, что как клопы или тараканы лезут они теперь изо всех щелей сюда.

Ночевал у Володи. Наташа привезла большой багаж (98 кг), кроме того, сливочного и русского масла, круп и прочего. Ужин состоял из рисовой каши с маслом, тушёной капусты и кофе. У Володи оказался разведённый спирт — я выпил 6 рюмок. Отдавало самогоном, но в общем хорошо отпраздновали возвращение его дочери.

22/IX. Ни о Сергии, ни о Москве мои работы в Гослитиздате не прошли. Какой-то цензор встретил их в штыки. Об оригинальности работ, их положительных сторонах ни слова. «Тяжёл слог», «не патриотично о Сергии», за то, что я снижаю его роль в Куликовской битве, основываясь на изучении источников. Раньше за Сергия в Загорске взяли за вороток и выкинули вон. В ГАИЗе сгущали краски его отрицательных сторон. А теперь бранят меня за это. Так tempora mutantur. Любопытно это...

Отсюда к Бородину. Было начало первого. Но едва достучался. Работал он, оказывается, до 7-ми часов утра и я разбудил его. Ничего не говоря об отзыве, я оставил ему рукопись о Сергии, чтобы узнать его мнение и впоследствии воспользоваться им для влияния на Чагина. Вместе с тем дал ему библиографию об Епифании и иконописи.

Откровенно рассказал С. П. о своём бытовом и материальном положении, о своей нужде и плохом питании и, как результат этого, об упадке сил. В связи с этим объяснил ему, что готов консультировать его, но платно,

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

и оплату пусть назначит он сам. Обещал подумать и снова звал к себе. На прощанье коробку папирос «Памир».

23/IX. С успехом торговал в детских садах и около рынка. Проходя мимо меня, машковский колхозник передал мне приглашение председателя колхоза в Машкове прибыть за получением огурцов, помидоров и моркови. Приглашение, как оказалось, давнее.

24/IX. Пришёл я туда в начале 9-го, чтобы застать Новикова на месте. Застал. Из всех продуктов налицо была одна морковь, да и та последнего сорта для корма птиц, уже уложенная в песок. Несмотря на обещание преда и счетовода, никто из них открытки не послал своевременно. Колхозники же расхватали своё, а остальное сдано кооперации. Так я и остался без огурцов и помидоров. Вместо них мне дали морковь по 200 грамм на трудодень и по 100 грамм за помидоры и огурцы. Всего получилось 23 кг. Попутная подвода с грузом в Томилино довезла меня до хлебного магазина на Коренёвском шоссе, а отсюда до дома (с километр) нёс на себе с крайним напряжением. Еле шёл и натрудил свои ноги страшно. Левая грыжа разболелась. Боялся худшего.

Из разговоров с колхозниками узнал, что они ожидают по 2 кг капусты и по 4 кг картофеля на трудодень. Если так, то я обеспечен капустой и картофелем на всю зиму. Но цыплят по осени считают. Выдача в конце сентября. С председателем уговорились на 30/IX. Мне полагается подвода до дому, как заработавшему более 50 трудодней.

25/IX. Малаховка. Торговал очень недолго, но хорошо. Некая железнодорожная служащая купила у меня детских книжек более чем на 60 рублей — для детского сада. Когда я спросил её, для какого и где он? Оказалось, в Свердловске. Вот чем дорог здешний рынок. Сюда ежедневно едут тысячи людей, и из них постоянно находятся охотники для покупок. Здешние же давно удовлетворевы.

Наталия Викторовна два дня подряд получает продукты в Москве по июльским карточкам. Впервые мы едим сметану, консервы (кета) и селёдки. Наконец-то разжились жирами, хотя и неважного сорта. Ладно и это.

26/IX. Только что возвратился с торговли при нашем рынке, как пришла Клавдия Пуляева, а Наталия Викторовна поехала в Москву, чтобы быть также и у ней. Моя бывшая сослуживица сохранила ко мне прежнее уважение и внимание к моим привычкам. Привезла мне четвертинку «пшеничной», что ввиду предстоящих моих именин было кстати. Отблагодарил её помидорами и накормил завтраком. Просил её написать в Переславль, чтобы узнать о музее и моих знакомых питерцах — Альбицких, Граменицких и других.

28/IX. День моего рождения. Пошёл 75-й, может быть, последний год. По горло сыт жизнью. Всё видел: и радость и бездну горя. Был молод и не лишён энергии. Сейчас слабеющий с каждым мигом старик, утративший всякий интерес к жизни. Чувствую одну лишь тяжесть её. Надоело жить и жду смерти-избавительницы. Часто думаю о самоуничтожении. До омерзения тошно и противно тянуть изо дня в день унылую и беспросветную привычку и потребность к еде, заботу чисто зоологическую. Сколько суеты, хлопот и усилий требуется ежедневно, чтобы изготовить кушанья, чай, получить хлеб и прочее, а в результате полуголодное существование. Из-за чего жить? Проклятие, а не жизнь.

Тоскливее всего вечером. Сижу с ночником. Ни читать, ни писать.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Был в Москве за хлебом и пригласил Володю на именины, обольщал его «пшеничной», пирожками на закуску, селёдкой, грибами и помидорами. Решили перенести празднование на воскресенье.

Заходил к Бородину. Он лежал ещё в кровати и слушал чтение какого-то автора. Я поштудировал «Правду о религии» и ушёл.

29/IX. Снова в Москве. Внёс в КВ деньги, вырученные от продажи изданий, но отчислений не получил. Вместо табаку получил пачку парирос на весь месяц. Разочарование жестокое, — очевидно, начался табачный голод. Сущая беда.

У Бородина застал общество: двух женщин, приходили потом писатели, его приятели. Дал я ему подобранную коллекцию книг о Троице-Сергиевой лавре, но всё ещё не видно, чтобы он имел намерение финансировать меня. Что делать, пока не знаю. А зарабатывает он очень много: пишет киносценарий, пьесу и новый роман, не говоря уже о Сталинской премии.

30/IX. Машково. По уговору с председателем был в колхозе за картофелем и капустой. Как и подозревал, выдачи ещё нет. Дал авансом по 10 кг того и другого. И меня подвезла колхозная подвода до дому, и мои овощи. Дали с большим походом.

Дома собирались топить плиту. Мне это так было на руку. Наварил я вдоволь картошки и вдоволь же завтракал и обедал ей. Наталия Викторовна в Москве на могилке Сони (сегодня она именинница), за октябрьскими карточками в КВ и за хлебом.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Октябрь

1/X. Торговал с успехом на фабричном рынке. Оттуда прошёл на «42 километр» к своей внучке. Подарил ей картинку под целлофаном (грибки). Славная, милая и нежная детка. Портрет Севы. Завтракал там прелестной жирной селёдкой.

2/X. Собирался торговать в Вешняках. Но дальше Люберец не удалось уехать вследствие перемены станционных порядков. Возвратился в Малаховку и первый раз торговал с 11 до 2-х часов. Успех хороший. Надо будет в дальнейшем торговать с перерывом: до завтрака и после завтрака.

3/X. День моих именин, о которых я забыл, если бы не напомнила Наталия Викторовна. Ходил в лес. Грибов совсем нет. Набрал для самовара еловых и сосновых шишек. Зашёл в Машково, чтобы узнать о выдаче картофеля. Его ещё не выдают, но дают по 1 кг капусты на трудодень (раньше хотели дать по 3, но усилили сдачу государству). Председатель назначил мне среду-четверг, чтобы взять то и другое. За очки получил с Волковой килограмм пять картофеля. Дома топил подтопок палочками от помидоров, разогрел обед и сварил картофель. Наталия Викторовна приехала из Москвы ко всему готовому. Налёт немцев. Летели бомбы в Коренёвский лес. Дорогой я видел дым в лесу и пламя выше деревьев, очевидно, от зажигательных бомб. В воздухе гудела беспрерывная пальба. Хотелось, чтобы прихлопнуло осколком или целой бомбой, но прошло мимо.

4/X. Наталия Викторовна уговорилась с Володей, которого я звал к себе на воскресенье, чтобы отпраздновать мои именины в Малаховке, отпраздновать их у него в квартире, ибо ни ему, ни Наташе поехать сюда помешали дела. Повезли мы к нему «пшеничную», селёдки, картофель, помидоры и прочее. У него нашлась пшеничная мука, масло, рис и так далее. Наталия Викторовна была за хозяйку. Устроила холодный завтрак, за которым распили «пшеничную», а к обеду изготовила суп, кашу, жареную картошку, помидоры на сковородке и прочее. У Володи оказался несколько вонючий спирт, разбавили его и почти один я глотал его с аппетитом. Ел без зазрения совести, — Наталия Викторовна боялась, что я лопну.

Ночевали здесь. Наташа оказалась такой же прижимистой хозяйкой. Всё ещё не прописана. У Володи неприятность. Возвратился его предшественник, партиец, и заместителю приходится искать другие места. Жаль. Ему было хорошо и нам — кормил нас институтскими обедами.

5/X. Наутро был в КВ, получил издания и поехал домой. Хорошо торговал книжками Детиздата, о чём начал хлопотать я, продал их в два дня.

7/X. Ходил в Машково за капустой и картофелем. Оставил мешки. Дают только по кило капусты, которую обещали привезти завтра на рынок, а оттуда ко мне на квартиру.

8/X. Москва. Застал Бородина дома в постели. Получил от него аванс (в 500 рублей) за консультацию. В КВ выдали процент за торговлю. Набрал, как водится, изданий. Из них новые Политиздата — тяжесть большая, а цена низкая. Торговля не добычная на такой литературе.

9—10/X. Но с изданиями Детиздата прошла в эти дни с хорошим успехом.

11/X. В третий раз ходил в Машково, чтобы получить по трудодням капусту и картофель. Снова председатель отказал мне на сегодня и обещал

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

прислать на неделе. Не верю, но приходится ждать. А рядом в Марусине, где порядочные люди, выдали учительницам и школьникам капусту и картофель и дали подводу. Новиков — тип советского самодура и кулака.

13—14/X. Поехал в Москву в баню, ибо наша не действует. Прекрасно вымылся. Ночевал у Володи. Наутро был в КВ, получил издания. Стучал в дверь и окно Бородину (ибо звонка у него нет). В это время подошёл Андрей Владимирович Звенигородский, который тоже консультирует его по «Андрею Рублёву». Возобновили знакомство, вспомнив встречи в Нижнем Новгороде. Не достучались. Так и ушли ни с чем.

15/X. Вследствие холодной и ненастной погоды бродил с чемоданчиком и рюкзаком за спиной по детдомам для торговли. В одном получил заказ на «Игротеку», но другую литературу покупают понемногу. Детсады в этом отношении куда лучше и щедрее.

17—18/X. Привёз из Москвы ящик «Игротеки», понёс его заказчице, а она обманула меня и от покупки отказалась, ибо велика цена (200 рублей). Вот теперь и попробуй найти, куда его сбыть...

Пошёл в другие дома и дорогой встретил А. А. Ильинского. Всё такой же слащавый и подлый. Ничего, по его словам, не написал, обещал возвратить мою рукопись и другие материалы по Переславлю-Залесскому.

19/X. Дождь и ненастье. Моя торговля пала. Наталия Викторовна в Москве. Должна привезти из КВ мне две бумаги, чтобы дали место для торговли в нашем кино и киоск от МОГИЗа по Ухтомскому отделению. Был в двух детдомах, дальше торговать нечем. Есть немного для детсадов.

20/X. Люберцы. В отделении МОГИЗа мне рассказала директорша, что киоск в Малаховке желателен, оплата труда помесячная (250 рублей), 8-часовой рабочий день, но мало литературы, холодное помещение. Чтобы выяснить вопрос, можно ли мне торговать вместе с тем от бригады Кассы взаимопомощи, обещалась выяснить дело в Москве и меня известить.

Кстати зашёл в райзо за советом и содействием, чтобы побудили Машковский колхоз выдать мне следуемые по трудодням капусту и картофель, за которыми ходил туда три раза и всё безрезультатно. Пархоменко написал в Марусинский сельсовет записку председателю — Пелагее Андреевне Переселенцевой:

«Прошу Вас нажать на Новикова, чтобы он немедленно рассчитался с т. Смирновым и не заставлял старика обивать пороги к нему и к нам. Это безобразно, — нечуткое с его стороны отношение к людям».

Проехал далее в Москву за изданиями. Стучал Бородину и снова не застал.

21/X. Марусино—Машково. С письмом Пархоменка прошёл в сельсовет, не заходя к Новикову. Переселенцеву не застал и пошёл в школу с образцами детской и школьной литературы. К счастью, по дороге встретил её, передал письмо и получил ответ, что к 12 часам сама будет в Машкове по этому делу. В школе пришлось долго ждать завуча. Книжки живо расхватали учителя и остались восторженно довольны, что открыли источник получения интересной им литературы. Я оставил им свой адрес и сговорился насчёт дальнейшей связи.

Тем временем я узнал, что Новиков отправился в Люберцы. Пришлось снова зайти в сельсовет. От Пелагеи Андреевны, как говорят, находящейся в интимных отношениях с Новиковым, я встретил довольно холодное отно-

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

шение, тем не менее на письмо Пархоменки она положила резолюцию, чтобы машковский бригадир выдал и отвёз мне следуемую продукцию. Насильно нашёл я его, весёленький, его угостили пожарники, которым он дал две подводы. Меня встретил приветливо, обещался утром отпустить хорошую капусту (в данный момент не было), но откровенно сказал, что надо будет угостить его сына Ивана, которому он поручит дело.

Голодный, измученный пошёл домой по грязи и слякоти, надоело головокружение и неполадки с бандажом. Еле дошёл.

22/X. Наконец-то. Привёз мне Иван капусту 21 кочень (47 кг, раньше взято 10) и два мешка картофеля (95 кг, 20 получено раньше). Просил водки. Дал я ему 5 бутылок по рыночной цене на 100 рублей, 30 рублей деньгами и его сынишку детскими книжками на 3 рубля, всего на 133 рубля. Остался доволен.

Считая по рыночной цене, я получил тысяч на семь. Где бы мне взять такие деньги, если б не служба в колхозе. Пожалеешь, что не хватило сил протянуть её дальше. Но хорошо и это. Ура! Я обеспечен основными продуктами на зиму. А что дальше, не страшно...

23/X. В Ухтомском детгородке с изданиями. Ни заведующей учебной частью, ни директора не застал. Сотрудница из бухгалтерии спросила меня — не могу ли я рекомендовать им бухгалтера, вакансия которого освобождалась. Оклад 415 рублей в месяц и сверх карточек бесплатный завтрак, обед и ужин без хлеба. Я предложил себя, прельстившись последним. Меня пригласили для переговоров на 8 часов в понедельник.

26/X. Принёс школьную литературу. Первым словом директора было не о ней, а о моём бухгалтерстве. Быстро поладили. Я предупредил её, что мне нужно согласовать этот вопрос с КВ и дня через два-три дам окончательный ответ.

28/X. Подготовив к сдаче деньги и всякую отчётность о продаже за октябрь, поехал в Москву. Завёз Володе для починки пимы, а затем в КВ.

11 июля—28 октября 1942 года.
ГАЯО. Ф. Р-913. Оп. 1. Д. 16. Л. 1—25.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Указатели

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Географический указатель

Александров город . . 71, 79, 128–130, 132, 138
Александрова гора 158
Алма-Ата город 262, 275
Алферьево село 110, 141
Америка 161
Англия 249
Антонка деревня 94
Аптекарский переулок 256
Ардатов город 74, 75
Ардатовский уезд 74
Архангельск город 172, 253, 259, 261, 279, 286
Астрахань город 257

Балашиха город 236, 239
Барановская река 181
Бармазово село 119
Бароновка река 151
Бароновская река 109
Бектышево село . . 86, 92, 94, 97, 113, 120, 160
Бельково деревня 180, 185
Бердичев город 69
Берендеево болото 43, 177, 178
Берендеево село 194
Берендеево станция 35, 44, 161
Биберево село 35, 141
Бибиковский бульвар 69
Большая Песочница урочище 181
Большая Песошница урочище 166
Борисовское деревня 126
Боровск город 245
Боронуково деревня 141
Ботик музей-усадьба . . 89, 95, 96, 98, 99, 109, 157, 160, 169, 172, 180, 181, 184, 192, 193
Брембола Большая 35
Брембола Большая село 10, 13, 17, 20, 24, 35, 38, 39, 44, 47, 56, 57, 63, 65–67, 70, 74, 77, 97, 119, 187
Бугульма город 257
Будовское село 161, 175
Бурлаки урочище 177
Бутриха урочище 180
Быково село 259, 270, 271

Василисино деревня 178
Вашингтон город 162
Вашутино озере 119
Вашутинское озеро 195
Ведомша село 97, 127, 158
Вертлянка река 12, 14, 25
Верхние Дворики деревня 14
Вечёслово деревня 175
Вешняки село 291
Вёкса река 91, 109, 114, 115, 151, 159, 181
Вёски Большие село 178
Вишняково деревня 97, 127
Владимир город 46, 69, 71, 82, 83, 90, 91, 104, 108, 112, 127, 133, 148, 152, 159, 162, 163, 175, 176, 182, 185, 186, 190, 191
Владимирская губерния 69
Воздвиженка улица 260
Вознесенская улица 77
Волга река 233
Вологда город 50
Володарского улица 105
Воровского улица 285
Воронцово село 94
Воскресенское Волнино погост 20
Вязники город 233

Гагаринская Новосёлка село . . . 79, 88
Гагаринский переулок 243, 255
Гжель село 265
Глинково село 14, 28, 60
Гора-Новосёлка село 126, 253
Горки деревня 179, 181
Городище деревня 160
Городище урочище 161
Горький город 243
Гранатный переулок 285, 288

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Грачки урочище 160, 180
Григорово деревня 109, 265
Гродненская губерния 76

Давыдовское село .. 21, 38, 43, 58, 59, 65, 120
Даратники село 141, 175
Дмитров город 164
Дмитровское деревня 257, 261
Днепр река 66
Днепропетровск город 243
Добрилово село 94
Доброе село 44
Донбасс 280
Дубна река 14, 88
Дубровицы село 94, 96, 120

Егоровский посёлок 234, 246
Егорьевский посёлок 273, 288
Елец город 249

Жданая гора 136
Жидо-Ставы село 67

Заболотье село 87, 96
Загорск город 207, 212, 223–225, 228, 230, 288
Загорье село 87, 160
Заозерье 160
Земляной вал 282
Зестафони город 243

Иваново город 101, 163, 190
Ивановское село 120, 121, 141
Игобла река 92
Израиль 29

Кагарлык село 51, 66
Казань город 245, 251
Калинин город 257
Калуга город 274
Калязин город 233
Каменка река 178
Канев город 50, 66
Каракалинск город 172
Кардовского улица 82
Кашира город 249
Киев город 49, 50, 66, 67, 69, 245
Киржач город 128, 129, 138
Киучер деревня 94, 160, 180
Кишинёв город 47, 64
Клещино городище 158
Клин город 249
Клязьма река 233
Козлов город 176
Козья горка 91, 115
Коломенское село .. 262, 264, 267, 268
Константинополь город 69
Копнино село 11, 16, 56
Коприно село 134
Коренёво посёлок .. 237, 265, 282, 283
Коренёво станция 265
Коренёвский лес 278, 280, 291
Коренёвское шоссе 258, 289
Коровино усадьба 44
Кострома город ... 117, 133, 159, 164, 172, 173, 186
Красково посёлок 282
Краснодар город 148
Красное село . 44, 47, 65, 96, 120, 141
Крутец село 38
Крым 186
Кубрь река 109, 158, 160
Кузнецк город 243
Кузьминка деревня 136
Куйбышев город .. 236, 240, 244, 247, 268, 279, 288
Куликово поле 216
Кунцево город 235
Купань село 126, 128, 141
Куриха посёлок 75

Ласточкин Д. А. гидробиолог 190
Ленинград город .. 156, 163, 169, 170, 182, 183, 188, 243, 262, 268
Ливан 29
Лихарево деревня 158
Личадеево село 74–77, 111, 253
Лыченцы село 110
Люберцы город ... 236, 237, 239, 245, 248–250, 252, 255, 256, 259, 266, 271, 278, 288, 291, 292
Любимцево деревня 141

Магнитогорск город 243
Маковская гора 205
Малаховка посёлок 235–237, 241, 244, 246, 248, 250, 254, 255, 260, 273, 282, 283, 289, 291, 292
Марсово поле 183
Марусино село 268, 292
Маурино деревня 149, 167
Машков переулок 260
Машково деревня . 266, 267, 273, 280, 282, 289–292
Мерзляковский переулок 260

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Мечка река 110
Мёртвый переулок 82
Миллионная улица 183
Минино деревня 265
Михалёво село 175
Можайск город 237, 249
Мончегорск город 243
Москва город . . 25, 27, 49, 59, 60, 71, 77, 82, 84, 85, 92, 93, 98, 101, 108, 109, 127, 132, 133, 135, 148, 152, 162, 163, 174, 182, 184, 190–192, 194, 204, 212, 213, 216, 217, 234, 236, 240, 246–250, 252–262, 264, 265, 267, 268, 272–277, 279–282, 284–293
Московская губерния 98
Московская область 214
Московское княжество 211
Мурмаж река 24, 47
Муром город 186
Мухтолово станция 75
Мыльников переулок 133
Мячково деревня 251

Нагорная слобода 78
Нагорье село 84, 141, 146
Наро-Фоминск город 247
Нарым село 156
Насакино село 38, 63
Невский проспект 183
Немиринцы село 69
Нерехта город 164
Нерль Волжская река . . 151, 158, 233
Нерль Клязьменская река 120
Нижний Новгород город . . . 49, 50, 66, 69, 70, 72, 74, 133, 174, 186, 202, 203, 249, 253, 259, 292
Никитские ворота 285
Никольский в Кижиле погост . 97, 127
Никулинка деревня 94, 120
Новогиреево посёлок 245
Новое село 14, 38, 159

Ока река 73
Ониково деревня 161
Осипова пустынь село 97, 127
Осташковское болото 181
Осурово деревня 97
Охотино деревня 94

Павловский Посад город 233
Панки деревня 237
Переславль город . . 192, 253, 262, 284
Перово город 237, 256
Перцево деревня 161
Петрищево село 167, 180
Петроград город . . . 135, 146, 148, 150
Плечево деревня 120
Плещеево озеро 92, 98, 128, 160, 189, 190
Плотихино деревня 87
Плотихино село 78, 96
Поварово деревня 94, 120, 246
Поварская улица 256
Подсосенье село 30
Пожарское село 126
Покровка улица 267
Половецкое деревня 160
Половецкое село 141
Полтава город 68
Польцо урочище 109, 151
Польша 217
Пречистенский переулок 82
Пруссия 286
Пушкина улица 251, 253

Радонежское княжество 202, 210
Раменское город . . 247, 253, 270, 271, 281, 282, 286
Ратный пруд 14
Ремжа река 120
Реутово город 239
Ржищев город 66
Ризадеево село 75
Рогозинино село 110
Рождествено село 94
Рождествино село 120
Рокша река 120
Романово село 119, 141, 195
Ростов город 149, 161, 164, 176
Ростов на Дону город 243
Рыбинск город 71
Рыбная слобода 127
Рюминское село 35
Ряжск город 271
Рязанцево село 96, 161
Рязань город . . 109, 110, 133, 202, 203

Садовая слобода 267
Садовая улица 183
Самарово село 180
Санкт-Петербург город . 68, 74, 86, 88
Саратов город 134, 240
Свердловск город 289

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Свечино деревня 145
Святово село 109
Селятино Торговище урочище 151
Семендяйка село 79, 83, 89, 160
Сергиев Посад город . . . 14, 28, 30, 41, 71, 110, 145, 155, 164, 172, 174, 187, 188
Сирия 29
Скатертный переулок 256
Скоблево село 175
Славитино село 161
Словеново деревня 128, 140, 141
Смоленск город 205
Смоленское село 58, 113, 131, 253
Советская улица 58
Сокольники район 158
Солнечногорск город 247
Сольба река 87
Сомино озеро . 109, 151, 159, 166, 181
Сормово город 73
Сортировочная станция . 242, 256, 259
Спасское село 94, 113, 120
Стаищи деревня 167
Сталинград город 240
Сталинск город 243
Стуловая гора 159
Суздаль город 182, 248
Сходня посёлок 247
США 248, 249

Таганрог город 249
Талдом город 152, 171, 188
Тамбов город 271
Татарстан 251
Татево село 39
Ташкент город 245, 251
Тихвин город 249
Тогур село 16, 238
Токаревский лес 233
Томилино посёлок . 216, 233, 235, 236, 238, 240, 252, 255, 266, 287–289
Торжок город 257
Тошма река 94, 120
Трёхселище деревня 88
Трёхселище усадьба 98
Троицкое село 110
Трубеж река 24, 44, 166, 177, 181
Туколенка деревня 109
Тула город 49

Удельное посёлок 246, 270, 271
Урицкого площадь 183
Усолье село 91, 114, 115, 262
Уфа город 244
Ухтомский район 235

Филипповское село 120
Финикия 29

Харитоньевский Малый переулок 133
Хмельники деревня 159
Хребтовская волость 98

Чаплыгина улица . . . . . → *Машков переулок*
Чарское озеро 75
Чашницы деревня 65, 120
Челябинск город 243
Чернецкое на Шахе деревня 127
Черницкое село 178
Чернуха река 177

Шадринск город 173
Шапошницы деревня 110
Шепелево село 97, 127, 141, 144
Штатная слобода 262
Шуста река 109
Шутов овраг 26
Шутова роща 26

Ямская слобода 44
Япония 248, 249
Ярославль город . . 101, 133, 149, 164, 185, 186
Ясная Поляна деревня 49
Яхрома город 247

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Именной указатель

Whittemore Thomas . → *Уиттимор Т.*

Абакумовская Е. И. просвирня . . . **119**
Абрамов судья 229
Аванесов Р. И. языковед **110**, **151**
Авдотья Петровна крестьянка . 10, 20, 57
Аигин В. П. купец 87
Аксаков И. С. писатель 39, 62
Аксаков К. С. писатель 39, 63
Александр Македонский царь 29
Александр Светлаков епископ Можайский 32, 40
Александров Г. Ф. переславец . . . **112**
Александрова-Дольник Т. Н. реставратор **98**
Алексей митрополит 203, 204
Алелеков А. Н. врач **71**
Альбицкая М. П. фотограф **160**
Альбицкий Г. П. педагог . . 84, 86, 87, **112**, 119, 127, **149**, 289
Альбицкий П. М. врач **136**
Альтнер М. О. библиотекарь 154
Аматов П. Н. священник **43**, **65**
Андреев А. И. источниковед . 126, 149
Андрей Боголюбский князь 189
Анисимов А. И. реставратор 108, **180**
Антоний Коржавин архимандрит . . 47, 65, 66
Антонов А. поэт 139
Антонов К. А. инженер **243**, 244
Анучин Д. Н. географ **134**
Анциферов Н. П. историк **183**
Арманд Е. И. купец 87
Артамонов КТО 133
Архипов завхоз КТО 177, 178
Арцышевская (Пескова) С. С. племянница автора . 270, 271, 274
Арцышевский В. В. родственник автора 270
Асаткин А. Н. секретарь губкома **184**, 185, 187, 191
Асаткина В. В. жена **184**, 185
Афанасьев чиновник 260
Афонский А. надзиратель 30, 61

Байчер М. Ю. инженер 243
Бакланова Н. сотрудница музея . 201, 207, 209, 213–216, 218, 221, 222, 224, 225
Балашовы КТО 259, 266
Барщевский И. Ф. фотограф **262**
Баташов Б. А. москвич 236, 237, 239, 240, 256, 264
Баташова Н. А. москвичка . . 236, 237, 242
Баташова Т. москвичка . 237, 240, 251
Бахрушин С. В. историк 174, **180**, 196, 245
Белгородская учительница 245
Белкина экскурсовод 218
Белов П. А. генерал 274
Белоусов КТО 29
Бельчиков Н. Ф. литературовед . . **132**
Белянкин С. Н. секретарь Покровского **130**
Бенуа А. Н. художник 182
Берс экскурсовод 207, 213, 215
Берсенев И. Н. актёр **109**
Бессонов И. К. священник **38**
Бессонова (Загорская) Е. В. попадья **38**
Бирюков В. П. директор музея . . **172**, **173**
Бисярин председатель комитета искусств 215, 224
Благовещенский учитель КТО 29
Бобров С. В. председатель исполкома 181, 190, 191
Богданов В. В. этнограф . **95**, **96**, **134**, 147, **161**, 166
Богданов Л. С. историк 262
Богданович Т. А. писательница . . . 283
Богораз-Тан В. Г. этнограф 157
Богословский М. М. историк 174

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Бонч-Бруевич В. Д. историк 258
Борзов А. А. физико-географ **95**, **123**
Борисов П. Г. ихтиолог **98**, 119
Боровский В. М. зоолог **131**, 142
Бородин С. П. писатель 282, 283, **284**, 285–288, 290–292
Брюсов В. Я. поэт 258
Будаев С. А. директор музея 227, 228
Бурылин Д. Г. археолог 101
Быков И. В. купец **11**, **23**, 59, **81**
Быковский М. поэт 138

Вайнер А. Я. чиновник **178**, 179
Варенцов В. А. лесничий ... 113, 115, 118, 123, 126, 128, 142, 184, 191, 192
Варлашины колхозники 283
Василий II великий князь ... 202, 210
Василий Тёмный князь 17
Васильев А. П. крестьянин **39**
Васильев народный заседатель ... 229
Васильев партийный КТО 112
Васин инспектор труда 221, 225
Введенский С. священник .. 44, 45, 65
Вениг П. К. художник 84
Верн Ж. Г. писатель 30
Веселовский С. Б. историк 245
Виноградов И. священник 104
Виноградов учитель КТО 134
Виридарский Н. Т. киевлянин **67**
Вишневский М. С. историк **132**
Владимир город 190
Владыкин М. А. художник **109**
Внуков П. дворянин 17
Волков В. журналист 213
Волков Е. Н. генерал **86**
Волков политрук 257
Волкова Е. Е. колхозница .. **269**, 282, 291
Волкова К. И. счетовод 267, 269
Волконский М. князь 75
Волохов В. И. почтальон 262
Воронин Н. Н. историк 194
Воронцов Р. И. граф **16**
Вощилин КТО ЗАГОРСК директор музея . 214, 216, 222, 224, 225

Гагарина Н. В. княгиня **88**
Гальберштадт Г. Г. чиновник 93
Ганшин А. А. инженер . 119, **180**, 185
Гапсал КТО 97
Гейнике Н. А. историк 192
Геммельман С. С. энтомолог **113**, **114**, 118, 119, 126, 142, 144, 154, 155, 157–159, 163, 168, 171, 174, 176, 178, 184
Георгиевский Н. М. педагог **98**
Герасимов геолог 189
Гетманенко чиновник 286
Гиацинтова С. В. актриса **109**
Гливенко И. И. историк **102**, **130**, **134**
Глоссон А. Н. удельный чиновник **73**, 74
Голицын Н. В. историк **262**
Головачёв Е. Н. киевлянин **67**
Голубинский Е. Е. историк 209
Гольмберг А. А. купец **91**
Горбунов И. Ф. писатель 32
Горев М. публицист 201, 206, 209, 210
Городцов В. А. археолог 72, **94**
Горюнова Е. И. археолог 194
Готье Ю. В. историк 147, 245
Граменицкий М. И. врач 139, 289
Грачёв В. В. инспектор по делам искусств 226, **227**
Греков Б. Д. историк 245
Григорьев А. В. чиновник 155
Григорьев С. П. чиновник **161**
Громов Е. В. студент **112**
Груздев С. В. врач 257, 261
Губин Н. А. врач 127, **143**
Гусев М. И. зам председателя губисполкома **184**

Дамиан Воскресенский епископ ... 96, 97, 104
Даниил святой 71
Данилевский Н. Я. социолог ... 39, 63
Дарьин Н. П. завхоз ... **176**, 177, 178, 189
Деев-Хомяковский Г. Д. писатель 285, 286
Дейнега В. А. ботаник 98
Дементьев А. Ф. врач . **235**, 240, 248, 257, 260, 261
Дементьева З. А. учительница .. **235**, 236, 239–241, 244, 247, 248, 250, 252–254, 256, 257, 259, 270, 271, 282
Дервиз В. Д. директор музея **164**
Дилигенский А. А. священник **22**, **59**
Димитрий Прилуцкий святой 105
Димитров И. В. художник **193**
Дионисий епископ Суздальский .. 204

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Дмитриев уполномоченный ГПУ . 137
Дмитрий Донской великий князь 202, 204
Добров М. А. художник **193**
Добронравов В. Г. краевед 89
Долгов М. А. художник **180**
Долгорукий И. М. князь 192
Дорогутин Н. А. историк ... 148, **161**
Досифей игумен троицкий 202
Достоевский Ф. М. писатель 277
Драницын Н. И. библиотекарь **71**
Дубовской Н. Н. художник 84
Думнов В. В. издатель 23
Дюбюк А. Ф. метеоролог ... 150, 153, 164, 168, **174**, 190, 191
Дютель чиновник 274

Евдокимов А. А. КТО 139
Елагин Н. С. инспектор **190**
Елизавета соседка 244, 245, 259
Елов М. С. купец **71**
Елпатьевский С. Я. писатель **35**
Елховский В. Е. священник ... **85**, 87, 88, 92, 93, 97, 98, 106, 107, **111**, **112**, 119, 127, 150, 153, 160, 164, 168, 169, 174, 190–192, 196
Елховский С. Е. педагог 191
Елховский С. Е. учитель 127, 128
Епифаний Премудрый монах 202, 206
Ерёмин П. крестьянин 121
Ермолаев А. С. комиссар просвещения 79, 82
Ефимий сектант 189
Ефимов завхоз КТО 164, 168, 176, 177

Жданов А. А. политик 216–218
Жданов И. А. учитель .**126**, 127, 153, 164, **173**, 174
Жиров сторож КТО 106
Жуков Н. А. бухгалтер 216, **236**, 237, 246, **278**
Жуков Н. В. писатель 138, 139
Жукова Е. М. сватья автора **236**, 270, **278**, 282
Жукова Л. А. ботаник 236
Жукова Л. Н. КТО **236**, 242, 243
Жукова О. А. врач 239
Жуковский В. А. поэт 138
Жуковы КТО 243
Журавлёва (Повалишина) Е. Г. дворянка **83**
Журавлёвы помещики 79

Загорская А. И. КТО 21, **58**
Загорский А. И. дьячок ... **14**, **28**, 60
Загорский А. И. священник ... **17**, 28
Загорский В. А. священник **10**, 14
Загорский Е. В. священник ... **21**, 38, **43**, **58**
Загорский И. В. священник 14, **38**
Загорский М. В. учитель ..**16**, 17, 20, 21, **23**, 47, **56**, **57**, **60**
Загорский Н. И. священник ... **17**, 28
Загорский Ф. В. священник ... **35**, 37
Загоскин М. Н. писатель 30
Закс А. Я. педагог **145**, 147
Заозерский А. И. историк 245
Заплатин А. С. купец **73**
Звенигородский А. В. поэт **292**
Зиновий игумен троицкий ... 202, 210
Змиев Н. С. чиновник **178**
Знаменский А. Н. переславец **112**
Золотарёв А. А. писатель **172**
Золотарёв А. А. публицист **192**
Золотарёв Д. А. этнограф **172**
Зубов Н. Н. океанолог **133**, 135
Зусман бухгалтер 266

Иаков Пятницкий епископ Кишинёвский ..40, 47, 48, 62, 64
Ибсен Г. драматург 179
Иваненко Б. В. сотрудник музейного отдела НКП ... 192, 236, 247, 273
Иваненко Е. И. москвичка ...236, 247
Иванов А. И. историк ...**90**, 100, 104, 133, 162, 163, 186
Иванов Б. В. учитель **114**, 160
Иванов Д. А. историк 166
Иванов К. И. директор музея 233
Игнатьев Н. П. граф **69**
Иконников В. С. историк **68**, 70
Иловайский Д. И. историк 29, 218
Ильинский А. А. писатель ..258–260, 263, 264, 266, 268, 271, 275, 292
Ильинский П. В. священник ..**38**, **63**, **127**
Иосиф Волоцкий святой 210

Кабалов заведующий земельным отделом КТО 88

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Казанин М. Я. помощник надзирателя **67**
Камай А. Г. 190
Кардовская О. Л. художница . **78**, **86**, 90, 92, 112, 139
Кардовский Д. Н. художник . . **78**, **86**, **92**, 95, 116, 121, 123, 139, 179–181, 188, 262
Карпинский Ю. П. геолог 196
Карташевский Г. А. врач . . **83**, 90, 93, 96, **111**, **112**, 113, 116, 119, 126, 128, 142, 144, 169, 177
Кашин В. С. начальник агрослужбы **95**, **143**
Кизичев Н. М. историк **219**
Киприан митрополит 202, 204
Киров С. М. политик 216–218
Китицына Л. С. педагог, этнограф **240**, 244, 253, **258**, 259, 261, 262, 279, 286
Клабуновский И. Г. педагог **186**, **190**, **191**
Клевер Ю. Ю. художник 84
Клычков С. А. поэт 171, 188
Ключевский В. О. историк 48, 72
Кнапская Т. Н. сотрудница музея 207, 214, 216, 219, 222, 224
Козаченко А. И. историк 257
Колоколов Н. И. писатель 139
Кондаков чиновник 193
Конторин Д. А. секретарь исполкома 179, 181
Конюхов Г. И. зоотехник 128
Кордунский Ш. купец 69
Кордэ Н. В. гидробиолог 160, 180, 190
Коровин К. А. художник 94, 182
Королёв Н. А. библиотекарь 159, 163, 182
Костылёв А. И. агроном 114, 118
Кох чиновник 155
Кравец Т. П. историк 99
Красильников Ф. С. этнограф **136**
Красин Б. Б. композитор **126**
Криницын врач 233
Кромвель . . . . . → *Кронфельд А. С.*
Кронфельд А. С. психиатр 252
Крылов А. П. художник 262
Крылов И. А. баснописец 45
Крылов П. Н. художник **197**, 237, 272, 274, 282, 287
Крылова (Смирнова) С. М. дочь историка 73, 96, 162, 180, 239, 240, 242, 253, 258, 268, 277, 290
Кузнецов И. Н. председатель совета **77**
Купер Дж. Ф. писатель 30
Купреянов С. крестьянин 65
Курицын Ф. краевед 139
Курчевский Л. В. инженер **99**

Лавровская М. В. дочь священника **35**
Лавровский В. священник 35
Лажечников И. И. писатель 30
Лазаревский Л. И. редактор **256**, 257, 262
Лазаревский С. В. удельный чиновник **71**
Лапинский И. И. учитель **29**
Лапотников А. А. врач **111**
Лаптева секретарь суда 229
Ларин А. инспектор по делам искусств . . . 207, 212, 222–225
Ласточкин Д. А. гидробиолог . 98, 99, 128, 131, 160, 163, 180, 181, 189, 192
Лебедев И. А. библиотекарь . . . **30**, **61**
Лебедева М. П. фотограф 93
Левинсон Н. Р. искусствовед 196
Левинсон Н. Р. историк 193
Левицкий Д. Г. художник 192
Ленин В. И. политик . . 180, 181, 205, 217, 218
Ленинград город 190
Леонтьев К. Н. писатель 39, 63
Леонтьев Р. Б. . . . . → *Ливенсон Р. Б.*
Лермонтов М. Ю. поэт 45, 65
Лёзов П. С. инженер **161**
Лжедмитрий I самозванец 217
Лжедмитрий II самозванец 217
Либов домовладелец 69
Ливенсон Р. Б. владелец имения . . **88**
Лобода А. М. этнограф 147
Логинов А. И. анархист 119, 121
Логинов П. И. учитель 128, 144
Лохтин М. М. акцизный управляющий **69**
Лукьянов КТО секретарь уисполкома 153
Луначарский А. В. нарком просвещения **134**, 156
Лядов М. Н. чиновник 195
Ляпунов П. П. политик 87

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Ляпунова дворянка 78, 87

Магер-Паули В. Е. чиновник .. 84, 86
Майн Рид Т. писатель 30
Маковский В. Е. художник 84
Маковский К. Е. художник 84
Максим Грек святой 202
Малицкий Н. В. историк ... 133, 162, 163, 185, **191**
Малыгин А. И. художник 164
Мантейфель П. А. зоолог 219
Марк монах 15
Маркграф А. А. юрист **111**
Маркевич агроном 285
Маркеллов В. И. фотограф ...93, 139, 179
Марков И. Н. школьник **78**
Маркс К. экономист 205, 217
Марр Н. Я. лингвист ...156, **172**, 182
Марфа княжна Старицкая 218
Машкевич Е. О. художник **107**
Машковцев Н. Г. искусствовед **82**, 84, 101
Меженная чиновница 286
Мельжан К. И. москвичка ..243, 244, 246, **249**, 250, 253, 260, 262, 264, 279, 280
Мещерская С. А. княгиня **68**, 161
Мещерский В. П. князь **67**, 68, 77
Миллер П. Н. историк 260
Минин К. думный дворянин .248, 283
Митяй ..... → *Михаил-Митяй архимандрит*
Михаил князь Черниговский 14
Михаил Фёдорович царь 217
Михаил-Митяй архимандрит Спасский 202, 204
Михайлова помещица КТО 94
Михневич И. М. врач **78**
Мичурин И. В. биолог **176**
Мозжухин КТО ЗАГОРСК . 202, 207, 208, 212, 213, 224
Молочков С. И. колхозник 263
Мордвинова В. Н. заведующая музеем **173**
Морозов И. И. краевед 119, 139
Морозова М. К. купчиха 82
Мороховец Е. А. историк 245

Назаров А. Н. редактор 143
Нарышкин А. В. дворянин **87**
Нарышкины дворяне 160
Наум архимандрит Никитский ... 176
Невский Л. А. педагог 164
Нейштадт М. И. палеогеограф ...190, 192
Некрасов М. А. учитель **48**, **66**
Нерадовский П. И. художник **182**
Нефёдов Ф. Д. писатель 133
Николаев М. И. крестьянин .**149**, 167
Николай II царь 86
Никольский К. священник 158
Никон игумен троицкий 202, 210
Ниринг С. экономист 247
Новиков А. П. председатель колхоза 266, 269, 289, 292
Новожилов П. крестьянин 65

Овербек И. И. богослов 39
Овчинников старшина 257
Ольденбург С. Ф. востоковед **134**, 147, 148, 156, 164, **172**
Ончуков Н. Е. этнограф 172
Орлова Д. А. дьячиха **58**, 60
Осташков К. сотрудник музея 213
Остоженка улица 172
Острецов А. И. нотариус 95, **111**, 115, 119, 124, 128, 131, 151, **164**, 174
Островская Н. И. революционерка **84**
Островский А. Н. драматург 138
Ощипков И. Н. крестьянин **76**

Павел I царь 27
Павлов А. П. геолог 134
Павлов-Сильванский Н. Н. этнограф 165
Панафидин А. Я. издатель 23
Панов П. П. сотрудник музея 177, 178, 180, 193, 195
Панов Я. М. дворянин **56**
Панова соседка автора 235
Парфений Левицкий архимандрит 49, 50, 66
Пархоменко чиновник 292
Пахомий Серб монах 206
Первова Н. М. сотрудница музея 207, 224
Первухин Н. Г. историк **101**, 164, 165, **185**
Перелешин В. А. чиновник . 260, 264, 267, 268, 272–274
Переселенцева П. А. председатель сельсовета **267**, **292**

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Пескова А. М. кузина автора 244, 259, 266, **270**, 273, 274, 282, 284
Пескова Л. С. племянница автора 280, 282, 284, 287
Петров С. В. чиновник 282, 283
Петров Ф. Н. чиновник **193**, 195
Петров Ф. Ф. подполковник **68**
Петрова М. А. жена подполковника **68**
Петровичев П. И. художник 182
Петрушевский Д. М. историк 245
Пётр I царь 138
Пётр Дмитриевич дмитровский князь 204
Пилипенко Е. Н. украинка **67**
Пиотровский В. Ф. географ **160**, **180**, 181
Пиотровский И. О. чиновник **70**
Пичета В. И. историк 126, **132**
Платон (Левшин) митрополит Московский 27, 30, 61
Плеськов И. А. зав УОНО . 153, **155**, 156, 162, 163, 169, 173, 175
Победоносцев К. П. правовед .. 28, 34
Повалишин В. А. чиновник 256
Повалишин Г. Л. предводитель дворянства **83**
Повалишин Л. А. контр-адмирал .. **83**
Повалишина Е. Г. ..... → *Журавлёва*
Повалишины дворяне 160
Погодин С. С. историк 130
Подлипский Н. В. семинарист **38**
Подольская С. В. эвакуированная 257
Пожарова М. А. поэтесса 138
Покровский Б. И. учитель ... 139, 160
Покровский М. Н. историк . **130**, 134, 156, 209, 211, 216, 217
Понятовский И. И. поэт 138
Попова А. М. сотрудница музея . 201, 207, 213–215, 218, 219, 221, 224, 225, 227, 230
Попова (Смирнова) Ев. И. КТО 74
Поросятников Н. П. ямщик **194**
Поросятников ямщик 177
Поступальская М. И. писатель ... 233
Пришвин Л. М. журналист 158
Пришвин М. М. писатель .. **149**, 152, **154**, 157–159, 167, 171, 172, 183, 187, 188, 253, 262
Прокофьев партийный КТО .. 138, 139
Прохорова К. Ф. мещанка **60**
Птуха М. В. демограф 147
Пуляева К. А. медсестра **286**, 289
Пустоханов Н. А. архитектор 194
Пустыннов М. Г. секретарь укома **109**, **151**
Пущин И. И. декабрист **146**, 160
Пятницкий И. А. епископ **40**, **64**

Раделе поэт 286
Раевская КТО ЗАГОРСК ... 201, 207, 224
Рафаэль Санти художник 27
Рачинский С. А. педагог **39**
Ржевский Н. К. друг автора 244
Робустова чиновница КТО ... 160, 161
Рождественская соседка автора ... 246
Розов А. учитель 138
Романов К. А. акцизный надзиратель **50**
Романов Н. И. хранитель **84**
Романов П. Я. зав УОНО ... 102–104, 107, 140, 145
Романов секретарь исполкома КТО 177, 184, 185
Романовская-Розанова Н. П. учительница 145
Романовский А. П. писатель **112**, 114, 118, 119, 138, 139, **145**
Рубенс П. П. художник 27
Руденко делопроизводитель 51
Рудиев юрисконсульт 223
Руднев А. Б. писатель . **158**, 163, 171
Рузвельт Ф. Д. президент 236
Румянцев КТО ЗАГОРСК 223
Румянцева М. И. КТО **141**, 143
Рыбаков И. Я. председатель исполкома **100**, **102**, 103, 140, 162, **181**
Рыбаков чиновник 285
Рыбникова знакомая автора 283
Рыбникова М. А. литературовед . 151, 153
Рыковский Г. И. чиновник **70**
Рязановский Ф. А. архивист **133**

С. Полина неизвестная 235
Савельев П. С. археолог . 82, 148, 151
Савич КТО 98
Садовский А. Я. историк **71**, 74, **133**, 259, 283
Садовский Б. А. поэт ... 268, 271, 277
Самсонов Г. П. генерал **44**, 46, **65**
Самсонов П. Е. генерал **86**, 181

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Самсонова (Демидова) А. А.
генеральша **45**
Самсоновы дворяне 160
Сведомский П. А. художник 84
Свешников И. П. купец **82**, 84, 89
Свешников купец КТО 60
Свирелин А. И. протоиерей . . . **18**, 19, 57, 58
Святский Д. О. астроном . . **134**, **148**, 156, **159**, **163**, 164, 165, 169, 170, 172, **183**, **190**
Святухина Ел. И. → *Смирнова Ел. И.*
Себенцов Б. М. ихтиолог . . . 266, 273, 279, 283
Себенцова М. М. историк . . . **98**, 266, 279
Секретов студент 114
Селезнёв Ф. Я. директор музея . . **185**
Семён Гордый великий князь 209
Семёнов М. дьячок 56
Семёнов-Тян-Шанский В. П. географ 138, 148
Семёнова чиновница 169
Семирадский Г. И. художник 84
Сергеев И. Ф. купец **60**
Сергий Радонежский святой 288
биография 202–206, 209, 210
житие 205
изучение его . 201, 206, 208, 211, 223
культ 202
Сикорский В. Э. политик 247
Силин Е. И. искусствовед **98**
Симон архимандрит 205
Синебрюхов С. И. архивист 260
Скадовский С. Н. гидробиолог 98
Скобелев М. Д. генерал 16
Смелянский М. Я. инженер . 236, 243
Смирнов А. И. историк **133**
Смирнов Вас. И. этнограф
биография 57, 154, **157**
болезнь 186
конференция . . 101, 147, 148, 172
краеведная работа . 135, 159, 182
письма 241, 258
приезды его 233
семья 261
смерть 240
юбилей 164, **165**
Смирнов Вл. И. экономист 279, 281–288, 290–293
Смирнов Вс. М. инженер
биография 73, 120, 126, 160, 180, 244, 249, 250, 252, 253, 257
болезнь 180, 235–242, 244, 254–256
квартира 233, 255, 256, 260, 262, 264
могила . . 242, 243, 245, 253, 270, 278, 281
панихида 246
работа 238, 243
семья 244, 247, 291
Смирнов И. С. священник . 10, **11**, 12, 14, 15, 19–22, 25, 36, 43, 46, 48, 56–58, 65–67
Смирнов Н. С. математик 268
Смирнов С. И. дьякон 11, 16
Смирнов С. И. историк 15, 21, 22, 32, 48, 56–58, 67, 77, 154, 157
Смирнов С. С. гидробиолог . . 151, 268
Смирнова А. В. попадья . 9–11, 13–16, 20–22, 24, 36, 37, 47, 56–58, 65, 74
Смирнова Ел. И. сестра автора . . 244, 268
Смирнова З. Г. зубной врач 279
Смирнова (Загорская) А. В. КТО . . 11
Смирнова Н. Вик. бухгалтер **67**, **186**, **197**
биография . . 68, 69, 77, 161, 162, 234, 236, 241, 244, 246–252, 254, 255, 260, 261, 264, 265, 267–271, 273–280, 282, 286–290, 292
болезнь 73, 233, 244
болезнь сына 236–242
работа 96, 234, 252, 266, 268
семья 242, 247, 249, 252, 253, 257, 258, 277, 284, 291
характер 68
Смирнова Н. Вл. педагог 287, 288, 291
Смирнова Н. Н. редактор 233, 241–244, 247, 249, 250, 252, 253, 257, 261, 265, 277, 278, 281, 282
Смирнова О. В. геоботаник . 233, **236**, 244, 250, 252, 270, 273, 277, 278, 282, 291
Смирнова С. М. . . . . → *Крылова С. М.*
Смирнова С. М. художница 197
Смирнова Т. В. химик-технолог . . 259, 261, 286
Смирновы помещики КТО 94

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Снятиновский К. священник 79
Соболев Н. Н. искусствовед 180
Соколов Б. М. фольклорист **163**, 164, **165**, 172
Соколов В. В. председатель исполкома **77**, 78, 79, **113**
Соколов М. Г. художник 84
Соколов М. нижегородец 259
Соколов Н. А. художник 262, **282**
Соколов Н. И. почвовед **131**
Соколов П. журналист ..115, 116, 119
Соколов Ю. М. фольклорист **109**, 147, 150, 154, 171, 172, 284
Соловцев Н. Н. антрепренёр 67
Соловьёв директор издательства ..273
Соловьёв К. А. историк 164, 166
Соловьёв Н. И. КТО 138
Спиридов Г. А. адмирал 119
Спиридов М. М. декабрист . **146**, 149, 160, 170, 187
Спицын А. А. археолог 148, **159**, 166, **183**
Сталин И. В. политик 213, 214, 216–218
Стефан игумен маковский ...204, 205
Стрельцов Н. А. чиновник 228
Сук чиновник 94
Сум Н. Э. педагог . 117, 118, 126, 136
Сумин старик 154
Сыроечковский Б. Е. историк **146**

Табаровский Н. Г. камергер ... **44**, 58
Тальберг Н. Д. историк 72
Тараев чиновник 260
Татаринова А. В. княгиня **88**
Татищева В. В. княгиня **88**
Тейс С. В. ихтиолог ... **272**, 274, 275, 278, 285, 286
Терентьевы крестьяне 20, 58
Тихменевы дворяне 88
Тихомирова Е. С. учительница .. **128**, **140**
Тихонов КТО заведующий УОНО 178
Тихонравов К. Н. историк **9**
Товаров П. И. дьячок **9**
Товарова Е. И. крестьянка . 10, 39, 63
Товарова Т. М. крестьянка ..9, 14, 56
Толстой А. К. писатель 30
Толстой Л. Н. писатель ..49, 189, 277
Тришевский А. Н. историк .. 163, 164
Троицкий В. И. историк . **72**, **98**, **108**
Троцкая Н. И. заведующая Музейным отделом **83**, 153, 155, 180
Тюлин И. И. реставратор **170**

Уваров А. С. граф 82
Угрюмова Е. С. учительница **111**
Уиттимор Т. историк 194
Ульянов (Ленин) В. И. → *Ленин В. И.*
Ульянов (Ленин) В. И. политик ..180, 181
Успенский А. И. историк **72**
Успенский И. И. историк 72
Утин крестьянин 94, 120
Ушаков Д. А. историк . **101**, 102, 164, 166
Ушаков реставратор 227

Фадеева А. И. крестьянка **96**, **120**
Фарфоровский С. В. историк 125, 127, 144
Феноменов М. Я. этнограф . **163**, **172**
Феоктистов В. А. архитектор **95**, 119, **121**, 127, 144
Ферсман А. Е. геохимик **134**, 135, 148, 156, **172**
Фёдор архиепископ Ростовский ...204
Фёдоров А. надсмотрщик 67
Филарет (Дроздов) митрополит Московский 30
Филофей патриарх Константинопольский 205
Фирсенков И. М. друг автора 236, 237, 239
Флёров А. Ф. ботаник 138
фон Лоде А. Е. дворянин **161**
фон Лоде И. Л. американец **161**
Франк писатель 251
Фримен Дж. писатель 247

Халяпина народный заседатель ...229
Хандриков М. Ф. астроном **68**
Хахаев А. И. военачальник 79
Хворостинин И. А. князь **189**
Хвостов Д. И. граф 139
Хомяков А. С. философ 39, 63
Хотулёв А. П. художник **84**, **109**, 256
Храповицкий А. ректор духовной академии 49

Цветков М. П. инспектор училища **18**, 25, **57**, 58

Чагин П. И. журналист 284–288

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Чаянов А. В. экономист **158**
Червяков крестьянин 120
Черепнин Л. В. историк 262
Чернов С. Н. историк **134**
Черняев М. Г. генерал 16
Чертков М. И. генерал-губернатор **51**
Чижов А. священник 104, 105
Чижов С. А. помощник надзирателя **51**, **66**, 67
Чириков Г. О. реставратор .. **106**, 108
Чистов М. Е. агроном 178, 197

Шаляпин Ф. И. певец 94
Шаховская А. Д. геолог 164
Шейнман М. М. историк **234**
Шестаков А. В. историк 226
Шилль В. К. врач **79**
Шингарёв М. Н. врач . 239, **269**, 278, 282, 283
Ширский А. И. физик **99**
Шишкин И. И. художник 84
Шишов А. А. художник 109
Шишов А. Н. художник 109
Шляков Г. К. библиотекарь 166
Шмыгов Ф. Г. чиновник **178**
Шнеерсон А. А. директор музея .. 215
Шоболов Г. сторож 97
Шокальский Ю. М. географ **134**
Шпицберг И. А. редактор 156
Штокман Т. врач 179

Щепкина-Куперник Т. Л. писательница 139
Щипанов Б. С. сотрудник музея . 207, 224

Энгельс Ф. философ 217

Юон К. Ф. художник **109**, 182
Юрий Звенигородский князь 204
Юшкин Е. М. горный инженер ... 148

Яковлев А. И. историк 255–258, 262–264, 274, 276
Яковлев А. С. писатель **158**, 163, 167
Яковлев КТО ЗАГОРСК директор музея 201, 207, 208, 212–216, 218, 220–225, 227
Яковлева О. А. жена историка ... 262, 279
Якушкин Е. Е. внук декабриста . **146**, 160
Янсон М. А. биолог 123
Янченко Н. И. художник **109**
Янчук Н. А. этнограф ... **95**, 96, **123**, 127, **136**, 141
Ярилов А. А. почвовед 141, 143
Яхонтов С. Д. историк **133**

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Предметный указатель

162 медико-санитарный батальон 257, 261

агропункт 105
археологическая карта 195
архив
предводителя дворянства 83

беженцы 76
Белорусский вокзал 256
болото 190

винный склад 70
водопровод 196
Всероссийская выставка . . 49, 66, 106, 107

газета 90
Голос р. и к. депутатов 78
Голос труда 116, 119
Известия (Переславль) 113
Красная звезда 247
Переславец 78
Правда 241
галлюцинации 206, 210
геология Переславля 196
горсовет Переславский 196

дом Киселёвых 137
дом Корнева 77
Дом учёных 262
дом Шилля 79, 83, 85, 112

живая церковь 104
житие Сергия Радонежского 205
журнал
Антирелигиозник 234
Архивное дело 126
Атеист 156
Вестник Европы 30
Дела и дни 125, 126
Исторический архив 132
Книга и революция 122, 125
Краеведение 135
Культура 79
Наука и её работники . . 123, 135
Наше хозяйство 162
Педагогическая мысль . . 117, 122
Пролетарская революция 180
Русский вестник 30

Игнатьев С. К. агроном 190, 191
икона
Николы резная 175
Преображение 108, 171
Смоленской богоматери 16

Казанский вокзал 259
каменная баба берендеевская 178
карта болот 182
кладбище
Новодевичье 242, 268, 277
Пятницкое 260
Раменское 242, 245, 249, 253, 281
клуб демократический 111
клуб переславский 142, 174
конференция 190
владимирская 159, 162
краеведения . . . 99, 101, 133, 142, 154, 156
краеведения областная 128
московская 101
учительская . . 133, 137, 138, 144
коронационные торжества 49
корсунский крест 107
Куликовская битва 210, 288
курганы 94, 160, 181
курсы учителей 79, 131

манёвры 102
масленица . 13, 21, 24, 28, 35, 58, 120, 260
милиция переславская 77
монастырь, его функции 203
Мраморный дворец 182, 183

Народный дом 92, 136
неолитическая стоянка 109, 166

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

обряд
завивание колоса 120
похороны князя 96, 120
семик 120
общинножитие 203–205
Октябрьская революция 77
очереди за хлебом 235, 236, 238, 240–242, 244, 245, 248, 251, 264, 265

пасха 24, 35, 267
пенсия . . 220, 222, 229, 244, 247, 250, 252, 254, 276, 278
Первая мировая война 73
пленные 76
предводитель дворянства 83, 88
путеводитель 192
пьянство крестьян 161
пьянство священников 37
пьянство семинаристов 28, 34, 61

ректор Вифанской семинарии . 28, 32, 40, 41, 47, 49, 62, 64–66
ректор Московской духовной академии 49
рынок 278

славянофилы 39
совещание краеведное 159
союз пенсионеров научных работников 250, 256
стоянка неолитическая 159, 195
суд народный 228, 229
съезд
живой церкви 104
краеведный московский 102
краеведный ярославский 123
музейный владимирский 90
музейный ростовский 101
музейный рязанский 109, 110
музейный ярославский 185
советов в Переславле 175
учителей районный 96

татарское иго 204
типография переславская 196
топор кремнёвый 195

учителя 189, 190, 192

фотографирование 93, 160

художественный фонд 182

цензура 71, 137, 144, 196, 257
цены 240, 248, 249, 251, 261, 263, 264, 268, 271

Шаханов Н. П. историк 190, 191

эвакуация 236, 245, 251

юные натуралисты 158

Японская война 69

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Церковный указатель

Введенская церковь 105
Владимирский собор 95
Всехсвятская церковь 17, 18

Гефсимания церковь 26

Князь-Андреевская церковь 100

Михайло-Архангельский собор . . . 248

Никитская церковь 94
Никольская церковь (Горицкий) . . 105

Похвалы Богородицы церковь . 95, 104
Преображенская церковь (Вифания) 27

Пятницкая церковь 14

Спасо-Преображенский собор . 59, 66, 100, 108, 110, 158
Спасо-Преображенский собор (Нижний Новгород) 248

Тихвинская церковь 105
Троицкий собор 23
Троицкий собор (лавра) 222, 223

Успенский собор (лавра) 222, 223

Фёдоровский собор 189

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Указатель монастырей

Александро-Невская лавра 183
Алексеевская пустынь 105
Антониев Новгородский монастырь 205

Берендеевская пустынь 105
Боголюбская киновия 30

Вифанский монастырь 27, 34
Воскресенская пустынь 105

Гефсиманский скит 30
Горицкий монастырь ... 15, 25, 79, 85, 100, 103, 105, 106, 110, 154, 158, 163

Данилов монастырь 15, 17, 18, 23, 57, 59, 84, 89, 95, 96, 100, 104, 106, 121, 131, 142, 160, 163, 170, 171

Игрищенский монастырь 16

Киево-Печерская лавра 205

Маковский монастырь 205

Никитский монастырь 14, 56, 89, 100, 105, 106, 158, 163, 176, 178, 194
сад 177
Никольский монастырь .. 89, 100, 105, 108, 153, 176, 177
Новодевичий монастырь 277

Сольбинский монастырь 84, 87
Спасо-Ефимьевский монастырь ... 248

Троице-Сергиева лавра 14, 27, 30, 39, 62, 110, 151, 206, 209–211, 214, 216
тезисы по истории 202, 208, 220, 221, 223, 225, 226

Фёдоровский монастырь .. 15, 84, 100, 105, 108, 153, 160, 178, 182, 286

Хотьковский монастырь 205

Черниговский скит 30, 34

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Указатель организаций

«Academia» издательство 226

Академический центр . . 130, 131, 135, 142
Академия истории материальной культуры . . . 95, 121, 142, 148, 159, 194
Академия художественных наук . . 165
Ардатовское земство 74
Археографическая комиссия 182
архив
  Владимирский 91, 182, 185
  Главархив 91, 126, 132, 133
  древних актов 234
  Министерства иностранных дел 262
  Министерства юстиции . . 70, 74, 127
  переславские 91, 160
  Центрархив 99, 132, 146

библиотека
  александровская 132
  Архангельская публичная . . . 126
  Быкова 81
  демократического клуба 81
  имени Горького МГУ . . . 222, 223
  имени Ленина 222, 223
  Историческая 258
  Нижегородской архивной комиссии 71
  общественного собрания 81
  Публичная 68
  Публичная (РГБ) 174
  Публичная (РНБ) 182
больница
  Владимир 46
  Кагарлык 67
  Красково 239, 269
  Переславль 120
  Раменское 240, 241
  Талино 86

Вифанская духовная семинария . . 213, 215
Владимирская архивная комиссия . 70, 75
Владимирский архив 192
Владимирский губисполком . 163, 170
Владимирский исполком 84, 106, 181, 184
Владимирский музей 90, 91, 100, 102, 103, 145, 155, 160, 185
Владимирский суд 112
Владимирское научное общество . 191
Временный исполком (Переславль) 78
ВХУТЕМАС 162, 180, 197
Выскунский завод 75

Географический институт 142, 180
Гидрологический институт 145
Главлит 144
Главмузей . 95, 98–102, 104, 106, 108, 124
Главнаука 99, 102, 130, 133, 134, 146, 148, 149, 152, 153, 155, 156, 163–165, 177, 178, 187, 193, 195
Главрезина трест 98
Госплан 147–149, 157
Государственное антирелигиозное издательство 227
Государственное издательство 124
Государственные реставрационные мастерские 170
Государственный институт музыкальной науки 126
Государственный колонизационный институт 143
Гублит 196
Губплан 108, 163
Губпрос 152

Дмитровская опытная станция . . . 126
Дмитровский музей 166

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Загорский музей 201, 206–209, 211–217, 219–230
Загорский райком 214, 216, 218

издательство
братьев Салаевых 23
Гослитиздат .. 272, 274, 282–286, 288
Государственное 256, 264
Государственное антирелигиозное 233, 234, 252, 288
Детиздат 272, 274, 291
МОГИЗ .. 273, 275, 278, 288, 292
Политиздат 291
Ярославское областное 233
имени Крупской колхоз 267, 269
институт внешкольного образования 117
Институт истории АН 234, 245
Институт красной профессуры 214
Исторический музей 94, 146
Истринский музей 215

Казанская железная дорога 75
Касса взаимопомощи ... 259–261, 264, 267, 268, 272–277, 279, 281, 282, 284, 286–288, 290–293
Киевское акцизное управление . 66, 67
книжная лавка Быкова 11, 23
Коллегия по делам музеев . 79, 82, 84, 85, 87, 89, 90
коллегия по охране памятников 84, 85
Коломенское музей-усадьба .. 262, 263
комитет по охране памятников старины 97, 98
коммуна
Молот 88
Новая жизнь 87
Костромской музей 135, 165
Краснохолмское бюро по изучению местного края 126
Кулебакский завод 75

Лазаревский институт 259
лесной отдел 79
Литературный музей 258, 260

Марусинский сельсовет 267, 292
метеорологическая станция 89, 93
Министерство внутренних дел 71
Миргородский полк 67
Морской музей 182
Мосгороно 233
Московская духовная академия ... 30, 42, 48, 64
Московский археологический институт 72, 186
Московский городской собес 281–283, 285
Московский областной суд 229
Московский педагогический институт 281
Моссовет 260
Музей революции 219
музей центрально-промышленной области 166
Музейный отдел 155
Музейный совет 153
МХАТ театр 109, 151

Наркомвнудел 152
Наркомзем 97
Нижегородская архивная комиссия 71
Николаевский институт 59

общество
благоустройства Мызы 73
Географическое 134
естествознания при МГУ 98
изучения местного края, Ленинградское 165
любителей естествознания 93, 95, 166
любителей истории и древностей 93
любителей мироведения 126, 134
Московское археологическое .. 18
научное Бежецкое 142
научное Владимирское 126
научное Вологодское 123, 142
научное Ивановское 159
научное Костромское ... 111, 117, 135
научное Липецкое 142
научное Рыбинское 123
научное Череповецкое 123
Нестора летописца 67
Русское географическое 142
Ярославское естественно-историческое 123
«Огородный гигант» колхоз 264

Пезанпроб 79, 103, 104, 111, 112, 114, 116–119, 121–124, 126, 128, 131, 136, 138, 142, 147, 149,

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

150, 153, 158, 160, 163, 164, 168, 173, 174, 191, 195, 196
устав 111, 112, 142, 148
Переславская женская гимназия ..111
Переславский горсовет 193
Переславский исполком 82, 84, 85, 90, 95, 97, 100, 102, 103, 106–108, 115, 140, 146, 153, 163, 169, 170, 175, 177–179, 181
Переславский музей 79, 81, 84–86, 89, 93, 97, 102, 103, 107, 109, 137, 149, 171, 188, 215, 242, 286
библиотека ... 81, 89, 93–95, 154
ленинский уголок 181
отделы 94, 175
сад 176, 177
сотрудники 92
Переславский музей-заповедник . 189, 191, 192, 195
Переславский Совет 77–79, 113
Переславский совнархоз 114
Переславский уком 103, 115, 138, 139, 141, 151, 153, 155, 181, 185
Переславское духовное училище 16–18, 38, 56
библиотека 23
квартиры учеников 18
приготовительный класс 19
Петровская сельскохозяйственная академия 98
Пехорская фабрика 252, 266
профсоюз 155, 156, 163, 169, 170, 175

Ростовский музей 101, 166
Румянцевский музей 82, 84
Русский музей 182, 188
Русское географическое общество 197
Рыбинское научное общество 192
Рязанская архивная комиссия 68

Салаевых издательство 18
«Свобода» фабрика 180
Северная железная дорога 86, 87
семинария
Вифанская . 26, 28, 47, 48, 60, 66
библиотека 29, 61
плата 32, 61
Владимирская 10, 27, 28
Московская 31
Переславская 17
учебный курс 29, 33, 34, 62
Сергиев-Посадский музей 155
Синод 49
Совет воинствующих безбожников 191
Соцэкгиз издательство 226
Союз работников политпросветучреждений 212, 219–221, 224, 225
Союз северных обществ 123
«Союз учащихся» 78
суд Загорского района 229

типография Машистова 71
типография переславская ... 123, 124, 137, 151
Товарищество Переславской мануфактуры 94
Тотемский музей 126
«Труженик» колхоз 264

УОНО . 79, 83, 93, 102, 104, 111–113, 115, 117, 123, 128, 131, 137, 139, 140, 144–146, 155, 173, 178, 189
управление по делам искусств ... 208, 209, 211, 212, 222, 224, 226–229
упрос 169, 170

Центральная торфяная станция ...181
Центральное агрономическое управление 143
Центральное бюро краеведения ..101, 135, 138, 142, 146–150, 156, 159, 161, 163–165, 170, 172, 173, 182
Центральный музей народоведения 165

Шадринский музей 172
школа
№ 3 .....85, 89
Брембола 44
Вифанская 48, 65
Красное 44

Яковлевский институт 21
Ярославский музей 156

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Указатель цитируемых авторов

Андреев А. И. 126
Анциферов Н. П. 188

Вебер В. 109
Волков В. 213, 214

Гончаров И. А. 39
Губин Н. А. 127

Игнатьев С. Н. 191
Илов 117

Клабуновский И. Г. 191
Ключевский В. О. 72

Ласточкин Д. А. 99

Малицкий Н. В. 190, 193
Младшая 115

Овербек И. И. 39
Ончуков Н. Е. 172

Пичета В. И. 126
Плишкин П. 38, 63
Пришвин М. М. 158, 187

Ренан Ж. Э. 33

Савельев-Ростиславич Н. В. . . . 39, 63
Самсонов Г. П. 45
Сибирцев Н. М. 88
Смирнов М. И. . 63, 67, 68, 71, 72, 91, 96, 108, 113, 114, 125, 127, 137, 141, 147–149, 174, 179, 181, 195, 234
Смирнова Т. В. 164
Спицын А. А. 172, 197
Сум Н. Э. 117, 136

Тихонравов К. Н. 9, 39, 63
Тихонравов М. К. 117

Урусов С. Д. 47, 64
Устрялов Н. Г. 23

Фарфоровский С. В. 125, 127
Феоктистов В. А. 121, 127

Цейтлин А. 109

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Хронологический указатель

1304, 8 июня Основан Фёдоровский монастырь 105
1350 Основан Никольский монастырь 105
1365 Сергий Радонежский отлучает от церкви Нижний Новгород 203
1374 Сергий Радонежский крестит княжича Юрия 204
1380, 18 августа Дмитрий Донской посещает Сергия Радонежского 204
1385 Сергий Радонежский крестит княжича Петра 204
1385, ноябрь Заключён мир Москвы с Рязанью 203
1389 Умер Дмитрий Донской 204

1446 Сергиева лавра выступает против Василия II 202

1508, 15 июня Основан Данилов монастырь 104

1612 Большая Брембола отдана в поместье казакам 24

1753 Открылась Переславская семинария 17
1788 Закрылась Переславская семинария 17
1797, 1 мая Учреждена Вифанская семинария 66

1803 Открылся музей в усадьбе Ботик 89
1830 Родился протоиерей А. И. Свирелин 19
1864 Заведён сад в Никитском монастыре 176
1866 А. И. Свирелин смотритель Переславского духовного училища 19
1868, 15 сентября Родился М. И. Смирнов 11
1869 Родился А. А. Ганшин 180
1878, сентябрь М. И. Смирнов поступил в духовное училище 56
1878, октябрь Сгорел дом Смирновых в Большой Бремболе 19, 58
1879 А. И. Свирелин стал протоиерем 19
1883 Духовное училище заняло Горицкий монастырь 25
1883 М. И. Смирнов окончил духовное училище 60
1885 М. И. Смирнов записывает песни в Большой Бремболе 39
1886 Умер И. С. Аксаков 62
1889, 20 сентября М. И. Смирнов учитель в селе Давыдовское 43
1890, сентябрь М. И. Смирнов поступил учителем в селе Красное 65
1892, февраль М. И. Смирнов перешёл учителем в школу в Вифании 65
1894 В. И. Ленин посетил усадьбу Горки 180
1894 Ремонт Спасо-Преображенского собора 66
1896, июль М. И. Смирнов служит рабочим в Киеве 66
1896, 31 декабря М. И. Смирнов уволился из школы в Вифании 66
1897 М. И. Смирнов собирает материалы по Вифанской семинарии 66
1897, 1 января М. И. Смирнов контролёр Киевского акцизного управления . 50, 66
1898 М. И. Смирнов заболел брюшным тифом 67

1901, 11 апреля М. И. Смирнов объясняется с будущей женой 68
1902, 7 января Свадьба М. И. Смирнова и Н. В. Мещерской 68

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

1904, 21 июля М. И. Смирнов помощник акцизного надзирателя 69
1905, октябрь Забастовки на винном складе в Нижнем Новгороде 70
1905, 1 октября М. И. Смирнов переведён в Нижний Новгород 69
1906, 7 сентября Умер протоиерей А. И. Свирелин 19
1908 М. И. Смирнов действительный член ВУАК 70

1910, 19 июля Родился Вс. М. Смирнов 253
1911, 4 декабря М. И. Смирнов слушатель Археологического института 72
1914, 23 января Утверждён устав Общества благоустройства Мызы 73
1914, 22 февраля Учредительное собрание Общества благоустройства Мызы ... 73
1914, 4 марта М. И. Смирнов окончил Археологический институт 72
1914, 11 ноября Умерла А. В. Смирнова 74
1914, 26 ноября Умерла Ев. И. Попова (Смирнова) 74
1915, 15 мая М. И. Смирнов служит в селе Личадеево 74
1915, 29 ноября М. И. Смирнов пожизненный член ВУАК 71
1916, 4 июля Умер С. И. Смирнов 77
1917, 4 января Умер В. П. Мещерский 77
1917, 27 февраля Вооружённое восстание в Петрограде 76
1917, 1 ноября М. И. Смирнов служит начальником переславской милиции 79
1917, 27 декабря Первое публичное заседание Переславского совета 77
1918, март Закрыта Переславская земская управа 78
1918, 1 апреля М. И. Смирнов оставляет работу в милиции 79
1918, 6 апреля Застрелен священник К. Снятиновский 79
1918, 2 июня М. И. Смирнов заведующий Переславским музеем 81
1918, июль М. И. Смирнов делает пробу солёной воды в Усолье 91
1918, 2 июля М. И. Смирнов поступает на службу в уОНО 111
1918, август М. И. Смирнов едет во Владимир по топливным делам 82
1918, 24 августа М. И. Смирнов посылает устав Пезанпроба в губОНО 112
1918, 18 октября М. И. Смирнов посещает Коллегию по делам музеев 82
1918, 30 октября В музей поступили вещи из села Семендяйки 83
1918, 17 декабря Назначена Коллегия по охране памятников в Переславле 84
1919 В. Е. Елховский ушёл на военную службу 92
1919, 17 января М. И. Смирнов переходит на службу в Переславский музей ... 85
1919, 31 января Горицкий монастырь передан Переславскому музею 85
1919, 2 февраля М. И. Смирнов посещает Бектышево 86
1919, 15 февраля Пезанпроб зарегистрирован 112
1919, 30 марта Пезанпроб, первое собрание из 12 человек 79, 112
1919, 1 мая 3-я советская школа покинула Горицкий монастырь 89
1919, 28 мая Переславский музей открыт для посетителей 79, 89
1919, 26 июня Закрыта переславская газета «Известия» 114
1919, 8 июля Музейный съезд во Владимире 90
1919, 1 декабря Д. Н. Кардовский поступил в Переславский музей 92

1920 Бурение в Усолье 92
1920 Д. Н. Кардовский оставил Переславский музей 92
1920, 14 мая М. И. Смирнов посещает Романово 119
1920, 6 июня М. И. Смирнов посещает Красное 120
1920, 30 июля М. И. Смирнов посещает Спасское 120
1920, 31 июля М. И. Смирнов посещает Рождествино и Никулинку 120
1920, 10 августа М. И. Смирнов посещает Ивановское 120
1920, 11 августа М. И. Смирнов посещает Филипповское 120
1920, 12 августа М. И. Смирнов посещает Дубровицы 120

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

1920, 19 августа М. И. Смирнов посещает Чашницы и Красное 120
1920, 27 августа Съезд краеведов в Ярославле 123
1920, 5 сентября М. И. Смирнов в больнице 120
1920, 11 сентября М. И. Смирнов посещает Бектышево 120
1920, 12 сентября М. И. Смирнов посещает Поварово 120
1920, 27 сентября М. И. Смирнов посещает Плечево 120
1921 В. Е. Елховский вернулся из армии 97
1921, 26 января Пезанпроб, годовое собрание 124
1921, 20 мая Конференция краеведов ПЗ, Александрова и Киржача 128
1921, 16 июня М. И. Смирнов посещает Купань 126
1921, 17 июня М. И. Смирнов посещает Гора-Новосёлку 126
1921, 23 июня Пезанпроб принят в ведение Акцентра 131
1921, 3 июля М. И. Смирнов посещает Пожарское 126
1921, 4 июля М. И. Смирнов посещает Борисовское 126
1921, 16 августа М. И. Смирнов читает лекции для учителей ПЗ 131
1921, 7 сентября М. И. Смирнов читает лекции для учителей Александрова .. 132
1921, 18 сентября М. И. Смирнов на конференции учителей в Александрове .. 132
1921, 29 сентября Всероссийская конференция архивных деятелей 99
1921, 29 сентября М. И. Смирнов на съезде Центрархива в Москве 133
1921, 16 ноября Главнаука приглашает М. И. Смирнова на краеведный съезд . 133
1921, 21 ноября М. И. Смирнов посещает Ведомшу, Шепелево, Вишняково, Никола-Кижилу 127
1921, 1 декабря Закрыта естественно-историческая лаборатория в музее 93
1921, 5 декабря М. И. Смирнов на краеведном съезде в Москве 133
1921, 12 декабря I Всероссийская краеведческая конференция 99
1921, 15 декабря М. И. Смирнов посещает Чернецкое 127
1922, 25 января Пезанпроб, годичное собрание 136
1922, 3 марта М. И. Смирнов подписал издательское соглашение с УОНО 137
1922, 5 июня Конференция краеведов ПЗ, Александрова и Киржача 138
1922, 27 июня Пожар в Никольской церкви Горицкого монастыря 105
1922, 17 сентября Музейный съезд в Ростове 101
1922, 5 октября Пезанпроб, утверждение устава 142
1922, 6 октября Начала работу школьная педагогическая секция 140
1922, 7 ноября Краеведный вечер в музее 140
1923, 21 января Пезанпроб, годичное собрание 142
1923, 28 января Сорвало крышу Горицких ворот 105
1923, 5 февраля Последняя служба в Даниловом монастыре 104
1923, 16 февраля Закрыт Никитский монастырь 105
1923, 22 февраля Закрыт Никольский монастырь 105
1923, 28 февраля М. И. Смирнов доложил в ЦБК о деятельности Пезанпроба 146
1923, 27 марта М. И. Смирнов на 4 сессии ЦБК 147
1923, 5 апреля Данилов монастырь передан музейному отделу 106
1923, 10 апреля Горицкий монастырь передан музейному отделу 105, 106
1923, 25 мая Никитский монастырь передан музейному отделу 106
1923, 24 июня Закрыта артель Фёдоровского монастыря 106
1923, сентябрь Пезанпроб высылает устав на регистрацию 148
1924, 10 января М. И. Смирнов во Владимире на конференции 148
1924, 15 января М. И. Смирнов в Петрограде на 5 сессии ЦБК 148
1924, 2 февраля М. И. Смирнов в Москве на конференции Госплана 149
1924, 4 февраля Пезанпроб, регистрация устава в Главнауке 149
1924, 21 февраля М. И. Смирнов на съезде заведующих избами-читальнями . 149
1924, 6 марта М. И. Смирнов читает доклад о раскопках Савельева 151

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

1924, 30 марта Годичное собрание и пятилетний юбилей Пезанпроба 150
1924, 13 апреля М. И. Смирнов читает доклад о духовных феодалах 151
1924, 14 мая Пезанпроб получает хвалебный отзыв от ЦБК 150
1924, 5 августа М. И. Смирнов едет в экспедицию по Вёксе 109
1924, 9 августа М. И. Смирнов едет в экспедицию по Нерли 109
1924, 22 августа М. И. Смирнов посещает север Переславского уезда 110
1924, 29 августа М. И. Смирнов читает доклад о стоянке Польцо 151
1924, сентябрь Ремонт Переславского музея 110
1924, 28 сентября Музейный съезд в Рязани 109, 110
1924, 26 октября М. И. Смирнов читает доклад о владениях Сергиевой лавры 151
1924, 30 октября М. И. Смирнов во Владимире 152
1924, 30 ноября Геммельман согласился работать в музее 154
1924, 9 декабря Началась 2 всесоюзная конференция краеведения 156
1924, 14 декабря Закончилась 2 всесоюзная конференция краеведения 156
1925 Умер протоиерей А. А. Дилигенский 59
1925, 16 февраля Пришвин приехал в Переславль один 157
1925, 1 апреля Пришвин приехал в Переславль с семьёй 157
1925, 28 мая М. И. Смирнов в Костроме на краеведном совещании 159
1925, 17 июля Археолог Спицын в Переславле у Смирнова 159
1925, август М. И. Смирнов в экспедициях по уезду 160
1925, 22 августа Открыта неолитическая стоянка на Большой Песошнице 166
1925, сентябрь Переславские архивы увезены во Владимир 160
1925, 1 ноября 2-я краеведная конференция во Владимире 162
1925, 29 ноября Праздник юбилея краеведной работы М. И. Смирнова 163
1925, 16 декабря В Данилове монастыре открыта реставрационная мастерская 170
1926, январь XV съезд советов в Переславле 175
1926, 10 января Сессия Центрального бюро краеведения 172
1926, 13 февраля М. И. Смирнов слагает председательство в Пезанпроб 174
1926, 30 апреля Заложен сад в Переславском музее 176
1926, 24 мая М. И. Смирнов посещает Берендеев городок 177
1926, 26 мая М. И. Смирнов посещает Берендеево болото 178
1926, 7 июля Смирнов, Кардовский, Маркеллов посещают усадьбу Ганшиных. 179
1926, 12 августа На Ботике открыта географическая станция МГУ 181
1926, 29 августа В Переславском музее открыт ленинский уголок 181
1926, 5 октября М. И. Смирнов в Москве и Владимире в архивах 182
1926, 20 октября М. И. Смирнов в Ленинграде на дежурстве в ЦБК 182
1926, 14 ноября М. И. Смирнов выезжает из Ленинграда 183
1926, 11 декабря Областной музейный съезд в Ярославле 185
1927, 26 июня Крымское землетрясение 186

1939, 16 мая В. И. Смирнов навещает своего брата М. И. Смирнова 233
1939, 20 ноября В. И. Смирнов навещает своего брата М. И. Смирнова 233

1940, март М. И. Смирнов пишет отзыв на книгу К. И. Иванова 233
1940, июль М. И. Смирнов пишет отзыв на книгу К. И. Иванова 233
1940, сентябрь М. И. Смирнов пишет отзыв на книгу М. Поступальской 233

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Не отысканные работы

что	откуда	подозрения
статья о Старом соборе	2-kak.t	газета "Паломник"
проповедь «О послушании»	04-poriadok.t	
статья про рубль	2-kak.t	у Ивана Успенского
отповедь в Наркомзем	03-muzei.t	архив НКЗ
обязательное постановление о природе	03-muzei.t	РФ ГАЯО
записка в исполком о переезде музея	03-muzei.t	РФ ГАЯО
записка о музее и УОНО	03-muzei.t	ГАВО
рукопись о Николае Мирликийском	smi-borodin1947.t	ГАЯО Р-913
из «Антирелигиозника» номер 7	дневник 25 6 41	
Братья Покропаевы	дневник 5 03 42	
О Данииле Заточнике	дневник 5 03 42	
О Сусанине план	дневник февр 42	
О Скобелеве план	дневник февр 42	
Под властью хана	дневник 9 07 42	
Краеведная беллетристика	заметки 1926	Ник. Пав. Анциферов
Рецензия на Поступальскую	1-1941pre.t	
письмо ЛС Богданову	дневник 25 02 42	
письмо АИ Яковлеву	дневник 1 01 42	
письма Пришвину	заметки 1926	
письма в Архангельск ЛС Китицыной	дневник 28 07 42	
письмо из Черкизова к Бородиным	smi-borodin1947.t	
письма в Исторический музей	3-muzei.tex	Вас. Андр. Городцов
письма ДО Святскому	smi-svi-1937-01-17	

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Оглавление

От редакции 5

Хроника моей жизни

Золотое время 9
Традиционная стезя 17
Семинарский курс 27
Своей дорогой 43

Воспоминания

Как я стал краеведом? 56
На службе родному краю. Музей 81
На службе родному краю. Пезанпроб 111
Воспоминания и заметки 153

Загорские бумаги

Загорские бумаги 201

Военный дневник

Заметки 233
Дневник 1941 года 234
Дневник 1942 года 255

Указатели

Географический указатель 297
Именной указатель 301
Предметный указатель 310
Церковный указатель 312
Указатель монастырей 313
Указатель организаций 314
Указатель цитируемых авторов 317
Хронологический указатель 318

Не отысканные работы 322

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ

Научно-популярное издание

Смирнов Михаил Иванович

Собрание сочинений
Том 20
Воспоминания

Редактор А. Ю. Фоменко.

Книга подготовлена в программе pdfLaTeX.
Формат 21×29,7/1. Гарнитура литературная.
Усл. печ. л. 37,42. Уч.-изд. л. □ .

Переславская Краеведческая Инициатива.
111401, Россия, Москва,
2 Владимирская улица, дом 26, корпус 1.
Телефон (906) 713-62-16.

Размещено в интернете на сайте
http://pki.botik.ru.

ЧЕРНОВИК Т В СМИРНОВОЙ